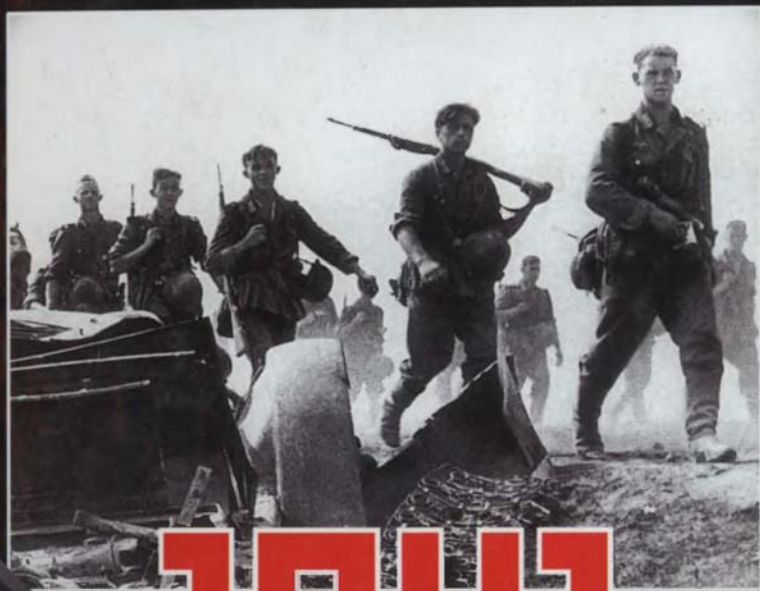

ВОЙНА И МЫ

ВАЛЕНТИН РУНОВ

1941

ПОБЕДНЫЙ
ПАРАД ГИТЛЕРА

ПРАВДА ОБ
УМАНСКОМ ПОБОИЩЕ

ПОБЕДНЫЙ ПАРАД ГИТЛЕРА
ПРАВДА ОБ УМАНСКОМ ПОБОИЩЕ

1941

ВАЛЕНТИН
РУНОВ

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Валентин Рунов

1941
ПОБЕДНЫЙ
ПАРАД ГИТЛЕРА

ПРАВДА ОБ
УМАНСКОМ ПОБОИЩЕ

МОСКВА

«ЯУЗА»

«ЭКСМО»

2010

УДК 355/359
ББК 68
Р 86

Оформление серии *П. Волкова*

Рунов В. А.

Р 86 1941. Победный парад Гитлера. Правда об Уманском побоище / Валентин Рунов. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 416 с. — (Война и мы).

ISBN 978-5-699-42582-2

В августе 1941 года Гитлер вместе с Муссолини прилетел на Восточный фронт, чтобы лично принять победный парад Вермахта и его итальянских союзников — настолько высоко фюрер оценивал их успех на Украине, в районе Умани.

У нас эта трагедия фактически предана забвению. Об этом разгроме молчали его главные виновники — Жуков, Буденный, Василевский, Баграмян. Это побоище стало прологом Киевской катастрофы. Сокрушительное поражение Красной Армии под Уманью (июль—август 1941 г.) и гибель в Уманском «котле» трех наших армий (более 30 дивизий) не имеют оправданий — в отличие от катастрофы Западного фронта, этот разгром невозможно объяснить ни внезапностью вражеского удара, ни превосходством противника в силах. После войны всю вину за Уманскую трагедию попытались переложить на командующего 12-й армией генерала Понеделина, который был осужден и расстрелян (в 1950 году, через пять лет после возвращения из плена!) по обвинению в паникерстве, трусости и нарушении присяги.

Новая книга ведущего военного историка впервые анализирует Уманскую катастрофу на современном уровне, с привлечением архивных источников — как советских, так и немецких, — не замалчивая ни страшные подробности трагедии, ни имена ее главных виновников. Это — долг памяти всех бойцов и командиров Красной Армии, павших смертью храбрых в Уманском «котле», но задержавших врага на несколько недель. Именно этих недель немцам потом не хватило под Москвой.

**УДК 355/359
ББК 68**

ISBN 978-5-699-42582-2

© Рунов В.А., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ВВЕДЕНИЕ

События начального периода Великой Отечественной войны по своей значимости и трагичности практически не имеют аналогов в отечественной военной истории. Летом в течение нескольких месяцев фашистским войскам удалось взломать хорошо готовившуюся оборону советских войск и, продвинувшись на восток на сотни километров, выйти к Днепру. Были разгромлены не только войска практически всех армий прикрытия государственной границы, но и значительная часть соединений и частей фронтовых резервов. Советские войска лишились более 60 процентов своей авиации и около 70 процентов танков. В ходе первых оборонительных боев были уничтожены лучшие кадры РККА, а также сотни тысяч людей, призванных из запаса, и мирных жителей, врагу достались огромные войсковые материальные запасы, промышленные производства, необрушенные хлебные поля...

В первое время после окончания Великой Отечественной войны события, связанные с разгромом советских войск на Украине в районе Умани в конце июля — начале августа 1941 года, в советской литературе не афишировались. Только хрущевская «оттепель», начавшаяся после 1956 года, несколько приоткрыла завесу секретности. Но и тогда на пути исторической правды стоял достаточно плотный занавес советской партийной цензуры.

В 1961 году кафедрой истории военного искусства Военной академии имени М.В. Фрунзе разрабатывается под грифом «Для служебного пользования» учебник «История военного искусства» в трех книгах. Второй том был посвящен военному искусству в первом и втором периодах Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1943 гг.). В том томе, общим объемом 496 страниц, описанию боевых действий 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта в конце июля — начале августа 1941 года посвящено не более одной страницы.

Первым эту тему поднял К.И. Хизенко в книге «Ожившие страницы», изданной в 1963 году. Ценность этой книги заключается в том, что в ее основу положен дневник автора, который он вел во время описываемых событий, с 18 июня по 9 августа 1941 года. Недостаток — сравнительно невысокий ранг автора-политработника (И.А. Хизенко закончил войну в звании майора) и описание событий только в рамках одной 80-й стрелковой дивизии 37-го стрелкового корпуса 6-й армии.

Затем события, произошедшие под Уманью, описал исследователь М.Д. Грецов в своей книге «На юго-западном направлении», изданной ограниченным тиражом в 1965 году под грифом «Для служебного пользования». Вполне понятно, что эту книгу мало кто видел. Кроме того, автор в своем повествовании нередко, ради изложения одних событий, недостаточно полно говорил о других. Несмотря на это, книгу М.Д. Грецова по праву следует считать лучшим документальным трудом, сохранявшим свою значимость десятилетия.

В известной книге Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления», изданной в 1969 году, события, случившиеся под Уманью летом 1941 года, упоминаются вскользь. Как видно, для начальника Генерального штаба потеря нескольких армий летом 1941 года была не существенной.

В книге А.М. Василевского «Дело всей жизни» (заместитель начальника, с 1 августа 1941 года — начальник

Оперативного управления Генерального штаба) этим событиям посвящено всего несколько строк. Об уманской трагедии ни слова не пишет С.М. Штеменко, который летом 1941 года не только работал в Оперативном управлении Генерального штаба, но трудился непосредственно в Юго-Западном отделе этого управления. Главкомандующий Юго-Западным стратегическим направлением Маршал Советского Союза С.М. Буденный также не пожелал оставить свои воспоминания о трагедии, постигшей подчиненные ему армии под Уманью летом 1941 года.

Это реакция высшего стратегического руководства РККА. Опускаемся на оперативный уровень (фронт — армия).

Командующий Юго-Западным фронтом генерал М.П. Кирпонос и начальник штаба фронта (с 29 июля 1941 года) генерал В.И. Тупиков погибли в сентябре 1941 года. Начальник штаба фронта с начала войны до 28 июля генерал М.А. Пуркаев воспоминаний не оставил. Вполне понятно, что ничего не написал переживший войну в плену и расстрелянный по приговору Верховного суда СССР в 1950 году бывший командующий 12-й армией генерал П.Г. Понеделин. Отмолчался и бывший командующий 6-й армией генерал И.Н. Музыченко, который, после освобождения из плена и специальной проверки органами НКВД, в 1946-м был восстановлен в кадрах РККА, а после отставки в 1947 году благополучно прожил еще 24 года. Бывший начальник Оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта И.Х. Баграмян (в последующем Маршал Советского Союза) в своей книге «Так начиналась война», изданной в 1971 году, также практически «тактично» уходит в сторону от этой проблемы. Другие авторы от исследования данной темы также долгое время сознательно уклонялись.

О трагедии, случившейся под Уманью, написал К.И. Чернявский в книге «Всегда с бойцами», изданной в 1979 году. Правда, эта книга, написанная политра-

ботником, целиком посвящена пропаганде мужества советских бойцов и командиров и не рассматривает оперативно-тактические вопросы.

В 1983 году была издана, а в 1985 году, к 40-летию Победы, переиздана книга известного советского поэта Е.А. Долматовского «Зеленая брама». В ней автор сугубо в советском патриотическом духе описал события, происходившие в июле-августе 1941 года в районе юго-восточнее Умани, непосредственным участником которых он являлся. Но Евгений Аронович работал в войсках в качестве фронтового журналиста, воинское звание имел невысокое, оперативной информацией не обладал, а знаний оперативного масштаба не имел вовсе. В связи с этим все происходившие события он воспринимал с позиции младшего офицера-политработника, а излагал их в соответствии с политическим заказом. При этом необходимо признать, что книга Е.А. Долматовского стала лучшей памятью для всего советского народа об уманских событиях лета 1941 года.

После выхода в свет книги Е.А. Долматовского более четверти века трагедия, произошедшая под Уманью в июле-августе 1941 года, оставалась вне поля зрения отечественных исследователей и писателей. Вначале на СССР, а затем на Российскую Федерацию и молодое независимое украинское государство обрушились смутные времена, которые на повестку дня выдвинули совсем другие ценности.

Поразительно, но даже в настоящее время этому вопросу уделяется недостаточное внимание. Так, в 2008 году вышла в свет книга А.В. Исаева «Пять кругов ада. Красная Армия в котлах». В ней автор повествует о крупнейших окружениях советских войск фашистами в 1941 году, но при этом ни слова не говорит о трагедии, случившейся с войсками 6-й и 12-й армий под Уманью.

В то же время события, происходившие в районе Умани в конце июля — начале августа 1941 года, не остались в стороне от внимания зарубежных исследова-

телей и авторов. В 1955 году в Гайдельберге (ФРГ) была издана книга Ганса Штеца «Горные егеря под Уманью», в которой он в хронологической последовательности описывает события глазами участника с другой стороны. В 1959 году выходит в свет книга Оскара Мюнцеля «Танковая тактика», глава пятая которой посвящена вопросам использования танковых войск Германии в районе Умани. К сожалению, обе эти книги не переводились на русский язык и поэтому ограниченно доступны для отечественных исследователей.

В 1971 году Воениздатом был издан трехтомный «Военный дневник» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, в котором, начиная с 113-й страницы и кончая 240-й, в той или иной степени рассматриваются события, происходившие в районе Умани во второй половине июля — начале августа 1941 года.

Архивная база для исследования событий, произошедших в районе Умани в конце июля — начале августа 1941 года, также достаточно ограничена. В Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (бывший ЦАМО СССР) содержится ограниченное количество документов, связанных с действиями советских войск в районе Умани летом 1941 года. Однако эта документальная база далеко не полная. Следует учитывать тот факт, что большинство документов штабов 6-й и 12-й армий в результате окружения и гибели их войск в районе Умани были утеряны. Остаются более ранние документы и документы Юго-Западного и Южного фронтов. При этом часть документов Юго-Западного фронта, разгромленного в районе Киева в сентябре 1941 года, также была утеряна.

Таким образом, история крупнейшей военной неудачи Красной Армии в районе Умани, имевшей место в конце июля — начале августа 1941 года, по настоящее время остается одним из «белых» пятен в истории Великой Отечественной войны. В Уманском краеведче-

ском музее этим событиям посвящен небольшой стенд, школьный музей в селе Подвысоком, в месте окружения, героического сражения и гибели советских войск, властями новой «незалежной» Украины уничтожен. Погасли «вечные» огни над могилами павших советских воинов, уничтожены многие памятники, возведенные на местах сражений. Районы былых боев старательно перекопаны «черными» копателями в поисках всего, что можно продать и на чем можно заработать...

Конечно, в связи с гибелью штабов армий документальная база исследования довольно скудная. К тому же она сужалась еще и искусственным путем. Во всех источниках, отражающих трагические события под Уманью летом 1941 года, речь идет о войсках 6-й и 12-й армий. Но куда делись войска 26-й армии Юго-Западного фронта, которые в начале войны располагались между этими армиями? Известно, что в июле управление 26-й армии было переброшено в район южнее Киева, где начало формироваться новое объединение. Куда же девались входившие в состав 26-й армии первого формирования 99-я стрелковая, 72-я и 173-я горнострелковые дивизии, части корпусного и армейского подчинения? Ответ — нигде! Эти войска также отступали совместно с войсками 6-й и 12-й армий и нашли свою гибель под Уманью.

Следовательно, говоря о трагедии, произошедшей под Уманью в конце июля — начале августа 1941 года, мы должны говорить о разгроме в том районе управлений двух армий и войск трех армий, а также ряда соединений из состава фронтовых резервов. Данный факт еще больше увеличивает масштабы рассматриваемых событий и усиливает их историческую значимость.

* * *

За данную тему я взялся не случайно.

Я родился в Умани в 1951 году и провел в этом городе детские и юношеские годы. Я бывал на местах боев, ви-

дел осыпавшиеся от времени окопы, находил тронутое ржавчиной оружие и другие свидетельства не так давно закончившейся Великой Отечественной войны, принимал участие в перезахоронении останков советских воинов, открытии обелисков над их могилами.

В те годы в Умань часто приезжали чудом уцелевшие солдаты и офицеры группы генерала П.Г. Понеделина, которые обязательно выступали на митингах и в школах, подробно рассказывая о событиях лета 1941 года. Многие мои родственники по материнской линии были выходцами из сел Уманского района и лично пережили все, происходившее в годы Великой Отечественной войны в той местности.

Мой отец 22 июня 1941 года встретил под Тернополем, с боями в составе своего подразделения отступал до Киева, затем оборонял этот город, в числе немногих вырвался из окружения. Позже он испытал все ужасы боев под Харьковом и под Сталинградом, несколько раз был ранен. Но всякий раз, вспоминая войну, он непременно задавал одни и те же вопросы: «Как могло случиться так, что менее, чем за месяц, фашисты дошли до Киева, преодолев две линии укрепленных районов, и почему практически на произвол судьбы были брошены лучшие армии Юго-Западного фронта?» Но он так и не смог получить вразумительного ответа на эти вопросы.

Став офицером, я служил в Прикарпатском военном округе и много раз участвовал в учениях, проходивших в Яворовском учебном центре, расположенном под Львовом. В июне 1941 года в тех местах оборонялись войска 6-й армии Юго-Западного фронта. Моя служба проходила в Хмельницком (бывший Проскуров). По делам службы я не раз бывал в Могилеве-Подольском, Староконстантинове, Летичеве, Виннице, Тульчине, Жмеринке, Казатине, Бердичеве и других городах, названия которых неоднократно упоминались в боевых документах штаба Юго-Западного фронта. В каждом городе я видел

следы войны и встречал людей, свидетелей событий огненного лета 1941 года.

Позже, уже будучи профессиональным военным историком, я, конечно же, не мог не изучить имевшиеся документы, связанные с трагедией, произошедшей под Уманью в начале августа 1941 года. Затем всякий раз, приезжая в этот город, я не упускал случая, чтобы пополнить свои знания и личный архив. Я встречался и разговаривал со многими людьми, неоднократно побывал на местах боев, внимательно ознакомился с местными источниками.

В этой работе огромную помощь оказали мне работники Уманского краеведческого музея Ю.В. Торгалю, Н.В. Нагорная и В.М. Давидюк. Они любезно позволили мне поработать с документами, которые долгое время собирал создатель народного музея села Подвысокого Дмитрий Иванович Фартушняк. В этом музее более сорока лет бережно и с большой любовью хранилась память о тех, кто защищал Украину и Уманщину грозным летом 1941 года. Также благодарю за помощь и моральную поддержку данного проекта семью моих давних друзей Михаила и Тамару Рыкун, своих дорогих одноклассников Валентину Заичко, Людмилу Скус, Владимира Рязанова, Елену Пивторак, Наташу Сивачук, Василия Квашу, Нину Палий, Александра Баранюка, Аллу Мусатову. Я никогда не забуду, как когда-то нам старательно прививала любовь к отечественной истории преподаватель этой дисциплины и большой энтузиаст своего дела Розалия Абрамовна Чеслер. Это очень показательно, что память о совместной истории нашего великого Отечества еще очень многих волнует в нынешней Украине и очень надеюсь, будет крепко связывать наши народы и впредь.

Сегодня, когда среди нас осталось очень мало людей — участников и свидетелей начала Великой Отечественной войны, некоторые авторы начали допускать более чем свободную трактовку событий лета 1941 года. Даже появились «труды», в которых умышленно умаляет-

ся великий подвиг советского солдата и всячески выпячиваются «подвиги» фашистов. На территории Российской Федерации и бывших союзных республик, а ныне независимых государств, приводятся в порядок немецкие кладбища при том, что кладбища и братские могилы советских воинов неумолимо разрушаются. В этих условиях нельзя молчать.

Данная книга — не дань сегодняшней моде и не попытка оспорить факты, изложенные другими авторами, и опровергнуть выдвинутые версии. Я только постарался последовательно рассмотреть, систематизировать и дополнить различный фактический материал с тем, чтобы подвести читателя к более научным выводам и отдать долг памяти людям, погибшим в боях за свободу и независимость нашей Родины грозным летом 1941 года, честно выполнившим свой воинский и гражданский долг.

Что такое Зеленая брама?
— Среди холмов украинской земли
Есть урочище или дубрава
От путей магистральных вдали.
Это место суровых событий,
Не записанных в книгу побед,
Неизвестных, а может забытых...
Как узнать их потерянный след?
Уступить мы не смеем забвенью
Тех страниц, опаленных войной:
Как сражались войска в окруженье,
Насмерть встав на опушке лесной,
И ценой своей жизни сумели
На пылающих тех рубежах
Приблизительно на две недели
Наступленье врага задержать.

(Евгений Долматовский)

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНИИ К ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР

Германия начала подготовку к войне на востоке практически сразу же после прихода к власти А. Гитлера в 1933 году со стремительного увеличения военного производства и укрепления армии. С середины 30-х годов отношения между Германией и СССР, несмотря на различные политические и экономические реверансы, были враждебными, а начавшаяся Вторая мировая война окончательно поставила точку в этом вопросе. После блестяще проведенных германскими войсками операций 1939 и 1940 годов, раздела Польши и приближения границ Советского Союза к территории новой Германии и ее союзников, захватнические устремления А. Гитлера и его ближайшего окружения обрели реальное очертание.

Известно, что 25 июня 1940 года в ставке А. Гитлера велось обсуждение варианта плана последующих военных действий «Ударная сила на восток». Эта же идея нашла свое отражение и при обсуждении новых задач 28 июня. И уже 21 июля главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал-фельдмаршал В. Браухич получил устный приказ А. Гитлера о разработке плана войны на востоке.

Генерал-фельдмаршал Валтер фон Браухич был профессиональным военным с большим служебным опытом руководства крупными формированиями сухопутных войск. Он окончил военное училище еще в 1900 году,

участвовал в Первой мировой войне, затем на различных командных и штабных должностях служил в рейхсвере. С приходом к власти Гилера был назначен командующим войсками 1-го военного округа (Восточная Пруссия). Затем командовал 1-м армейским корпусом, а с начала 1938 года — 4-й армейской группой. В конце 1938 года был назначен главнокомандующим сухопутными войсками, руководил оккупацией Австрии, захватом Чехословакии и военными действиями против Польши, Франции.

Поручение А. Гитлера, связанное с подготовкой замысла крупной стратегической операции против СССР, В. Браухич воспринял с большим удовлетворением. Ему шел шестидесятый год, жизнь и военная служба неумолимо катились к закату. Все чаще появлялось желание сделать что-то настолько значимое, чтобы его имя навеки было вписано в мировую историю.

В то же время В. Браухич хорошо понимал, что разработка такого крупного стратегического плана не может быть произведена одним человеком. Для этого требовались коллективные усилия группы специалистов и, конечно же, генерального штаба. В то время генеральный штаб сухопутных войск возглавлял также опытный военачальник с большим стажем штабной работы генерал-полковник Ф. Гальдер.

Генерал-полковник Франц Гальдер, которому недавно исполнилось 55 лет, был в самом расцвете творческих сил. На военную службу он поступил в 1902 году, в 1914 году окончил баварскую военную академию. В годы Первой мировой войны прошел все звенья штабной службы — от дивизии до группы армий. После войны остался на службе в рейхсвере. Занимал должности преподавателя тактики при штабе 7-го военного округа (Мюнхен), сотрудника отдела боевой подготовки министерства рейхсвер. С приходом к власти фашистов начал активно сотрудничать с этим режимом. С 1933 года службу проходил в должностях начальника штаба 6-го

военного округа (Мюнстер), командира 7-й баварской дивизии, обер-квартирмейстера генерального штаба. В августе 1938 года он был назначен на должность начальника генерального штаба сухопутных войск вместо уволенного в отставку генерала Л. Бека. Гальдер возглавлял этот высший орган стратегического руководства во время оккупации Австрии, захвата Чехословакии, войны против Польши и против войск Франции и Англии на западе.

Ф. Гальдер целиком разделял агрессивные планы своего фюрера и понимал полководческие амбиции Браухича. В то же время он как крупный штабной работник с многолетним опытом несколько критически относился к способностям своих руководителей планировать и готовить крупные стратегические операции. Он считал, что это прерогатива лично его и руководимого им генерального штаба, прежде всего его оперативного управления, которое возглавлял Ф. Паулюс.

Генерал-лейтенант Фридрих Паулюс был на пять лет моложе своего шефа, но также принадлежал к касте кадровых военных. Участник Первой мировой войны, он затем прошел ряд ответственных должностей в рейхсвере. В 1935 году Паулюс был назначен начальником штаба танковых войск и на этом посту сделал достаточно много для развития бронесил вермахта. Во Вторую мировую войну он вступил в должность начальника штаба армии. И лишь получив столь большой практический опыт, в 1940 году был назначен 1-м обер-квартирмейстером генерального штаба сухопутных войск Германии. Вскоре между ним и Гальдером сложились хорошие деловые отношения. По своим деловым качествам они были не только грамотными генштабистами высочайшего уровня, но и исключительно исполнительными офицерами, что особенно ценилось Браухичем.

Сразу же после постановки задачи в генеральном штабе сухопутных войск Германии на базе узкого круга специалистов оперативного отдела была создана не-

большая группа военных специалистов, которая приступила к разработке замысла военной операции против СССР. А так как обсуждение этого вопроса в ставке Гитлера с тех пор велось постоянно, то со временем замысел предстоящей операции приобретал все более четкий вид. По данным германского источника, 31 июля 1940 года начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер после очередного совещания у фюрера в своем дневнике записал:

«...если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан тогда станет Германия.

Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 41-го. Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьем это государство одним ударом. Одного лишь захвата оперативного пространства недостаточно. Остановка зимой чревата опасностью. Поэтому лучше выждать, но принять твердое решение разделаться с Россией. ...Итак, май 1941-го, на проведение операции — 5 месяцев...

Цель: уничтожение жизненной силы России. Подразделяется на:

1. Удар на Киев с примыканием фланга к Днепру. Люфтваффе разрушает переправы у Одессы.

2. Удар по окраинным государствам в направлении Москвы.

В заключение — массивные удары с севера и юга. Позднее — частная операция по захвату нефтяного района Баку».

Как следует из этого документа, удар на Украине в направлении Киева и Одессы уже в первом замысле будущей операции рассматривался как главный.

Вечером 18 декабря 1940 года А. Гитлер подписал директиву верховного командования вермахта № 21, более известную, как план «Барбаросса». Она являлась настолько секретной, что была изготовлена всего в девяти

экземплярах, из которых три были вручены главнокомандующим сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота, а шесть заперты в сейфе главного штаба верховного командования. Также нужно помнить, что на разработку этой директивы (замысла стратегической операции) было затрачено пять месяцев.

В основу планирования были заложены все самые передовые на то время принципы ведения войны, проверенные германским командованием на опыте ведения военных действий на Западе. В этой директиве, в частности, в отношении Украины говорилось:

«Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадает задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей...»

31 января 1941 года была подписана директива по стратегическому развертыванию войск по плану «Барбаросса», на выполнение мероприятий которого отводилось четыре месяца. Директива была разослана всем командующим группами армий, танковыми группами и командующим армиями. Важнейшей особенностью стратегического развертывания было то, что мобилизация в прямом ее понимании не проводилась. Нарращивание группировки на востоке должно было осуществляться последовательно, с соблюдением маскировки и проведением широкой дезинформации. На восток выдвигались дивизии, получившие боевой опыт на западе, а на запад направлялись преимущественно вновь сформированные дивизии, предназначенные для несения оккупационной службы и боевого слаживания.

С целью сокрытия проводимых мероприятий 15 февраля штаб верховного командования Германии издал специальную «Директиву по дезинформации». В соответствии с этой директивой на первом этапе (до апреля 1941 года) сосредоточение и развертывание германских войск по плану «Барбаросса» должно было объясняться как обмен силами между Западной и Восточной Германией и подтягивание эшелонов для проведения операции «Мирида» по вторжению в Югославию. На втором этапе (с апреля до вторжения на территорию СССР) стратегическое развертывание изображалось величайшим дезинформационным маневром, который якобы проводился с целью отвлечения внимания от приготовлений для вторжения в Англию. Вполне понятно, что такая дезинформационная операция могла иметь место только при условии полного паралича работы советской разведки на территории Германии, и, видимо, основания для этого были.

Зимой и весной 1941 года подготовка к нападению на СССР принимала все более широкий размах и охватывала все новые звенья военного аппарата. У главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала В. Браухича и начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера происходили непрерывные совещания. Сюда то и дело вызывались главнокомандующие групп войск и начальники их штабов. Один за другим прибывали представители финской, румынской и венгерской армий. В штабах групп армий согласовывались и уточнялись планы, а в феврале-марте проводились военные игры, на которых по этапам проигрывались действия войск и порядок организации их снабжения.

Затем обобщающая большая военная игра с участием начальника генерального штаба Ф. Гальдера, командующих и начальников штабов армий была проведена в штабе группы армий «А» («Юг») в Сен-Жермене (около Парижа). Только после столь тщательной проверки и до-

работки, планы групп армий и отдельных армий 17 марта 1941 года были доложены Гитлеру.

В следующий раз вопрос ведения военных действий по плану «Барбаросса» рассматривается в генеральном штабе сухопутных войск Германии в присутствии А. Гитлера 30 апреля. Тогда было произведено уточнение соотношения сил и средств сторон, а также составлен прогноз предстоящих приграничных сражений, особенно в полосе армий «Юг». Тогда фюрер сказал: «Россия несколько раз недружелюбно поступала с нами, поэтому мы должны обеспечить себя от всяких неожиданностей». На этом совещании Ф. Гальдер в своем дневнике записал дату готовности к войне с Советским Союзом — «ориентировочно с 23.5».

На совещании у начальника Отдела обороны страны Штаба верховного главнокомандования вермахта от 1 мая 1941 года А. Гитлер назвал дату, точную дату начала войны против СССР, — 22 июня. При этом, оценивая реализацию плана «Барбаросса», главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал-фельдмаршал В. Браухич высказал предположение, что ожесточенные приграничные сражения продлятся до четырех недель. «В дальнейшем же ходе операций можно рассчитывать только на более слабое сопротивление».

Дальнейшую хронику подготовки Германии к войне с СССР хорошо отслеживать по записям в Военном дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера. Так, 6 мая 1941 года он отмечает: «Подготовка к операции «Барбаросса» продолжается и никаких непреодолимых трудностей не встречает. Штабы высших соединений сухопутных войск уже получили в свое распоряжение авиационные эскадрильи».

На следующий день Ф. Гальдер указывает, что по плану «Барбаросса» предусмотрено сосредоточение 17 тысяч поездов для переброски войск, боевой техники и снаряжения. Тогда же были сделаны расчеты о том,

что железнодорожные перевозки войск по ускоренному графику движения продлятся до 23 и мая займут шесть недель. При этом Гальдер допускал, что за это время русские сумеют отреагировать на подготовку вооруженных сил Германии и смогут коренным образом изменить группировку своих войск на Западном театре военных действий.

15 мая 1941 года состоялось совещание 1-го генерал-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенанта Ф. Паулюса с оберквартирмейстерами армий, предназначенных для действий на востоке. Были оговорены некоторые детали предстоящей операции, вплоть до того, сколько и где создавать складов с военным имуществом и порядок регулирования движения войск и грузов на дорогах.

22 мая 1941 года начальник отдела «Иностранные армии — Восток» майор Шильдкнехт доложил Ф. Гальдеру уточненные данные о группировке сухопутных войск РККА у немецкой границы. Он сообщил, что войска РККА сильно выдвинуты вперед, а их оборонительная группировка состоит из трех групп армий.

В период с 23 по 25 мая Ф. Гальдер вылетел на восточную границу, где лично провел совещания с командованием групп армий и посетил ряд армейских корпусов, ознакомился с проведением подготовительных мероприятий на местах. После этого с начала июня высшим германским командованием были официально разрешены полеты самолетов разведывательной авиации вдоль восточной границы СССР. Добытые таким образом разведывательные данные, после их тщательной обработки, должны были из штабов групп армий немедленно доводиться до генерального штаба.

На основании полученных разведывательных данных 4 июня в Берлине состоялось совещание с начальниками штабов групп армий и отдельных армий, находящихся на востоке, по вопросу организации взаимодействия пехоты с танками в начале наступления и об артиллерийской

подготовке наступления. Затем прошло совещание с начальниками штабов объединений Восточного фронта, на котором обсуждались многие вопросы применения сил и средств в предстоящей операции. В частности, дымовых завес при форсировании рек, применение химических отравляющих веществ, ввод в бой пехотных дивизий с началом наступления с целью обеспечения (прикрытия) действий танков, порядок использования артиллерии и других родов войск в операции, многие специальные вопросы. На этом совещании были оговорены основные способы оперативных действий сухопутных войск при наступлении на противника в ходе приграничных сражений. Предлагалось наступать на широком фронте при надежном обеспечении флангов, используя танковые клинья и массированный огонь артиллерии, не придерживаясь «локтевой» связи с соседом. Германское командование исходило из того, что советское командование вначале для проведения контратак будет использовать небольшие танковые подразделения и части, а в глубине обороны для контрударов — танковые соединения.

9 июня генерал-полковник Ф. Гальдер совершил очередной облет на самолете германско-советской границы и ряда приграничных районов, где происходило развертывание ударных группировок германских войск. Затем он провел совещание с командирами 12-го и 47-го армейских корпусов, отметив в своем Военном дневнике: «Все хорошо проинструктированы, у всех превосходное настроение. Подготовка будет закончена к 22 июня 1941 года».

И все-таки высшее военно-политическое руководство Германии не исключало подвоха со стороны советского командования — слишком беспечно вели себя командиры приграничных частей и соединений. Ф. Гальдер настоял, чтобы усилить работу разведки «абвер» для получения дополнительных данных о противнике.

13 июня в генеральном штабе сухопутных войск Германии обсуждался вопрос, как объяснить войскам необ-

Смотр дивизии СС «Викинг» проводит рейхсканцлер Г. Гиммлер

ходимость нападения на Советский Союз, а также время начала военных действий. Было решено, что по первому вопросу фюрер официально обратится к германскому народу. Агрессию было решено начать в 3 часа 30 минут. Кроме того, на этом же совещании были заслушаны доклады об инспекторских поездках представителей генерального штаба сухопутных войск в соединения, предназначенные для участия в плане «Барбаросса».

14 июня у А. Гитлера состоялось большое совещание, на котором командующие группами армий, армиями и танковыми группами лично доложили фюреру о готовности к предстоящим действиям по плану «Барбаросса». Тогда же произошло уточнение ряда оперативных вопросов и было принято решение начать наступление в три часа утра.

Отдельно прозвучали доклады командующих армиями и танковыми группами группы армий «Юг», предна-

значенной для наступления на Украине. Было решено, что до начала наступления формально высшее командование войсками, находящимися в Румынии, будет осуществлять Антонеску. Для этого ему будет придан в качестве «рабочего штаба» штаб 11-й германской армии, который фактически будет руководить действиями всех войск. Однако приказы румынским войскам будут отдаваться через Антонеску.

Венгерское руководство предлагалось не посвящать в германские планы до начала войны. Немцы считали, что достаточно будет указать венграм, что увеличение численности советских войск на западной границе должно вызвать проведение ряда оборонительных мероприятий со стороны Венгрии.

Словакии решили также не сообщать никаких сведений о предстоящей операции. И только после начала военных действий от словацкого командования потребовать привести войска в боевую готовность с тем, чтобы в последующем использовать их на советско-германском фронте.

После обеда 14 июня А. Гитлер, выступая перед генералитетом, произнес большую политическую речь, в которой мотивировал причины своего решения напасть на СССР. Он аккуратно подвел слушателей к мысли, что разгром России вынудит Англию отказаться от дальнейшей борьбы с Германией.

17—19 июня состоялась поездка генерала Ф. Гальдера в Румынию для согласования некоторых деталей совместных операций германских и румынских войск с началом войны против СССР на Украине, а также инспектирования воинских формирований Германии, находившихся в этой стране.

20 июня 1941 года вечером в генеральный штаб поступило воззвание А. Гитлера к войскам по поводу начала войны против СССР. К тому времени у советской границы в составе первого оперативного эшелона гитлеровцы уже имели 92 пехотных, 17 танковых, 13 мото-

ризованных, одну кавалерийскую дивизию и 16 отдельных бригад. В составе этих соединений насчитывалось более двух миллионов человек, 2887 танков, 10,5 тысячи орудий полевой артиллерии, 14,9 тысячи минометов, 8,9 тысячи орудий противотанковой артиллерии, 2115 зенитных орудий. Для ударов с воздуха фашисты имели более 4 тысяч боевых самолетов.

21 июня 1941 года вечером Ф. Гальдер доложил А. Гитлеру о соотношении сил и средств сторон перед началом войны против СССР. По его докладу против 213 советских соединений дивизионного состава Германия имеет 141 соединение. Германия почти в два раза превосходит Советский Союз по числу танковых дивизий, но уступает почти в три раза по числу механизированных бригад и абсолютно по числу кавалерийских дивизий.

— Это нормально, — резюмирует фюрер. — Время кавалерии давно прошло, сейчас — время танков. При виде наших танков русская пехота разбежится. Главное — напор и скорость. Авиация Геринга расчистит вам дорогу. Ваше дело — оперативно использовать результаты ее ударов, и успех обеспечен. И предупредите Рунштедта, что на действия группы армий «Юг» я возлагаю особые надежды. Украина нам даст хлеб и металл, которые так нам нужны для будущих больших побед Германии.

После встречи с фюрером Браухич и Гальдер вернулись в генеральный штаб сухопутных войск. Дежурный генерал доложил об устойчивости связи с командующими всех групп армий и отдельными армиями и о том, что условный сигнал «Дортмунд» (о начале наступления) прошел через все инстанции. Браухич удовлетворенно кивнул головой.

— Механизм запущен, и вторгаться в его работу сейчас не стоит, — сказал он. — Предлагаю вам, Гальдер, отдохнуть несколько часов и хорошо подкрепиться, а в 21 час вместе с Паулюсом прибыть ко мне. С этого времени все офицеры генерального штаба должны быть на своих местах в готовности работать безотрывно не ме-

нее суток. Я думаю, именно в эти сутки решится очень многое и определится будущее Германии.

Таким образом, подготовка Германии к агрессии против СССР заняла около одного года. Для ее проведения были задействованы лучшие штабные кадры сухопутных и других видов вооруженных сил войск вермахта. Под их контролем по единому замыслу последовательно был проведен весь комплекс подготовительных мероприятий, который начинался на уровне генерального штаба и завершался в войсках, на самом нижнем уровне. Этот комплекс охватывал вопросы оперативного и боевого планирования, непосредственной подготовки войск, создания гибкой системы управления, всестороннего обеспечения и многие другие. Кроме того, гитлеровское руководство заблаговременно позаботилось о том, как следует вести себя по отношению к союзникам и как объяснить собственному народу необходимость агрессии против СССР. Все это в комплексе должно было обеспечить успех не только на начальной стадии операции, но и в ходе ее развития в соответствии с планом «Барбаросса».

ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ РККА

Советский Союз также готовился к возможной большой схватке с Германией и ее союзниками. Однако эта задача решалась параллельно с решением объемных хозяйственных задач.

С 1938 года в СССР активно ведется работа по выполнению 3-го пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. К концу 30-х годов Советский Союз обладал огромной собственной экономической базой, независимой от экономики других стран. Постоянно происходил прирост производства промышленной продукции. Если в стране в 1939 году было выплавлено 17,6 миллиона тонн стали и добыто 30,3 миллиона тонн нефти, то в 1940 году было выплавлено 18,3 миллиона тонн стали и добыто 31,1 миллиона тонн нефти. Кроме того, за последний предвоенный год в СССР было добыто 165,9 миллиона тонн угля, произведено 14,9 миллиона тонн чугуна, 48,3 миллиарда киловатт электроэнергии, выпущено 145,5 тысячи автомашин (136 тыс. грузовых). В целом производство валовой продукции всей промышленности страны к тому времени по сравнению с 1913 годом увеличилось в 8,5 раза.

Особым разделом этого плана было развитие Вооруженных Сил СССР. Пятилетний план строительства Красной Армии всякий раз рассматривался и принимался на уровне Центрального Комитета партии и советского правительства. М.В. Захаров пишет: «Все важнейшие

планирующие документы Генштаба после утверждения в Политбюро ЦК и СНК всегда подписывались несколькими ответственными лицами. И.В. Сталин строго придерживался установленного порядка, и подобные документы единолично им не подписывались. И на этот раз на титульном листе третьего пятилетнего плана строительства Красной Армии стояли подписи красным цветом «за» — И. Сталина, К. Ворошилова и других».

Поэтому вполне понятно, что к выполнению такого плана относились очень серьезно. Особенно это касалось производства оборонной продукции. Если на протяжении 1938—1940 годов ежегодный прирост производства всей народнохозяйственной продукции составлял в среднем 13%, то продукции оборонного значения — 32%. Так, в Советском Союзе было произведено в 1939 году 2,9 тысячи танков и 10,3 тысячи самолетов, в 1940 году — 2,7 тысячи танков и 10,6 тысячи самолетов, до 1 июня 1941 года — 1,5 тысячи танков и 5 тысяч самолетов. В целом же количество основных образцов вооружения РККА с 1939-го по 1941 год увеличилось: артиллерийских орудий — с 34,2 до 91,4 тысячи, танков — с 10 до 20,6 тысячи, самолетов — с 5,5 до 20,6 тысячи единиц.

Советское руководство исходило из того, что в случае возникновения войны, боевые действия будут вестись в основном на суше. Это обусловило количественный и качественный рост сухопутных войск, главным образом за счет формирования новых соединений, вооружения их новыми образцами танков, артиллерии, противотанковых средств, средств ПВО. Также большая надежда возлагалась на авиацию.

Танки. В конце 20-х годов в РККА начала внедряться теория глубокой наступательной операции, в рамках которой видная роль отводилась крупным формированиям подвижных войск, прежде всего бронетанковых. В 1929 году Реввоенсовет СССР принял первую про-

грамму танкостроения — «Систему танкоавтобронетракторного вооружения РККА». Для подготовки специалистов в области танкостроения в 1930 году при Военно-технической академии имени Ф.Э. Дзержинского был сформирован факультет механизации и моторизации РККА, который за два года своего существования подготовил 137 специалистов. В их числе был Ж.Я. Котин — в последующем конструктор танков KB и ИС.

В первой половине 30-х годов в РККА развернулась широкая дискуссия по вопросам развития и боевого применения бронетанковых войск. Известный в то время военный теоретик К.Б. Калининский в 1930 году в газете «Красная звезда» писал: «Тактическая эволюция танка, давшая ему большую подвижность, соединенную с достаточным запасом хода, превратила его из тактического средства пехотной атаки в средство широкого оперативного размаха. Современный танк способен участвовать во всех фазах боя и операции. Несмотря на то что имеются тенденции включить танки в качестве постоянного элемента в состав стрелковых и кавалерийских соединений, основная их масса будет в составе резерва главного командования, и значительная часть их будет служить основой для создания самостоятельных механизированных соединений».

В рамках зародившейся теории глубокой наступательной операции предусматривалось иметь танки двух видов. Первые — для прорыва переднего края противника, вторые — для развития тактического успеха в оперативный. В обороне предполагалось использовать танки в составе тактического или оперативного резерва для разгрома вклинившейся группировки противника и последующего переноса боевых действий на его территорию. Во всех видах боевых действий ставка делалась на крупные формирования танковых войск.

Первые два крупных танковых соединения — механизированные корпуса в Советском Союзе были сфор-

мированы в 1932 году. Тогда же в СССР было начато серийное производство танков и на базе факультета механизации и моторизации Военно-технической академии имени Ф.Э. Дзержинского, военно-промышленного и военно-конструкторского факультетов Московского автотракторного института имени М.В. Ломоносова в Москве была сформирована Военная академия моторизации и механизации РККА.

Особое внимание в академии было уделено инженерной подготовке. Командование танковыми формированиями поручали случайным людям: бывшим кавалеристам, в лучшем случае выпускникам Военной академии имени М.В. Фрунзе. Но управление танковыми частями и соединениями требовало особого искусства. Поэтому параллельно с инженерным, создается и командный факультет, на котором была подготовлена первая группа командиров-танкистов.

Для оснащения танковых войск в 1936—1940 годах было разработано и запущено в серийное производство несколько советских танков. Прежде всего, это был средний танк Т-34 конструкции М.И. Кошкина, А.А. Морозова и Н.А. Кучеренко. В это же время начался серийный выпуск тяжелого танка КВ конструкции Ж.Я. Котина. Всего с января 1939 года по 22 июня 1941 года заводы выпустили более 7 тысяч танков всех типов. К 1941 году промышленность могла ежегодно давать армии до 5,5 тысячи танков всех типов. Однако выпуск новых боевых машин новых конструкций отставал от плана. Так, в 1940 году планировалось произвести 600 танков Т-34, но реально удалось изготовить только 115. После проведения Февральской конференции ВКП(б) 1941 года дело пошло быстрее, и в первой половине того года удалось изготовить 1500 танков новых конструкций. Эти танки поступили в войска, но не были как положено освоены.

1941. Победный парад Гитлера

ХАРАКТЕРИСТИКА УКОМПЛЕКТОВАННОСТИ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ КОРПУСОВ КИЕВСКОГО ОСОБОГО И ОДЕССКОГО ВОЕННЫХ ОКРУГОВ НА 22 ИЮНЯ 1941 года

Военный округ	№ корпуса	Количество танков (общее/ в т.ч. КВ и Т-34)	Командир корпуса
Киевский Особый			
— // — 5-я армия	22	712/31	ген.-м-р Кондрусев С.М.
— // — 6-я армия	4	979/414	ген.-м-р Власов А.А.
— // — 6-я армия	15	749/136	ген.-м-р Карпезо И.И.
— // — 26-я армия	8	899/171	ген.-м-р Рябышев Д.И.
— // — 12-я армия	16	476/76	комдив Соколов А.Д.
— // — резерв фронта	9	316	ген.-м-р Рокоссовский К.К.
— // — резерв фронта	19	453/5	ген.-м-р Фекленко Н.В.
— // — резерв фронта	24	222/0	
Одесский			
— // — 9-я армия	2	527/60	ген.-м-р Новосельский Ю.В.
— // — 9-я армия	18	282/0	
ВСЕГО:		11 029/1306	

Механизированные корпуса, участвовавшие в сражениях начального периода Великой Отечественной войны, понесли огромные потери в материальной части и фактически перестали существовать. К середине июля 1941 года советским командованием было признано нецелесообразным иметь крупные формирования танковых войск. Соответствующее решение было принято 15 июля 1941 года. Начали расформировывать не толь-

ко механизированные корпуса, но и танковые дивизии. Практически этот процесс продолжался более месяца. В сентябре 1941 года из уцелевших танков были сформированы отдельные танковые батальоны, в которых по штату насчитывалось 29 боевых машин: 9 средних и 20 легких танков.

Артиллерия. Перевооружение отечественной артиллерии в предвоенные годы происходило также достаточно бурно. В 1937 году принимается на вооружение 152-мм гаубица-пушка, в 1938 году—122-мм гаубица, в 1939 году — 76-мм дивизионная пушка конструкции В.Г. Грабина.

До 1940 года в СССР развитию минометного вооружения уделяли недостаточно внимания, но советско-финляндская война показала его высокое значение. И уже на 1 июня 1941 года в Красной Армии имелось 14 200 82-мм батальонных минометов и 3800 120-мм полковых минометов.

Кроме ствольной, интенсивно велась разработка реактивной артиллерии. Реактивные снаряды, установленные на самолетах, впервые в мире применились советской авиацией в боях на реке Халкин-Гол. К июню 1941 года были изготовлены опытные образцы реактивных минометных установок, будущих «катюш».

К началу войны руководство артиллерией осуществляло Главное артиллерийское управление Красной Армии, которое возглавлял Маршал Советского Союза Г.И. Кулик. Его заместителем являлся генерал-полковник артиллерии Н.Н. Воронов. 14 июня 1941 года начальником ГАУ был назначен генерал-полковник артиллерии Н.Д. Яковлев. Непосредственно в войсках имелись начальники артиллерии округов, армий, корпусов, дивизий. Войсковая артиллерия подразделялась на полковую, дивизионную и корпусную.

Артиллерия РКГ состояла из пушечных и гаубичных полков, отдельных дивизионов большой мощности и противотанковых артиллерийских бригад. В пушечном

артиллерийском полку насчитывалось 48 122-мм пушек и 152-мм гаубиц-пушек, в пушечном полку большой мощности — 24 152-мм пушки. Гаубичный артиллерийский полк имел 48 152-мм гаубиц, а гаубичный полк большой мощности — 24 152-мм гаубицы. На вооружении отдельных дивизионов большой мощности состояло по 5 210-мм пушек, или 280-мм мортир, или 305-мм гаубиц.

С противотанковой артиллерией в Красной Армии было большое отставание. Только в апреле 1941 года приступили к формированию артиллерийских бригад РКК. По штату в каждой бригаде должно было быть 120 противотанковых орудий и 4800 противотанковых мин.

Противовоздушная оборона. Для решения задач противовоздушной обороны в стратегическом масштабе в 1940 году было создано Главное управление войск ПВО страны. Его начальником вначале был генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, а с 19 марта 1941 года — генерал-полковник Г.М. Штерн. 14 июня 1941 года на этот пост был назначен генерал-полковник артиллерии Н.Н. Воронов.

Для решения задач ПВО вся территория СССР была разделена на зоны ПВО в соответствии с границами военных округов. Зоны возглавлялись помощниками командующих округов по ПВО. Для решения конкретных задач в подчинении Главного управления войск ПВО страны имелись зенитно-артиллерийские силы, прожекторные, аэростатные части, а также соединения истребительной авиации.

Для решения задач ПВО из состава авиационных соединений военных округов было выделено 39 полков истребительной авиации, которая организационно оставалась в подчинении командующих ВВС округов. В связи с этим помощник командующего военным округом по ПВО, в подчинении которого находились части зенитной артиллерии, все вопросы применения авиации для целей ПВО должен был согласовывать с командующим ВВС.

Авиация. Развитие авиации в 30-е годы в СССР считалось одним из наиболее приоритетных направлений укрепления обороноспособности страны.

Первые воздушные бои с участием советских и германских самолетов произошли в небе Испании. Тогда наши истребители И-15 и И-16 по маневренным характеристикам успешно конкурировали с «мессершмиттами» устаревших конструкций. Это у советского руководства создало атмосферу благодушия, и модернизация самолетов уже не стояла на повестке дня.

Тем временем гитлеровцы быстрыми темпами совершенствовали свою авиацию в направлении увеличения скорости полета и потолка, усиления стрелково-пушечного вооружения, бронирования самолетов. Появившийся на заключительной стадии испанских событий в 1938 году истребитель Me-109E имел преимущество над нашим И-16 по скорости полета более, чем на 100 километров в час, и был вооружен кроме пулеметов 20-мм пушкой.

В феврале 1939 года в ЦК ВКП(б) было проведено совещание с участием авиаконструкторов, работников наркомата авиапромышленности и ВВС, на котором была поставлена задача перед авиационной промышленностью в короткий срок, за 1,5—2 года, провести работы по проектированию, постройке, летным испытаниям, доводке и внедрению в серию новых типов боевых самолетов с улучшенными летно-техническими характеристиками. В том же 1939 году был создан Наркомат авиационной промышленности, открыты новые конструкторские и проектные организации. Тогда же Комитет обороны при СНК СССР принял постановление о реконструкции существующих и строительстве новых самолетостроительных заводов, количество которых к 1941 году должно было увеличиться вдвое.

Реализовать намеченное удалось не полностью. Выпуск боевых самолетов к 1940 году по сравнению с 1939 годом увеличился только на 19%. Причем самолете-

тов новых конструкций выпускалось мало. Так, бронированный штурмовик конструкции С.В. Ильюшина Ил-2, созданный в 1939 году, в войска начал поступать только в 1941 году. Истребитель конструкции А.С. Яковлева Як-1, принятый к серийному производству в 1940 году, в войска начал поступать также в 1941 году. В 1940 году было изготовлено всего 20 истребителей конструкции А.И. Микояна и М.И. Гуревича МиГ-3, и только два пикирующих бомбардировщика конструкции В.М. Петлякова Пе-2. В то же время продолжался выпуск самолетов устаревших конструкций.

За период с 1939 года по 22 июня 1941 года ВВС получили от промышленности 17 745 самолетов, в том числе 3719 самолетов новых типов. Всего же советской промышленностью до 1 октября 1941 года было выпущено самолетов: МиГ-1 и МиГ-3 — 2823, Як-1 — 717, ЛаГГ-3 — 1431, Су-2 — 799, Ил-2 — 1193, Пе-8 — 22, Як-2 и Як-4 — 195, Пе-2—1340, Ил-4 — 1119 штук.

До 1939 года ВВС Красной Армии организационно состояли в основном из отдельных авиационных корпусов трехбригадного состава, а авиация Главного Командования была объединена в составе трех воздушных армий особого назначения, сформированных в 1936—1937 годах. В 1939 году воздушные армии дальнебомбардировочной авиации были расформированы. Авиация Главного Командования стала состоять из отдельных бомбардировочных корпусов, фронтовая авиация в 1940 году была переведена на дивизионную организацию. Она состояла из отдельных ближнебомбардировочных, истребительных и смешанных авиационных дивизий. В общевойсковой армии имелась, как правило, одна смешанная авиационная дивизия. К июню 1941 года численность авиационных полков по сравнению с 1939 годом увеличилась более чем на 80%.

Таким образом, не вызывает никаких сомнений тот факт, что в конце 30-х — начале 40-х годов экономика и военно-промышленный комплекс Советского Сою-

за были нацелены на неизбежность скорой большой войны. Это объясняет стремительное развитие военно-промышленного комплекса страны, разработку многочисленных новых образцов вооружения и военной техники, их массовое производство и внедрение в войска. Правда, последние нередко не успевали качественно освоить новые образцы. Также советское военное руководство не успевало создавать необходимую базу для ремонта и технического обслуживания новых образцов боевой техники и вооружения.

В целом же в агрессивных замыслах фашистской Германии и ее союзников к началу 1941 года сомневаться уже не приходилось. Советский Союз готовился к войне с могучим противником и в материальном отношении в целом был готов к этой схватке.

ОБОРУДОВАНИЕ ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В 20-е и 30-е годы руководство многих стран, в том числе и Советского Союза, верило в то, что в случае внезапной агрессии противника прикрытие границ государства смогут обеспечить укрепленные районы (УР).

Для прикрытия старой границы СССР в период с 1929-го по 1938 год было возведено 13 укрепленных районов, из которых для прикрытия территории Украины в границах Киевского военного округа находилось 7 УРов: Коростеньский, Новоград-Волинский, Летичевский, Могилев-Ямпольский, Киевский, Рыбницкий и Тираспольский. Все эти укрепленные районы находились в эксплуатации, но они уже не отвечали требованиям времени, так как могли вести главным образом фронтально-пулеметный огонь, имели недостаточную глубину и необорудованный тыл, слабую сопротивляемость сооружений и малозффективное внутреннее оборудование.

По решению советского правительства в 1938—1939 годах началось строительство еще 8 укрепрайонов, из которых 5 (Каменец-Подольский, Изяславский, Остропольский, Староконстантиновский, Шепетовский) находились в полосе ответственности Киевского Особого военного округа. Одновременно продолжалось совершенствование уже построенных укрепленных районов. Росло число огневых сооружений различного типа, усиливались препятствия, росло число минных полей. Для усиления противотанковой обороны в дотах уста-

навливали артиллерийские орудия, усиливали защитные свойства долговременных сооружений.

**ХАРАКТЕРИСТИКА УКРЕПЛЕННЫХ РАЙОНОВ,
ВОЗВЕДЕННЫХ НА СТАРОЙ ГРАНИЦЕ СССР В ПОЛОСЕ
КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ПЕРИОД 1928—1939 гг.**

Наименование укрепленного района	Фронт прикрытия (км)	Глубина (км)	Кол-во ДОС в стадии строительства	Кол-во построенных ДОС
Коростенский	185	1—3	—	455
Новоград-Волынский	115	1—2	—	261
Шепетовский	110	4—5	137	—
Остропольский	50	3—5	89	—
Летичевский	125	2—4	—	363
Изяславский	45	2—5	62	—
Староконстантиновский	60	5	58	—
Каменец-Подольский	60	3—5	—	158
Могилев-Ямпольский	140	4	—	276
Киевский	85	3	—	217
Рыбницкий	120	3	—	236
Тираспольский	259	4	—	318
ВСЕГО	1390		346	2284

Масштабы и объем работ, выполняемых строительными организациями, были колоссальными. Так, только в Новоград-Волынском укрепленном районе в 1938—

1941. Победный парад Гитлера

1939 годах было забетонировано 58 долговременных сооружений общим объемом 27 086 м³ (см. таблицу ниже).

Сов. секретно
особой важности

ВЕДОМОСТЬ СООРУЖЕНИЙ, ЗАБЕТОНИРОВАННЫХ В 1938 И 1939 гг. ПО НОВОГРАД-ВОЛЫНСКОМУ УРУ

Типы сооружений	1938		1939		Всего	
	Колич. сооружений	Объем ж/б	Колич. сооружений	Объем ж/б	Колич. сооружений	Объем ж/б
ППК — 2-этаж. от 203-мм	3	1406	—	—	3	1406
ППК — 1-этаж. от 203-мм	4	1800	5	2227	9	4027
ППК — 1-этаж. от 155-мм	—	—	5	1683	5	1683
АППК — 2-этаж. от 203-мм	4	1876	—	—	4	1876
АППК — 1-этаж. от 203-мм	3	1660	7	3883	10	5543
АППК — 1-этаж. от 155-мм	—	—	1	434	1	434
ОПК — 2-этаж. от 203-мм	2	1152	3	1761	5	2913
ОПК — 1-этаж. от 203-мм	1	650	5	3222	6	3872

Типы сооружений	1938		1939		Всего	
	Колич. сооружений	Объем ж/б	Колич. сооружений	Объем ж/б	Колич. сооружений	Объем ж/б
ДОТ — 2-этаж. от 203-мм	1	338	1	406	2	744
ДОТ — 1-этаж. от 203-мм	—	—	1	488	1	488
ДОТ — 1-этаж. от 155-мм	—	—	4	1637	4	1637
АП ДОТ — 1-этаж. от 155-мм	—	—	5	2228	5	2228
НП ОП от 155-мм	—	—	3	235	3	235
ВСЕГО:	18	8882	40	18 204	58	27 086

Примечание. Кубатура ж/б указана фактически уложенная без диамантных ровиков, которые в 1938 и 1939 гг. не были бетонированы.

Заместитель начальника инженеров НОВУРа =
подпись = /ОЛЕЙНИКОВ/

Начальник планово-проектной части УНИ НОВУРа =
подпись = /ЗЕМСКИЙ/

16.01.1940 г.

Но далеко не все красные командиры считали укрепленные районы перспективным направлением развития военного искусства и полезными в будущей войне. Часть из них, в том числе и высшего руководящего состава, смотрели на укрепленные районы «как на отжившие и утратившие свое оперативно-тактическое значение», что привело в отдельных округах к принятию решения командованием к их консервации без указаний сверху.

Освободительные походы отодвинули границу СССР на запад, и к концу 1939 года дальнейшее строительство укрепленных районов на прежнем рубеже стало нецелесообразным. Возникла новая проблема — укрепление новых государственных границ Советского Союза. Одновременно необходимо было максимально эффективно использовать наработки в этом вопросе, что делать с только что построенными, но уже «ненужными» долговременными укреплениями, как применять обученный личный состав для строительства УРов, формирования гарнизонов укрепрайонов?

Изменившиеся внешнеполитические условия заставили руководство страны пересмотреть приоритеты и вынудили перенести усилия на возведение новых укреплений с другой конфигурацией границы. Результатом стал третий этап строительства укреплений — возведение (дооборудование) в 1940—1941 годах двадцати укрепленных районов на новой государственной границе, в том числе 7 в полосе Киевского Особого военного округа (Владимир-Волинского, Струмиловского, Рава-Русского, Перемышльского, Ковельского, Верхне-Прутского и Нижне-Прутского). Одновременно началась подготовка к строительству еще трех укрепленных районов (Дунайского, Одесского и Черновицкого).

В плане прикрытия государственной границы Киевского Особого военного округа особый акцент делался на «упорную оборону по линии госграницы», базировавшуюся на отражении агрессии со стороны противника гарнизонами укрепленных районов совместно с войсками полевого наполнения. Так, в частности, всем армиям прикрытия государственной границы Киевского Особого военного округа была отдана директива с целью повышения боевой готовности войск, предназначенных для действий в первых эшелонах объединений. Эта директива за № А1/00211 была отправлена в адрес военных советов 5, 6, 12 и 26-й армий 11 июня 1941 года.

Директива была подписана командующим войсками Киевского Особого военного округа генерал-полковником М.П. Кирпоносом, членом Военного совета округа корпусным комиссаром Н.Н. Вашугиным и начальником штаба округа генерал-лейтенантом М.А. Пуркаевым.

Укрепленные районы, возводившиеся на новой границе, отличались от тех, что остались в глубине страны. Они представляли собой участок местности, оборудованный системой долговременных и полевых фортификационных сооружений, которые готовились для длительной обороны гарнизонами УРОВ во взаимодействии с общевойсковыми частями и соединениями полевого наполнения. Главным отличием были сами долговременные сооружения.

Начальник Главного военно-инженерного управления Красной Армии в «Соображениях по использованию укрепленных районов по старой западной и северо-западной границе» отмечал, что «существующие укрепления должны быть подготовлены в качестве второй укрепленной зоны, занимаемой полевыми войсками для обороны на широком фронте». Это требовало не только оставления в укрепленных районах на старой государственной границе определенного количества войск и специального оборудования, но и их содержания и обслуживания.

Но на все сил и средств не хватало. Более того, после проведения рекогносцировки нового района пулеметные батальоны имущество и вооружение, принадлежавшие оставляемому укрепленному району, как правило, увозили с собой. Прибывавший на место убывших частей и подразделений личный состав не только не знал укрепленных районов и их внутреннего оборудования, но и не имел средств для ведения боя и обеспечения нормального быта.

Начальник Генерального штаба предвидел такое развитие событий и в начале 1940 года в директиве военным советам Киевского и Западного особых военных

округов определил: до возведения укрепленных районов по новой государственной границе существующие укрепленные районы не консервировать, а поддерживать в состоянии боевой готовности. В дальнейшем укрепленные районы Ленинградского, Западного Особого и Киевского Особого военных округов (за исключением Каменец-Подольского и Могилев-Ямпольского) упразднились. Было приказано «все существующие боевые сооружения в упраздняемых районах законсервировать, организовав их охрану». В первую очередь снимались вооружение, боеприпасы, перископы, телефонные аппараты и различное имущество. Все это должно было размещаться в складах «в полной боевой готовности к выброске на рубеж».

Консервация укрепленных районов, оказавшихся в тылу, должна была проходить организованно. Для каждого из них было приказано «разработать штаты, необходимые для содержания законсервированных сооружений данного укрепленного района и складов для хранения снятого с них оборудования, а также план размещения складов, дислокацию и подчинение обслуживающих подразделений». Главной идеей консервации укрепленных районов было быстрое введение их в строй в случае стремительного продвижения противника в глубь территории СССР. Ввиду различного уровня готовности к введению фортификационных сооружений в строй, они подвергались полной или частичной консервации.

В то же время нужно признать, что часть укрепленных районов так и не была достроена, а оборудование и вооружение осталось в долговременных сооружениях без должной консервации и охраны.

С самого начала в войсках Киевского Особого военного округа в рекогносцировках и строительстве укрепленных районов в предполье и в промежутках между укрепленными районами приняли участие войсковые части. Именно они стали пионерами в возведении новой линии укрепленных районов. Однако это строительство

отрывало много времени, и на боевую подготовку как у гарнизонов укрепленных районов, так и у стрелковых частей и соединений катастрофически его не хватало.

Ввиду отсутствия достаточного количества инженерной техники, к строительству укрепленных районов было привлечено огромное число людей. Строительные батальоны и вольнонаемные лишь частично удовлетворили потребность в строительных должностях. Это не могло не сказаться на темпах возведения оборонительных сооружений. Так, планы строительства на ноябрь 1940 года по железобетонным работам были выполнены всего лишь на 50%. А к рытью противотанковых рвов во многих местах еще не приступали.

Высшее руководство принимало все меры для своевременного выполнения поставленных задач по строительству линии укреплений как в 1940-м, так и в 1941 годах. Однако реалии были таковы, что ни промышленность, ни местные органы, ни военное руководство не были в состоянии выполнить поставленные задачи по строительству укрепленных районов.

Главное военно-инженерное управление Красной Армии, готовя доклад Председателю Комитета обороны при СНК СССР, информировало, что «в 1941 году по выполнению намеченного плана будут прикрыты железобетонными, каменно-бетонными и деревокаменными сооружениями все важнейшие направления по нашим границам».

Для уточнения расположения опорных пунктов и узлов обороны на основных направлениях, привязки сооружений полевого типа и рекогносцировки участков противотанковых и противопехотных препятствий приказами командующего Киевским Особым военным округом были назначены специальные рекогносцировочные комиссии под председательством командиров стрелковых дивизий. Рекогносцировки по плану строительства на 1941 год должны были закончиться 15 октября 1940 года.

К 1 ноября 1940 года представлялись титульные списки по оборонительному строительству на 1941 год.

Укрепленные районы, к строительству которых приступили в 1940—1941 годах, отличались от старых схемой построения полос обороны, конструкцией долговременных сооружений и значительно большим удельным весом артиллерийских сооружений для противотанковой обороны. Увеличилась их глубина. Все сооружения должны были иметь более совершенные средства противохимической защиты, вентиляции, отопления, водоснабжения. Удельный вес сооружений, вооруженных артиллерийскими орудиями, достигал 45%. На переднем крае создавались противотанковые, а на подступах к дотам — противопехотные заграждения.

Строительство велось высокими темпами, но не реальными для выполнения всех поставленных задач. В тех условиях завершение всего комплекса работ было просто невозможно: для этого не было ни времени, ни средств. Более того, обстановка требовала максимального сокращения сроков на строительство. Несмотря на то что командованием принимались все меры к ускорению оборонительного строительства, планы выполнялись далеко не в полной степени. Кроме того, в округах одновременно велось большое строительство дорог, мостов, землянок для размещения войск и т. п.

Масштабность строительства одновременно нескольких укрепленных районов существенно сказывалась на качестве создаваемых фортификационных сооружений, заграждений и других объектов.

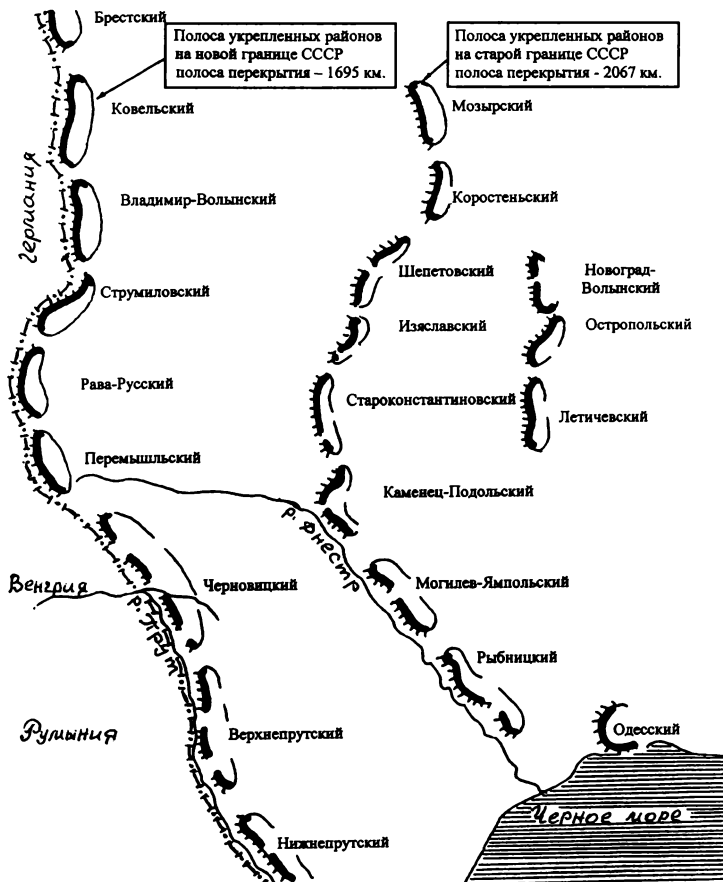
В результате незавершенности строительства по плану 1940 года большинства сооружений возможности их боевого использования были значительно снижены. Во многих уже построенных сооружениях отсутствовали силовые агрегаты и пункты водоснабжения. Оборонительные сооружения вводились в строй с опозданием, по упрощенной схеме, иногда без положенного вооружения.

Для выполнения строительных работ в укрепленных районах в 1941 году распоряжением Наркома обороны были созданы 25 управлений начальника строительства, 140 строительных участков, сформированы 84 строительных батальона, 25 отдельных строительных рот и 17 автомобильных батальонов. С апреля 1941 года к строительству было привлечено 160 саперных батальонов стрелковых корпусов и дивизий, в том числе 41 саперный батальон из внутренних военных округов. Весной 1941 года на строительстве укрепленных районов в полосе Киевского Особого военного округа ежедневно работало почти 90 тысяч человек.

Военный историк А.Г. Хорьков, тщательно изучая вопросы создания укрепленных районов накануне войны, вполне справедливо усомнился в чрезмерной оптимистичности доклада Главного военно-инженерного управления начальнику Генерального штаба, в котором утверждалось, что «материалами и автотранспортом строительство обеспечено, недостающий автотранспорт компенсируется военными советами за счет резервов округов». Так как свободных резервов практически не имелось, то к началу войны строительство даже первой полосы УРов не было закончено.

Не выполнялись и мероприятия по подготовке гарнизонов укрепленных районов. По штатам мирного времени в состав укрепленного района входили: управление коменданта, до трех отдельных пулеметных батальонов, отдельные рота связи и саперная рота. В штат отдельных укрепленных районов были введены артиллерийские полки (трехдивизионного состава) и до 6 взводов капонирной артиллерии. Кроме того, по мобилизационным планам части и подразделения штата мирного времени с началом войны на своей основе развертывали новые формирования — отдельные пулеметные батальоны и пулеметную роту. Отдельные саперная рота и рота связи должны были развертываться в батальоны, а взводы капонирной артиллерии — в батареи. Для доукомплек-

1941. Победный парад Гитлера

тования гарнизонов укрепленных районов в начале июня 1941 года на учебные сборы из запаса было призвано 38,5 тысячи человек.

Одной из актуальных проблем было сохранение в тайне схемы расположения укрепленных районов, их системы огня, взаимодействия с войсками полевого наполнения, механизированными формированиями. Высшее руководство предпринимало жесткие меры по предупреждению утечки секретной и совершенно секретной информации. Однако нерадивые военнослужащие, гражданский персонал, а порой и шпионы, получали широкие возможности по сбору секретной информации, касающейся укрепленных районов.

В феврале-марте 1941 года Главный военный совет дважды обсуждал вопрос о быстрейшем завершении строительства новых укрепленных районов. Чтобы как-то компенсировать недостающее в них вооружение, решили демонтировать часть артиллерийского вооружения со старых УРов и переместить его на западное и юго-западное направления, временно приспособив орудия под новые сооружения. В то же время на разоружаемых участках было решено сохранить часть вооружения, так как старые укрепленные районы предполагалось использовать в военное время.

16 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР вынесли специальное постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». Партийное руководство и правительство страны всячески стремились ускорить установку в них артиллерии и другого оборудования. Но одних постановлений было мало.

Ко времени нападения фашистской Германии на СССР план строительства долговременных фортификационных сооружений в укрепленных районах на новой государственной границе был выполнен не более чем на 25%. К тому моменту удалось построить около 2500 железобетонных сооружений (дотов), но из них лишь около 1000 получили артиллерию. В остальных устанавливались пулеметы.

КОЛИЧЕСТВО ОСНОВНЫХ СООРУЖЕНИЙ В УКРЕПЛЕННЫХ РАЙОНАХ НА НОВОЙ ГРАНИЦЕ СССР В ПОЛОСЕ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ПО СОСТОЯНИЮ НА НАЧАЛО ИЮНЯ 1941 ГОДА

Наименование	Фронт (км)	Глубина (км)	Кол-во узлов	Кол-во ДОС строящихся	Кол-во ДОС построенных	Боеготовые	Пульбаты по плану	Пульбаты в наличии
Ковельский	80	5—6	9	138	—	2	—	2
Владимир-Волынский	60	5—6	7	141	97	4	2	4
Струмиловский	54	5—6	5	180	84	4	1	4
Рава-Русский	90	5—6	13	306	95	3	2	3
Перемышльский	120	4—5	7	186	99	2	1	2
Черновицкий	—	—	—	—	—	—	3	—
ВСЕГО	1543		127	4912	880	26	65	26

Таким образом, оборудование театра предстоящих военных действий по рубежу западной границы СССР в предвоенные годы велось достаточно активно. Как по старой, так и по новой границе велось строительство систем укрепленных районов, которые были призваны перекрыть практически все угрожаемые направления и упорной обороной создать условия для выдвижения и развертывания армий прикрытия государственной границы.

В то же время нужно отметить, что задуманный объем инженерных работ по созданию укрепленных районов к началу войны выполнен не был. Только около 18% из намеченных узлов обороны укрепленных районов, расположенных на новой границе в полосе Киевского Особого

военного округа к началу войны были полностью построены, а другие находились в стадии строительства. На этом основании советские историки писали о неготовности линии границы в инженерном отношении.

Это не совсем соответствует правде. Под долговременные оборонительные сооружения к июню 1941 года были отрыты котлованы, другие долговременные оборонительные сооружения были частично или полностью возведены. В районы строящихся ДОС были завезены строительные материалы. Все это в комплексе представляло собой неплохую полосу инженерных заграждений, которую при необходимости можно было легко и быстро приспособить для обороны.

Также необходимо отметить, что в другом отношении оборудование театра предстоящих военных действий в инженерном отношении практически не велось. В приграничной полосе катастрофически не хватало хороших дорог и подъездных путей, не строились мосты, способные выдержать тяжесть танков и других боевых машин, не сооружалось основных и передовых командных пунктов, не прокладывались резервные линии связи. Кроме того, командиры корпусов, дивизий, полков и батальонов своих районов обороны практически не знали, а значит, и не могли их оборудовать в инженерном отношении заранее. Такая оторванность войск от будущих районов обороны, даже при относительно неплохой подготовке последних, предопределяла нерешенность вопроса оборудования театра военных действий в соответствии с возложенными на него задачами.

ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Параллельно с подготовкой театра военных действий готовились и основные документы оперативно-стратегического характера. По линии Генеральный штаб, штаб военного округа и штаб армии разрабатывались мобилизационные планы и планы оборонительных операций.

Мобилизационный план на 1938—1939 годы (от 29 ноября 1937 года — МП-22), разработанный Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР, предусматривал в случае войны развертывание 170 стрелковых и 29 кавалерийских дивизий, 31 танковой бригады, 57 корпусных артиллерийских полков, 43 полков резерва Главного командования. Для вооружения этих соединений и частей нужно было иметь 15 613 танков, 15 218 орудий, 305 780 автомобилей. Кроме того, предусматривалось формирование во вторую очередь еще 30 стрелковых дивизий, 4 артиллерийских полков РГК, 80 авиационных бригад. Общая численность отмобилизованной Красной Армии устанавливалась в 6,5 миллиона человек, а по штатам мирного времени—1,67 миллиона человек.

Этот мобилизационный план (подписи И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова) предусматривал дальнейший рост стрелковых войск в 1,7 раза, танковых бригад в 2,25 раза, увеличение количества орудий и танков на 50%, а также увеличение ВВС до 155 авиабригад. Существенного качественного преобразования и реорганизации Красной Армии ни план

Сталин И.В. — председатель
Государственного Комитета
Обороны

развития на 1938—1942 годы, ни мобилизационный план на 1938—1939 годы не предусматривали.

Особая надежда возлагалась на танковые войска. Планом развертывания и реорганизации РККА на 1938—1942 годы предусматривалось, что из 20 легких танковых бригад будут выведены восемь, состоящих из танков БТ. Их предстояло свести в четыре танковых корпуса. Остальные шесть бригад танков БТ и столько же бригад танков Т-26 оставались отдельными. Дополнительно к

трем имеющимся мотострелковым бригадам предусматривалось формирование еще одной бригады, чтобы в последующем в каждом танковом корпусе было по одной такой бригаде.

Летом 1940 года наркомом обороны, вместо К.Е. Ворошилова, был назначен С.К. Тимошенко, который был истинным представителем высшей военной иерархии советского времени.

Семену Константиновичу Тимошенко к тому времени только что исполнилось 45 лет, из которых 30 лет он находился на военной службе. В годы Первой мировой войны он окончил полковую и пулеметную школы, участвовал в боевых действиях на Юго-Западном и Западном фронтах, стал георгиевским кавалером. В марте 1918 года он вступил в РККА, а Гражданскую войну закончил в должности командира кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, которой командовал С.М. Буденный, а членом Военного совета был К.Е. Ворошилов. Это определило дальнейшую судьбу военачальника, кото-

рый после окончания Высших курсов Военной академии РККА в 1925 году получил в командование кавалерийский корпус. В последующие годы Семен Константинович — командир армейской группы, помощник командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии. С лета 1937 года С.К. Тимошенко — командующий Северо-Кавказского, затем Харьковского, Киевского военных округов, с 1939 года — командарм 1-го ранга. В сентябре-ноябре 1939 года он — командующий войсками Украинского, а в январе-марте 1940 года — Северо-Западного фронтов, которые провели операции по овладению Западной Украиной и по разгрому Финляндии. На основании этого в конце мая С.К. Тимошенко был назначен на пост наркома обороны.

Тимошенко С.К. — нарком обороны СССР

Безусловно, Семен Константинович имел большой практический стаж управления войсками. Он мог в качестве добросовестного исполнителя эффективно управлять объединением. В то же время в области стратегического управления всеми вооруженными силами страны он явно не был готов. Не был готов он и к руководству подчиненным ему высшим органом военного управления в лице Генерального штаба. Также не мог он организовать и качественную разработку основных руководящих документов Генеральным штабом.

Напомним, что Мобилизационный план, принятый в СССР в 1938 году, не уточнялся до второй половины 1940 года, хотя в этом имелась прямая необходимость в связи с изменением территории СССР в 1939—1940 годах, реорганизацией Красной Армии, опытом советско-

финляндской и начавшейся Второй мировой войны. Об этом свидетельствуют акты передачи народного комиссариата обороны К.Е. Ворошиловым и начальником Генерального штаба Б.М. Шапошниковым. В этом акте в 1940 году указывалось: «Мобплана к моменту приема НКО не имеет и армия планомерно отмобилизовываться не может». Новый начальник Генерального штаба К.А. Мерецков указал: «В связи с проведением оргмероприятий, передислокацией частей и изменением границ военных округов действующий мобплан в корне нарушен и требует полной переработки. В настоящее время армия не имеет плана мобилизации».

Данный факт лучше всего свидетельствует о недоработках наркома обороны К.Е. Ворошилова и особенно начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова. Последний, как автор труда «Мозг армии», лучше других понимал значение планирующей роли Генерального штаба, но быстро меняющиеся условия обстановки не позволяли быстро выполнить данную работу. Тем не менее, передавая К.А. Мерецкову руководство Генеральным штабом, он передал ему уже практически готовый мобилизационный план, который Кириллу Афанасьевичу только осталось утвердить.

Кирилл Афанасьевич Мерецков свою военную карьеру начал сразу же после Октябрьской революции в рядах Красной гвардии. В 1922 году, завершив обучение в Военной академии РККА, он сразу же получил назначение на должность начальника штаба дивизии. Во второй половине 20-х годов он поднялся до уровня заместителя начальника штаба Московского военного округа, а после окончания Курсов усовершенствования высшего начальствующего состава стал начальником штаба ведущих (Московского и Белорусского) военных округов. Получив определенный боевой опыт во время войны в Испании, в мае 1937 года Кирилл Афанасьевич был назначен заместителем начальника Генерального штаба. Но в том же году волна репрессий в РККА вывела его на

должность командующего войсками вначале Приволжского, а затем Ленинградского военных округов. Во время советско-финляндской войны Мерецков командовал 7-й армией, после чего в августе 1940 года был назначен начальником Генерального штаба РККА.

В новой должности К.А. Мерецков чувствовал себя неуютно. Недостатки, выявленные в его работе во время советско-финляндской войны, но затушеванные эйфорией победы, не давали покоя этому человеку. Кроме того, он не тяготел к штабной службе и относился к ней как к чему-то временному на пути к очередной командной должности. В то же время Мерецков очень хорошо понимал значение подготовительных мероприятий и, прежде всего, четкого планирования предстоящих военных действий.

Новый вариант мобилизационного плана Генеральным штабом Красной Армии был подготовлен к сентябрю 1940 года. В соответствии с этим планом численность Красной Армии предлагалось довести до 10 миллионов человек и иметь 209 стрелковых дивизий, 9 механизированных корпусов, 20 танковых дивизий, 9 моторизованных дивизий, 79 авиационных дивизий. Но даже при беглой проверке выявилась его недостаточная согласованность с другими руководящими документами, поэтому переработка мобилизационного плана затянулась до февраля 1941 года, а утверждать его пришлось уже новому начальнику Генерального штаба Г.К. Жукову. Однако и этот план не получил одобрения со стороны политического руководства страны. Были у него противники и в высших военных кругах, которые считали необходимым иметь значительно большее количество крупных механизированных соединений.

Важнейшим оперативным документом являлся План стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР в случае войны, разработанный Генеральным штабом, в основе которого лежали «Соображения об основах стра-

тегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и Востоке на 1940 и 1941 гг. от 18 сентября 1940 года». Для отражения противника, готовящегося нанести удар на Украине, нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба К.А. Мерецков предлагали главные силы Красной Армии на западе развернуть «к югу от Брест-Литовска, с тем, чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислава) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовского с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней».

План прикрытия государственной границы. А.М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни» пишет, что работу над Планом прикрытия государственной границы он начал с середины апреля 1940 года. При этом он признается, что «главное к тому времени уже было выполнено. В течение всех последних лет подготовкой плана непосредственно руководил Б.М. Шапошников, и Генштаб к тому времени завершил его разработку для представления и утверждения в ЦК партии».

К.А. Мерецков в должности начальника Генерального штаба особенно не усердствовал. Поэтому в Плане прикрытия государственной границы, разработанном в связи с присоединением к СССР в конце 1939-го — начале 1940 годов новых территорий, было обнаружено немало недостатков. Их устранением занимались Н.Ф. Ватутин, Г.К. Маландин и М.В. Василевский. Последний пишет, что этот проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии докладывались непосредственно И.В. Сталину 18 сентября 1940 года в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. От Наркомата обороны план представляли С.К. Тимошенко, К.А. Мерецков и Н.Ф. Ватутин. Генеральный штаб считал, что главный

удар противника может быть нанесен по одному из двух вариантов: к югу или к северу от Брест-Литовска (Бреста). Таким образом, поставить окончательную точку в этом вопросе должен был И.В. Сталин.

При рассмотрении этого плана, как пишет А.М. Василевский, ссылаясь на свидетельства К.А. Мерецкова (сам Кирилл Афанасьевич об этом ничего не пишет), И.В. Сталин высказал мнение, что главный удар в случае войны германские войска нанесут на Украине. Поэтому Генеральному штабу было поручено разработать новый план, предусмотрев сосредоточение главной группировки советских войск на Юго-Западном направлении.

5 октября 1940 года План стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил был рассмотрен руководителями партии и государства. В ходе обсуждений было признано целесообразным еще раз подчеркнуть, что основная группировка советских войск должна быть развернута на Юго-Западном направлении в полосе Киевского Особого военного округа, в связи с чем предполагалось еще больше усилить состав войск этого округа.

Доработанный с учетом полученных замечаний развертывания РККА у западных границ СССР план был представлен на утверждение ЦК ВКП(б) и Правительству 14 октября 1940 года. Все вопросы, касающиеся Наркомата обороны и Генерального штаба, должны были быть сняты не позднее 15 декабря 1940 года. С 1 января 1941 года к разработке соответствующих планов должны были приступить штабы военных округов.

Но в конце 1940 года была получена новая информация о подготовке Германии к войне на востоке и о группировке ее сил и средств. На основании этого, по признанию А.М. Василевского, «Генштаб и в целом наше Оперативное управление вносили коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 года оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил для отражения нападения врага с запада». При

этом предусматривалось, «что наши войска вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися и в составе предусмотренных планом группировок, что от- мобилизование и сосредоточение войск будет произведе- дено заблаговременно».

В середине января 1941 года начальником Генераль- ного штаба был назначен Г.К. Жуков. О личности этого человека написано очень много, а памятник ему, как вы- дающемуся полководцу Великой Отечественной войны, установлен в Москве перед Красной площадью. В то же время нужно отметить, что сам Георгий Константинович в 1941 году к возложенной на него должности не был го- тов.

Георгий Константинович Жуков, безусловно, был хо- рошим командиром. Начав военную службу с 1915 года, он участвовал в Первой мировой войне и заслужил чин младшего унтер-офицера и два Георгиевских креста. В 1918 году поступил в РККА, в Гражданскую войну был командиром сабельного взвода и кавалерийского эска- дрона, за боевые заслуги отмечен орденом Красного Знамени. В 1920 году он окончил кавалерийские курсы, командовал кавалерийским эскадроном, участвовал в подавлении крестьянского восстания под руковод- ством А.С. Антонова в Тамбовской губернии. Послед- нее дало хороший толчок для карьерного роста Жукова. В 1923 году он уже командир кавалерийского полка, с 1930 года — командир бригады. В феврале 1933 года Георгий Константинович был назначен помощником ин- спектора кавалерии РККА, через несколько месяцев — командиром кавалерийской дивизии, а в июле 1937 года (после первой волны арестов военачальников РККА) — командиром кавалерийского корпуса. В июле 1938 года Жуков назначается заместителем командующего войс- ками Белорусского военного округа.

С лета 1939 года Г.К. Жуков — командующий 1-й ар- мейской группой, дислоцировавшейся в Монголии. Там, упредив противника, с меньшими силами советские

Жуков Г.К. — начальник Генерального штаба РККА

войска перешли в наступление, окружили и разгромили врага. Японцы потеряли около 61 тысячи человек убитыми, ранеными и пленными. Потери советских войск составили 8 тысяч человек убитыми и умершими от ран и столько же ранеными. После этого по просьбе японской стороны 16 сентября боевые действия были прекращены. За одержанную победу 29 августа 1938 года Г.К. Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза и произведен в звание командарма 2-го ранга.

С июня 1940 года Георгий Константинович — командующий войсками Киевского Особого военного округа. Под его руководством войска округа провели наступательную операцию на принадлежавшие Румынии территории Бессарабии и Северной Буковины. Затем он отличился во время известной штабной игры в конце 1940 года и был назначен на должность начальника Генерального штаба с производством в командармы 1-го ранга.

Это была головокружительная карьера, свойственная советскому военачальнику, который в конце 30-х годов по какой-то причине смог избежать репрессий. Сам Г.К. Жуков об этом в своей книге «Воспоминания и размышления» ничего не пишет. Более того, в книге, написанной во второй половине 60-х годов, он подчеркнуто дает хорошую характеристику М.Н. Тухачевскому, И.П. Уборевичу и другим, погибшим в 1937 и 1938 годах. Но теперь мы знаем, что избежать ареста в те годы было очень непросто и многим приходилось «приспосабливаться» к требованиям времени...

Также не стоит забывать, что у Г.К. Жукова, кроме курсов, за плечами никакого военного образования не было. Конечно, можно предположить, что его отсутствие целиком было заменено богатой практикой. Это допускается в вопросах командования войсками, где жесткость и железная воля нередко компенсируют глубокие академические знания. Но Жуков практически не имел опыта штабной работы даже на уровне части. Поэтому предположить, что он стал хорошим штабистом на уровне Генерального штаба РККА, очень трудно.

Несмотря на это, проект нового мобилизационного плана был представлен С.К. Тимошенко и Г.К. Жуковым на рассмотрение правительству СССР 12 февраля 1941 года и практически сразу же утвержден И.В. Сталиным. Этим планом предусматривалось численность Красной Армии в военное время иметь 8,7 миллиона человек, за счет которых развернуть 9 фронтовых управлений, 27 армейских управлений, а также 65 управлений стрелковых корпусов, 30 управлений механизированных корпусов, 304 дивизии, в том числе 60 танковых и 30 моторизованных.

Исходя из опыта начала Первой мировой войны советское руководство считало, что от объявления войны до реального начала военных действий пройдет значительное время. На основании этого предполагалось проводить от мобилизацию поэтапно в течение одного

месяца. Первым эшелоном на первый-третий день после объявления войны предполагалось отмотилизовать части и соединения армий прикрытия государственной границы приграничных военных округов, составлявшие 25—30% боевых соединений и содержащихся в мирное время в усиленном составе. В этом же эшелоне приводились в боевую готовность ВВС, войска ПВО и укрепленные районы. Во втором эшелоне на четвертый-седьмой день войны предусматривалось отмотилизовать остальные боевые соединения, части боевого обеспечения, армейские тыловые части и учреждения. В третьем эшелоне на восьмой-пятнадцатый день войны нужно было развернуть фронтовые тылы, ремонтные базы, фронтовые запасные части. В четвертом эшелоне на шестнадцатый-тридцатый день планировалось развернуть запасные части и стационарные госпитали.

Развертывание стрелковых, танковых, кавалерийских и моторизованных дивизий приграничных военных округов, содержащихся в усиленном составе (70—80% от штатов военного времени), предполагалось осуществить в два эшелона. Первый эшелон (постоянный кадровый состав) должен был быть готовым к выступлению через два-четыре часа с момента получения приказа, а танковые части — через шесть часов. Второй эшелон должен был быть готовым к выступлению к исходу третьих суток.

Запасы в войсках и на складах по состоянию на 22 июня 1941 года позволяли обеспечить выполнение плана отмотилизования, развертывания войск и прикрытие ими государственной границы. Соединения были обеспечены стрелково-пулеметным вооружением на 100%, автоматами, крупнокалиберными пулеметами, зенитными пулеметами — на 30%, артиллерийскими орудиями всех систем — на 75—96%, танками всех видов — на 60%, в том числе тяжелыми — на 13%, средними (Т-34 и Т-36) — на 7%, легкими — на 133%. Обеспе-

ченность ВВС самолетами составляла около 80%, в том числе боевой авиации — 67%.

Встает вопрос о прохождении такого важного документа, как мобилизационный план. Казалось бы, для его исполнения в штабы военных округов должны быть немедленно направлены частные директивы, в которых бы указывались мобилизационные задания, календарные сроки основных мероприятий, в том числе и конечные сроки разработки окружных мобилизационных планов.

Реально такие директивы направлены были, и сроки определены — 1 июня 1941 года, а в военных округах, по официальным сведениям, по этим директивам состоялись заседания Военных советов, постановления которых немедленно доводились до войск.

Но здесь начинается самое странное. В связи с тем, что мобилизационный план в последующем неоднократно изменялся и уточнялся, в войска постоянно шли не утвержденные окончательно директивы, и войсковые штабы их не успевали отрабатывать. Частые изменения директивных документов привели также к тому, что многие из них просто не отрабатывались. Были и другие причины задержки в отработке мобилизационных документов. Так, известно, что заседание Военного совета Западного Особого военного округа состоялось с опозданием по сравнению с календарными сроками на двадцать суток, а директива в войска была направлена только 26 марта 1941 года. Этой директивой срок разработки мобилизационного плана округа отодвигался до 15 июня 1941 года.

Но разработать и утвердить мобилизационный план — только часть дела. Нужно было обеспечить его выполнение, а здесь дело обстояло неважно. Работники военкоматов приграничных округов плохо знали мобилизационные возможности своих районов, в результате чего многие дефицитные специалисты не могли своевременно прибыть в войска. ВВС округов также имели низкую боевую готовность. Не лучшим было и состояние

механизированных корпусов. Отмечалась плохая боевая готовность сил и средств ПВО. Так, в частности, комиссия управления ПВО во главе с генерал-полковником Г.М. Штерном по итогам проверки указывала: «Боевая готовность 3-й и 4-й дивизий ПВО Киевского Особого военного округа находится в неудовлетворительном состоянии. Части ПВО Киева к ночной обороне почти не готовятся... Боевая подготовка 4-й дивизии ПВО, а также системы ПВО Львова в целом находится в неудовлетворительном состоянии».

Таким образом, планы мобилизации Киевского Особого военного округа к июню 1941 года требовали не только доработки, но и уточнения многих важных вопросов. По ряду положений они не были согласованы с планами конкретных армий и плохо увязаны с возможностями военкоматов.

Еще хуже обстояло дело с разработкой оперативного плана действий советских войск в случае войны на Западе. Г.К. Жуков, назначенный начальником Генерального штаба РККА с должности командующего войсками Киевского Особого военного округа, как видно, полностью поддерживал идею о подготовке противником главного удара на Украине. По крайней мере в своих мемуарах он признается, что при переработке оперативного плана в феврале-апреле 1941 года Генеральный штаб по-прежнему исходил из того, что главный удар немцев будет нанесен на Украине. На основании этого Георгий Константинович высказал ряд существенных замечаний по Плану развертывания, отработанному его предшественниками. Так М.В. Захаров пишет: «С назначением генерала армии Г.К. Жукова начальником Генерального штаба план стратегического развертывания весной 1941 года вновь стал предметом обсуждения и уточнения».

Доработка Плана прикрытия государственной границы осуществлялась в феврале-апреле 1941 года при участии Генерального штаба и руководящего состава

штабов военных округов (командующий, начальник штаба, член Военного совета, начальник оперативного отдела). В стенах Генерального штаба этой работой занимались начальник оперативного отдела Н.Ф. Ватутин и его заместитель А.М. Василевский.

Генерал-лейтенанту Николаю Федоровичу Ватутину в то время только исполнилось 40 лет, из которых половину он отдал службе в РККА. Начал ее красноармейцем в конце Гражданской войны, получил некоторый боевой опыт в погоне за остатками крестьянских отрядов атамана Н.И. Махно. Затем начал учиться. В 1922 году он окончил Полтавскую пехотную школу, в 1924 году — Киевскую высшую военную школу, в 1929 году — Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1936 году Ватутин оказался в числе первого набора только что созданной Военной академии Генерального штаба. Но окончить ее не удалось. Через год ему приказали прекратить учебу и закончить это военно-учебное заведение досрочно. В связи с массовыми репрессиями в РККА в срочном порядке нужны были люди для замещения «вакантных» должностей. Николай Федорович был назначен на должность заместителя начальника штаба Сибирского военного округа, а вскоре после этого — начальником штаба Киевского военного округа. В 1939 году Н.Ф. Ватутин, практически не имевший опыта планирования крупных войсковых операций, становится начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба РККА.

Примерно такую же штабную подготовку имел и первый заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майор А.М. Василевский.

Александр Михайлович Василевский до революции получил неплохое общее и начальное военное образование. Родившись в семье священника, он в 1909 году закончил духовное училище, а летом 1914 года — предпоследний курс семинарии. Но стать священником ему помешала Первая мировая война. С ее началом он был

призван на военную службу и направлен в Московское Алексеевское военное училище, ускоренный курс которого окончил в мае 1915 года. На фронте Василевский командовал ротой, батальоном, дослужился до звания штабс-капитана.

В мае 1919 года Александр Михайлович был призван в РККА. В июне он во главе специально созданного отряда из 100 человек направляется на борьбу с кулачеством. Потом отряд влился в Красную Армию, где Василевский командовал ротой, батальоном, был помощником командира полка.

После окончания Гражданской войны А.М. Василевский занимал должность начальника штаба бригады. В 1924 году он был назначен начальником школы младших командиров 48-й стрелковой дивизии. Затем после окончания высших стрелково-тактических курсов «Выстрел» он назначается командиром, в начале 1931 года — помощником начальника отдела боевой подготовки Приволжского военного округа.

Когда в Москве летом 1936 года открылась Военная академия Генерального штаба, полковник А.М. Василевский стал ее слушателем, но проучился всего год и также был досрочно выпущен из этого высшего военно-учебного заведения. В октябре 1937 года он назначается начальником отделения Генерального штаба РККА, а в мае 1940 года занимает должность первого заместителя начальника Оперативного управления Генерального штаба.

После переноса государственной границы СССР осенью 1939 года на 200 — 250 километров на запад перед Генеральным штабом, а прежде всего, перед его Оперативным отделом встала нелегкая задача по разработке стратегического плана военных действий советских войск в случае войны на вновь приобретенных территориях.

А.М. Василевский по этому вопросу в своей книге «Дело всей жизни» пишет:

«Оперативное управление вносило коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 года оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил для отражения нападения врага с запада. План предусматривал, что военные действия начнутся с отражения ударов нападающего врага; что удары его сразу же разыграются в виде крупных воздушных сражений, с попыток противника обезвредить наши аэродромы, ослабить войска, и особенно танковые группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым городам. С нашей стороны предусматривалась необходимость силами всей авиации сорвать попытки врага завоевать господство в воздухе и, в свою очередь, нанести по нему решительный удар с воздуха.

Одновременно ожидалось нападение на наши границы наземных войск с крупными танковыми группировками, во время которых наши стрелковые войска и укрепленные районы приграничных военных округов совместно с пограничными войсками обязаны будут сдерживать первый натиск, а механизированные корпуса, опираясь на противотанковые рубежи, своими контрударами вместе со стрелковыми войсками должны будут ликвидировать вклинившиеся в нашу оборону группировки и создать благоприятную обстановку для перехода советских войск в решительное наступление. Предполагалось также, что наши войска вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися и в составе предусмотренных планом группировок, что отмотилизование и сосредоточение войск будет произведено заблаговременно.

Предусматривалось, что войска эшелонов прикрытия к началу действий врага, будучи полностью укомплектованными по штату военного времени, развернутся на подготовленных оборонительных рубежах вдоль границы и вместе с укрепленными районами и пограничными войсками смогут, в случае крайней необходимости, при-

крыть отмобилизование войск вторых эшелонов приграничных округов, которым по мобилизационному плану отводилось для этого от нескольких часов до одних суток».

И только в конце апреля 1941 года уточненный вариант плана подписывают нарком обороны С.К. Тимошенко, начальник Генерального штаба Г.К. Жуков и его разработчик генерал-майор А.М. Василевский.

Но и этот документ, как видно, имел ряд недостатков. Поэтому 15 мая 1941 года Председателю Совета Народных Комиссаров были предложены новые Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза, разработанные по приказу начальника Генерального штаба Г.К. Жукова. В них Георгий Константинович предупреждал о том, что «Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, и имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Вследствие этого Г.К. Жуков предлагал «ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск». Для достижения этой цели предлагалось разбить германскую армию восточнее р. Висла и на краковском направлении выйти на рубеж рек Нарев, Висла и овладеть районом Катовице. Для этого предлагалось главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезать Германию от ее южных союзников, а вспомогательный удар левым крылом Западного фронта — в направлении на Варшаву, Дембоин с целью скопления варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки. В это же время планировалось, при благоприятной обстановке, быть готовым к нанесению ударов против Румынии.

Этот документ, на основании которого некоторые авторы утверждают о подготовке СССР к агрессии против Германии и ее союзников, был опубликован в Военно-историческом журнале № 2 за 1992 год. При этом автор публикации В.Н. Киселев указывал, что документ был написан от руки А.М. Василевским, но не подписан ни Г.К. Жуковым, ни С.К. Тимошенко, ни тем более И.В. Сталиным. Он представлял собой только один из возможных вариантов действий, не утвержденный высшим руководством и, следовательно, не имевший никакого права на реализацию. Это значит, что страна готовилась не к нападению, а к обороне.

М.В. Захаров пишет, что последняя корректировка оперативного плана на уровне Генерального штаба была проведена в мае-июне 1941 года. Документ был написан, как и прежде, А.М. Василевским, а затем скорректирован Н.Ф. Ватутиным. Идея сосредоточения основных усилий на Украине оставалась в силе.

Пройдет время, и исследователи начала Великой Отечественной войны дружно начнут обвинять И.В. Сталина в том, что он неправильно определил направление главного удара противника. При этом эти «исследователи» совершенно не учитывают тот фактор, что с середины 1940 года практически вся верхушка РККА состояла из представителей Киевского Особого военного округа, а эти люди, вполне естественно, привыкли работать в интересах своего региона и знали его особенности лучше, чем другие оперативные направления. После назначения наркомом обороны бывшего командующего КОВО С.К. Тимошенко он тут же пригласил бывшего начальника штаба этого округа Н.Ф. Ватутина на должность начальника Оперативного управления Генерального штаба, начальника мобилизационного отдела КОВО генерал-майора Н.Л. Никитина на должность начальника Мобилизационного управления Генерального штаба. Бывший командир механизированной бригады и начальник автотанковых войск КВО И.Я. Федоренко становит-

ся начальником Автобронетанкового управления РККА. Бывший командующий 6-й армией КОВО Ф.И. Голиков становится начальником Главного разведывательного управления и заместителем начальника Генерального штаба. Бывший член Военного совета КОВО корпусной комиссар С.К. Кожевников назначается на должность военного комиссара Генерального штаба. Эти люди пользуются особым расположением наркома и имеют возможность выходить на него в обход начальника Генерального штаба.

В такой обстановке К.А. Мерецкову работать очень непросто. В начале 1941 года на должность начальника Генерального штаба вместо К.А. Мерецкова назначается командующий КОВО генерал Г.К. Жуков. Он делает своим первым заместителем Н.Ф. Ватутина, а на освобожденную должность начальника Оперативного управления Генерального штаба назначается заместитель начальника штаба КОВО генерал-майор Г.К. Маландин. На должность начальника укрепленных районов РККА приходит начальник укрепленных районов КОВО генерал-майор С.И. Ширяев.

М.В. Захаров пишет: «Сотрудники, выдвинутые на ответственную работу в Генштаб из Киевского Особого военного округа, в силу своей прежней службы продолжали придавать более важное значение Юго-Западному направлению. При оценке общей военно-стратегической обстановки на западном театре войны их внимание, на наш взгляд, невольно приковывалось к тому, что «прикипело к сердцу», длительно владело сознанием и, естественно, заслоняло собой и отодвигало на второй план наиболее весомые факты и обстоятельства, без которых нельзя было воспроизвести верную картину надвигавшихся событий.

«Подобный метод подбора руководящих работников Генерального штаба нельзя признать удачным, — делает вывод М.В. Захаров, сам в недавнем прошлом также работник штаба КОВО. — Никакого повода или веских

оснований к широкому обновлению его в условиях приближавшейся войны, да и к тому же лицами, тяготевшими по опыту своей прежней деятельности к оценке обстановки с позиций интересов командования Юго-Западного направления, не было».

Таким образом, и мобилизационный, и оперативный планы, разработанные накануне войны Генеральным штабом РККА, строились не на реальных условиях обстановки, а на предположениях отдельных руководителей. И это не удивительно. Практически все эти люди, начиная от начальника Генерального штаба и кончая заместителем начальника Оперативного управления, не имели за спиной опыта планирования стратегических оборонительных операций, тем более в начале войны. Более того, даже в теоретическом плане в то время в советской военной науке таких операций не предусматривалось.

И все же определенная работа в этом направлении выполнена была. Однако в оперативном планировании, как и в мобилизационном, Генеральный штаб РККА не проявил должной оперативности. Причин этому было много, главнейшими из которых была резкая смена начертания государственной границы СССР в конце 1939-го — первой половине 1940 года и частая смена в этот период начальников Генерального штаба. Кроме того, негативную роль сыграло и то, что высший эшелон военного руководства РККА и Генерального штаба к началу 1941 года был представлен выходцами из Киевского Особого военного округа, которые вследствие субъективных подходов заранее переоценивали роль Украины в планах гитлеровского командования. Благодаря этому Киевский Особый военный округ получил возможность в быстром темпе наращивать свои боевые возможности в ущерб другим военным округам.

В случае нападения фашистской Германии на СССР предусматривалось проведение армейских оборонительных операций, и в этой связи были разработаны

армейские планы прикрытия государственной границы. В этих планах достаточно подробно рассматривались все вопросы, связанные с построениями обороны подчиненных соединений до батальона (дивизиона) включительно. К сожалению, данные планы до подчиненных войск в полном объеме доведены не были, а планы первых оборонительных боев корпусов, дивизий и полков и вовсе не разрабатывались.

Существенным недостатком планирования также было и то, что решение оборонительных задач в случае внезапной агрессии со стороны Германии возлагалось на армии прикрытия государственной границы. Поэтому фронтовые подробные планы обороны уже не разрабатывались, а сами первые оборонительные операции в масштабе фронтов практически не готовились. Также не существовало и стратегического плана обороны советских войск в случае войны на западном театре военных действий.

Существовавшие недостатки оперативного и боевого планирования стали причиной того, что не проводилось предварительное планирование применения родов войск в рамках конкретной операции (боя), отсутствовала организация взаимодействия разнородных сил и средств по задачам, рубежам и времени.

Все это, в комплексе, позволяет сделать вывод о том, что деятельность Генерального штаба как главного планирующего и руководящего органа РККА накануне войны велась неудовлетворительно. Генерал армии Г.К. Жуков и его ближайшие помощники ограничились проведением общих мероприятий, но не занимались вопросами конкретной подготовки подчиненных войск к войне. Они удовлетворились отдачей общих указаний, но не удосужились проверить прохождение этих указаний через все ступени воинской иерархии. Поэтому все планирующие документы «зависли» на уровне армейских штабов и не поступили в войска, которым непосредственно предстояло решать задачи обороны в случае войны.

КИЕВСКИЙ ОСОБЫЙ

Киевский Особый военный округ в конце 30-х и начале 40-х годов у советского руководства был на особом счету. Это объяснялось несколькими причинами. Во-первых, граничившие с ним территории Польши традиционно считались враждебными. Во-вторых, начавшаяся Вторая мировая война сделала этот округ пограничным с Германией. В-третьих, в связи с освободительными походами советских войск в Западную Украину, в состав округа влились значительные новые территории, которые требовали освоения в военно-оперативном отношении. Видимо, именно поэтому в июне 1940 года командующим войсками Киевского Особого военного округа был назначен отличившийся в боях на реке Халхин-Гол генерал армии Г.К. Жуков, который единственный из командующих военных округов тут же вводится в состав Главного Военного Совета СССР.

Вскоре после этого на базе войск Киевского Особого военного округа и части сил Одесского военного округа создается Южный фронт для освобождения районов Северной Буковины и Бессарабии, находившихся в пределах Румынии. Г.К. Жуков назначается командующим этим фронтом. Новый нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко (в недавнем прошлом командующий КОВО) лично контролировал действия войск Южного фронта и о результатах постоянно докладывал И.В. Сталину. Затем была знаменитая военно-стратегическая игра (декабрь 1940 года), в которой

Г.К. Жуков переиграл «красную» сторону генерала Д.Г. Павлова, после чего 13 января 1941 года Георгий Константинович был назначен на должность начальника Генерального штаба.

Новым командующим войсками Киевского Особого военного округа стал генерал-полковник М.П. Кирпонос. Начальником штаба округа был генерал-лейтенант М.А. Пуркаев, членом Военного совета корпусной комиссар Н.Н. Вашугин, начальником оперативного отдела полковник И.Х. Баграмян.

Михаилу Петровичу Кирпоносу в начале 1941 года исполнилось 39 лет. В начале 30-х годов он получил определенный опыт в командовании стрелковой дивизией. Но затем в течение пяти лет, с 1934-го по 1939 годы, занимал административную должность начальника Казанского пехотного училища. Только в конце 1939 года, с началом советско-финляндской войны, Михаил Петрович назначается командиром 70-й стрелковой дивизии. И хотя он в этой должности особого военного искусства не проявил, тем не менее после победы над Финляндией дивизия была награждена орденом Ленина, а ее командир был удостоен звания Героя Советского Союза. После этого карьера М.П. Кирпоноса развивается с головокружительной быстротой. В апреле 1940 года он назначается командиром стрелкового корпуса в Белорусском военном округе, через два месяца становится командующим войсками Ленинградского военного округа с присвоением звания генерал-лейтенант. А в феврале 1941 года переводится на должность командующего

Кирпонос М.П. —
командующий войсками
Киевского Особого
военного округа
(с 22 июня 1941 г. —
Юго-Западного фронта)

Пуркаев М.А. —
начальник штаба Киевского
Особого военного округа
(с 22 июня 1941 г. —
Юго-Западного фронта)

войсками Киевского Особого военного округа с присвоением звания генерал-полковник.

Несколько лучшим было прохождение службы Максимом Алексеевичем Пуркаевым. После окончания Военной академии имени М.В. Фрунзе в 1936 году он прошел должности командира полка, помощника начальника и начальника штаба дивизии, начальника отдела и заместителя начальника штаба военного округа. В 1938 году Пуркаев был назначен на должность командира стрелковой дивизии, но сказалась тяга к штабной работе. Поэтому спустя год он назначается начальником

штаба Белорусского военного округа. Но поработать в этой должности довелось недолго. В том же 1939 году Пуркаев направляется военным атташе в Германию. А в июле 1940 года он назначается начальником штаба Киевского Особого военного округа.

Иван Христофорович Баграмян после окончания в 1938 году Военной академии Генерального штаба службы проходил начальником штаба кавалерийской дивизии, затем старшим преподавателем Военной академии Генерального штаба. В 1940 году он был назначен начальником оперативного отдела штаба 12-й армии, а вскоре после этого — начальником оперативного отдела Киевского Особого военного округа.

Николая Николаевича Вашугина же вообще военачальником можно было назвать с большой натяжкой. Чистый политработник. В 1937 году он окончил Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел», назначен командиром стрелкового полка, но в связи с репрес-

сиями был переведен на должность члена Военного совета Ленинградского военного округа. Затем во время советско-финляндской войны он — член Военного совета 7-й армии, с 1940 года — член Военного совета Ленинградского военного округа, с осени 1940 года — член Военного совета Киевского Особого военного округа.

Таким образом, в профессиональном отношении все высшее руководство Киевского Особого военного округа было слишком «сырым» для управления столь крупным объединением в боевой обстановке. Ему не хватало ни профессиональных знаний, ни практического опыта. К тому же события тревожных 1937 и 1938 годов также сделали свое «черное» дело — многие высшие военачальники, оказавшиеся на должностях в связи с репрессиями их предшественников, панически боялись проявлять любую инициативу и действовать не так, как предписывал Генеральный штаб.

Для срыва замыслов фашистского командования в составе Киевского Особого военного округа по штатам мирного времени были развернуты управления четырех (5, 6, 12 и 26-й) армий, а также соединения и части окружного подчинения (всего 11 стрелковых, 8 механизированных и 1 кавалерийский корпус, суммарно состоявшие из 58 дивизий, в том числе 22 стрелковых, 16 танковых, 8 механизированных, 2 кавалерийских, 10 авиационных и 8 укрепленных районов).

Всего, по архивным данным, к началу войны в Киевском Особом военном округе имелось в наличии 287 тяжелых танков, 627 средних танков, 5628 танков БТ и Т-26,

Вашугин Н. Н. — член Военного совета Киевского Особого военного округа (с 22 июня 1941 г. — Юго-Западного фронта)

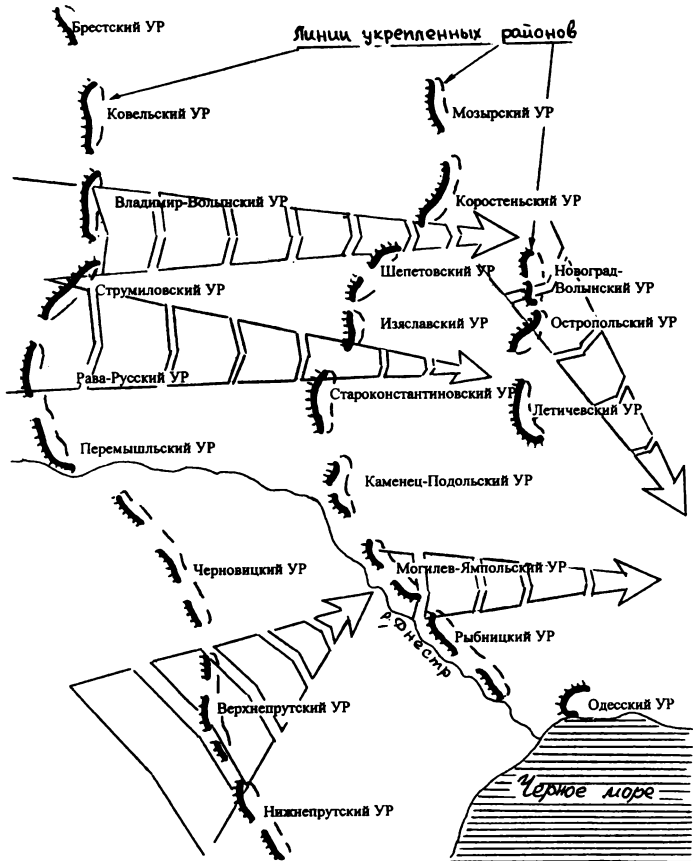
214 химических танков, 399 танков Т-37-38, 354 прочих танка. Всего 7691 танк. Кроме того, в войсках было 1154 бронемшины. Артиллерией войска округа также были укомплектованы предостаточно. В ее составе имелось: 203-мм гаубиц — 24, 152-мм гаубиц—1019, 122-мм гаубиц — 1207, 122-мм пушек — 240, 107-мм пушек — 44, 76-мм пушек—1292, 76-мм горных пушек — 192, 76-мм зенитных пушек — 1016, противотанковых 45-мм пушек — 2051, 37-мм зенитных пушек — 266 единиц. А также войска имели 257 120-мм минометов, 60 107-мм минометов, 1959 82-мм минометов и 3697 50-мм минометов. Итого же на вооружении войск Киевского Особого военного округа было 10 824 орудия и миномета.

Кроме того, с началом войны оперативным планом Генерального штаба планировалось включить в состав образуемого Юго-Западного фронта еще две общевойсковые армии (19-ю и 16-ю), войска которых с 15 июня 1941 года начали прибывать в районы Фастова и Винницы. Однако к 22 июня сосредоточение этих войск и формирований армейских и корпусных управлений не было закончено.

В соответствии с планом «Барбаросса» гитлеровское руководство планировало, «используя стремительный прорыв мощных танковых соединений из района Люблин, отрезать советские войска, находящиеся в Галиции и Западной Украине, от их коммуникаций на Днестре и захватить переправы в районе Киева и южнее его». Для решения этой задачи главный удар должен был наноситься между Рава-Русская и Ковель в направлении на Бердичев, Житомир и Киев, то есть на правом крыле Юго-Западного фронта.

При этом на других участках этого фронта германским командованием планировались только пассивные действия. Так, германский генерал А. Филиппи в своей книге «Припятская проблема» пишет, что по состоянию на 22 июня 1941 года в немецком фронте зияла почти 400-километровая брешь вдоль Восточных Карпат (меж-

1941. Победный парад Гитлера

ду 11-й армией, расположенной в Румынии, и 17-й, 6-й армиями и 1-й танковой группой, сосредоточенными в Польше). Это произошло потому, что политические причины исключали как использование венгерской государственной территории для развертывания немецких сил, так и своевременные действия венгерских соединений с целью сковывания противника. В силу этого пришлось отказаться от намерения осуществить из этой области

хотя бы неглубокий прорыв на окружение южным крылом 17-й армии. Таким образом, во-первых, южный фланг 17-й армии остался открытым, во-вторых, удаленная от главных сил 11-я армия оказалась на продолжительное время изолированной в оперативном отношении, и вести наступательные действия ее силами на первом этапе вообще не пришлось. Семь немецких дивизий 11-й армии были использованы для усиления обороны румынских сухопутных сил вдоль реки Прут. Таким образом, обстановка не позволяла решиться на планировавшееся сосредоточение немецких сил для осуществления наступления из Северной Молдовы. Из 20 румынских соединений лишь небольшая часть оказалась боеспособной, да и то годилась только для решения сравнительно легких задач.

В результате простого сопоставления можно сделать вывод, что общее соотношение сил и средств в полосе Киевского Особого военного округа, по данным архива, было в пользу советского командования по количеству расчетных дивизий — в 1,6 раза, по личному составу — в 1,2 раза, по орудиям и минометам — в 1,4 раза, по танкам — в 4 раза, по самолетам — в 2,5 раза.

Основным оперативным документом для войск Киевского Особого военного округа к началу войны была «Записка по плану обороны на период от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск КОВО на 1941 год». Долгое время этот документ под грифом «Совершенно секретно» и «Особой важности» хранился в особом отделе Центрального архива Министерства обороны СССР. Впервые он увидел свет только в 1996 году после того, как его опубликовали в «Военно-историческом журнале» Ю.А. Горьков и Ю.Н. Семин. В этом документе определялись: задачи обороны; соседи и границы с ними; задачи армий (районов прикрытия) и планы их выполнения; состав и задачи резервов округа; вопросы использования ВВС, средств противовоздушной и противодесантной обороны округа; порядок построения системы полос,

позиций, районов и их инженерное оборудование; вопросы организации тыла и управления. Все эти вопросы были изложены достаточно подробно, что, безусловно, доказывает рациональность этого плана и грамотность его составителей.

В то же время необходимо отметить, что оперативный план Киевского Особого округа носил, в целом, шаблонный характер. Армии прикрытия должны были занять отведенные им полосы вблизи государственной границы с опорой на укрепленные районы и не допустить прорыва противника на советскую территорию. Основной упор был сделан на стойкость войск первого эшелона армий и успешные действия армейских резервов. При этом первая фронтовая оборонительная операция уже заранее не планировалась и не готовилась, а фронтовые резервы только нацеливались на окончательный разгром вклинившихся группировок противника и перенос боевых действий на его территорию.

В начале апреля 1941 года в районе Славута, Ровно, Изяслава, Шепетовки развернулись большие учения под руководством генерал-инспектора кавалерии РККА О.И. Городовикова. Отрабатывалась тема «Марш и встречный бой усиленного кавалерийского корпуса». В составе этого корпуса были две кавалерийские дивизии, а также танковая, моторизованная и авиационная дивизии.

Таким образом, командующему Киевским Особым военным округом удавалось проводить свою идею, направленную на быстрое поражение противника в приграничных сражениях и перенос военных действий на территорию врага.

План прикрытия государственной границы войсками Киевского Особого военного округа («КОВО-41») был разработан в середине апреля 1941 года. В соответствии с этим планом для прикрытия участка советско-германской и советско-венгерской границы протяженностью 940 километров все силы Киевского Особого

военного округа к началу войны были разделены на первый эшелон и резерв. В первом эшелоне (эшелоне прикрытия государственной границы) находились 5, 6, 26 и 12-я армии. Резерв составляли прибывающие 19-я и 16-я армии, а также 10 корпусов окружного подчинения. Правда, с началом войны эти армии убыли в состав Западного фронта.

Для непосредственного прикрытия государственной границы на базе четырех армий первого эшелона, подчиненных им частей пограничных войск, укрепленных районов, соединений авиации создавалось четыре района прикрытия государственной границы. В составе объединений прикрытия было 17 стрелковых, 8 танковых, 4 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия. В этих соединениях насчитывалось 273, 7 тысячи личного состава, 3620 танков, 1197 орудий, 2998 минометов, 773 противотанковых орудия, 172 зенитных орудия. Прикрытие этих сил с воздуха должно было осуществляться 2263 боевыми самолетами.

Непосредственно перед армиями прикрытия противник развернул группировку в составе 25 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованных дивизий и 9 отдельных бригад. В составе этих войск насчитывалось 584,7 тысячи личного состава, 675 танков, 2861 орудие, 4300 минометов, 2418 орудий противотанковой артиллерии, 546 зенитных орудий. Прикрытие наземных войск с воздуха должно было осуществляться 785 боевыми самолетами.

Таким образом, войска прикрытия государственной границы в полосе Киевского Особого военного округа превосходили противника по количеству танков в 5,3 раза, по самолетам — в 2,9 раза, но уступали по личному составу более, чем в 2 раза, по артиллерии — в 1,9 раза, по минометам — в 1,4 раза, по противотанковым орудиям и орудиям зенитной артиллерии — в 3,1 раза.

Следует отметить, что до начала военных действий разведка Киевского Особого военного округа в целом

достаточно правильно вскрыла состав противостоящей группировки противника. Так, из 28 пехотных дивизий противника было определено наличие и места расположения 21 дивизии, из 5 танковых дивизий — 3, а также были вскрыты все 4 моторизованные дивизии. Однако штаб округа пользовался несколько устаревшими данными, не знал замысла германского командования и не смог определить местонахождение и состав главной ударной группировки противника.

Как видно, генерал М.П. Кирпонос не стремился проявлять собственную инициативу, послушно следуя указаниям сверху. В соответствии с этими указаниями 16 июня, ввиду угрожающей обстановки, на границе вообще и юго-западном направлении в частности, ему было приказано подтянуть стрелковые корпуса резерва ближе к войскам эшелона прикрытия. Поэтому в глубине Киевского Особого военного округа с 18 июня началось движение пяти стрелковых корпусов из мест их постоянной дислокации на рубеж Луцк, Тернополь. Большинство соединений и частей стрелковых корпусов округа начало войны застали на походе. Так, дивизии 31-го и 37-го стрелковых корпусов подходили к линии 60 километров восточнее Сарны — Тернополь — Галич, дивизии 36-го стрелкового корпуса находились в 50—70 километрах восточнее этой линии на рубеже Новоград-Волинский — Староконстантинов, дивизии 55-го стрелкового корпуса выходили в район Могилева-Подольского. В том же районе, через который совершали марш стрелковые корпуса, находились в стадии формирования 9, 19 и 24-й механизированные корпуса, а также 14-я кавалерийская дивизия. Только подчиненные непосредственно округу механизированные корпуса второго эшелона оставались на месте.

Таким образом, войска Киевского Особого военного округа, за исключением армий прикрытия и 15-го механизированного корпуса, в составе пятнадцати стрелковых, одной кавалерийской, шести танковых и трех мото-

стрелковых дивизий к началу войны находились в районе Тернополь, Галич, Чертков, Могилев-Подольский, Винница на удалении 200—250 километров от государственной границы.

В полосе прикрытия войск Киевского Особого военного округа занимали позиции и сооружения войска восьми укрепленных районов и пограничные войска НКВД. Силы их суммарно составляли около четырех стрелковых дивизий. Следовательно, на одну стрелковую дивизию эшелона прикрытия государственной границы, с учетом этих сил и средств, в среднем приходилась полоса около 40 километров по фронту.

Планы прикрытия государственной границы до армий были доведены в середине апреля 1941 года, и частично некоторые оборонительные мероприятия к тому времени были проведены. Но эти мероприятия проводились под видом учений, и конкретного настроя на скорую войну командующие и командиры со стороны штаба Киевского Особого военного округа не имели. Поэтому даже в ночь на 22 июня все чувствовали себя в условиях мирного времени: после проведения субботних мероприятий во многих гарнизонах и казармах личный состав отошел ко сну. Немецкие наблюдатели в своих докладах отмечали: «Русские ничего не подозревают, у них горит свет».

О том, как осуществлялась подготовка к началу войны штабом Киевского Особого военного округа имеется очень мало воспоминаний. Обратимся только к воспоминаниям самых крупных военачальников того времени, которые непосредственно получали директивы и имели право отдавать директивы (приказы) подчиненным войскам. При этом следует учитывать, что командующий фронтом М.П. Кирпонос погиб в сентябре 1941 года, а бывший начальник штаба Киевского Особого военного округа (Юго-Западного фронта) генерал М.А. Пуркаев своих воспоминаний не опубликовал, а на вопросы Генерального штаба относительно начала Великой Отечественной войны постарался отделаться общими фразами.

Поэтому приходится обращаться к третьему по значимости лицу в вопросах разработки оперативных документов — бывшему начальнику оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа (Юго-Западного фронта) полковнику (в последующем Маршал Советского Союза) И.Х. Баграмяну. В частности, в своей книге «Так начиналась война» он пишет:

«В разведотдел округа стали поступать сведения одно тревожнее другого. Наш разведчик полковник Г.И. Бондарев стал чуть ли не самым частым посетителем командующего. Мы заметили, что после каждого разговора с ним М.П. Кирпонос становился все более мрачным. Оснований для тревог хватало. Бондарев ежедневно информировал оперативный отдел о сведениях, поступавших от различных источников.

В конце первой декады июня командующий созвал Военный совет, на котором начальник разведотдела доложил все, что ему было известно...

— Мы имеем проверенные сведения, — докладывал Бондарев, — что из приграничной зоны на территории оккупированной Польши немцы выселили всех мирных жителей... Немцы заняли на территории Польши все гражданские лечебные учреждения под военные госпитали, прислали туда свой медицинский персонал. Всех поляков, занимавших на железных дорогах ответственные должности, гитлеровцы заменили своими чиновниками... На территории «генерал-губернаторства», как гитлеровцы именуют оккупированную Польшу, введено военное положение.

— Наверное, поляки им здорово стали досаждать! — заметил Вашугин.

— Возможно, товарищ корпусной комиссар. Но, по моему, дело не только в этом. Мы только что получили новые данные: немцы повсюду начали заменять свои пограничные войска полевыми, а у самой границы, в районе западнее Перемышля и Радымно, они сосредоточи-

вают огромное количество мобилизованных крестьянских подвод...

— К сожалению, мы еще не имеем разрешения хватать их за горло, — спокойно и сухо сказал Кирпонос. — Найдите способ без стрельбы помешать им вести разведку над нашей территорией. — Командующий округом оглядел присутствующих. — Ясно одно: обстановка очень тревожная... Я отдал командующим армиями приказ занять небольшими подразделениями предполье. (Передовая полоса укрепленного района. — *В.Р.*). Это позволит им в случае внезапного нападения гитлеровских войск поддержать боевыми действиями гарнизоны укрепленных районов и этим обеспечить подготовку и развертывание полевых войск прикрытия к отражению возможного наступления. Нам, как известно, приказано подготовить все корпуса, находящиеся в глубоком тылу округа и составляющие его второй эшелон, к выдвиганию непосредственно к границе. Все, что необходимо для этого, мы сделали: корпуса ждут лишь команды, чтобы двинуться в путь. Но о переброске их пока распоряжений нет...

Кирпонос повернулся к начальнику штаба.

— Максим Алексеевич, немедленно подготовьте представление на имя наркома по всем этим вопросам. Как только он благословит нас, мы сразу же приступим к делу. А до получения разрешения Москвы штаб должен провести всю подготовительную работу.

— Не опоздать бы, — задумчиво проговорил начальник штаба.

— Думаю, что нарком сам поторопит нас, как только обстановка станет критической, — возразил командующий...»

Далее в своих воспоминаниях Иван Христофорович пишет, что впервые с Планом прикрытия государственной границы войсками этого округа познакомился в конце января 1941 года. При этом только что назначенный командующим округом генерал М.П. Кирпонос выразил

недовольство тем, что слишком много войск приковано к границе, и слишком мало их остается в резерве, для нанесения ответного удара по противнику. В этом командующего горячо поддержал член Военного совета Н.Н. Вашугин. Против этого возражал начальник штаба М.А. Пуркаев. Но командующий все же настоял на своем плане.

11 июня в адрес военных советов 5-й, 6-й, 12-й и 26-й армий Военным советом Киевского Особого военного округа была направлена директива № А1/00211. В ней, в частности, предусматривалось:

«1. В целях сокращения сроков боеготовности частей прикрытия и отрядов, выделяемых для поддержки погранвойск, провести следующие мероприятия:

а) Носимый запас винтовочных патронов иметь в опечатанных ящиках. На каждый станковый иметь две набитые и уложенные в коробки 50% боекомплекта, и на ручной пулемет 50% снаряженных магазинов...

б) Ручные и ружейные гранаты хранить комплектами в складах части в специальных ящиках для каждого подразделения.

в) $1/2$ боекомплекта артснарядов и мин неприкосновенного запаса для всех частей прикрытия иметь в окончательно снаряженном виде...

е) Запас горючего для всех типов машин иметь по две заправки — одна залитая в баки машин (тракторов) и одна в цистернах (бочках).

В моторизованных и танковых частях:

а) На каждую боевую машину в складах иметь $1/2$ артснарядов неприкосновенного запаса в окончательно снаряженном виде и 50% боекомплекта патронов, набитых в ленты и диски. В частях, где до получения настоящей директивы было окончательно снаряжено свыше 50% боекомплекта артснарядов, дальнейшее хранение их продолжать в снаряженном виде.

Переснаряжение магазинов производить через каждые два месяца.

Укладку снарядов и снаряженных магазинов в машины производить по объявлении боевой тревоги.

в) Запас горючего для всех типов машин иметь по две заправки — одна залитая в баки машин (тракторов) и одна в цистернах (бочках)».

Сроки готовности по тревоге устанавливались: для стрелковых и артиллерийских частей на конной тяге — 2 часа; для кавалерийских, мотомеханизированных частей и артиллерии на мехтяге — 3 часа. Зимой готовность частей соответственно — 3 и 4 часа. Для отрядов поддержки готовность — 45 минут.

При объявлении боевой тревоги командованием части предусматривались следующие мероприятия:

«а) Выделяется командный и красноармейский состав в количестве, обеспечивающем охрану и возможность выполнения всех работ по переходу части на военное положение. Зенитные пулеметы и артиллерия занимают заранее подготовленные огневые позиции и подготавливаются для немедленного открытия огня по самолетам и парашютистам противника.

б) Усиливается охрана складов, парков и гаражей.

в) Возимый запас огнеприпасов, горючего и продовольствия для первого эшелона укладывается в обоз (боевые машины); носимый запас огнеприпасов выдается на руки на сборном пункте. В танковых частях магазины с патронами и снаряды вкладываются в машины.

г) Проверяется наличие полной заправки всех боевых и транспортных машин горючим и маслом.

д) Заранее заготовленные карты неприкосновенного запаса выдаются на руки командному и начальствующему составу по особому приказанию, а командирам отрядов поддержки погранвойск — немедленно.

е) Боевые противогазы выдаются всему личному составу на руки.

ж) Телефонные элементы заливаются водой по особому приказанию».

Подъем частей по тревоге и выход их на сборные пункты должен был быть доведен до автоматизма. Для этого требовалось особенно четко поставить внутренний распорядок дня части, отработать и проверить службу оповещения командного состава, а хранение имущества должно было обеспечить быструю его выдачу в подразделения.

В исполнение настоящей директивы Военным советам армий было приказано немедленно отдать подчиненным соединениям и частям соответствующие распоряжения и организовать проверку их точного выполнения.

Казалось бы, командование Киевского Особого военного округа предусмотрело действенные меры по отражению готовящейся агрессии противника. Но страх «как бы чего не вышло» все же имел место. Поэтому когда 19 июня командующий 12-й армией обратился в штаб Киевского Особого военного округа с вопросом о том, когда можно открывать огонь по германским самолетам, вторгающимся в воздушное пространство СССР, командующий округом приказал ответить, что огонь можно открывать только в случаях:

- а) если будет дано особое распоряжение Военного совета округа;
- б) при объявлении всеобщей мобилизации;
- в) при введении в действие плана прикрытия, если при этом не будет особого запрещения...

В завершение телеграммы командующий округом напомнил командованию 12-й армии, что «мы огонь зенитной артиллерии по немецким самолетам в мирное время не ведем». Это позволило авиации противника непосредственно накануне начала войны безнаказанно вести разведку обороны советских войск на всю ее тактическую, а в ряде случаев и на оперативную глубину.

14 июня 1941 года в штаб Киевского Особого военного округа пришла директива начальника Генерального

штаба, которой предписывалось командный пункт округа к 25 июня вывести в Винницу. Правда, 18 июня этот срок был перенесен на 22 июня.

Утром 19 июня из Москвы пришла телеграмма, в которой было предписано начать формирование управления Юго-Западного фронта, которое к 22 июня перебросить в район Тернополя. Вечером 20 июня началась отправка первых эшелонов из Киева, а в середине следующего дня в путь тронулась и первая автомобильная колонна. При этом штаб выезжал без оперативного управления, которое, после отправки необходимой документации в Москву, должно было прибыть автотранспортом в Тернополь утром 22 июня. Таким образом, в ночь на 22 июня часть штаба Киевского Особого военного округа, покинув Киев, находилась в движении на Тернополь, где для нее уже готовились помещения и линии связи на базе одной из воинских частей.

Оценивая качество подготовки войск Киевского Особого военного округа к отражению агрессии противника, прежде всего следует отметить, что в основе замысла его командования лежала заранее нереальная идея. Командующий округом М.П. Кирпонос накануне Великой Отечественной войны упорно придерживался идеи, навязанной ему Генеральным штабом и заключающейся в быстром поражении противника в приграничных сражениях силами армий первого эшелона и переносе военных действий на территорию врага. Поэтому уже фронтовая оборонительная операция не предусматривалась и заранее не готовилась.

Причина этого заключалась также и в слабости оперативной подготовки высшего руководства Киевского Особого военного округа. Ни один из военачальников (командующий округом, начальник штаба округа, начальник оперативного отдела штаба военного округа) практического опыта разработки плана оборонительной операции на случай войны не имели. Более того, на то время в советской военной науке наработок по данной

теме не было и этой проблемой серьезно не занимались. Существовало мнение, что агрессия противника будет отражена силами армий прикрытия государственной границы, а фронтовые резервы будут использоваться исключительно для последующего перехода в наступление на территорию противника.

Тем не менее предварительный замысел прикрытия государственной границы штабом Киевского Особого военного округа («КОВО-41») был разработан в середине апреля 1941 года. В соответствии с этим планом для прикрытия участка советско-германской и советско-венгерской границ протяженностью 940 километров все силы Киевского Особого военного округа к началу войны были разделены на первый эшелон и резерв. В первом эшелоне (эшелоне прикрытия государственной границы) находились 5, 6, 26 и 12-я армии. Резерв составляли прибывающие 19-я и 16-я армии, а также 10 корпусов окружного подчинения. Более детального плана обороны в случае внезапного начала войны в рамках фронтовой оборонительной операции разработано не было.

Также необходимо отметить, что личной инициативы штаб Киевского Особого военного округа в последние недели перед началом Великой Отечественной войны практически не проявлял. Командующий и штаб до последних мирных дней всячески стремились предельно четко выполнять указания Москвы с тем, чтобы не обострить военно-политической обстановки на советско-германской границе. Все проводимые ими мероприятия имели двойственное значение: с одной стороны, они пытались держать подчиненные войска в повышенной боевой готовности, с другой — не принимали решительных мер обороны на случай войны. При такой политике вся тяжесть первого удара врага должна была лечь на плечи 5, 6, 26 и 12-й армий прикрытия государственной границы.

АРМИИ ПРИКРЫТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

По плану «Барбаросса» главный удар на южном крыле советско-германского фронта должен был наноситься в направлении на Львов и Киев. На этом направлении немецко-фашистское командование сосредоточило группировку в составе 1-й танковой группы и 6-й полевой армии (5 танковых, 4 моторизованных и 12 пехотных дивизий). В первом эшелоне германской группировки к исходу 21 июня было развернуто одиннадцать пехотных и две танковых дивизии. В танковых дивизиях противника по штату числилось по 135 танков. Ударную группировку поддерживали основные силы 4-го воздушного флота. Всего в составе данной группировки, по подсчетам советских военных историков, насчитывалось 260 тысяч личного состава, 560 танков, почти 2 тысячи орудий и минометов, 1112 противотанковых орудий.

С советской стороны этим силам противостояли войска 5-й армии Юго-Западного фронта, которые дислоцировались в районе Ковель, Червоноград, Ровно. В командование армией в январе 1941 года вступил генерал-майор танковых войск М.И. Потапов. Членом военного совета был дивизионный комиссар М.С. Никишев, начальником штаба армии — генерал-майор Д.С. Писаревский.

Генерал-лейтенант Михаил Иванович Потапов был молодым военачальником. В Красную Армию вступил в 1920 году, в 1922 году окончил командные кавалерий-

ские курсы, а в 1936 году Военную академию механизации и моторизации РККА (в последующем — Военная академия бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского). После академии он сразу же был назначен командиром механизированного полка, затем в 1939 году — командир танковой бригады. Тогда бронетанковые войска были в особом фаворе. Во время событий на реке Халхин-Гол Потапов становится заместителем командующего 1-й армейской группой комкора Г.К. Жукова,

Потапов М.И. —
командующий 5-й армией
Юго-Западного фронта

ва, который проникся к молодому танкисту особым чувством симпатии. С июня 1940 года Михаил Иванович уже командир 4-го механизированного корпуса Киевского Особого военного округа, а с 17 января 1941 года — командующий 5-й армией этого военного округа.

Безусловно, опыта планирования первой армейской оборонительной операции у командующего 5-й армией не было. Несмотря на это, план прикрытия государственной границы был отработан штабом Киевского Особого военного округа и доведен до штаба армии в конце февраля 1941 года, то есть почти за четыре месяца до начала агрессии. В соответствии с этим документом весь район прикрытия был разбит на два участка, а оперативное построение войск создавалось в два эшелона.

Участок прикрытия № 1, протяженностью по фронту 84 километра, создавался на основе 15-го стрелкового корпуса (командир полковник И.И. Федюнинский) с задачей не допустить прорыва противника в направлении Холм, Ковель. Участок прикрытия № 2, протяженностью по фронту 92 километра, создавался на основе 27-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор

П.Д. Артеменко). Задачей этого участка было, опираясь на заранее подготовленные оборонительные рубежи Владимир-Волынского укрепленного района, 1-й и 2-й узлы обороны Струмиловского укрепленного района, прочно прикрыть госграницу и не допустить прорыва противника на территорию СССР в двух направлениях: Красностав, Луцк и Замостье, Тышовцы, Сокаль, Горохув.

Во втором эшелоне командующего армией находился 22-й механизированный корпус, который был сформирован из танковых бригад, которые были развернуты в танковые дивизии всего за месяц до начала войны. Тем не менее это было достаточно мощное соединение, в составе которого насчитывалось 707 танков. Правда, в корпусе был только 31 танк КВ и совсем не было танков Т-34.

В 1989 году Воениздат выпустил в свет книгу А.В. Владимирского «На Киевском направлении», составленную по опыту ведения боевых действий 5-й армией Юго-Западного фронта в июне — сентябре 1941 года. В ней автор довольно детально, на основании новых открывшихся документов, рассмотрел этот вопрос, сделал ряд грамотных, обоснованных выводов. По вопросу реализации плана прикрытия и подготовки войск армии автор пишет: «Мобилизационные планы во всех стрелковых соединениях и частях были отработаны. Они систематически проверялись вышестоящими штабами, уточнялись и исправлялись. Приписка к соединениям и частям личного состава, мехтранспорта, лошадей, обозно-вещевого имущества за счет ресурсов народного хозяйства была в основном закончена (кроме 135-й стрелковой дивизии)». Но следует отметить, что А.В. Владимирский пишет о Мобилизационном плане, а не оперативном Плане прикрытия государственной границы, которые по задачам и содержанию представляют собой совершенно разные документы. Первый говорит о том, как собрать

войска, второй — как их использовать для решения стоящей боевой задачи.

Для ответа на второй вопрос берем воспоминания бывшего начальника штаба 15-го стрелкового корпуса генерал-майора З.З. Рогозного. Корпус должен был составить основу участка обороны № 1 района прикрытия 5-й армии. Он пишет, что с планом обороны накануне войны в штабе армии были ознакомлены командир, начальник штаба корпуса, а также все командиры дивизий, которые уяснили стоящие перед ними боевые задачи. Однако документов, касающихся планов обороны, штабы корпуса и дивизий не имели, следовательно, свои планы не разрабатывали.

Определенный интерес в деле освещения последних дней мира и начала Великой Отечественной войны представляет собой сохранившийся в архиве отчет командира 45-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса генерал-майора Г.И. Шерстюка, который в командование этим соединением вступил в апреле 1941 года. Дивизия должна была занимать оборону на фронте до 58 километров, создавая подучасток обороны № 1 участка прикрытия № 1. Штаб 45-й стрелковой дивизии дислоцировался в городе Ковель. Г.И. Шерстюк пишет о том, что при изучении планов боевой готовности частей 45-й стрелковой дивизии он был удивлен тем, что руководящие офицеры штаба дивизии (начальник штаба полковник Чумаков) и командиры стрелковых и артиллерийских полков с их штабами «не знали рубежа обороны госграницы», а следовательно, не отрабатывали вопросов «выдвижения, занятия оборонительных рубежей и ведения боя за удержание госграницы, как это проигрывалось в бытность моего командования 97-й стрелковой дивизии 6-й армии».

Также о последних мирных днях 15-го стрелкового корпуса в архиве сохранились воспоминания бывшего начальника штаба 62-й стрелковой дивизии П.А. Нович-

кова, основные силы которой должны были находиться в резерве участка прикрытия № 1. Письменного документа об организации обороны государственной границы, по утверждению П.А. Новичкова, дивизия не имела. Однако он подтверждает тот факт, что в первых числах апреля командиры и начальники штабов 87-й и 45-й стрелковых дивизий были вызваны в штаб 5-й армии, где получили карты масштаба 1:100 000 и собственноручно произвели выкопировки батальонных районов с армейского плана инженерного оборудования полос обороны соединений.

Из отчета командира 135-й стрелковой дивизии генерал-майора Ф.Н. Смехотворова (резерв 5-й армии) также следует, что План обороны государственной границы до него и командиров частей дивизии заблаговременно доведен не был. Ему также не было известно о состоянии подготовки оборонительного рубежа, так как всеми работами по подготовке рубежа руководили штабы 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса. На него, как на командира дивизии, возлагалась задача только своевременно отправлять рабочую силу в составе трех стрелковых батальонов, сменяя их через каждый месяц. Кроме того, было известно, что на государственной границе бессменно работал саперный батальон дивизии и дивизионный инженер. Но все эти подразделения подчинялись непосредственно корпусному инженеру и командованию дивизии никаких отчетов не представляли.

Таким образом, план прикрытия государственной границы штабом 5-й армии накануне войны разработан был, но на основании всех многих свидетельств военачальников различных рангов можно сделать вывод, что командиры и штабы подчиненных армии соединений с содержанием этого плана заблаговременно ознакомлены не были.

Южнее 5-й армии по плану штаба Киевского Особого военного округа должна была обороняться 6-я армия. Она была развернута в 1938 году из Винницкой группы

войск, в сентябре того же года участвовала в освободительном походе советских войск в Западную Украину. В результате этого похода войска 6-й армии подошли к городу Львову, который к тому времени уже был занят германскими войсками. Тогда советские дипломаты вынуждены были напомнить германскому правительству о секретном договоре раздела Польши и потребовали отвода немецких войск от Львова на 50 километров восточнее. Гитлеровское руководство было вынуждено выполнить эти требования и покинуть этот город. Тогда этой армией командовал генерал Ф.И. Голиков.

Голиков Ф.И. — начальник
Разведывательного
управления РККА

После назначения С.К. Тимошенко наркомом обороны СССР летом 1940 года генерал Ф.И. Голиков был переведен в Москву и назначен на должность начальника Разведывательного управления и заместителя начальника Генерального штаба РККА. Новым командующим 6-й армией был назначен генерал-лейтенант И.Н. Музыченко, хорошо знакомый Г.К. Жукову по освободительному походу советских войск на Западную Украину, а С.К. Тимошенко по советско-финляндской войне. (Начальник штаба комбриг Н.П. Иванов, член Военного совета дивизионный комиссар Н.К. Попов.)

В то время генерал-лейтенанту Ивану Николаевичу Музыченко еще не было и сорока. В тревожном 1917 году был призван в русскую армию, но принять участие в Первой мировой войне не успел. В 1918 году он поступил на службу в Красную Армию. В годы Гражданской войны воевал против повстанческих отрядов С.Н. Булак-Булаховича, А.С. Антонова, в Чечне и Дагестане — в

должности военкома снабжения бригады, комиссар кавалерийского полка. В 1927 году Музыченко прошел обучение на Курсах усовершенствования командного состава и больше нигде не учился. Несмотря на это, в 1932 году он был назначен командиром кавалерийского полка, в 1937 году — командиром кавалерийской дивизии. В 1940 году в должности командира 4-й стрелковой дивизии он принял участие в советско-финляндской войне. После этого в июне 1940 года Музыченко был назначен командиром 6-го стрелкового корпуса, а всего через месяц — командующим войсками самой сильной 6-й армии Киевского Особого военного округа.

Самой сильной по составу 6-я армия была не просто. По мнению Генерального штаба РККА и штаба Киевского Особого военного округа, наиболее вероятным направлением главного удара противника могло быть направление на Львов и Тернополь, расположенное в междуречье Западного Буга и Сана. Нанесение главного удара в этом направлении объяснялось удобной конфигурацией фронта, что обеспечивало кратчайший путь выхода в наиболее экономически развитые районы и во фланг всей южной группировке советских войск. Также немаловажным было и то, что на этом направлении имелась развитая сеть железных и шоссейных дорог, а вот население бывшей Польши к советской власти относилось враждебно.

Поэтому для прикрытия данного направления в составе 6-й армии находились 6-й стрелковый корпус (41, 97, 159-я стрелковые дивизии), 4-й механизированный корпус (10, 37-я танковые и 212-я моторизованная дивизии), 3-я кавалерийская дивизия, 324-й гаубичный и 135-й пушечный артиллерийские полки РГК, 4-й дивизион ПВО и 19-й батальон ВНОС, а также управление вновь формируемого Тернопольского бригадного района ПВО (срок окончания формирования 1 июля 1941 года), Струмиловский (44-й и 149-й отдельные пулеметные батальоны, 345-й артиллерийский полк) и Рава-Русский (21-й,

36-й и 141-й отдельные пулеметные батальоны) укрепленные районы, 91-й погранотряд, 1-я и 2-я комендатуры 92-го погранотряда, а также 15-я авиационная дивизия (23-й, 28-й истребительные авиационные полки, 66-й штурмовой авиационный полк) и 20-й истребительный авиационный полк, который должен был передаваться командующему 6-й армией из состава 17-й авиационной дивизии. Достаточно сказать, что кроме другого вооружения в составе этих сил насчитывалось 1259 единиц бронетанковой техники (101 тяжелый танк КВ, 359 средних танков Т-34, 475 легких танков Т-26 и БТ, 98 единиц специальных танков и бронемашин).

Музыченко И.Н. —
командующий 6-й армией
Юго-Западного фронта

В соответствии с Планом прикрытия Киевского Особого военного округа войска 6-й армии должны были, «прочно опираясь на предполье и оборонительные сооружения 3, 1 и 5 узлов обороны Струмиловского и Рава-Русского укрепленных районов», не допустить прорыва противника на территорию СССР на участке от местечка Крыстынополь до Грабовец на фронте шириной 165 километров.

К началу войны командующим и штабом 6-й армии также был разработан План прикрытия государственной границы, который читателю предлагается в приложении к этой книге. Как и в 5-й армии район прикрытия армии разбивался на два участка, а оперативное построение объединения было в один эшелон с выделением сильного общевойскового резерва.

Участок прикрытия № 1 (иск. Крыстынополь, Урнув) должен был обороняться силами 3-й кавалерийской ди-

визии, 44-го и 140-го отдельных пулеметных батальонов, 345-м артиллерийским полком Струмиловского укрепленного района, а также двумя комендатурами (без 8-й заставы) 91-го пограничного отряда. Эти силы, по расчету штаба армии, должны были занять свои районы обороны на государственной границе через 6—9 часов 30 минут летом и через 7—10 часов 30 минут зимой после объявления тревоги.

Участок прикрытия № 2 (иск. Угнув, Грабовец) должен был обороняться силами 6-го стрелкового корпуса (41-я и 97-я стрелковые дивизии), 135-го гаубичного и пушечного полков РГК, 21-м, 36-м и 141-м отдельными пулеметными батальонами Рава-Русского укрепленного района, заставами двух комендатур 91-го и двух комендатур 92-го пограничных отрядов. Войска участка прикрытия № 2 должны были занять свои районы обороны государственной границы после объявления боевой тревоги через 6—9 часов летом и через 7—10 часов зимой.

В резерве района прикрытия командующий армией планировал иметь 4-й механизированный корпус и 159-ю стрелковую дивизию.

Без преувеличений можно сказать, что План прикрытия государственной границы 6-й армией Киевского Особого военного округа представлял собой с большой тщательностью и грамотностью отработанный руководящий боевой документ с расшифровкой боевых задач до каждого полка (артиллерийского дивизиона) включительно.

И снова уместно поставить вопрос о том, как был реализован этот план на практике.

В Центральном архиве Министерства обороны хранятся воспоминания начальника штаба 6-й армии комбрига (в последующем генерал-майора) Н.П. Иванова, который был назначен начальником штаба этого объединения 26 мая 1941 года. Вполне понятно, что все вре-

мя, оставшееся до начала войны, он посвятил изучению обстановки и знакомству с войсками.

Н.П. Иванов пишет, что к 22 июня 1941 года на государственной границе в полосе 6-й армии располагались только пограничные отряды и находились многочисленные строительные подразделения. Несмотря на безусловные признаки готовящейся агрессии со стороны германских войск, командующий Киевским Особым военным округом запретил приводить войска 6-й армии в боевую готовность и выдвигать части прикрытия к государственной границе. Этот запрет продолжал действовать даже после начала противником боевых действий вплоть до середины 22 июня 1941 года.

Вечером 21 июня штаб округа предупредил командующего армией о возможности провокаций со стороны немцев и приказал ему, а также подчиненным командирам корпусов и дивизий находиться на своих командных пунктах рядом с телефонными аппаратами. Но так как командный пункт 6-й армии к тому времени еще не был оборудован, то в ночь с 21 на 22 июня все члены Военного совета армии находились в своем помещении в центре Львова. Никаких сигналов войскам армии о приведении их в боевую готовность не поступало.

Это же подтверждают и другие оставшиеся в живых командиры соединений и частей 6-й армии, которые также утверждают, что план прикрытия государственной границы, касающийся соединений и частей, до них заблаговременно доведен не был.

Таким образом, план прикрытия государственной границы штабом 6-й армии накануне войны разработан был, но до командиров и штабов подчиненных армии соединений до начала войны доведен не был.

Еще южнее от 6-й армии по замыслу штаба Киевского Особого военного округа должны были обороняться войска 26-й армии. Эта армия была сформирована в начале 1941 года из кавалерийской группы для прикрытия

130-километрового участка государственной границы, расположенного между 6-й и 12-й армиями. При формировании был назначен временный командный состав армии (командующий полковник И.С. Варенников, член Военного совета бригадный комиссар Д.Е. Колесников, начальник штаба полковник Н.П. Ступников). Несколько позже в командование армией вступил генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, полковник И.С. Варенников был перемещен на должность начальника штаба армии, полковник Н.П. Ступников — на должность начальника оперативного отдела, командующим артиллерией армии был назначен полковник Н.Н. Семенов.

Генерал-лейтенант Федор Яковлевич Костенко был профессиональным военным. Призванный в русскую армию в 1915 году, он солдатом участвовал в Первой мировой войне. В 1918 году вступил в Красную Армию. В Гражданскую войну был старшиной роты, помощником командира кавалерийского эскадрона в 1-й Конной армии. После войны в 1924 году окончил Ленинградские курсы среднего комсостава. Этого оказалось достаточно для того, чтобы в 1939 году Костенко был назначен командиром кавалерийского корпуса и командиром армейской кавалерийской группы. А в октябре 1940 года он стал командующим 26-й армией Киевского Особого военного округа. Это был исключительно преданный советской власти военачальник, хороший знакомый С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова, но это не могло существенно повлиять на формирование его оперативного мышления.

План прикрытия государственной границы войсками 26-й армии Киевского Особого военного округа был доведен 2 мая 1941 года. По этому плану войска армии и округа в отведенной полосе должны были создать район прикрытия по линии Перемышльского укрепленного района и реки Сан. Для выполнения этой задачи в распоряжении командующего 26-й армией были 8-й стрелковый корпус (99-я, 72-я горнострелковые и 173-я стрелковая

дивизии), 8-й механизированный корпус (12, 34-я танковая, 7-я моторизованная дивизии), 376-й гаубичный полк РКК, 259-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, Перемышльский укрепленный район (два пульбата и три пульроты), две пограничные комендатуры 92-го и четыре пограничные комендатуры 93-го пограничных отрядов. Кроме того, с воздуха войска должны были прикрывать два авиационных полка. Штаб армии должен был располагаться в Самборе. Бронетанковый парк 8-го механизированного корпуса был хорошо укомплектован новыми танками: КВ — 119, Т-34 — 100, легких танков и бронемашин — 983 штуки. Всего же в корпусе насчитывалось 1202 бронеединицы.

При этом необходимо отметить, что расположение 26-й армии было наименее благоприятным для ведения оборонительных действий по сравнению с остальными объединениями Киевского Особого военного округа. Ее войска располагались в своеобразном выступе, обращенном в западную сторону, у которого имелись сильно уязвимые фланги.

План прикрытия государственной границы частями 26-й армии был разработан штабом в мае 1941 года. Войска армии должны были встретить противника, опираясь на полевые оборонительные сооружения Перемышльского укрепленного района и реку Сан.

Боевой порядок армии строился в один эшелон с выделением сильного резерва (ударной группы). В первом эшелоне было решено иметь 8-й стрелковый корпус, в резерве — 8-й механизированный корпус и 173-ю стрелковую дивизию.

В отличие от двух первых армий, выдержки из этого плана, в части их касающейся, были в специальных опечатанных пакетах доведены до штабов соединений и отдельных частей. Но вскрывать их можно было только после получения шифрограммы за подписью командующего, члена Военного совета и начальника штаба 26-й армии: «Самбор. Вскрыть пакет «0025».

В отношении устного доведения содержания армейского плана до подчиненных соединений существует несколько сведений. Одни военачальники утверждают, что об этом плане ничего не знали, другие признаются, что кое-что им было известно.

Так, командир 72-й стрелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса 26-й армии полковник П.И. Абрамидзе уже после войны в своих воспоминаниях писал, что мобилизационного плана (МП-41) до начала войны он не знал, но после вскрытия пакета убедился, что все командно-штабные учения и другие подготовительные работы накануне войны велись в строгом соответствии с этим планом. Он также подтверждает тот факт, что 15 июня штаб дивизии получил шифровку о приведении соединения в боевую готовность. 19 июня в его распоряжение перешли пограничные подразделения, осуществлявшие охрану границы в полосе дивизии. Правда, затем, 20 июня 1941 года, пришла шифровка от Генерального штаба, которая требовала все подразделения и части дивизии, расположенные на границе, отвести на несколько километров на восток, то есть на рубеж подготовленных позиций. Также требовалось ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока те не нарушат государственную границу. Но при этом все дивизии должны быть приведены в боевую готовность.

В отличие от командира 72-й стрелковой дивизии бывший начальник штаба 99-й стрелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса С.Ф. Горохов подтверждает, что План обороны государственной границы, в части, касающейся этой дивизии, был им получен в феврале-марте 1941 года в опечатанном конверте. Правда, с исполнителями этот документ заранее никак не согласовывался, а поступил в виде директивных указаний. Однако еще до получения этого конверта, во время приезда в дивизию, командующий армией довел до командира дивизии и начальника штаба главное содержание Плана прикрытия государственной границы, сообщив полосу обороны,

разграничительные линии, места командных и наблюдательных пунктов, огневых позиций артиллерии.

Южнее 26-й армии должны были занять полосу обороны войска 12-й армии. Эта армия в 1940 году формировалась на территории Западной Украины и предназначалась для действий против венгерских войск, развертывавшихся в Закарпатье. До конца весны 1941 года обязанности командующего армией исполнял генерал-лейтенант Пшенников, и только в конце мая на эту должность был

назначен генерал-майор П.Г. Понеделин. Членом Военного совета армии являлся бригадный комиссар И.П. Куликов, а должность начальника штаба занимал генерал-майор Б.И. Арушунян.

К началу войны Павлу Григорьевичу Понеделину было 48 лет. В русскую армию он был призван в 1914 году, в 1916 году окончил Московскую школу прапорщиков, участвовал в Первой мировой войне в должности командира роты. В Красную Армию Понеделин был мобилизован в 1918 году. В годы Гражданской войны командовал полком и бригадой, был награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1926 году он окончил Военную академию РККА (Военную академию имени М.В. Фрунзе). В советско-финляндскую войну командовал стрелковой дивизией. С июня 1940 года — начальник штаба Ленинградского военного округа. С марта 1941 года — командующий 12-й армией Киевского Особого военного округа. Таким образом, это был один из самых грамотных и опытных военачальников из числа командармов Киевского Особого военного округа.

Понеделин П.Г. —
командующий 12-й армией
Юго-Западного фронта

Начальник штаба 12-й армии Баграт Исаакович Арушанян также имел некоторый боевой стаж в годы Гражданской войны. В 1936 году он окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. После академии командовал полком, дивизией, отличился в боях на Карельском перешейке во время советско-финляндской войны.

Планом прикрытия государственной границы 12-й армией предусматривалось на ее базе создание района прикрытия № 4 с границей справа от Проскурова до Самбора и Творильне, слева — Ямполь, Могилев-Подольский, Липканы со штабом в Станиславе. Общая ширина фронта обороны армии достигала 500 километров. В составе войск этого района прикрытия должны были находиться 13-й (командир генерал-майор Н.К. Кириллов) и 17-й (командир генерал-майор И.В. Галанин) стрелковые корпуса, а также 16-й (командир комдив А.Д. Соколов) механизированный корпус, на вооружении которого было 846 танков и бронемашин, в том числе Т-34 — 75, БТ — 369 и Т-26 — 214.

Этот корпус начал формироваться за восемь месяцев до начала войны. Тогда 14-я танковая бригада была развернута в 15-ю танковую дивизию, командиром которой был назначен Н.В. Фекленко. Затем на базе этой дивизии и был развернут 16-й механизированный корпус, командиром которого стал комдив А.Д. Соколов. Командирами дивизий были назначены бывшие командиры полков 15-й танковой дивизии. К началу войны удалось кое-как добиться того, чтобы боевая техника была освоена экипажами. Но эти экипажи были совершенно безграмотными в вопросе совместных действий в составе подразделений и частей, а командиры соединений и частей очень слабо разбирались в вопросах организации боевых действий танковых формирований в условиях взаимодействия разнородных сил и средств в бою.

Для выполнения поставленной задачи по решению командующего в полосе обороны 12-й армии было создано три участка прикрытия.

Участок прикрытия № 1 (полоса от Творилне до Делятина шириной 40 километров) должен был обороняться 13-м стрелковым корпусом (192-я горнострелковая и 44-я стрелковая дивизии) совместно с двумя пограничными комендатурами. Участок прикрытия № 2 (полоса от Делятина до Сарта) должен был обороняться 58-й стрелковой дивизией четырьмя пограничными комендатурами и маневренной группой 58-го пограничного отряда. Оборона участка прикрытия № 3 (полоса от Сарта до Липкан) возлагалась на 17-й стрелковый корпус (60-я и 164-я стрелковые дивизии) и два пограничных отряда. В резерве района прикрытия оставались 16-й механизированный корпус и одна 96-я горнострелковая дивизия.

Рокоссовский К.К. —
командир 9-го
механизированного
корпуса

В архиве сохранились воспоминания бывшего начальника штаба 17-го стрелкового корпуса генерал-майора А.И. Баранова. Он утверждает, что выход дивизий в свои полосы обороны под видом проведения лагерных сборов начался в первой половине июня 1941 года. Тогда в указанные районы от каждого полка первого эшелона было выведено по два стрелковых батальона с полковой и дивизионной артиллерией, а также все специальные подразделения. До 80% артиллерии корпуса также вышли в свои районы. 5 июня части 16-го механизированного корпуса также были выведены в район сбора по тревоге. Однако эти районы находились на удалении от 50 до 100 километров от государственной границы.

Непосредственно по линии государственной границы к началу войны находились только подразделения, выделенные туда для производства строительных работ. Вой-

ска в запасных районах располагались в палаточных лагерях, занимаясь боевой подготовкой. Подразделения, оставшиеся на зимних квартирах, также были готовы к быстрому выходу в свои запасные районы. Со всеми соединениями, частями и подразделениями корпуса поддерживалась устойчивая связь по радио и проводными средствами. В начале июня командир корпуса запретил более 30% офицеров покидать свои части. Но в связи с наступлением выходного дня многие офицеры получили возможность выехать к своим семьям, другие направились на отдых в близлежащие населенные пункты.

Таким образом, в июне 1941 года непосредственно в армиях прикрытия государственной границы Киевского Особого военного округа было 18 стрелковых, одна кавалерийская, 8 танковых и 4 моторизованных дивизии. Численность личного состава этих войск достигала 274 тысяч человек. На их вооружении находилось 3260 танков, около 1500 орудий калибра выше 76-мм, почти 3 тысячи минометов, 770 орудий противотанковой артиллерии, 170 зенитных орудий, более 2 тысяч самолетов. Эти силы в 2 раза уступали противнику по численности личного состава, в 1,9 раза по количеству полевой артиллерии, в 1,4 раза по количеству минометов, в 3,1 раза по численности противотанковой артиллерии и зенитных орудий. Зато они превосходили вражеские войска в 5,3 раза по количеству танков и в 2,9 раза по количеству самолетов.

Также известно, что планы прикрытия государственной границы были разработаны всеми армиями Киевского Особого военного округа. По линии государственной границы были построены или находились в стадии строительства укрепленные районы. До начала войны основные силы этих армий находились на значительном удалении от предназначенных для их войск районов обороны. В составе их резервов имелось более 3300 танков. Это была большая сила для ведения обороны.

В то же время план прикрытия государственной границы до большинства соединений и частей до начала

1941. Победный парад Гитлера

войны доведен не был. Значительная часть оборонительных сооружений укрепленных районов находилась в стадии строительства, а взаимодействие их гарнизонов с войсками полевого прикрытия организовано не было. Отсутствовала практика использования крупных формирований танковых войск в обороне, часть танков были устаревших конструкций, а новые боевые машины экипажами освоены не были.

Огромным недостатком обороны советских войск, построенной к началу войны, была слабость системы управления, которая основывалась в основном на стационарных линиях проводной связи. Радиосвязь была развита очень плохо, а командиры соединений и частей практически не имели опыта работы с документами по скрытному управлению войсками. В результате этого вся оборонительная громадина, сосредоточенная у западной границы СССР в июне 1941 года, при умелых действиях противника по нарушению управления легко и быстро могла превратиться в неуправляемую дряблую массу, что и случилось с началом Великой Отечественной войны.

ДЕНЬ «М»

20 и 21 июня тревожные разведывательные сводки поступали в Кремль со всех концов. Но многие из них беззвучно оседали в столах кабинетных чиновников, и только некоторые, и то в искаженном виде и с большим опозданием, достигали кабинета И.В. Сталина.

В трудах ряда авторов бытует утверждение о том, что известие о начале войны для И.В. Сталина было совершенно неожиданным и что он даже в первое время растерялся. Едва ли это соответствует действительности. В ту ночь И.В. Сталин ждал тревожных известий с западных границ, сам находился на своем рабочем месте, на рабочих местах находились все ответственные работники наркомата обороны, Генерального штаба, штабов военных округов и армий прикрытия государственной границы.

Обратимся к воспоминаниям Г.К. Жукова. В своей книге он пишет:

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Я тот же час доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев. И.В. Сталин сказал:

— Приезжайте с наркомом в Кремль.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С.К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро.

— Что будем делать? — спросил И.В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск пограничных в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — ответил И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска пограничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз ее прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи».

Обращаемся к исследованию Ю.А. Горькова. Он пишет, что 21 июня в кабинете И.В. Сталина с 18.27 находился нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, который и доложил о подготовке агрессии Германии. В 19.05 в этот кабинет вошли К.Е. Ворошилов, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, Г.М. Маленков, Н.Г. Кузнецов, С.К. Тимошенко; пробыли там разное время. Первыми в 20.15 покинули кабинет Н.А. Вознесенский, Н.Г. Кузнецов и С.К. Тимошенко. В 20.50 С.К. Тимошенко вернулся к И.В. Сталину вместе с Г.К. Жуковым и С.М. Буденным. В 21.55 в этот кабинет также был приглашен Л.З. Мехлис. Г.М. Маленков, С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, С.М. Буденный и Л.З. Мехлис покинули кабинет вождя в 22.20, после подписания директивы № 1 Западным пограничным округам. После их ухода у И.В. Сталина до 23.00 задержались В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.П. Берия. Никакого Н.Ф. Ватутина в тот вечер у В.И. Сталина не было, и, видимо, Г.К. Жуков лично отправился передавать директиву войскам после 22.20 21 июня 1941 года.

И еще один вопрос — время отправки директивы в войска.

Открываем 93-ю страницу книги А.М. Василевского (перед войной — заместитель начальника оперативного управления Генерального штаба) «Дело всей жизни» и находим следующее:

«В июне 1941 года в Генеральный штаб от оперативных отделов западных приграничных округов и армий непрерывно шли донесения одно другого тревожнее. Сосредоточение немецких войск у наших границ закончено. Противник на ряде участков границы приступил к разборке поставленных им ранее проволочных заграждений и к разминированию полос на местности, явно готовя проходы для своих войск к нашим позициям. Крупные танковые группировки немцев выводятся в исходные районы. Ночами ясно слышен шум массы танковых двигателей.

Родина-мать зовет!

Все работники нашего оперативного управления без каких-либо приказов сверху почти безотлучно находились в те дни на своих служебных местах.

В первом часу ночи на 22 июня нас обязали в срочном порядке передать поступившую от начальника Генерального штаба Г.К. Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву в адрес командования Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов.

...В 0 часов 30 минут 22 июня 1941 года директива была послана в округа».

А обстановка накалялась ежечасно и ежеминутно.

«Примерно в 12 часов ночи командующий Киевским округом, находившийся в своем командном пункте в Тернополе, доложил по ВЧ, что, кроме перебежчика, о котором сообщил генерал М.А. Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий солдат — 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии, — пишет Г.К. Жуков в своих воспоминаниях. — Он переплыл речку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М.П. Кирпоносу было приказано быстрее передавать директиву в войска о приведении их в боевую готовность».

От Кремля до здания Генерального штаба езды автомобилем 5—10 минут. Почему столь важный документ, как директиву о приведении войск в боевую готовность, Генеральный штаб передавал в округа целых два часа, — остается загадкой. По всей видимости, передавались не короткие, заранее оговоренные сигналы, требовавшие немедленного вскрытия заранее заложенных пакетов и действий в соответствии с заранее отработанными планами (как это принято), а велись просторные разговоры, полные перестраховки, предупреждений и нуждавшиеся в большем времени.

Но что делал сам И.В. Сталин в это время? Начальник института Военной истории и советник Б.Н. Ельцина генерал-полковник Д.В. Волкогонов в своем труде «Триумф и трагедия» пишет: «В 3 часа ночи Сталин устало смотрел из окна своего бронированного автомобиля на безлюдные улицы. Он еще не знал, что немецкие самолеты уже летят бомбить советские города и аэродромы, что экипажи немецких танков выводят свои машины на исходные позиции, что гитлеровские генералы все чаще смотрят на циферблаты своих часов. Их стрелки приближаются к роковой отметке. Но едва Сталин стал засыпать, разложив постель на диване в своем кабинете

на даче, где он работал и отдыхал, в дверь осторожно постучали. Стук больно отозвался в сердце: Сталина никогда не будили. Должно быть, произошло самое худшее. Неужели он просчитался? Сталин вышел. Начальник охраны доложил:

— Генерал армии Жуков просит вас, товарищ Сталин, по неотложному делу к телефону! — Сталин подошел к аппарату.

— Слушаю...

Жуков коротко доложил о налетах вражеской авиации на Киев, Минск, Севастополь, Вильнюс, другие города. После доклада начальник Генерального штаба переспросил Сталина:

— Вы меня поняли, товарищ Сталин?

Сталин молчал. А из трубки вновь последовал вопрос:

— Товарищ Сталин, вы меня поняли?

Было четыре часа утра 22 июня 1941 года. Началась Великая Отечественная война».

Таким образом, выходит, что, ожидая нападения со стороны Германии, Советский Союз вел двойственную политику. Положительным моментом этой политики являлось то, что советское руководство всеми силами стремилось, отодвинув западную границу, создать между СССР и Германией своеобразный буфер, который должен был снизить силу первоначального удара противника и создать условия для отмобилизования и развертывания главных сил первого стратегического эшелона. Отрицательными — просчет в начале германской агрессии, плохая разведка противника, низкие темпы разработки своих документов на оборону и создание обороны по линии новой границы.

О подготовке гитлеровских войск к нападению на Советский Союз именно в 4 часа утра 22 июня 1941 года было известно многим начальникам пограничных отрядов. Затем начали поступать данные о том, что на сопредельной стороне слышен шум моторов, стук пово-

зок, виден свет фар автомобилей. Эти данные начали поступать к начальникам пограничных войск Белорусского, Украинского и Молдавского пограничных округов. В 2 часа 22 июня они были доложены начальнику Главного управления пограничных войск, находившемуся в это время на участке 87-го пограничного отряда Белорусского пограничного округа, и его заместителю в Главное управление пограничных войск (Москва). Никто из них не отреагировал должным образом на эту информацию, не отдал приказ пограничным частям занять оборонительные сооружения. А отдать такой приказ они имели возможность, ибо запрета на занятие пограничниками оборонительных сооружений в то время не было. Не получили пограничные отряды такого распоряжения даже и после того, как Генеральный штаб отдал приказ западным военным округам о вводе в действие плана прикрытия государственной границы.

Для каждого советского человека Великая Отечественная война, в зависимости от занимаемой должности, началась по-разному. Большинство трудов советского периода говорят о внезапном и коварном нападении фашистской Германии. Фальсификаторы истории новейшего времени утверждают, что своим наступлением А. Гитлер сорвал готовящееся наступление советских войск на территории Германии и Румынии. И.В. Сталин и нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко своих воспоминаний по 22 июня 1941 года не оставили. Поэтому открываем воспоминания начальника Генерального штаба РККА того времени генерала армии Г.К. Жукова.

«В 3 часа 17 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

— Ваше решение? — поинтересовался я.

Старт немецких пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс» при налете на территорию Советского Союза 22 июня 1941 г.

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота, — ответил адмирал.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины...

Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны. Прошу его позвать к телефону И.В. Сталина.

Минуты через три к телефону подошел И.В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И.В. Сталин молчит. Я слышу его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И.В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит с Киевским округом по ВЧ.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро».

Итак, в ранний предрассветный час 22 июня 1941 года ночные наряды и дозоры советских пограничников, которые охраняли западный государственный рубеж Советского Союза, неожиданно отметили странное небесное явление — над территорией сопредельной Польши, захваченной гитлеровцами, далеко на ее западном крае в уже начавшем светлеть небе вдруг появились новые, невиданные доселе, звезды. Необычно яркие и разноцветные, они безостановочно плыли пестрой стаей на восток. Вскоре оттуда же, с запада, послышался рокот многих сотен авиационных моторов. Сотни германских самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно вторглись в воздушное пространство Советского Союза, неся свой смертоносный груз к заранее намеченным целям. И уже через несколько минут первые сброшенные вражеские бомбы начали рваться в районах пограничных застав и близлежащих военных городков. Ярко запылали кварталы приграничных городов.

По другим официальным данным, в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года первая волна немецких бомбардировщиков в составе 30 отборных экипажей, осуществлявших перелеты группами по 3 самолета, пересекли западную границу Советского Союза. Вторгшись на советскую территорию, бомбардировщики легли на курс к намеченным целям в тот момент, когда немецкая артиллерия подала сигнал о начале наступления наземных войск. 30 бомбардировщиков первой волны в утренних сумерках нанесли удар по десяти советским аэродромам. Этим ударом фашистское командование рассчитывало посеять панику на передовых советских авиабазах.

На восходе солнца основные силы немецких ВВС в составе 500 бомбардировщиков, 270 пикирующих бомбардировщиков, 480 истребителей нанесли удар по 66 аэродромам, на которых было сосредоточено почти 3/4 советской авиации.

Так, с массированных авиационных ударов началась Великая Отечественная война. 22 июня и в последующие двое суток фашистская авиация непрерывно, волна за волной, с интервалом 5—25 минут, группами от 5—6 до 60 самолетов, наносила удары по аэродромам. Основной удар был нанесен на глубину 150—200 километров, однако глубина действия фашистской авиации в эти дни достигала 400—500 километров от линии фронта.

Снова обращаемся к мемуарам Г.К. Жукова.

«В 4 часа 30 минут утра все вызванные члены Политбюро были в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что граф Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В.М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И.В. Сталин опустил голову и глубоко задумался.

Наступила длительная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил С.К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И.В. Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны № 2 была передана в округа...»

В который раз уместно поставить очень важный вопрос — как же началась Великая Отечественная война? Было ли нападение германских войск на СССР совершенно неожиданным? Для кого оно было неожиданным? По этому вопросу существует несколько версий.

Первая, официальная советская: нападение фашистской Германии было неожиданным и вероломным. Это значит, война началась без ее объявления, внезапность была достигнута на всех уровнях: стратегическом, оперативном, тактическом. Эта версия имеет слабые места, так как о подготовке Германии к войне против СССР советскому правительству неоднократно докладывали на базе разведывательных сведений из различных источников. Даже малоопытный политик знает, что такие сведения, если даже и не заслуживают абсолютного доверия, нуждаются в очень серьезном учете.

Вторая, на основании документов и проведенных исследований: советское правительство и высшее командование РККА знали о подготовке Германии к войне, но приняли только частные ответные меры. В результате этого не приходится говорить ни о стратегической и даже ни об оперативной внезапности. Остается только внезапность тактическая. А это не что другое, как неудовлетворительная информационная и организаторская работа Генерального штаба РККА, штабов западных военных округов и армий непосредственного прикрытия государственной границы.

Третья, В. Резуна и некоторых историков (Ю.Г. Фельштинского): вся юридическая процедура объявления войны Германией была выполнена, а сама агрессия стала вынужденной мерой реакции германского правительства на действия правительства СССР. По его

утверждению, «ровно в 4 утра имперский министр иностранных дел вручил заместителю народного комиссара иностранных дел, полномочному представителю СССР в Германии Владимиру Деканозову меморандум, в котором были изложены причины нападения Германии на СССР. Вручение этого меморандума и явилось актом объявления войны». Это так, но не следует забывать, что к тому времени война уже всюду бушевала на всей советско-германской границе.

На мой взгляд, первая и вторая версии, слившись воедино, наиболее соответствуют действительности. Высшее советское руководство знало о подготовке германской агрессии, но считало, что война начнется значительно позже или ей будет предшествовать многодневный период от объявления войны до ее начала. Нарком обороны, начальник Генерального штаба, командующие военными округами и армиями, командиры корпусов больше думали не о безопасности страны, а о сохранении собственных кресел и голов. Командиры дивизий и полков, соединения и части которых находились на удалении 30—50 км от государственной границы, в большинстве своем о возможном начале войны не знали.

Предупреждение наркома обороны о возможности вооруженных провокаций германских войск этой ночью поступило в штаб Киевского Особого военного округа около 2 часов 30 минут ночи 22 июня. Правда, тут же последовало строгое предупреждение — на провокации не поддаваться. Поэтому работники штаба, находившиеся в то время в Киеве (основной костяк штаба находился в движении на Тернополь), только смогли передать командующим армиями приказ находиться на своих рабочих местах, но ничего более конкретного им не передали. Таким образом, война для штабов и войск Киевского Особого военного округа началась внезапно, и в первые часы командующий и штаб этого мощнейшего объединения практически никак не управляли подчиненными войсками.

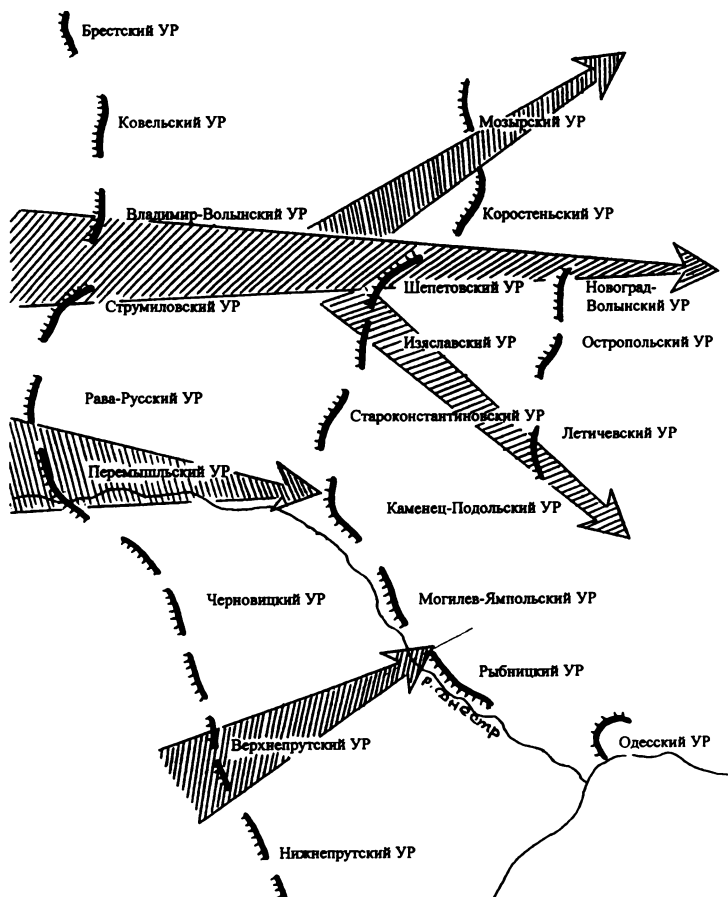
РУХНУВШИЕ ГРАНИЦЫ

В 3 часа 30 минут 22 июня тысячи германских орудий и минометов открыли огонь по заставам, штабам, узлам связи в районе расположения частей Киевского Особого военного округа в приграничной зоне. Одновременно вражеская авиация нанесла удары по военным аэродромам, затем подвергла бомбардировке Ровно, Львов, Житомир, Киев и многие другие города.

Первый удар врага, как и следовало ожидать, приняли пограничники. В полосе округа находилось восемь пограничных отрядов. Каждый состоял из 4 — 5 комендатур, имевших 3—4 пограничные заставы по 30—40 бойцов. Начальником войск Украинского пограничного округа был генерал-майор В.А. Хоменко. Однако в связи с нарушением управления частями и подразделениями пограничных войск, практически в самом начале войны, речь о согласованных действиях отрядов и застав, конечно же, не велась. Каждая застава сражалась в одиночку, и только в отдельных случаях наблюдался бой пограничных отрядов.

Особенно отличился 90-й пограничный отряд под командованием майора М.С. Бычковского. От немецкого солдата, перешедшего на советскую сторону вечером 21 июня, командир отряда узнал примерное время вторжения фашистских войск и своим решением привел в боевую готовность все подчиненные ему 16 застав. Затем доложил о перебежчике командующему 5-й армией генерал-майору М.И. Потапову и поставил в известность

командиров 41-й танковой и 87-й стрелковой дивизий. Правда, другими документами и свидетельствами это не было подтверждено.

В 4 часа утра 22 июня заставы 90-го пограничного отряда приняли бой в полосе 45 километров от села Корытница до Крыстынополя. Пограничники на ряде направлений успешно отразили первые атаки противника, но в 6 часов фашисты ввели в бой свежие силы и прорва-

Попель Н.К. —
начальник политотдела
8-го механизированного
корпуса

ли границу. 6-я застава вела бой до 24 июня.

На ковельском направлении стойкое сопротивление врагу оказали 8-я и 9-я заставы 98-го пограничного отряда (командир полковник Г.Г. Сурженко). Они дали врагу бой при его переправе через реку Западный Буг и уничтожили несколько сотен солдат и офицеров противника.

Одиннадцать дней и ночей у села Скоморохи защищала границу 13-я застава лейтенанта А.В. Лопатина. Напряженный бой разгорелся за Перемышль, где сооружения укрепленного района оборонялись погранич-

никами и бойцами 99-й стрелковой дивизии. Были и другие примеры героической обороны советской границы. Но это были слишком слабые силы для решения оборонной задачи в начале большой войны. Требовалось организованное вступление в сражение основных сил армий прикрытия государственной границы, по крайней мере дивизий и корпусов первого эшелона. Но, как известно, именно командиры и штабы этих соединений к войне конкретно не были подготовлены и четко своих задач не знали. Поэтому каждый из них в первые часы действовал на свой страх и риск.

Только к 10 часам утра 22 июня штабу Киевского Особого военного округа, превратившегося с началом войны в передовой пункт управления Юго-Западного фронта, удалось наладить связь с управлениями 12-й и 26-й армий, но что происходило в полосе 5-й и 6-й армий, никто не знал. Первое донесение из 5-й армии в штаб фронта по радио прибыло в 10.30 утра: «Сокаль и Тартакув в огне. 124-я стрелковая дивизия к границе пробиться

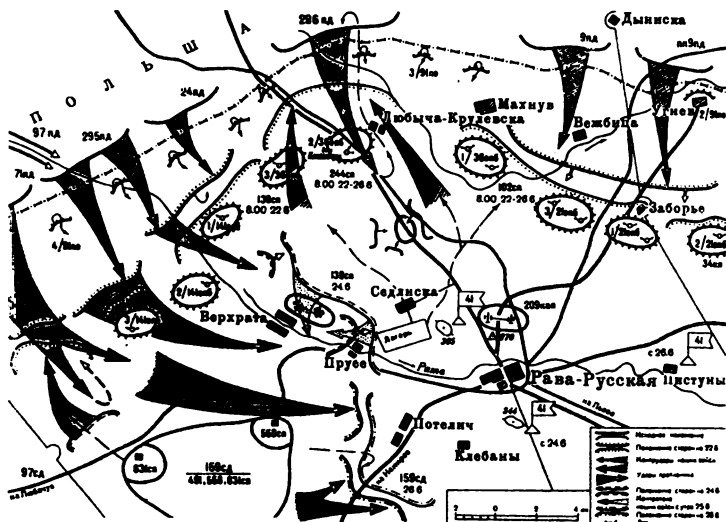
не смогла и заняла оборону севернее Струмиловского укрепленного района» (*Баграмян И.Х.* Так начиналась война. — С. 90).

Около 10 часов утра на пункт управления Юго-Западным фронтом пришла директива из Москвы, извещавшая о начале войны. В то время уже многие части и соединения армий прикрытия вели бой с противником, но командиры этих формирований все еще втайне надеялись, что это не война, а небольшой локальный конфликт, и поэтому действовали подчеркнуто осторожно. Только около 10.30 утра генерал М.П. Кирпонос решил передать в войска приказ о вскрытии пакетов особой важности. Но, вследствие отсутствия связи, в некоторые объединения и соединения этот сигнал пришлось передавать при помощи специальных курьеров самолетами связи. Нередко, в условиях господства противника в воздухе, эти самолеты сбивались, и соответствующие команды либо поступали в войска с большим опозданием, либо не поступали вовсе.

Известие о начале войны как бы развязывало руки командованию Киевского Особого военного округа, который с данного момента превращался в Юго-Западный фронт, но управлять войсками вновь образованного фронта оказалось очень непросто. В 15 часов Юго-Западный фронт должен был послать в Москву свое первое донесение. Но никакой конкретной информации из войск приграничных армий на то время не было, и пришлось отписываться общими фразами.

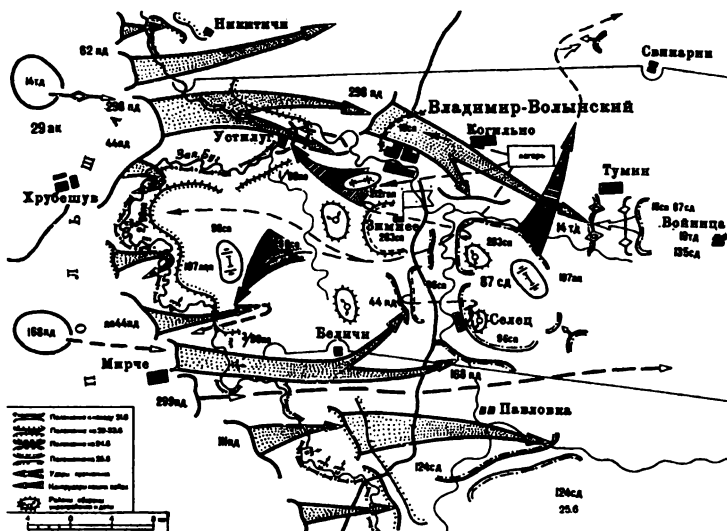
Командующие армиями прикрытия государственной границы в первый день войны также в большинстве своем остались без связи с подчиненными соединениями. Было нарушено управление во многих корпусах и дивизиях. Командиры дивизий и полков были вынуждены действовать на свой страх и риск.

Совершенно внезапным был удар главных сил противника по левому флангу 5-й армии и в стык этой армии с 6-й армией. В то же время в полосе 12-й и 26-й армий

противник действовал ограниченными силами. Из десяти соединений первого эшелона 5, 6 и 26-й армий только три (62, 87 и 99-я) стрелковых дивизии сумели занять рубежи по плану прикрытия. Остальные вынуждены были перейти к обороне на путях выдвижения под воздействием противника на совершенно не оборудованной местности. Между соединениями и частями существовали большие разрывы. Так, между 87-й и 124-й стрелковыми дивизиями возник разрыв в 20 км, между 124-й стрелковой и 3-й кавалерийской дивизиями— 15 км.

Шло время, а штаб Юго-Западного фронта все не мог собрать необходимые сведения для оценки обстановки во всей его полосе. Командующий сильно нервничал, постоянно давил на начальника штаба, а тот, в свою очередь, на начальника оперативного отдела и начальника разведки. Но те только беспомощно разводили руками. Выход был найден в том, что в 11 часов 22 июня штаб Юго-Западного фронта доложил начальнику Генерального штаба о том, что войска ведут бой с противником на

занимаемых ими рубежах, не указав точного начертания этих рубежей. Получалось, что войсками этого фронта в точности выполняется первый этап Плана прикрытия государственной границы. На самом же деле это было совсем не так.

И вскоре начали поступать сведения о вклинении противника в оборону советских войск на стыке 5-й с 6-й армией (участок до 100 км), где противник наносил свой главный удар силами шести пехотных и одной танковой дивизии. Там он нанес поражение 87-й и 124-й стрелковым дивизиям и вклинился на советскую территорию на глубину до 30 км.

В полосе 26-й армии день 22 июня прошел в оборонительных боях по рубежу реки Сан войск 8-го стрелкового корпуса. В полосе 12-й армии на всех направлениях атаки незначительных сил противника также были отражены.

Тяжелой была и воздушная обстановка. Авиация противника практически полностью захватила господ-

ство в воздухе. Авиация Юго-Западного фронта (четыре авиационные дивизии) в этот день совершила всего 100 самолето-вылетов, прикрывая район второстепенного значения (Шепетовка, Тернополь), армейская авиация практически бездействовала, приводя себя в порядок после первых внезапных налетов вражеской авиации на ее аэродромы. Только по официальным данным, потери авиации Юго-Западного фронта в первый день войны достигли 180 боевых машин, но, вероятно, они были значительно большими.

В результате непонимания истинного положения дел, между войсками, терпящими поражение на фронте вблизи границы, и вышестоящими штабами, пока не знавшими об этом, вскоре возникли нервозные отношения, вплоть до непонимания и угроз, что также не способствовало качественному управлению операциями фронта и армий. Действия командующего и штаба Юго-Западного фронта 22 июня 1941 года настолько обеспокоили И.В. Сталина и С.К. Тимошенко, что вечером этого дня было принято решение в срочном порядке направить туда начальника Генерального штаба Г.К. Жукова.

Известно, что Г.К. Жуков прибыл на Юго-Западный фронт 23 июня 1941 года и пробыл там до 26 июня. Ничего конкретного за это время он не сделал. В это время наступление войск противника на направлении главного удара продолжалось, его резервы еще не были введены в сражение, а в воздухе полностью господствовала фашистская авиация. В этих условиях оставалось только перейти к обороне и постараться остановить противника на тыловых рубежах. Но Георгий Константинович не был сторонником оборонительных действий.

Утром 26 июня соединения 1-й танковой группы противника захватили Дубно и начали продвижение на Острог, глубоко охватывая фланги 5-й и 6-й армий. Многим советским военачальникам, в том числе и Г.К. Жукову, становилось ясно, что План прикрытия государственной границы силами армий первого эшелона терпит крах.

Власов А. А. — командир 4-го механизированного корпуса 6-й армии Юго-Западного фронта

Нужно было принимать новое стратегическое решение. Григорий Константинович отдает приказ командующему Юго-Западным фронтом отложить на некоторое время проведение фронтового контрудара, а сам убывает в Москву.

К тому времени в полосе войск Юго-Западного фронта противник, осуществляя давление на войска всех армий, направление главного удара с полосы 5-й армии постепенно начинает переносить на юг, стремясь оторвать от 5-й армии 6-ю армию и выйти во фланг и тыл

Рябышев Д.И. — командир
8-го механизированного
корпуса

6-й армии. Соединениям 5-й армии также грозит окружение. Тяжелой остается обстановка и на южном крыле фронта: штаб фронта практически потерял управление находящейся там 12-й армией.

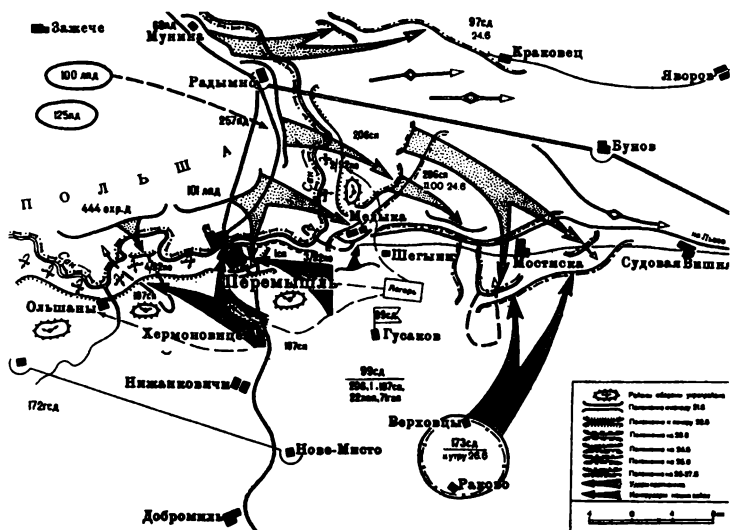
Прибывший в Москву Г.К. Жуков в докладе И.В. Сталину и С.К. Тимошенко всячески выгораживает командующего Юго-Западным фронтом, докладывая об упорной обороне его войск на неподготовленных рубежах. Он доказывает необходимость отхода на новые рубежи с целью выравнивания фронта

и использования условий местности. В результате этого в конце 26 июня в Генеральном штабе принимаются два важных решения. Первое — начать с наступлением темноты отвод армий Юго-Западного фронта на рубеж рек Стоход, Стырь, городов Кременец, Золочов, Стрий, Долина, Вышкув и перенести пункт управления фронта с Тернополя в Новоград-Волинский, а воздушный пункт управления — в Проскуров. Второе — о передаче 12-й армии из состава Юго-Западного фронта в состав вновь сформированного Южного фронта.

Но и это не позволило стабилизировать фронт обороны советских войск. Наступление противника продолжалось. На командном пункте Юго-Западного фронта преобладало пессимистическое настроение. Основные отделы ввиду отсутствия достоверной информации из войск не могли качественно разрабатывать необходимые боевые документы. Поэтому начальники этих отделов были вынуждены загружать подчиненных офицеров второстепенной работой, в результате которой разрабатывалось множество никому не нужных документов.

1941. Победный парад Гитлера

Обстановку нагнетал и тот факт, что именно в этот день (28 июня) покончил жизнь самоубийством член Военного совета фронта корпусной комиссар Н.Н. Вашугин. Причина этой трагедии так и осталась неизвестной, но сам факт отрицательно повлиял на складывающуюся обстановку.

На исходе 29 июня штаб Юго-Западного фронта был вынужден констатировать, что 5-я армия, понеся большие потери, отошла за реку Стырь и заняла оборону по ее западному берегу силами всех соединений. 6-я армия отошла на рубеж Каменка-Струмилова, Жолкев, Грудек-Ягельоньский, а противник в течение 28 июня усиленно обстреливал артиллерийским огнем и бомбил Львов. 8-й механизированный корпус своими дивизиями ведет бой в районе Дубно, Суходол. 15-й механизированный корпус ведет бой на фронте Станиславчик, Лопатынь, Полонична. 5-й кавалерийский корпус обороняется в районе Кременец. 26-я армия занимает рубеж Грудек-Ягельоньски — Урож.

К тому времени уже было ясно, что фронтовой контрудар силами четырех механизированных корпусов ожидаемого успеха не принес. 8-й механизированный корпус, растянувшись почти на 70 километров, был прижат превосходящими силами противника к непроходимой для танков реке Иква и уничтожен. Вырваться удалось только двум тысячам пеших бойцов с десятью орудиями и пятью танками. 5-я армия отходила, 6-я армия 30 июня оставила Львов. Последнее обстоятельство вынудило советское командование начать отвод на восток войск 26-й армии.

Таким образом, приграничные сражения войск Юго-Западного фронта закончились 30 июня 1941 года в целом неудачно. К тому времени его войска понесли большие потери и отошли от государственной границы на львовско-киевском направлении на 100—200 километров. Были оставлены такие важные железнодорожные узлы, как Ковель, Здолбунов, Львов и Дрогобичский нефтеносный район. Общее положение войск фронта характеризовалось наличием увеличивающегося разрыва между войсками 5-й и 6-й армий в районе Ровно, Здолбунов, Острог, что создавало реальную угрозу охвата и обхода главных сил фронта (6-й и 26-й армий), скованных боями с фронта. Тяжелым было положение и в полосах 12-й и 18-й армий. По данным книги «Гриф секретности снят», на 6 июля потери войск Юго-Западного фронта и 18-й армии Южного фронта составили 241,6 тысячи человек, в том числе безвозвратными 172,3 тысячи человек. Также было потеряно 4381 танк, 5806 орудий и минометов, 1218 самолетов.

О поведении И.В. Сталина в первый день войны Н.С. Хрущев позже писал: «Я часто вспоминаю рассказ Берии о поведении Сталина с начала войны. Сначала он не хотел в это поверить и цеплялся за надежду, что это провокация, приказывал даже не открывать огня, надеялся на чудо, пытался спрятаться за собственные иллюзии. Затем ему стали докладывать о победоносном про-

движении гитлеровских войск. Тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, — его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным. Членам Политбюро, собравшимся вечером 30 июня у него в кабинете, он сказал: «Все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы безвозвратно потеряли. Все погибло». И, ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу.

Берия рассказывал, что все остались в растерянности. Но потом решили наметить некоторые практические мероприятия. Ведь шла война, надо было действовать. Обсудив дела, они решили сами поехать к Сталину. Сталин принял их, и они начали убеждать его, что еще не все потеряно, что у нас большая страна, мы можем собраться с силами и дать отпор врагу, убеждали его вернуться к руководству и возглавить оборону страны. Сталин согласился, вернулся в Кремль и опять приступил к работе».

Лично я не верю ни в какую растерянность И.В. Сталина. По-моему было совсем другое — Иосиф Виссарионович накануне войны неоднократно по совету ближайших сторонников перетасовывал командные кадры, подбирая на ответственные должности, по его мнению, наиболее грамотных людей. Но эти «грамотеи», умевшие показать себя в мирное время и при ведении ограниченных (локальных) военных действий, оказались совершенно не подготовленными для руководства крупными войсковыми формированиями в условиях начавшейся большой войны. К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, К.А. Мерецков, Ф.И. Кузнецов, Д.Г. Павлов, М.П. Кирпонос, Я.Т. Черевиченко — никто из них не проявил в начале войны не только полководческого таланта, но и самых обычных качеств крупного военачальника. Эффективно управлять войсками было некому, а И.В. Сталин никак не ожидал этого. Растерялся не И.В. Сталин. Буксовала система военного управления, и нужно было время, чтобы наладить ее.

И Сталин сделал это. В начале июля 1941 года он выключил из системы военного управления такое звено, как аппарат наркома обороны, непосредственно замкнув на себя Генеральный штаб. Теперь Жукову, получив сводку с фронта, не нужно было докладывать ее Тимошенко и ждать, пока тот сообщит о ней Сталину. Начальник Генерального штаба получил возможность лично общаться с Верховным главнокомандующим и немедленно реагировать на его указания. Возросла оперативность управления войсками, снизился уровень военной бюрократии в штабах. Но это был только первый шаг на пути к тому, чтобы Красная Армия стала единым механизмом, способным четко выполнять полученные приказы.

ОТХОД

Первые оборонительные операции армий прикрытия государственной границы Юго-Западного фронта закончились неудачно. Не сыграли своей роли и укрепленные районы, строившиеся по линии новой границы СССР. Но читатель помнит, что по линии старой государственной границы также находилась мощная линия укрепленных районов, значительная часть которых опиралась на реки Случ, Збруч и Днестр. Не до конца были использованы и фронтовые резервы. В связи с этим нетрудно прийти к решению о планомерном отводе войск с тем, чтобы выиграть время и собрать силы для стойкого сопротивления врагу на линии старой границы.

Успешный отход остатков войск армий прикрытия Юго-Западного фронта на линию укрепленных районов, расположенных по старой границе СССР, во многом зависел от состояния последних, от их способности принять на себя отходящие войска, дать им возможность привести себя в порядок и занять оборону. Но эти укрепленные районы далеко не отвечали предъявлявшимся к ним требованиям. Так, если Коростенский, Новоград-Волынский и Летичевский укрепленные районы имели в мирное время кадры артиллеристов и пулеметчиков для занятия дотов, то Остропольский, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский укрепленные районы не имели ни войск ни подготовленных инженерных сооружений, и поэтому не могли быть эффективно использованы войсками отходящей 6-й армии.

Победный марш 22 июня 1941 г.

Особо важная роль в планах командования фронтом отводилась Остропольскому укрепленному району, который должен был связать фланги Новоград-Волынского и Летического укрепленных районов. Он неоднократно упоминался в оперативных документах, но надлежащей для того силы не имел. Такое же положение оказалось и на стыке Летического и Могилев-Подольского укрепленных районов в районе села Мурованные Куриловцы, который должен был обеспечить стык между Юго-Западным и Южным фронтами.

В результате такого состояния большинства укрепленных районов отход войск на их линию, в сущности, ничем не отличался от отхода на обычный рубеж. Рационально рассмотреть этот отход в его хронологической последовательности, основываясь на материалах как советской, так и германской стороны.

Уже 1 июля было ясно, что правый фланг 5-й армии и левый фланг 6-й армии Юго-Западного фронта все-рез и надолго оторваны друг от друга и что стык этих

Гарнизоны советских укрепленных районов стояли насмерть.
Июнь 1941 г.

армий в районе Шепетовки прикрыт весьма ненадежно. Задержавшиеся совершенно случайно в этом районе части выгрузившегося 5-го механизированного корпуса 16-й армии получили приказ выйти из боя, погрузиться и убыть вслед за своей армией в состав Западного фронта. 5-й механизированный корпус должны были сменить части 7-го стрелкового корпуса, которые к тому времени еще не прибыли. Поэтому немецкие войска, овладев Шепетовкой, могли практически свободно продвигаться дальше на Житомир.

26-я и 12-я армии также, хоть и с боями, но отходили в восточном направлении, оставляя один населенный пункт за другим. Попытки их командующих «зацепиться» за промежуточные рубежи и организовать на них оборону успеха не имели.

На юге в Бессарабии в течение 30 июня и 1 июля 1941 года на всем фронте по реке Прут немцы вели разведку и занимали исходное положение для наступления, а советские войска готовились к отражению этого на-

ступления. Несмотря на это, 1 и 2 июля 55-й стрелковый корпус 18-й армии без воздействия противника начал отход за Днестр.

Архивных материалов о порядке отхода советских войск сохранилось немного. Однако этот этап их действий в июле 1941 года представляет особый интерес. Поэтому читателю предлагается хроника событий, составленная на основании как советских документов, так и записей, сделанных в Военном дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера.

1 июля

В Военном дневнике генерал Ф. Гальдер записал: «17-я армия успешно продвигается. 14-й моторизованный корпус, действуя на левом фланге 17-й армии, продвигается в восточном направлении. Инцидент в районе Дубно, видимо, исчерпан. 8-й русский танковый корпус окружен. По-видимому, у него не хватает горючего. Противник врывает танки в землю и таким образом ведет оборону...

На фронте армий «Юг» 17-я армия успешно продвигается... Командование 17-й армии считает, что перед ее фронтом на стороне противника появились признаки планомерной эвакуации. Я этого не думаю. Я почти с полной уверенностью ожидаю попытки противника организовано отойти и закрепиться на своем тыловом оборонительном рубеже... Противник отходит с исключительно упорными оборонительными боями, цепляясь за каждый рубеж».

В этот день на проведенном И.В. Сталиным заседании был рассмотрен и утвержден «Мобилизационный народнохозяйственный план III квартала 1941 года». Тогда же были приняты постановления «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени», «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово», проведено совеща-

По захваченным с ходу мостам

ние с ведущими конструкторами авиационной техники, рассмотрены задачи создания подпольного и партизанского движения на Украине, в Белоруссии, в Карелии и Орловской области, решен ряд кадровых вопросов, заслушан доклад начальника Главного управления ПВО, обсужден вопрос об отношении к польскому эмигрантскому правительству.

Перечень данных мероприятий красноречиво говорит о том, в каком режиме работало правительство и Главное командование РККА.

2 июля

Ф. Гальдер в своем Военном дневнике пишет, что в полосе действий группы армий «Юг» против соединений 1-й танковой группы русские пытаются провести контратаки и даже несколько вклинились в районе Дубно. Но он не находил в этом вклинении никакой опасности оперативного масштаба, кроме отвлечения сил и средств, так как «вклинение сковывает находящиеся в этом районе пехотные дивизии, которые я намеревался наконец продвинуть в восточном направлении вслед за нашими танковыми авангардами», — резюмирует он. К исходу дня Гальдер отмечает, что на Киевском направлении войска 17-й армии, отразив сильную контратаку советских войск западнее Ровно, продолжили наступление. Советские войска, введя в бой крупные силы танков в качестве прикрытия, организовано отходят на восток. Германские дивизии перешли к энергичному преследованию противника.

Вечером он отмечает, что в этот день перешли в наступление войска на южном крыле советско-германского фронта: 11-я германская армия, а также войска Румынии и Венгрии. К вечеру эти войска форсировали Прут и продвинулись в глубь советской территории в среднем на 12 километров.

В Москве в этот день Государственным Комитетом Обороны было принято постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», обсуждены вопросы о формировании в Москве дивизий народного ополчения, о создании при Наркомате обороны специальной группы по формированию новых соединений, важнейших задач Советского бюро военно-политической пропаганды, рассмотрены проекты решений о создании управления морской обороны города Ленинграда, усилении московской зоны ПВО. Также был обсужден проект указа «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов».

В войска были направлены новые приказы самыми решительными мерами остановить продвижение противника на новых рубежах. Но все эти грозные указания, не подкрепленные резервами и другими мероприятиями, выполнить было очень сложно.

2 июля стало известно, что войска 6-й армии Юго-Западного фронта отошли на рубеж Ямполь, Тернополь. Противник, продолжая наступление на киевском направлении, продвинулся значительно далее Шепетовки на восток, в направлении на Полонное. Для этого он ввел в сражение 9-ю танковую дивизию, механизированную дивизию «Викинг» и еще три свежие пехотные дивизии. Основные силы его 17-й армии и 1-й танковой группы были нацелены на Киев. Однако часть сил ударной группировки получила задачу нанести удар по правому флангу 6-й армии с целью дальнейшего поворота его на юг.

С целью прикрытия правого фланга 6-й армии на рубеже Ямполь, Лановицы командующий фронтом решил ввести в бой свой последний резерв — 49-й стрелковый и 24-й механизированный корпуса. Однако эти соединения смогли лишь несколько задержать наступление противника и облегчить отход остатками 38-го и 37-го стрелковых корпусов, после чего сами начали отходить в общем направлении на Шепетовку и Бердичев.

3 июля

Ф. Гальдер в своем Военном дневнике пишет:

«17-я армия, на правый фланг которой прибыли две словацкие дивизии (во второй эшелон), продолжает преследование отходящего противника. Это «преследование» все время задерживается упорным сопротивлением противника, отдельные группы которого непрерывно переходят в контратаки, большей частью во фланг наступающим войскам и, как правило, при поддержке танков... Обозначилось главное направление ударного клина группы армий «Юг» на Бердичев».

Далее, говоря об организации контратак советских войск, он отмечает, что их качество говорит, что «командование противника полностью дезорганизовано. Организация атак исключительно плохая. Стрелки на грузовых машинах и танки наступают против нашей линии обороны в развернутом строю. Следствием являются тяжелые потери противника. Таким образом, нельзя видеть в этих несогласованных атаках какую-либо угрозу оперативного значения», — делает он вывод.

Он также говорит о том, что «утренние сводки за 3 июля сообщают, что противник перед фронтом 11-й армии, видимо, отходит за Днестр, но ведет упорные арьергардные бои. Наше продвижение задерживается также вследствие проливных дождей, которые совершенно размыли дороги».

На основании анализа всей обстановки в полосе группы армий «Юг» начальник генерального штаба сухопутных войск Германии делает вывод: «Теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена. Я считаю правильным высказывание одного пленного командира корпуса о том, что восточнее Западной Двины и Днепра мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней».

Однако в 12 часов Гальдер делает запись о том, что через главнокомандующего генерал-фельдмаршала Браухича и оперативный отдел поступили тревожные слухи из ставки Гитлера. «Фюрер боится, что продвинувшийся на восток ударный клин группы армий «Юг» будет поставлен под угрозу флангового удара противника с севера и юга». И, поразмыслив, Гальдер вынужден был согласиться, что такая угроза является вполне реальной.

В этот день, в своем первом выступлении по радио с

начала войны, И.В. Сталин провозгласил ее «отечественной народной войной против немецко-фашистских захватчиков». Он также сказал: «Необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, — подчеркнул И.В. Сталин. — Враг жесток и неумолим... Необходимо далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе, самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей... Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага».

В тот же день Государственный Комитет Оборона принял постановление об эвакуации из центральных районов страны и Ленинграда в города Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии около 30 заводов Наркомата вооружения, рассмотрел вопрос о назначении директоров ряда оборонных предприятий. На заседании Политбюро обсуждена задача советской военной делегации на переговорах с английской военной миссией, утвержден состав делегации, а также военной миссии в Англию. Рассмотрен проект постановления «О создании заводов-дублеров по производству танковых дизелей», а также письма исполнительного комитета Коммунистического Интернационала компартиям оккупированных гитлеровцами стран.

Обстановка на Украине продолжает оставаться крайне напряженной. Для усиления войск Юго-Западного фронта Ставка принимает решение о переброске туда соединений 16-го и 18-го механизированных корпусов из состава Южного фронта. Первому было приказано из Каменец-Подольска своим ходом выдвинуться в район Деражни и Жмеринки, второй туда должен был быть переброшен по железной дороге. В результате этого в районе Жмеринки должен был создаться достаточно

мощный танковый «кулак», который, по мнению советского командования, мог эффективно ударить по противнику.

В то же время постепенный отход армий Юго-Западного фронта продолжался. С целью задержать наступление противника командующий фронтом пытался остановить их отход на промежуточных рубежах, но на практике это не удавалось. Те части, которые переходили к обороне указанных рубежей вскоре вследствие стремительного наступления противника оказывались обойденными с одного, а то и с обоих флангов, и нередко оказывались в окружении.

Командующий 6-й армией приказал в течение этого дня 36-му стрелковому корпусу упорно оборонять рубеж Ямполь, Гриньки, 5-му кавалерийскому корпусу — Гриньки, Вышгородок, 37-му стрелковому корпусу — Паньковцы, Куйданце, а 3-й кавалерийской дивизии — Куйданце, Романувка. При этом командиру 37-го стрелкового корпуса было приказано принять все меры для выхода из окружения группы полковника Н.Л. Логинова (139-я стрелковая дивизия).

В оперативной сводке штаба Юго-Западного фронта, составленной в 10 часов утра 3 июля, указывалось, что «части 6-й армии после неудачных боев на фронте Новый Почаев, Золочев, неся большие потери, не организовали отхода и без связи между собой отходят на восток». При этом «данных о положении частей 37-го стрелкового корпуса в течение ночи не поступало».

4 июля

Ф. Гальдер в этот день пишет, что «на фронте группы армий «Юг» противник местами оказывает упорное сопротивление, что вызывает обострение обстановки на отдельных участках. Однако в целом уже ясно обозначился общий отход противника, который прикрывается контратаками танковых частей».

На киевском направлении 11-я армия продвигается

вперед медленно из-за плохого состояния дорог после дождей, прошедших за последние дни. Контратаки войск 5-й армии против вклинившейся немецкой группировки к вечеру этого дня прекратились.

На правом крыле группы армий «Юг» горные бригады румын начали наступление на Черновцы. Венгерские войска на своем правом фланге достигли северного выхода из Карпат... «Дрогобичский нефтеносный район попал в наши руки почти в полной сохранности».

Во второй половине этого дня Николай Алексеевич Вознесенский — первый заместитель Председателя Совнаркома, доложил И.В. Сталину проект решения ГКО «О выработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны». Затем была заслушана информация председателя Совета по эвакуации Николая Михайловича Шверника.

— А вы учли положение на Украине? — спросил Сталин. — Запомните, что потеря хоть части Украины чревата срывом выполнения любого плана развития народного хозяйства. В то же время ждать, пока враг захватит наши заводы, нельзя. Нужно вывозить все, что можно, а что нельзя — уничтожать. Поставьте об этом в известность и Буденного, и командование Юго-Западного фронта.

Командование Юго-Западного фронта, пытаясь разобратся в обстановке, наконец-то решило определить направление главного удара противника на левом крыле советско-германского фронта. После долгих обсуждений М.П. Кирпонос и его ближайшие помощники пришли к выводу, что фашистское командование в полосе Юго-Западного фронта наносит два равноценных удара: один в направлении Ровно — Житомир, второй — в направлении Тернополь — Проскуров, Винница. Первый удар приходился на стыке 5-й и 6-й армий, второй — в полосе 6-й армии.

Таким образом, в очередной раз подтверждалось, что судьба обороны фронта зависит от исхода операции 6-й

армии, которая к тому времени все больше откатывалась на юго-восток, постоянно увеличивая разрыв с войсками 5-й армии.

С целью воспреещения дальнейшего продвижения противника на житомирском направлении командующий фронтом приказал командующему 5-й армией сосредоточить основные усилия на ее левом фланге, но при этом упорно оборонять Коростенский укрепленный район. 6-й армии было приказано «не допустить прорыва противника в направлении Житомир и, прочно обеспечивая стык с 26-й армией, отойти на рубеж Катериновка, Коростки, имея главную группировку резерва за центром своего расположения».

И снова встает целый ряд серьезных вопросов.

Первый из них касается сосредоточения основных усилий 5-й и 6-й армий на направлении главного удара противника. Исходя из директивы командующего фронтом, его не наблюдается. Войска обеих армий рассредоточены по фронту примерно равномерно, а их резервы приказано иметь в стороне от направления главного удара противника. В результате этого противник получает возможность продолжать свое наступление на восток, не встречая все возрастающего сопротивления советских войск.

Второе. Разграничительная линия между 5-й и 6-й армиями, указанная в директиве штаба фронта (ст. Тетерев, Фонтанка, Слободка, Ровно), почему-то не касалась такого важного пункта на их стыке, как город Новоград-Волынский. Стало неясно, кто из командующих отвечает за этот крупный населенный пункт, обороне которого придавалось столь важное значение. В результате этого войска 19-го механизированного корпуса и 135-й стрелковой дивизии, оборонявшие Новоград-Волынский, вынуждены были лавировать между указаниями штабов 5-й и 6-й армий, что не могло не повлиять на качество боевых действий.

5 июля

В Военном дневнике Ф. Гальдер продолжает жаловаться на плохое состояние дорог в полосе группы армий «Юг». Он пишет, что по сведениям воздушной разведки на фронте перед 17-й и 6-й германскими армиями советские войска «потеряли соприкосновение с противником», но вечером того же дня признается, что такое утверждение оказалось ошибочным. Сопrotивление войск Юго-Западного фронта было упорным. В то же время перед фронтом 17-й армии и венгерских войск происходит беспорядочный отход противника, местами наблюдается скопление нескольких колонн на одном шоссе, а в колонны пехоты вклиниваются толпы беженцев.

Из советских источников также следует, что в этот день войска Юго-Западного фронта продолжали отход, с трудом сдерживая наступление противника. Разрыв между Новоград-Волынским и Шепетовкой все более увеличивался.

Командование фронтом для закрытия этой бреши бросило туда из своего резерва три дивизии 49-го и 7-го стрелковых корпусов. Но эти соединения, зачастую вступавшие в бой сразу после выгрузки из эшелонов, без изучения противника и общей обстановки в полосе своих войск, без надлежащей огневой подготовки и знания местности, быстро превращались в разрозненные группы, которые не могли выполнить поставленной боевой задачи. Так в горниле расхлябанности и неорганизованности бесцельно гибли последние резервы Юго-Западного фронта.

Войска 6-й армии с рубежа Четырбоки (20 километров южнее Шепетовки), Черный Остов отходили в направлении на Остропольский укрепленный район.

8-й стрелковый и 24-й механизированные корпуса 26-й армии пытались организовать оборону Проскурова с тем, чтобы выровнять фронт и создать единую линию обороны с отходившей южнее 12-й армией.

12-я армия, даже не испытывая особого нажима со стороны венгров и усиливавших их немецких частей, также по приказу командования фронтом отходила на восток. Поспешно эвакуировался Каменец-Подольский укрепленный район, оборонительные сооружения разрушались, взрывались орудия, все остальное вооружение и имущество поспешно вывозилось.

В конце дня штаб 6-й армии, известив войска о том, что крупные мотомеханизированные соединения противника овладели районом Славута, Изяславль, Шепетовка, обозначили наступление от Полонного на Мориамполь, отдал следующий боевой приказ 37-му стрелковому корпусу: «В целях обеспечения фланга и тыла армии от возможных ударов противника с севера, к исходу 7 июля занять и подготовить к обороне противотанковый рубеж на фронте Москалевка, Шноровка, Драчи фронтом на север и не допустить прорыва на Староконстантинов».

В ответ на это, уточняя полученную задачу, командир 37-го стрелкового корпуса задает командующему ряд вопросов. В том числе он просит сообщить, будет ли у штаба корпуса прямой провод со Староконстантиновым (штаб армии), а также уточнить, кто соседи корпуса, их задачи и ответственные за стыки. Кто из частей армии действует впереди? Будет ли работать разведывательная авиация перед фронтом корпуса? Разрешено ли будет взрывать (поджигать) мосты в случае наступления через реку Случь? Остается ли в силе приказ об удержании рубежа Бульки, Коротки? Где находятся склады с боеприпасами и где, в частности, получать снаряды?

Вопросы командира корпуса любому более или менее грамотному человеку покажутся вполне естественными, а подготовленный военный человек поймет их абсолютную закономерность. Но ни в тот день, ни на следующий штаб 6-й армии не смог ответить на большинство из заданных вопросов.

6 июля

В этот день Ф. Гальдер подтверждает, что наступление германских войск в полосе Юго-Западного фронта продолжает развиваться успешно. Правда, 6-я германская армия натолкнулась своим правым флангом на заранее подготовленный противотанковый рубеж противника (укрепления полевого типа) восточнее Ямполья.

При этом начальник генерального штаба сухопутных войск Германии сильно озабочен тем, удастся ли советским войскам организовать упорное и эффективное сопротивление на укрепленном рубеже западнее Киева, о котором к тому времени были получены достаточно полные данные от произведенной фотосъемки.

Далее он приводит результаты своих переговоров с начальником штаба группы армий «Юг» генералом Зоденштерном в отношении плана предстоящих действий соединений этой группы. Зоденштерн сообщил, что план командования группы армий «Юг» состоит в том, чтобы соединениями 3-го моторизованного корпуса продолжить наступление на Киев, а остальными соединениями 1-й танковой группы «после прорыва обороны противника в районе Бердичева, нанести удар через Белую Церковь западнее Днепра в общем направлении на Кировоград с целью организовать взаимодействие с 11-й армией и окружить группировку советских войск, находящуюся в районе юго-восточнее Винницы.

В конце этого дня Гальдер отмечает, что 11-я армия продвигается вперед, высылая перед собой передовые отряды, которые стремятся выйти к Днестру. Командование 11-й армии намерено внезапным налетом овладеть мостом у Могилева-Подольского. Румыны (4-я румынская армия) должны повернуть южнее Днестра на восток. 6-я и 17-я армии продолжают фронтальное преследование противника.

Командование Юго-Западного фронта и, в частности, командующие 6-й и 12-й армиями (управление 26-й

армии, передав свои соединения 6-й армии, убыло на формирование новой армии в район южнее Киева) в этот день ничего конкретного не предпринимали. Советские войска, ведя сдерживающие оборонительные бои на случайных рубежах, продолжали отходить в южном и восточном направлениях.

7 июля

Утром этого дня Ф. Гальдер пишет, что оптимистические настроения у командования 11-й армии сменились разочарованием. Наступление 11-го армейского корпуса опять задерживается. Причины этого неясны. По всей вероятности мешали грязь на дорогах и частые контратаки советских войск.

17-я армия же достаточно успешно продвигалась вперед, сосредотачивая свои передовые силы для удара в направлении Проскурова. Однако входящий в нее 14-й моторизованный корпус слишком сильно растянул свой фронт наступления на юг.

6-я армия также продолжала продвижение вперед. Впереди ее левого крыла действовали соединения 1-й танковой группы Клейста, части которой устремились к Житомиру.

Противник поспешно отводит свои войска из мешка, постепенно образуящегося в результате наступления 11-й и 17-й армий.

В полдень начальник оперативного отдела генерал Хойзингер доложил, что на фронте группы армий «Юг» немецкие войска прорвали центральный участок оборонительной полосы советских войск. 11-я танковая дивизия 1-й танковой группы прорвалась восточнее Полонного и начала наступление на Бердичев, «прокладывая себе путь среди колонн отступающих русских войск». К 17 часам она достигла этого города. 16-я танковая дивизия этой группы находится в Староконстантинове, где продолжается бой. 9-я танковая дивизия в это же время вела тяжелый танковый бой в районе Проскурова.

К тому времени 11-я армия уже форсировала Днестр в районе Могилева-Подольского по захваченному железнодорожному мосту. Однако к вечеру того дня советские войска контратаками выбили противника с захваченного плацдарма.

Вечером, разговаривая по телефону с начальником штаба группы армий «Юг», Ф. Гальдер поставил ему задачу на следующий день. Он потребовал так организовать наступление танковой группы Клейста, чтобы она могла немедленно повернуть на юг для создания внутреннего кольца окружения советских войск или развернуться на внешнем кольце, если этого потребует обстановка.

Таким образом, замысел операции на окружение 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта в планах германского командования приобретает все более конкретное очертание.

В этот день, по всей видимости, Ставка Главного Командования еще не представляла себе в полной мере того, что происходило на стыке 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта и какая угроза нависла над армиями южного крыла Юго-Западного фронта. Она пытается стабилизировать оборону по линии укрепленных районов, расположенных по старой государственной границе. Как доказательство этому во второй половине дня Генеральный штаб направляет Юго-Западному фронту очередное распоряжение, в котором содержится указание армиям фронта к утру 9 июля отойти и «прочно занять рубеж обороны по линии Новоград-Волынского, Остропольского и Летичевского укрепленных районов». В результате отхода за счет сокращения фронта обороны предполагалось создать сильные фронтовые резервы в районе Белой Церкви и Киева.

8 июля

Ф. Гальдер пишет: «17-я армия преследует отходящего противника. Командование 1-й танковой группы хочет подтянуть к 11-й танковой дивизии 14-й моторизован-

ный корпус и направить его для окружения группировки противника, действующей перед фронтом 17-й армии».

На основании результатов боев он делает вывод о том, что группа армий «Юг», «которая с самого начала войны заметно уступала противнику по численности, теперь в результате больших потерь, понесенных советскими войсками, сравнялась с ними в силах, и можно ожидать, что в дальнейшем эта группа армий, обладая превосходством в тактическом и оперативном отношении, добьется и численного превосходства».

К тому времени обстановка на стыке 5-й и 6-й армий еще более ухудшилась. Противник своим наступлением на участке Новоград-Волынский, Новый Мирополь оттеснил сводные подразделения обороняющихся советских войск и устремился на восток с задачей овладеть Житомиром и Бердичевом. В это же время из района Проскурова в направлении на Полонное наносили удар части 9-й танковой дивизии и моторизованной дивизии «Викинг».

Войска 6-й армии отходили на юго-восток, пытались закрепиться в Бердичеве, который к тому времени уже занял противник. Но с этим не хотели мириться ни Ставка Главного Командования, ни штаб Юго-Западного фронта. По распоряжению Ставки в район Бердичева был срочно направлен 16-й механизированный корпус. Но подход к Бердичеву его соединений ожидался только 11—12 июля.

На подступах к Бердичеву 6-я армия имела остатки своих 15-го и 14-го механизированных корпусов, в строю которых оставалось всего по 20—30 танков. Туда же с трудом удалось собрать некоторые сохранившие боеспособность подразделения пехоты и артиллерии. Этими силами командующий решил вернуть город и повел на него наступление одновременно с трех сторон. Позже к этому наступлению присоединились и части 16-го механизированного корпуса. Но ввиду того, что наступление велось разрозненными силами, которые

Контрудар советских войск

вступали в бой не одновременно, а противник в Бердичеве успел организовать оборону, контратаки советских войск поставленной перед ними цели не достигли.

После того как по приказу Ставки Главного Командования под Бердичев был отправлен 16-й механизированный корпус, штаб Юго-Западного фронта не пытался существенно повлиять на события, происходившие на этом важном оперативном направлении. Генеральный штаб также, по-видимому, считал, что выполнил все возможное. Так, в своей телеграмме командованию Южного фронта от 9 июня Г.К. Жуков писал: «По данным Кирпоноса в районе Бердичева до танковой дивизии противника. Вам надлежит смотреть в сторону Бердичева, прикрывая свой правый фланг крепкой ПТО» (противотанковой обороной. — В.Р.).

9 июля

Ф. Гальдер утром этого дня пишет: «17-я армия успешно наступает на восток против линии Сталина. Темп продвижения войск замедляется из-за сильных грозных

дождей и утомленности войск. 3-й танковый корпус 1-й танковой группы наступает на Житомир двумя танковыми дивизиями, следующими одна за другой».

На правом крыле группы армий «Юг» 11-я армия постепенно подтягивает свои силы к Днестру в готовности в форсированию его в районе Могилева-Подольского.

Вечером того же дня в генеральном штабе сухопутных войск Германии был обсужден план группы армий «Юг» по использованию 1-й танковой группы Клейста. По мнению командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Рунштедта, эта группа своим северным флангом (3-й моторизованный корпус) должна наступать на Киев, а главные силы (танковый корпус) повернуть на юг на Белую Церковь.

А. Гитлер же не рассчитывал на успех столь глубокой операции на окружение. В разговоре с главнокомандующим он потребовал, не доходя до Киева, повернуть соединения 1-й танковой группы на юг в направлении Винницы с тем, чтобы быстрее соединиться с частями 11-й армии. Таким образом, мнения разделились.

Вечером того же дня по этому вопросу произошло совещание у главкома. Большинство генералов были настроены решительно и настаивали на продолжении удара на Киев и глубоком охвате противника.

— Мы ни в коем случае не должны оставлять Киев на своем левом фланге, — говорил Гальдер. — Признаки беспорядка на стороне противника настолько велики, что быстрый, внезапный удар по Киеву создаст исключительно благоприятные перспективы для решающего успеха. Если же попытка захвата Киева с ходу окажется неудачной, тогда можно будет направить соединения 1-й танковой группы на Белую Церковь и далее на юг.

— Значит, вы предлагаете танковую группу Клейста все же бросить на Киев, — уточнил Браухич. — Но тогда существует опасность, что, ввязавшись в бои на подступах к этому городу, она потеряет время и танки, необходимые для стремительного наступления на юг. В случае

неудачи под Киевом не придется ли нам отказаться от операции на окружение?

— Ни в коем случае, — успокоил шефа Гальдер. — Независимо от того, как сложится обстановка под Киевом, мы прикажем наступать на Белую Церковь соединениям 3-го механизированного корпуса. После овладения этим городом они должны последующим ударом на Умань выйти в тыл противнику. При этом представляется целесообразным направить правый фланг 11-й армии также на Умань, чтобы замкнуть здесь кольцо окружения.

Если же, кроме того, как хочет фюрер, будет необходимо нанести удар от Бердичева на Винницу, то есть попробовать окружить противника по более узкому кольцу, то это можно сделать, используя соединения, следующие во втором эшелоне 11-й танковой дивизии.

— Выходит, вы предлагаете пойти на компромисс, — улыбнулся Браухич. — Одновременно решить несколько задач: угодить фюреру, наступать на Киев и начать операцию по окружению русских войск в районе Умани. Я думаю, это вполне возможно. Таким образом, — резюмировал главнокомандующий, — принимаем решение, что кольцо окружения пройдет от Бердичева на Белую Церковь и далее до фронта 11-й армии. Создание этого кольца является нашей главной задачей. Киев же и переправы через Днепр южнее Киева представляют собой второстепенную цель.

После окончания совещания Браухич доложил его результаты Гитлеру. Фюрер не стал возражать, но заметил, что он не ожидает быстрого успеха от удара на Киев:

— Мне нужны быстрые победы каждый день, — сказал он. — Удар от Бердичева на Винницу гарантирует такую победу. Ваш замысел тоже хорош, но его реализация требует намного больше времени и сил.

— Результат с лихвой окупит эти потери, мой фюрер, — заверил Гитлера Браухич. — В результате глубокого окружения мы можем одним ударом уничтожить основные силы Юго-Западного фронта русских и намно-

го облегчить последующие действия восточнее Днепра на всех направлениях.

— Хорошо, — согласился Гитлер. — Отдайте соответствующее распоряжение Рунштедту. И постоянно держите меня в курсе того, как развивается эта операция.

10 июля

Утром Гитлер вызвал к телефону Гальдера:

— Я считаю, что танковые дивизии Клейста в случае штурма Киева с запада понесут в этом городе неоправданные потери. Я опасаюсь, что даже в этом случае мосты через Днепр нам не удастся захватить в исправном состоянии. Поэтому считаю, что кольцо окружения должно пройти от Бердичева через Винницу и далее до полосы 11-й армии.

Гальдер не возражал. Он хорошо понимал, что штурм такого города, как Киев, дело очень непростое. Русские так просто не отдадут этот город. Бои предстоят за каждый квартал, каждую улицу, каждое здание.

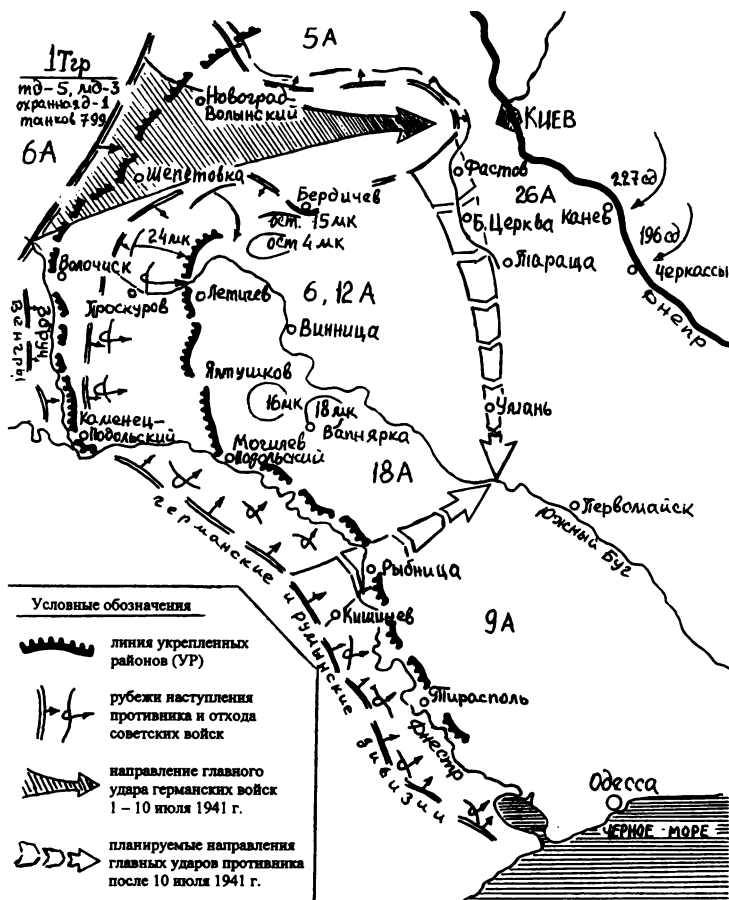
— Мой фюрер, я передам ваш приказ командованию группы армий «Юг». В то же время нельзя прекращать нажим на Киев. Нужно создавать видимость, что мы намерены штурмовать этот город. Оставим перед ним часть наших сил. Но лучшие части направим на юг.

— Передайте Клейсту, что славу ему принесет не взятие Киева (это будет несколько позже), а окружение противника южнее этого города, — назидательным тоном произнес Гитлер. — В древнюю историю вошли Канны. В новейшую войдут еще более блестящие операции на окружение и имена тех, кто смог провести эти операции.

Гальдер не стал оформлять директиву сразу, а позвонил главному, который в то время как раз находился на командном пункте группы армий «Юг». Браухич выслушал его.

— Сегодня утром я получил соответствующие указания от фюрера, — сказал он. — 1-я танковая группа будет

1941. Победный парад Гитлера

повернута на юг. Второй эшелон этой танковой группы составит заслон против Киева, избегая при этом штурма города.

Но Рунштедт считает, что ставить задачу параллельного преследования противника и охвата его фланга означает забегать слишком далеко вперед. Он говорит,

что кольцо окружения, если оно пройдет через Винницу, будет слишком узким. Поэтому командование группы армий «Юг» будет продолжать наносить подвижными соединениями 1-й танковой группы удар на Белую Церковь и южнее этого города. Если русские окажут на том направлении слишком ожесточенное сопротивление, у нас всегда останется возможность нанести удар с района Винницы. Я согласен с Рунштедтом.

— Ваша точка зрения является компромиссом между решением фюрера и мнением командования группы армий «Юг», — заметил Гальдер.

— Я не хочу принимать решения в обход указаниям фюрера, — признался Браухич. — Ваша задача — убедить его в правильности удара на Белую Церковь, но также сообщите, что план удара на Винницу также остается в силе.

Гальдер в 11.30 попытался связаться с Гитлером по телефону, но адъютант ответил, что фюрер занят. Тогда Гальдер позвонил фельдмаршалу Кейтелю и изложил ему суть дела.

— Вы верите в успех операции через Белую Церковь? — задал вопрос Кейтель.

— Я не очень уверен в способности 11-й армии вести успешное наступление в ближайшее время, — уклонился от прямого ответа Гальдер. — Однако главком считает, что попытаться надо.

— Хорошо, я доложу фюреру, — пробурчал Кейтель, понимая, что его хотят сделать крайним в этом щепетильном деле.

Через час Гальдеру позвонили из Ставки и передали, что Гитлер согласен с предложениями командования группы армий «Юг».

— Но он просит принять меры к тому, чтобы на северном фланге 1-й танковой группы не произошло никаких неожиданностей.

— На войне избежать всех неожиданностей очень сложно, — заметил Гальдер. — Но мы сделаем все возможное, чтобы они не носили тяжелый характер.

В 17 часов 10 июля 1941 года штаб 6-й армии приказал командиру 37-го стрелкового корпуса: «Немедленно остановите самостоятельный отход, приняв самые суровые меры. Занять и прочно оборонять рубеж Тетериновка, Степановка, Острополь. Без приказа не отступать! Приказ выполнить не считаясь с трудностями. За выполнение отвечаете вы, комбриг Зыбин, лично! Ваш отход оголил правый фланг 8-го стрелкового корпуса, что привело к обострению».

11 июля

Во второй половине дня Гальдера вызвал к телефону Гитлер.

— Меня волнуют низкие темпы продвижения 9-й танковой дивизии и дивизии СС «Викинг», — сказал фюрер. — Я предупреждал, что операция по глубокому охвату русских может быть сорвана.

— Вы зря беспокоитесь, мой фюрер, — успокоил его Гальдер. — Операция только начинается, еще продолжается перегруппировка войск. В то же время мне известно, что противник не ждет удара на юг и продолжает наращивать свою киевскую группировку.

— Полагаюсь на вашу оперативность, — заметил Гитлер. — Если противник в ближайшее время не разгадает наши планы, то затем ему будет трудно быстро реагировать на изменения в обстановке. Вы должны быть всегда на несколько шагов впереди русских, и докладывайте мне об изменениях немедленно.

Вечером того же дня Ф. Гальдер записал в Военном дневнике: «Противник ведет сильные контратаки с юга и юго-запада в районе Бердичева и с севера в районе Житомира против вклинившегося клина 1-й танковой группы. 13-я танковая дивизия продвинулась до ближайших укрепленных подступов к Киеву и повернула на юг».

Обстановка на киевском направлении оценивается командованием Юго-Западного фронта как критическая. Однако М.П. Кирпонос по-прежнему продолжал считать,

что способен нормализовать ее силами 5-й и 6-й армий. Он приказывает их командующим закрыть образовавшийся прорыв и отрезать «прорвавшиеся на Житомир и Бердичев мехсоединения противника». С этой целью 6-я армия, подчинив себе 16-й механизированный корпус, в 15 часов 12 июля должна была перейти в наступление в направлении Романовка (40 километров северо-западнее Бердичева).

12 июля

В отношении обстановки на южном крыле советско-германского фронта Ф. Гальдер в этот день утром в своем дневнике зафиксировал начало отхода войск Южного фронта за Днепр под прикрытием 2-го моторизованного и кавалерийского корпусов. К вечеру 11-я германская армия вышла к Днестру юго-восточнее Могилева-Подольского.

Далее он пишет: «На фронте 1-й танковой группы произошло большое сражение в районе Бердичева. Противник бросает в бой все новые соединения, главным образом подвижные, которые контратакуют 1-ю танковую группу с юго-востока, востока и юго-запада... В результате сильных контратак противника 11-я танковая и 60-я моторизованная дивизии вынуждены перейти к обороне. 16-я танковая и 16-я моторизованная дивизии продвигаются очень медленно».

Говоря о действиях ударных войск 1-й танковой группы, Ф. Гальдер отмечает, что в направлении на Белую Церковь, обходя Киев с юга, наступают 14-я и 13-я танковые дивизии, следуя одна за другой.

В этот день по решению Ставки Верховного Главного Командования на южном крыле советско-германского фронта было образовано Полевое управление главкома Юго-Западного направления, которое расположилось в Полтаве и должно было взять на себя руководство операциями Юго-Западного и Южного фронтов. Во главе этого высокого органа оперативно-стратегического

управления был поставлен Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Членом Военного совета стал первый секретарь ЦК РКП (б) Украины Н.С. Хрущев, начальником штаба — генерал-майор А.П. Покровский.

Основное внимание руководства Ставки главкома, безусловно, было приковано к Киеву, на оборону которого было решено бросить все имевшиеся резервы Юго-Западного фронта. Операции войск, действовавших южнее Киева, должны были играть вспомогательную роль. Поэтому С.М. Буденный приказал 6-й и 12-й армиям продолжать упорно оборонять занимаемые рубежи, постоянно контратакуя противника. Под влиянием этой политики и была направлена директива Юго-Западного фронта № 0055 от 11 июля 1941 года.

Однако эта директива штабом 6-й армии была получена только в 11 часов 12 июля, в то время, когда 16-й механизированный корпус еще полностью в Казатин не прибыл.

Генерал И.Н. Музыченко недоумевал, не понимая, как можно было отдать приказ о наступлении с решительными целями тогда, когда сил для проведения контрудара было явно недостаточно, а противник еще не исчерпал свои наступательные возможности. К тому же времени для организации контрудара совершенно не было. Поразмыслив об этом, он направляет доклад в штаб Юго-Западного фронта, в котором обосновывает нецелесообразность этого контрудара. Детально обрисовав обстановку, он пишет: «Ваша директива № 0055, требующая нанести удар в направлении Игнатовка на Романовка с целью закрыть образовавшийся прорыв у Н. Мирополь... привела бы к безусловному прорыву противника из района Бердичев на Казатин и Фастов, лишив армию совершенно средств подвоза и путей подвоза. Кроме того, армия должна была бы отходить в юго-восточном направлении и базироваться на тыловые районы 12-й армии... Из-за сложившейся обстановки войска армии

не в состоянии сконцентрировать достаточных сил для выполнения директивы № 0055».

Но пока этот доклад направлялся в штаб фронта, противник оказался на ближних подступах к Киеву и развил наступление в глубоком тылу войск 6-й армии, нанося удары в направлениях на Киев и Белую Церковь. В это же время под напором противника войска 12-й армии также продолжали откатываться на юго-восток. К тому времени уже начал давать себя чувствовать и разрыв, который образовывался между 12-й и 18-й армиями Южного фронта.

13 июля

Утром Ф. Гальдер пишет: «После отхода противника перед фронтом 4-й румынской армии давление противника на правый фланг 11-й армии заметно ослабло. Наблюдаются лишь отдельные атаки местного значения. 17-я армия ведет фронтальное преследование противника.

6-я армия и 1-я танковая группа вели бои в районе Бердичева, которые продолжались в течение всего дня и начали затихать лишь к вечеру. Куда девались крупные силы танков противника, участвовавшие в контратаках, неизвестно. Противник, вклинившийся в наше расположение западнее Бердичева, уничтожен».

Далее он пишет, что «надежда на быстрое продвижение 11-й танковой дивизии в направлении Белой Церкви оказалась обманчивой».

И это объяснялось не плохими дорогами и отсутствием необходимого запаса боеприпасов и горючего для танков, как это пыталось представить командование группы армий «Юг». На своем пути немецкие войска встречали все возрастающее сопротивление советских войск.

По решению главкома Юго-Западного направления для прикрытия участка Фастов, Белая Церковь, Тараща в течение 13—15 июля происходило образование особой

Население оккупированных украинских деревень на принудительных дорожных работах

ударной группы Юго-Западного фронта на базе управления 26-й армии, в состав которой должны были войти дивизии, выдвинутые из резерва. По мере прибытия в указанные районы эти соединения практически с ходу вступали в бои с противником, нанося ему потери и снижая темпы его наступления.

В то же время, в связи с образованием южнее Киева новой армии, получалось так, что управление 26-й армии выводилось с фронта в глубину. Однако соединения этой армии продолжали оборонять свои полосы, и выводить из боя их никто не собирался, они передавались 6-й армии. В результате этого с 13 июля 1941 года полосы обороны 6-й и 12-й армий оказались рядом, а на линии Днепра южнее Киева появилась 26-я армия нового формирования. В состав этой армии вошли остатки соединений 6-го стрелкового (41-я и 199-я стрелковые дивизии), 5-го кавалерийского корпусов, а также части 116, 227 и 196-й стрелковых дивизий.

И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» в дневнике за этот день пишет:

«На поле у боевых порядков частей (80-й стрелковой дивизии. — В.Р.) приземлился откуда-то «У-2». Летчик передает генералу приказ об отходе на новый рубеж.

Наша дивизия оказалась в глубоком «мешке». Противник охватывает фланги, пытаясь отрезать дивизию от других соединений армии и окружить.

Отходим. Впереди обозы, повозки с ранеными, за ними пехота. Артиллеристы прикрывают отступающие войска...

Неожиданно появляются два бомбардировщика. На крыльях — звезды. Самолеты идут на запад. Их догоняют шесть «мессершмиттов». Они расстреливают один бомбардировщик за другим...

Незаметно наступает ночь. А войска все идут и идут. В арьергарде растянувшихся колонн — 77-й стрелковый полк. Фашисты насаждают на него...

Штабные подразделения останавливаются в Скарженцах. Части подтягиваются в окрестные деревни. Движение затрудняет дождь. Не дождь, а ливень! В такую погоду идти по глухим проселочным дорогам почти невозможно. Но как тут устоять, когда в батареях остались считанные снаряды, а стрелки имеют по несколько патронов? Машины с боеприпасами увязли в грязи...»

14 июля

Ф. Гальдер в Военном дневнике пишет: «Бои в районе Бердичева, которые местами носили кровопролитный характер, начинают затихать. 11-я танковая дивизия потеряла 2000 человек. Командование группы армий «Юг» полагает, однако, что противник настолько ослаблен огромными потерями, что 11-я танковая дивизия сможет уже сегодня перейти в наступление в восточном направлении. Совместно с ней в направлении на Белую Церковь должна наступать 16-я танковая дивизия». Туда же направляются главные силы дивизии СС «Викинг».

В этот день для уточнения хода операции по окружению сил Юго-Западного фронта юго-западнее Киева в штаб группы армий «Юг» вылетел главнокомандующий генерал-фельдмаршал Браухич. Он заслушал доклады командующего генерал-фельдмаршала Рунштедта, а также специально вызванных для этого командующего 6-й армией генерала Рейхенау, командующего 17-й армией генерала Штюльпнавелля и командующего 1-й танковой группой генерала Клейста. По докладам этих военачальников, операция началась успешно и развивалась по плану.

— Но учтите, что русские еще не в полной мере разгадали наш замысел, и поэтому не предпринимают никаких экстренных мер, — предупредил Браухич. — В то же время нельзя рассчитывать только на военную удачу и нерасторопность противника. Нужно сделать все возможное для того, чтобы временный успех стал постоянным. В конкретном случае нужно максимально нарастить силы на направлении главного удара танковой группы Клейста. Русские дерутся отчаянно, и постепенно их сопротивление будет только возрастать.

И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» в дневнике за этот день пишет:

«Противник непрерывно обстреливает из минометов и пулеметов. Основной удар он наносит по первому батальону 77-го стрелкового полка (80-й стрелковой дивизии. — *В.Р.*). Под прикрытием одиннадцати танков к нашим окопам приближаются сотни солдат с автоматами... Постепенно в бой втягиваются все полки...

Не сломив оборону первого батальона, фашисты стали нащупывать слабые места на правом фланге, перебросили туда танки и пехоту...

В это время второй батальон сдерживает напор целого полка, усиленного тремя танками и четырьмя бронемашинами. Самоотверженно дерутся бойцы четвертой и пятой рот... Но на стороне врага огромное превосходство в силах, и батальон начинает отходить...

За это время трижды менялся командный пункт полка... Нанеся противнику большой урон в живой силе и технике, полк (77-й стрелковый. — *Р.В.*) оставил Скарженцы».

* * *

Заканчивалась третья неделя с начала Великой Отечественной войны. В ее начале соединения первого эшелона армий прикрытия государственной границы, застигнутые врасплох внезапным нападением врага, в подавляющем большинстве не успели занять оборону на подготовленных рубежах и были вынуждены принять бой в невыгодных для них условиях. Командующие этими армиями, располагая значительными мобильными резервами, не смогли обеспечить качественного ввода их в сражение. Все первые армейские операции были относительно быстро проиграны. Командующие фронтами, располагая значительными фронтовыми резервами, не смогли организовать эффективных фронтовых контрударов, что привело к отступлению сил фронтов в восточном направлении. За это время на всех стратегических направлениях противник продвинулся на советскую территорию на глубину от 300 до 500 километров.

На эстонском и ленинградском направлениях войска Северо-Западного фронта в составе трех армий, сильно ослабленных в предыдущих боях, стремились удержать наступление противника на лужском и новгородском направлениях.

На центральном участке советско-германского фронта противник переправился через Днепр и вышел к Смоленску. Началось грандиозное по масштабам и военно-политической значимости Смоленское оборонительное сражение, в котором советское руководство видело залог последующей успешной обороны Москвы.

На Юго-Западном направлении немецкие моторизованные части вышли на подступы к Киеву и были оста-

новлены на оборонительных рубежах всего в 15—20 километрах от города. Безусловно, это была катастрофа. На основании этого в начале 90-х появились «труды» о глупости и даже предательстве высшего советского руководства.

В настоящее время многие конъюнктурные авторы написали много книг о том, как вел себя И.В. Сталин в первые недели Великой Отечественной войны. Практически все пишут о том, что он растерялся, будто сообщение о вторжении немецких войск потрясло Сталина. В первые дни войны он не согласился выступать по радио с обращением к народу. Утром следующего дня отказался от поста председателя Ставки Главного Командования. Да и затем он не проявлял особой активности.

Это не удивительно. За эти несколько недель врагу удалось на сотни километров прорваться в глубь страны. До середины июля 1941 года РККА потеряло до миллиона бойцов и командиров, из них более 700 тысяч пленными. Перестали существовать практически все механизированные корпуса, Красная Армия лишилась около 7 тысяч орудий и минометов, более половины самолетов, значительной части стратегических запасов горючего и боеприпасов. В войсках начал ощущаться большой недостаток не только в тяжелом вооружении, но даже в винтовках и патронах.

Это не удивительно. За эти несколько недель врагу удалось на сотни километров прорваться в глубь страны. До середины июля 1941 года РККА потеряло до миллиона бойцов и командиров, из них более 700 тысяч пленными. Перестали существовать практически все механизированные корпуса, Красная Армия лишилась около 7 тысяч орудий и минометов, более половины самолетов, значительной части стратегических запасов горючего и боеприпасов. В войсках начал ощущаться большой недостаток не только в тяжелом вооружении, но даже в винтовках и патронах.

В первую неделю войны Сталин даже не имел точной информации о положении на фронтах. Лишь после того как он получил сообщение о захвате немцами Минска 28 июня, он начал действовать более решительно. Позже А. Микоян вспоминал: «Встревоженный таким ходом

Буденный С. М. —
главком Юго-Западного
стратегического
направления

дела Сталин предложил всем нам ехать в Наркомат обороны СССР и на месте разобраться в обстановке. В кабинете С.К. Тимошенко находились Г.К. Жуков, Н.Ф. Ватутин и еще несколько генералов и офицеров Генштаба. Здесь состоялся весьма суровый разговор. Только в этот момент Сталин по-настоящему понял всю серьезность просчетов в оценке возможности, времени и последствий нападения со стороны гитлеровской Германии».

Чтобы не подорвать свой авторитет, нужно было найти виновника происшедшего. С Западного фронта 30 июня был отозван командующий. На его место назначен маршал С.К. Тимошенко. Вместе с ним членом Военного совета Сталин направил Л.З. Мехлиса. В течение четырех дней тот «установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение».

Исключительно сложной складывалась обстановка и на Украине. Но командующий Юго-Западным направлением С.М. Буденный и Н.С. Хрущев своими постоянными докладами о растущем сопротивлении советских войск старались всячески успокоить вождя. В то же время и они постоянно требовали резервов.

Голос маршала Буденного был услышан в Москве. Г.К. Жуков решился на неординарный шаг. Он приказал управлению 26-й армии передать терпящие бедствие войска соседним 6-й и 12-й армиям и срочно прибыть в район Канева. На базе этого управления для обороны Днепра южнее Киева в срочном порядке на линии Фастов, Белая Церковь, Тараща началось формирование 26-й армии нового состава.

Западнее этого рубежа продолжали вести оборону соединения 6, 12 и 26-й армий первого формирования. Для их усиления из состава Юго-Западного фронта были направлены резервы, а Южного фронта в район Жмеринка, Могилев-Подольский по приказу Ставки были переброшены соединения 16-го и 18-го механизированных корпусов.

Сам отход советских войск, хотя он и был насыщен многочисленными отдельными боями соединений и частей, не являлся составной частью ни армейской, ни тем более фронтовой оборонительной операции. Командующие армиями довольствовались тем, что приказывали подчиненным войскам упорно оборонять отдельные районы, а затем разрешали им отходить на очередные тыловые рубежи. При этом бои войск в указанных районах, как правило, остальными силами армии не поддерживались, промежуточные рубежи обороны заблаговременно не готовились и войсками не занимались. Поэтому бои на этих рубежах носили эпизодический характер, а нередко они проходились войсками без организации на них обороны.

Командование фронта после провала контрудара в районе Ровно — Дубно также практически уклонилось от организации классической фронтовой оборонительной операции по линии старой государственной границы СССР, где имелись мощные укрепленные районы. Поэтому эти укрепленные районы фактически не сыграли никакой роли в действиях войск 6-й и 12-й армий.

Ярким событием первой половины июля 1941 года стали упорные бои войск 6-й армии в районе Бердичева, в которых принимали участие части 199-й стрелковой дивизии, часть танков 16-го механизированного корпуса. Однако все эти силы действовали не одновременно и на разобщенных направлениях. В результате все атаки советских войск на Бердичев были отбиты противником, а войска 6-й армии продолжили отход в юго-восточном направлении.

Германское командование отказалось от лобового штурма киевского укрепленного района. Было принято решение повернуть танковые соединения на юг с целью окружения группировки советских войск, находящихся восточнее Винницы.

В то же время, благодаря упорной обороне войск 6, 12 и 26-й армий на всех возможных рубежах отхода про-

тивник ежедневно нес тяжелые потери в живой силе и материальной части. Эти потери, а также другие факторы порождали у фашистского руководства, и конкретно у А. Гитлера, сомнения в возможности быстрого разгрома армий Юго-Западного фронта в результате глубокого их окружения.

Вследствие этого удар 1-й танковой группы противника от Киева на юг в середине июля 1941 года для фашистского командования обрел принципиальное значение. С одной стороны, — он подтверждал силу германского оружия и правоту теории блицкрига, с другой — разбивал сомнения А. Гитлера в военном таланте его генералов. Последние придавали этому особое значение и готовы были любыми средствами защищать свое решение. Это придавало удару на Белую Церковь и Умань не только чисто военное, но и в определенной мере политическое значение.

УМАНСКИЙ КОТЕЛ

К середине июля 1941 года план блицкрига, задуманный германским командованием, в основном сбывался. А. Гитлер в эти дни все чаще находился в приподнятом настроении. Он любил созывать совещания высших военачальников, часто обращался к карте военных действий, делал смелые выводы. В его лексике все чаще звучали фразы «мы сделали» и «я хочу». Зачастую, позабыв о действительности, он начинал рассуждать о будущем великой Германии так, словно все проблемы борьбы с Советским Союзом уже были решены.

В. Браухич и Ф. Гальдер в своих рассуждениях были значительно осторожнее. Огромные потери германских войск в первых операциях, несмотря на значительные потери РККА, постоянно возрастающее сопротивление советских войск красноречиво говорили о том, что рассчитывать на легкую и быструю победу над Советским Союзом не стоит. Эта же мысль все чаще звучала из уст других высших военачальников Германии, которые постоянно требовали дополнительных резервов и жаловались на непредвиденные трудности.

В то же время наступление германских войск на киевском направлении развивалось успешно. Там решительно действовала 1-я танковая группа, соединения которой занимали один населенный пункт за другим. Командовал этой группой генерал Э. фон Кляйст.

Эвальд фон Кляйст (в советской литературе — Клейст) был уже немолодой кадровый военачальник, которому в

1941 году исполнилось 60 лет. Он начал свою военную службу в далеком 1900 году, в 1912 году окончил Берлинскую военную академию. В годы Первой мировой войны службу проходил в должностях начальника оперативного отдела штаба дивизии и корпуса. После окончания войны преподавал тактику в кавалерийском училище в Ганновере. В 1929 году он снова вернулся в войска. Занимал должности начальника штаба кавалерийской дивизии, командира пехотного полка, командира кавалерийской дивизии. Накануне вторжения германских войск в Польшу Кляйст принял в командование 22-й моторизованный корпус. В ноябре 1940 года он был назначен командующим 1-й танковой группой, состоявшей из 11, 13, 14 и 16-й танковых дивизий, 25-й моторизованной дивизии и моторизованной дивизии СС «Адольф Гитлер».

Генерал-полковник Э. Кляйст принадлежал к элите германской аристократии в военной иерархии. Служба фатерлянду и войны были смыслом его жизни, и на любую операцию он смотрел только со стороны военного искусства. Успех действий войск 1-й танковой группы на киевском направлении Кляйст расценивал как доказательство его военного таланта и смотрел на будущее овладение Киевом как на нечто уже решенное. В то же время он не желал, чтобы об укрепления этого города зря разбились его танковые армады, которыми он очень гордился. Поэтому он упорно советовал главнокомандующему группы армий «Юг» поручить лобовой штурм Киева пехоте, доверив его танкистам проводить новые стремительные маневры в тылу противника.

Главногокомандующий группы армий «Юг» генерал К. Рунштедт хорошо понимал и поддерживал Кляйста. Но из Берлина постоянно требовали новых побед. Пехота сильно отставала от танков, и вывести из боя танковые дивизии не представлялось возможным. К тому же и сам главнокомандующий не был лишен полководческих амбиций.

Генерал-фельдмаршал Карл Рудольф Герд фон Рун-

штедт в то время уже перешагнул 65-летний возрастной рубеж. Он служил в армии с 1892 года. Уже во время Первой мировой войны был офицером Генерального штаба. К 1938 году выслужил звание генерал-полковника. При вторжении немецких войск в Польшу и во Францию он командовал группой армий. Свое руководство группой армий «Юг» при вторжении в СССР К. Рунштедт расценивал как вершину своей военной карьеры, которую хотел завершить на высокой ноте.

Следовательно, стремительное успешное наступление немецких войск в июне-июле на Украине не только являлось реализацией части плана «Барбаросса», но также и расценивалось как проявление полководческого таланта и удовлетворение личных амбиций целого ряда высших гитлеровских военачальников. Для решения этих задач в бой были брошены лучшие соединения фашистской танковой гвардии, возглавляемые опытными военачальниками. Все это вооруженной борьбе на Украине летом 1941 года придавало особую остроту и напряженность.

Советское руководство, как показывают сохранившиеся источники, не было готово к такой борьбе. Более того, оно находилось в большом смятении и даже некоторой растерянности. Ежедневно поступали данные об оставлении Красной Армией все новых населенных пунктов. Советское руководство всячески стремилось подбодрить народ, но скрыть горькую правду было невозможно. Различными каналами с фронта, несмотря на жесткую цензуру, непрерывно поступали сообщения об окружении соединений и частей советских войск, о гибели отцов, мужей, сыновей, братьев. В глубь страны хлынули первые потоки беженцев и эвакуированных, разнося тревожные слухи и сея панику.

Высшее командование РККА и руководство Генерального штаба к этому времени еще не в полной мере наладили руководство отступающими фронтами. Но жесткие меры уже были приняты. Был отдан приказ об аресте

командующего и нескольких других военачальников Западного фронта.

На Украине также положение было очень сложным, практически катастрофичным. Но С.М. Буденный и Н.С. Хрущев постоянно докладывали, что держат обстановку под контролем. Не бил тревоги и Генеральный штаб. В книге «Воспоминания и размышления» об этом времени Г.К. Жуков пишет, только констатируя факты и делая оптимистичные выводы:

«4 июля немецкие войска подошли к Новоград-Волынскому укрепленному району, где их атаки были отбиты с большими потерями для врага. Мотобронетанковые силы противника удалось удержать здесь почти на трое суток. Не добившись успеха, противник, перегруппировав свои силы южнее Новоград-Волынского, 7 июля захватил Бердичев и 9 июля — Житомир.

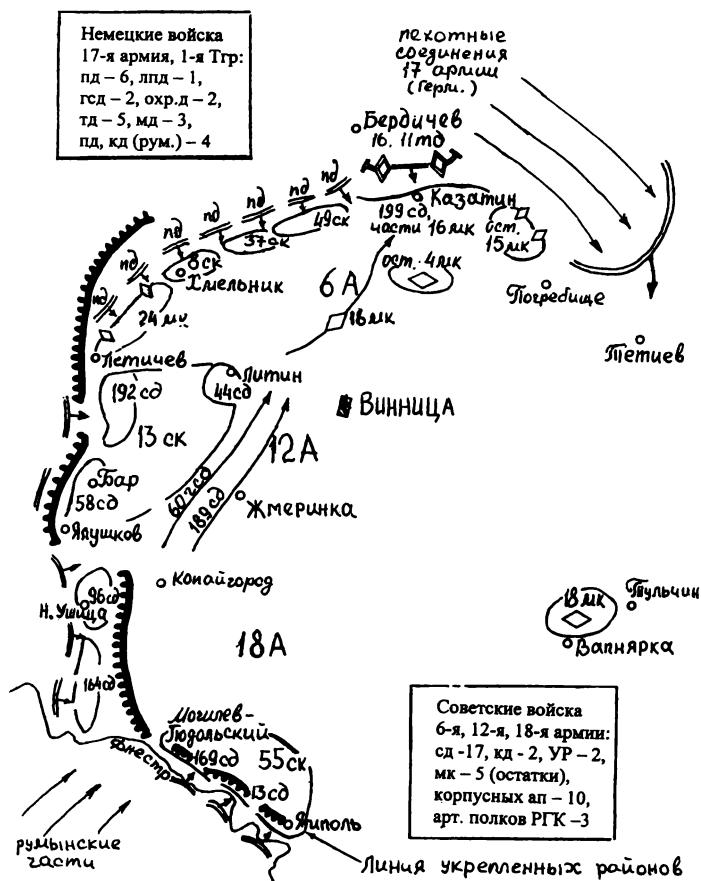
Захват Бердичева и Житомира, а также продолжавшееся наступление румыно-немецких войск на могилев-подольском направлении усилили угрозу окружения 12, 26 и 6-й армий Юго-Западного фронта. Эти армии, отбиваясь от наседавшего противника, медленно отходили на восток.

Тогда для ликвидации реальной опасности окружения командование Юго-Западного фронта 9 июля организовало контрудар на Бердичев. К контрудару были привлечены 15, 4 и 16-й механизированные корпуса... Бои в районе Бердичев — Житомир, начавшиеся 9 июля, продолжались до 16 июля». Неся большие потери и опасаясь удара с севера во фланг своей главной группировки, командование группы немецких армий «Юг» приостановило свое наступление в районе Житомира.

Это обстоятельство позволило командованию Юго-Западного фронта вывести наконец из-под угрозы окружения основные силы 6-й и 12-й армий и значительно укрепить оборону Киева.

Таким образом, противнику опять не удалось окружить войска Юго-Западного фронта. Немцы были вы-

1941. Победный парад Гитлера

нуждены все время вести фронтальные кровопролитные сражения. Бронетанковые и моторизованные соединения Клейста так и не могли добиться прорыва и выхода на оперативный простор».

Это — оценка событий в полосе Юго-Западного фронта со стороны начальника Генерального штаба РККА. По

всей видимости, через призму этого высшего органа управления видело обстановку на Украине и Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталин.

В то же время события в районе южнее Винницы в это время складывались намного напряженнее и драматичнее. Их полным и подробным описанием в советское время никто не занимался. Поэтому предлагаю рассмотреть их в хронологическом порядке, основываясь на нескольких имеющихся источниках, в числе которых имеющиеся архивные документы, книги М.Д. Грецова «На Юго-Западном направлении», И.А. Хизуненко «Ожившие страницы», Е.А. Долматовского «Зеленая брама», К.И. Чернявского «Всегда с бойцами», а также «Военный дневник» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера и книга немецкого автора Г. Штеца «Горные егеря под Уманью». Кроме того, для освещения отдельных эпизодов второй половины июля — начала августа 1941 года считаю возможным использовать воспоминания непосредственных свидетелей этих событий, с которыми мне довелось встретиться на территории Винницкой, Киевской и Черкасской областей Украины во время работы над книгой.

15 июля

К исходу дня 15 июля войска Юго-Западного фронта не смогли ликвидировать глубокий прорыв врага на Киевском направлении. 5-я армия оказалась оттесненной к северо-востоку и вела оборонительные бои северо-западнее Киева, постепенно все больше отрываясь от остальных сил Юго-Западного фронта.

К тому времени фашистская авиация практически захватила господство в воздухе в районе Винница, Белая Церковь, Умань. За месяц боев Юго-Западный фронт потерял 296 истребителей и 179 бомбардировщиков, в строю оставалось 156 истребителей и 72 бомбардировщика. Подавляющая их часть базировалась на аэродромах восточнее Днепра и использовалась на Киевском

направлении. Южный фронт, имевший на то время 622 боевых самолета, использовал их в основном на Приморском направлении и в Молдавии. Поэтому в полосах действий войск 6-й и 12-й армий появление советских самолетов было крайне редким, а действия их — малоэффективные.

В это время войска 6-й армии, ведя тяжелые оборонительные бои, отходили на рубеж Казатин, Хажин, Уланов, Хмельник. 12-я армия оборонялась в системе Летического укрепленного района на фронте Хмельник, Летичев, Бар, Ялушков.

Южнее этой группировки действовали соединения 18-й армии Южного фронта, которые оборонялись на рубеже Снятков, Мурованные Куриловцы, Ярышев и далее по реке Днестр до Ямполья и Грушки.

В результате успешного наступления немецких войск на киевском направлении и пассивности советских войск на южном направлении к середине июля образовалась опасная для советской стороны конфигурация фронта — выступ в районе Винница, Могилев-Подольский, Умань. Советское командование, целиком занятое развитием событий на других направлениях, первоначально на этот выступ не обращало должного внимания. Находившиеся там войска вели оборонительные бои, не получая четких и вразумительных директив, рассчитывая на собственные силы.

В это время немецко-фашистское командование группы армий «Юг» приняло решение о реализации ранее составленного плана по охвату и обходу главных сил Юго-Западного фронта. Для этого предусматривалось,

Баграмян И.И. — начальник оперативного отдела Киевского Особого военного округа (с 22 июня 1941 г. — Юго-Западного фронта)

заслонившись со стороны Белой Церкви силами двух моторизованных и двух танковых дивизий, тремя танковыми и двумя моторизованными дивизиями нанести удар в тыл 6-й и 12-й армий в общем направлении на Умань. Одновременно в этом же направлении с рубежа Летичев, Бар, Могилев-Подольский, Ямполь должны были наступать дивизии, расположенные на смежных флангах 17-й и 11-й германских армий, сковывая советские войска с фронта и охватывая их с юга.

Таким образом, удар на Умань во второй половине июля 1941 года становится важнейшим актом вооруженной борьбы на южном крыле советско-германского фронта. Успешное проведение этой операции обещало не только большую победу на южном крыле советско-германского фронта, но также создавало благоприятные условия для последующего разгрома киевской группировки советских войск.

В плане реализации этого замысла уже 11 июля Ф. Гальдер в своем Военном дневнике отмечает поворот от Киева 13-й танковой дивизии 1-й танковой группы на юг. 12 июля он отмечает, что вслед за 13-й танковой дивизией на юг повернула также и 14-я танковая дивизия. 14 июля принимается решение об усилении данной танковой группировки 16-й танковой дивизией. Все три танковых соединения устремляются в направлении на Белую Церковь. Утром 15 июля Ф. Гальдер отмечает, что немецкие войска (9-я танковая дивизия, за которой следуют два полка дивизии СС «Викинг») находятся в нескольких километрах от Белой Церкви.

К этому времени командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос уже частично потерял свою былую уверенность. Неудачи первых недель войны тяжелым бременем легли на его душу: он стал молчаливее и осторожнее, чаще советовался с начальником штаба фронта генералом М.А. Пуркаевым. Но и Максим Алексеевич, не всегда владевший последней оперативной обстановкой, не спешил высказывать свое

мнение, предварительно не посоветовавшись с начальником оперативного отдела полковником И.Х. Баграмяном. Баграмян, в свою очередь, постоянно требовал последние разведывательные данные от начальника разведки округа и требовал перепроверки этих данных различными средствами. В результате этого в штабе Юго-Западного фронта возникала атмосфера напряженной медлительности, которая из-за этого нередко сводила на нет результаты работы большого коллектива военных специалистов. Очередное выработанное решение оставалось не реализованным ввиду быстрого изменения обстановки.

Во время очередного доклада Сталину оперативной обстановки Г.К. Жуков посетовал на то, что штаб Юго-Западного фронта часто передает в Москву уже устаревшую информацию. С целью повышения оперативности управления войсками южного крыла советско-германского фронта было решено создать Главное командование всего Юго-Западного направления, поручив его Маршалу Советского Союза С.М. Буденному. Членом Военного совета стал Н.С. Хрущев, начальником штаба генерал-майор А.П. Покровский. Командный пункт Юго-Западного стратегического направления расположился в Полтаве. В его лице возникло еще одно передающее звено в цепи штаб Юго-Западного фронта — Генеральный штаб РККА. В последующем штаб главкома постоянно требовал донесений от штаба фронта, в несколько раз увеличив и без того огромный ворох отчетной документации, отрывая силы и средства для ее составления. В то же время главнокомандующий и штаб Юго-Западного стратегического направления не были подготовлены для того, чтобы самостоятельно принимать решения оперативного характера.

Так в условиях острого дефицита времени в структуре системы управления советскими войсками возник дополнительный орган, обладающий большими правами, но не несущий конкретных обязанностей.

Главком Маршал Советского Союза С.М. Буденный как легендарный командующий 1-й Конной армией времен Гражданской войны пользовался большой популярностью и любовью советского народа. Однако в последующие годы он занимался сравнительно узким кругом вопросов кавалерии и коневодства и, в основном, выполнял представительские функции в различных общественных организациях. Поэтому военачальником стратегического уровня руководства войсками его едва ли можно было считать. Последующие события в полной мере подтвердили это.

Член военного совета Юго-Западного стратегического направления Н.С. Хрущев был политиком и хозяйственником, получившим эту должность в связи с тем, что до войны занимал пост первого секретаря Коммунистической партии Украины. Никакого военного образования он не имел и в оперативные вопросы никогда не вникал.

Более грамотным военным специалистом был начальник штаба Юго-Западного направления генерал-майор А.П. Покровский, который до назначения на эту должность работал в оперативном управлении Генерального штаба. Профессиональный военный, окончивший Военную академию имени М.В. Фрунзе и полный курс Академии Генерального штаба, он обладал достаточными знаниями по вопросам организации боевых действий в звене армия — фронт. В то же время Александр Петрович не имел практического опыта управления войсками фронта, а тем более двух фронтов, в условиях военного времени.

И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» в дневнике за этот день пишет, что 80-я стрелковая дивизия «медленно с боями отходит на новые рубежи. Дорога с выбоинами, вокруг болотистые места, вязкая трясина. Трудно идти усталым людям, отощавшие кони еле-еле тянут тяжелые пушки...»

Таким образом, к середине июля 1941 года германскому командованию путем стремительного наступле-

ния войск 1-й танковой группы на Киев удалось ввести советское командование в заблуждение в отношении планов ведения боевых действий на Украине. Перед войсками 6-й и 12-й армий была поставлена задача своими оборонительными действиями максимально отвлечь противника от удара на Киев и тем самым выиграть время для обороны этого города. Боевые действия советских войск осуществлялись методом отхода в очень трудных условиях и ведением обороны на неподготовленных рубежах в сочетании с контрударами и контратаками.

Огурцов С.Я. — командир
10-й танковой дивизии
15-го механизированного
корпуса

В то же время германское командование в отношении советских войск, действующих на Украине, вынашивало несколько другие планы, готовя масштабную операцию на окружение Винницкой группировки.

16 июля

А. Гитлер провел совещание с рейхсканцлером Розенбергом, рейхсминистром Ламмерсом, фельдмаршалом Кейтелем, рейхсмаршалом Г. Герингом и своим заместителем по партии М. Борманом о целях войны против СССР.

Говоря об этом, фюрер, в частности, сказал:

— Теперь можно не раскрывать своих целей завоевания перед всем миром. Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Мотивировка действий перед всем миром должна исходить из тактических соображений.

Нужно снова подчеркивать, что мы были вынуждены занять район с тем, чтобы навести там порядок и устано-

вить безопасность. Все необходимые меры — расстрелы, выселения и т.п., несмотря на это, осуществляем и можем осуществлять. В основном дело сводится к тому, чтобы освоить огромный «пирог» с тем, чтобы мы им, во-первых, овладели, во-вторых, управляли, в-третьих, эксплуатировали.

— Но как быть с интересами наших союзников? — поинтересовался Геринг.

— Мы не давали никаких определенных обещаний. Прибалтика, Крым с прилегающими районами и волжские колонии должны стать областями империи. Бакинская область — немецкой концессией. Финны хотят получить Восточную Карелию. Кольский полуостров с богатыми никелевыми месторождениями должен отойти к Германии. Ленинград я хочу сровнять с землей, а затем отдать его финнам. Главное — гигантское пространство России должно быть как можно скорее замирено. Лучшее всего этого можно достигнуть уничтожением каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд в сторону немецкого солдата или офицера.

В этот день наступление немецких войск продолжалось. Танковая группа Г. Гота своим правым флангом вышла в районе Ярцево на большое бетонированное шоссе Смоленск — Москва. Левый фланг танковой группы Гудериана, преодолевая сопротивление противника, достиг центральной части Смоленска. В результате этого в районе Смоленска сомкнулись внутренние фланги обеих танковых групп. Обстановка в районе Смоленска становилась все более критической.

Тяжелое положение складывалось и на Украине.

Ф. Гальдер в своем дневнике отметил, что в этот день 17-я армия, наступавшая на Киевском направлении, прорвала линию Сталина на всем фронте. Немецкие войска устремились к Житомиру, отражая контрудары войск 5-й армии со стороны Коростыня. Он пишет: «Сопротивление противника, действующего перед фронтом группы

армий «Юг», сломлено. Под натиском 17-й армии его войска отходят. По-видимому, резервов в глубине здесь больше нет. Я не думаю, что противник организованно отойдет за Днепр».

В то же время начальнику генерального штаба сухопутных войск Германии в этот день генерал Богач, отвечавший за воздушную разведку, докладывал, что перед фронтом 17-й армии в районе Жмеринки в 15 часов установлены явные признаки отхода противника, а в районе севернее Умани обнаружено скопление 38 эшелонов, из которых выгружались танки, сразу же начавшие движение на восток.

На юге немецкие войска заняли Кишинев и устремились к Днестру. Им удалось форсировать Днестр южнее Могилева-Подольского. Войска 12-й и 18-й армий начали поспешно отходить на всем фронте. Немецкие войска вечером того же дня заняли Кишинев. Ф. Гальдер в своем Военном дневнике отмечает, что операция группы армий «Юг» развивается в соответствии с намеченным планом.

В этот день, в 10 часов 15 минут, командиру 16-го механизированного корпуса комдиву Соколову штаб 6-й армии писал: «Военный совет армии отмечает отсутствие твердого руководства с вашей стороны частями вашей группы: самовольное оставление участков обороны, перемена КП без разрешения штаба армии. Приказывает прочно оборонять Казатин, навести порядок в частях группы, связать их и твердо держать в руках».

В 11.30 командующий группы войск генерал-майор С.Я. Огурцов из местечка Туча докладывал в штаб 6-й армии, что 10-я дивизия НКВД минометов не имеет. Во время налетов авиации противника три орудия противотанковой артиллерии, приданные 10-й дивизии НКВД, разбиты. Убит начальник артиллерии 16-го механизированного корпуса.

И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» в дневнике за этот день пишет:

«Противник внезапно прорвался через речку. Гул машин и разрывы мин сотрясают воздух. Гитлеровцы охватывают левый фланг дивизии...

Части 80-й стрелковой дивизии получили приказ наступать в юго-восточном направлении от Казатина (Винницкая область). Наступление развернулось на линии деревень Крушиновка — Кордышевка — Журбиновцы. 77-й стрелковый полк ведет атаку в направлении на Журбиновцы.

С воздуха нас активно поддерживала авиация. После длительного перерыва мы снова видели наших соколов...

К концу дня наши войска отошли еще на 7—8 километров...»

17 июля

В этот день А. Гитлер издал приказ о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях. Гражданские власти в этих областях должны были подчиняться рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей. На этот пост был назначен Розенберг.

В то же время было решено, что до полного окончания военных действий вся полнота военной и административной власти на оккупированных восточных территориях должна оставаться в руках командующих войсками вермахта, назначающихся непосредственно Гитлером и подчиняющихся начальнику штаба Верховного главнокомандующего вермахта фельдмаршалу Кейтелю. Командующие войсками должны были только всячески помогать рейхскомиссарам в решении политических и административных задач.

— Я бы просил максимально освободить боевые части от выполнения полицейских функций, — взмолился Кейтель. — У командующих становится все больше задач непосредственно на фронте боевых действий. Я считаю, что они в первую очередь должны отвечать за их выполнение, а не размениваться по пустякам.

— Хорошо, — согласился Гитлер. — В области гражданского управления выполнение требований вермахта возлагается на рейхскомиссаров. По всем другим вопросам рейхскомиссары подчиняются рейхсминистру. Полицейская охрана вновь оккупированных германскими войсками восточных областей будет возложена на рейхсфюрера СС Гимmlера. Генрих — решительный и волевой человек. Он наведет должный порядок на этих землях, даже если придется уничтожить каждого второго поляка или русского. Пусть шире привлекает для выполнения полицейских функций местные кадры, в том числе и из числа военнопленных украинцев и белорусов. Я освобожу военных от выполнения несвойственных для них задач, но я требую существенно ускорить разгром соединений Красной Армии на Украине, требую ускорить продвижение наших войск за Днепр на Донбасс.

Ф. Гальдер в своем Военном дневнике вечером этого дня отмечает, что «11-й армии удалось форсировать Днестр и закрепиться на его восточном берегу. Румынские соединения (3-я румынская армия), действующие на левом фланге армии, также вышли на восточный берег Днестра. 17-я армия острым клином вошла в глубину оборонительной полосы противника. На фронте 1-й танковой группы 11-я и 16-я танковые дивизии вышли на уровень 9-й танковой дивизии. Теперь можно начать охват противника танковыми соединениями».

Ухудшалось положение на правом фланге 6-й армии. 1-я танковая группа противника начала выдвижение с рубежа Бердичев, Белая Церковь в южном направлении, осуществляя с востока охват ее фланга.

Стремясь не допустить этого, началось наступление 6-го стрелкового корпуса и группы генерала Матыкина на широком фронте от Фастова до Белой Церкви. Группа Матыкина 17 июля заняла Фастов и вошла в соприкосновение с мотомеханизированными частями противника.

6-й стрелковый корпус на подступах к Белой Церкви был встречен контратаками сильных мотомеханизиро-

ванных отрядов противника и начал отходить в восточном направлении. Затем, приведя себя в порядок, войска корпуса вновь начали наступление на Белую Церковь и вышли на подступы к городу.

Но далее ни отряд Матыкина, ни части 6-го стрелкового корпуса продвинуться не смогли. К исходу суток войска 6-й и 12-й армий под давлением противника с фронта отошли на рубеж Ширмовка, Калиновка, Виньковцы, Бар.

Сложным было положение советских войск и в полосе 18-й армии. Ее 17-й стрелковый корпус в этот день, видимо, не имея информации об охвате его флангов противником с севера и юга, продолжал обороняться в районе Мурованных Куриловец. Создавалась угроза его окружения и развития наступления противником в глубину. Сочетание этого маневра с наступлением в направлении Белая Церковь, Умань означало развитие двойного охвата внешних флангов 6-й и 12-й армий.

В этот день штаб 16-го механизированного корпуса доносил, что противник с рубежа населенного пункта Натальянка в 14 часов перешел в наступление, несмотря на сильный встречный огонь артиллерии и танков. Эта контратака была отражена с большими потерями для противника. Советские танки прорвались на шоссе Казатин — Белая Церковь, где двигались фашистские моторизованные колонны. Было уничтожено до 40 транспортных и боевых машин. Противник с большими потерями начал отступать на Казатин.

18 июня

Утром этого дня Ф. Гальдер в своем Военном дневнике записал:

«Операция группы армий «Юг» все больше теряет свою форму. Участок фронта против Коростеня (полоса 5-й армии. — *В.Р.*) по-прежнему требует значительных сил для его удержания. Прибытие крупных свежих сил противника с севера в район Киева вынуждает нас под-

тянуть туда пехотные дивизии, чтобы облегчить положение танковых соединений 3-го моторизованного корпуса и в дальнейшем сменить их.

Обходящий фланг 1-й танковой группы не может продвинуться на юг (на Умань). Он все еще топчется в районе Бердичева и Белой Церкви. Между тем ударный клин 17-й армии настолько приблизился к войскам танковой группы, что теперь уже вряд ли удастся окружить в этом районе значительные силы противника...

Согласно указанию фюрера теперь следует приступить к операции по овладению Одессой... Эта частная операция, которую я считаю необходимой, будет являться эксцентрической по отношению к общей крупной операции на окружение (в районе Винницы)».

Для более детального плана предстоящей операции Ф. Гальдер встретился с главнокомандующим сухопутными войсками. Генерал-фельдмаршал Браухич был явно под впечатлением от недавней встречи с фюрером.

— Необходимо ускорить выдвижение пехотных дивизий, находящихся во втором эшелоне на правом фланге 6-й армии, в район южнее Киева, — сказал он. — Задача, стоящая перед группой армий «Юг», в настоящее время характеризуется двумя моментами. Во-первых, охват противника танковыми группами должен быть как можно более глубоким. Поэтому наиболее желательное наступление танковой группы вдоль Днепра. Во-вторых, необходимо быстро подтянуть из глубины и сосредоточить в район южнее Киева достаточно сильную ударную группу, чтобы как можно скорее форсировать Днепр.

— Но, господин фельдмаршал, мы не можем начать форсирование Днепра южнее Киева до тех пор, пока на западном побережье находятся значительные силы русских, — попытался возражать Гальдер.

— Ваша задача — обеспечить их разгром в ближайшие дни. Фюрер лично берет это под свой контроль, — предупредил Браухич.

— В результате прорыва, достигнутого 17-й армией, уже намечается окружение противника в районе Винни-

цы. На центральном участке 1-я танковая группа начинает продвигаться в юго-восточном направлении, — доложил Гальдер.

— Окружения советских войск только в районе Винницы недостаточно для стремительного наступления на восток, — заметил Браухич. — Обеспечьте успех 1-й танковой группы. Не жалейте ни сил, ни средств. Именно Клейст со своими танкистами несут нам победу на Украине.

В этот день Ф. Гальдер имел обстоятельный разговор с начальником штаба группы армий «Юг» генералом Зоденштерном. Тот сообщил, что перехвачена радиogramма штаба 26-й русской армии, в которой говорится, что на завтра намечено наступление четырех советских стрелковых и двух кавалерийских дивизий из района южнее Киева в направлении на юго-восток.

— Направление удара 1-й танковой группы на Умань представляется мне теперь уже недостаточным, — заметил Гальдер. — 1-я танковая группа должна, наступая на юго-восток, выйти к Днепру и развить наступление на Кривой Рог.

— Командование группы армий «Юг» также пришло к такому выводу, — согласился Зоденштерн. — На Умань следует направить лишь часть сил правого фланга танковой группы.

Советское руководство видело свою задачу в выравнивании и стабилизации фронта обороны советских войск. По поручению Ставки начальник Генерального штаба Г.К. Жуков передал главкому Юго-Западного направления С.М. Буденному приказ об отводе войск 6-й, 12-й армий Юго-Западного фронта и 18-й армии Южного фронта на рубеж Белая Церковь, Тетиев, Китай-Город, Гайсин, Шпиков (50 километров западнее Гайсина), Яруга (25 километров юго-восточнее Могилева-Подольского) к утру 21 июля. Таким образом, темп отхода определялся 30—40 километров в сутки, что для пехоты, действующей в пеших боевых порядках, означал не что иное, как безоглядное бегство.

В этот же день командующий Южным фронтом приказал 18-му механизированному корпусу, находившемуся до того времени в его резерве, переместиться из района Вапнярки в район Умани. При этом генералу П.В. Волох были подробно указаны маршруты движения и районы сосредоточения в новом месте.

Но в конце дня командир корпуса получил новую задачу — выдвинуться на север в район Жмеринки для оказания помощи 12-й армии. При этом часть сил корпуса, находившихся в движении на Умань, пришлось останавливать на марше и поворачивать на Жмеринку. В условиях дождей и размытых дорог такие марши приводили к возникновению неисправностей у боевой техники, к изматыванию людей и, главное, к потере драгоценного времени. В результате этого 18-й механизированный корпус вступил в бой неорганизованно: когда его 47-я танковая дивизия уже вела бои в Красном, 39-я танковая дивизия только подходила к Шпикову, а 218-я моторизованная дивизия в пешем порядке выдвигалась... на Печоры. В ночь на 20 июля 18-й механизированный корпус получил новую задачу — обеспечить правый фланг 18-й армии, и начал поспешно выдвигаться в направлении Брацлав — Гайсин.

Из оперативной сводки штаба 37-го стрелкового корпуса от 6.00 18 июля 1941 года.

37-й стрелковый корпус (80-я, 139-я сд) к 21.00 17.07.41 г. вышли на линию:

80-я стрелковая дивизия — юго-западная окраина Журбинцы, 1 км севернее Малышевка, фронтом на север. КП — Малышевка.

139-я стрелковая дивизия — Кадышевка, Кулюновцы.

141-я стрелковая дивизия — Писаревка, Голяки.

Части 80-й и 139-й стрелковых дивизий вели бои с мелкими группами противника в районе Прушинке, Кордышевка.

Из донесения командира 49-го горноегерского корпуса Германии.

Пала Винница. 4-я горнострелковая дивизия и 97-я легкая пехотная дивизия преследуют отступающего противника. 1-я горнострелковая дивизия занимает рубеж Винница, Витава, озеро в районе Марковка. 125-я пехотная дивизия во втором эшелоне следует через Жмеринку на Ворошиловку.

И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» в дневнике за этот день пишет:

«КП дивизии (80-й стрелковой. — *В.Р.*) — в Юзефовцах, примерно в двенадцати километрах от Казатина. Части закрепляются...

Ночью пытаемся разведать силы противника. Но вылазка небольшой группы 100-го отдельного разведывательного батальона в район села Крушиновка прошла неудачно...»

19 июля

В этот день главное командование германских войск издает директиву, в которой, в частности, было сказано:

«Юго-Восточный фронт: важнейшая задача — концентрическим наступлением западнее Днепра уничтожить 12-ю и 6-ю армии противника, не допуская их отхода за реку».

Ф. Гальдер в своем Военном дневнике пишет: «Действия командования группы армий «Юг» скованы ожиданием предстоящего наступления 26-й русской армии... Плохая погода, удерживающаяся в течение продолжительного времени, сильно замедляет продвижение войск группы армий «Юг». Кроме того, ожидающееся наступление крупных сил противника, возможно, замедлит или сделает совершенно невозможным нанесение охватывающего удара 1-й танковой группой.

Очень большой расход горючего. За последнее время захвачены лишь небольшие запасы горючего. Из-за крайне плохих дорог количество грузов, перебрасываемых транспортными колоннами большой грузоподъем-

ности, уменьшилось на 50%. Несмотря на это, снабжение войск осуществляется бесперебойно».

В то же время начальник генерального штаба сухопутных войск Германии высказывает свое сомнение в отношении развертывания советским командованием нового Южного фронта. В частности, он пишет: «Существование этого фронта представляется мне сомнительным. Возможно, речь идет о штабе командующего Одесским военным округом. Если бы здесь действительно была создана новая руководящая инстанция, нам наверняка было бы точно известно имя ее руководителя, как стали известны имена других военачальников.

18-я и 9-я армии выявлены только средствами радиоразведки, и нигде не было отмечено их появление на фронте...»

Также Ф. Гальдер уверен, что командующим Юго-Западным фронтом является С.М. Буденный.

В Москве происходит существенная перестановка в высшем эшелоне власти. И.В. Сталин принимает на себя должность Народного комиссара обороны, от которой освобождается С.К. Тимошенко. Он решает, что в столь ответственное время вся власть, как государственная, так и военная, должна быть сосредоточена в одних руках.

К тому времени Иосифу Виссарионовичу уже становится известно, что в 4 часа утра этого дня командующий Южным фронтом отдал директиву об отводе войск 18-й армии на рубеж Китай-Город, Ладыжин, Вапнярка. Эта директива соответствовала указаниям Ставки о выравнивании фронтов 6, 12 и 18-й армий. Но успех проведения данной акции зависел от того, удастся ли 18-му механизированному корпусу сохранить порядок отхода, особенно на стыке этого соединения с левым флангом 12-й армии.

Южнее Киева продолжали сосредоточение соединения 26-й армии, которую Ставка планировала использовать как ударную. Поэтому остро встал вопрос о том,

когда и где должна она нанести удар. Первоначально планировалось использовать это объединение для удара в направлении Белой Церкви, что должно было облегчить положение войск 6-й и 12-й армий, действующих южнее. Но затем этот план изменился. И С.М. Буденный, и М.П. Кирпонос постоянно помнили слова И.В. Сталина в отношении Киева и решили усилить частью сил 26-й армии киевское направление.

Контратака ослабленного 6-го стрелкового корпуса в направлении на Белую Церковь успеха не имела. Противник стойко удерживал этот город. Только группа генерала Матыкина смогла выйти на подступы к Фастову и захватить город. Но дальнейшее продвижение этой группы также было остановлено подошедшими резервами противника.

Все же, стремясь подрезать танковый клин противника, устремленный на юг, утром 19 июля правее 6-го стрелкового корпуса из района Ксаверовка, Васильков перешел в наступление 64-й стрелковый корпус, а на левом фланге с района Тараща — 5-й кавалерийский корпус. В связи с этим южнее Киева вспыхнули новые ожесточенные бои, которые развивались с переменным успехом. Советская пехота теснила пехоту противника, но, едва встретившись с вражескими танками, отходила сама.

В течение этого дня все наличные силы 26-й армии, кроме выгрузившихся двух стрелковых дивизий, перешли в наступление в западном направлении. Но так как фронт наступления войск этой армии составлял более ста километров, никакого сосредоточенного удара не получилось. Советские войска повсеместно увязали в боевые порядки противника, которые отражали их атаки огнем с места артиллерии и танков. Потери войск соединений 26-й армии были огромными, а успех — очень незначительным. Несмотря на это, наступление продолжалось до 22 июля и затихло лишь тогда, когда всем стало ясно, что существенных результатов оно не дало.

Основные причины неуспеха контрудара 26-й армии заключались в спешке и неорганизованности. Подготовка контрудара была заблаговременно раскрыта немецкой воздушной разведкой, а отчасти и из-за беспечности штабной службы советских войск. В частности, в дневнике Ф. Гальдера за 18 июля имеется такая запись: «Перехвачена радиограмма штаба 26-й армии о том, что завтра намечено наступление четырех стрелковых дивизий и двух кавалерийских дивизий из района южнее Киева».

Об организации взаимодействия в течение нескольких часов, отведенных на подготовку контрудара, между разобщенными по фронту корпусами 26-й армии не могло быть и речи. Более того, не организовывалось взаимодействие даже между дивизиями одного корпуса. Поэтому все соединения действовали на свой страх и риск. Штаб 26-й армии по указанию штаба фронта размещался в Богуславе, то есть на удалении до 150 километров от войск, что существенно снижало оперативность управления.

И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» в дневнике за этот день пишет:

«Раним утром гитлеровцы перешли в наступление. Наши полки ведут тяжелые оборонительные бои. Враг ввел в дело свыше пятидесяти танков. Артиллеристы обрушивают против них всю силу своего огня. Пять танков подорвались на минах, четыре подбили артиллеристы. Не считаясь с потерями, гитлеровцы остервенело рвутся вперед...

В кровопролитных боях под Крушиновкой нами был полностью уничтожен полк 297-й пехотной дивизии, подбито и сожжено несколько десятков танков 16-й танковой дивизии неприятеля...

Мы отходим на новый оборонительный рубеж. Нас пока не преследуют. Теперь враг поступает так часто. Ночью отходим, а утром его пехота на автомашинах и мотоциклах догоняет отступающих, навязывает бой...»

Таким образом, 19 июля была осуществлена первая попытка командования Юго-Западного фронта прийти на помощь войскам 6-й и 12-й армий ударом извне силами вновь сформированной 26-й армии. Однако из-за многих недостатков организации это наступление существенных результатов не дало.

20 июля

Ф. Гальдер вылетает в штаб группы армий «Юг», которая в то время находилась в Староконстантинове. Он снова говорит об огромных трудностях передвижения на Уманском направлении танковой группы Клейста в связи разбитыми и покрытыми грязью дорогами. При этом вопрос продвижения танковой группы на юг начальник генерального штаба сухопутных войск Германии ставит на первое место. Речь идет о готовящемся глубоком охвате группировки советских войск в общем направлении на Кировоград, который, как отмечает начальник генерального штаба сухопутных войск Германии, «начать еще не удалось».

«Основной вопрос — продвижение вперед войск 1-й танковой группы Клейста, — пишет Гальдер. — Ее главные силы и переброшенные сюда с севера части 3-го моторизованного корпуса, смененные пехотными дивизиями, ведут бои с 26-й русской армией, которая наступает, имея на своем северном фланге (непосредственно южнее Киева) и на южном фланге (в районе Тараща) по одной свежей дивизии, а на остальном фронте — дивизии, уже потрепанные в предыдущих боях.

11-я танковая дивизия движется на Умань тремя подвижными эшелонами: гусеничные машины с посаженной на них пехотой, конные повозки с пехотой, которые следуют за гусеничными машинами, колесные машины, которые не могут двигаться по разбитым и покрытым грязью дорогам и поэтому остаются на месте.

Все атаки противника отражены, однако эти атаки сковывают танковую группу Клейста и задерживают ее

дальнейшее продвижение, так как фактический охват противника осуществляется лишь слабой танковой группировкой в составе 11-й и 16-й танковых дивизий, которые заходят в тыл противнику, отходящему перед фронтом группы Шведлера.

Проведение глубокого охвата на Кировоград начать еще не удалось... В районе западнее Умани, видимо, еще остаются крупные силы противника. Вопрос о том,

удастся ли их окружить, зависит от того, сколько времени потребуется на преодоление сопротивления 26-й русской армии».

Вечером этого дня Ф. Гальдер посетил штаб группы армий «Юг», располагавшийся в Летцене. После возвращения в Берлин он прибыл на доклад к главкому. О положении в полосе группы армий «Юг» он докладывал: «Наши войска успешно продвигались в направлении Умани. Бой танковой группы Клейста с 26-й русской армией сегодня в основном закончился успешным отражением всех атак противника».

Командующим 6-й и 12-й армий в этот день стало известно, что контрудары 26-й армии с востока с целью не допустить выхода противника в тыл 6-й армии успеха не имели. Разведка доложила, что вражеские танковые дивизии, отбросив советские войска, продолжили наступление и своими передовыми подразделениями перерезали железную дорогу Погребище, Черкассы и устремились на юг в направлении Христиновки.

Соединения 49-го горногерского корпуса закончили сосредоточение частей для наступления на Немиров и Ильинцы. Охват уманской группировки приобретал все более и более четкие очертания.

К исходу 20 июля войска 6-й и 12-й армий находились на рубеже Погребище, Немиров, Рогозна. В районе Погребище правый фланг 6-й армии был резко повернут на юг на Тетиев. Войска 12-й армии перемешались с войсками 6-й армии. На основании этого командующий 12-й армией генерал П.Г. Понеделин посылает в штаб Юго-Западного фронта телефонограмму следующего содержания: «Обстановка потрясающая. 6-я и 12-я армии требуют настоящего объединения действий обеих армий».

Военный совет Юго-Западного фронта не возражает. Он принимает решение объединить усилия 6-й и 12-й армий в одну оперативную группу, поручив командование ею генералу П.Г. Понеделину. Но при этом группе

Понеделина ставятся активные задачи. Для их выполнения ожидается подход к Умани 2-го механизированного корпуса по маршруту Рыбница, Гайворон. Командование Юго-Западного фронта считало, что с учетом этого усиления войска группы Понеделина смогут либо прорваться на северо-восток в полосу 26-й армии, либо вырваться на юг, где по рубежу Рогозна, Джуриин, Яруга оборонялись войска 18-й армии, имея на своем правом фланге 18-й механизированный и 17-й стрелковый корпуса.

Для решения в отношении направления прорыва в Умани собрались командующие 6-й и 12-й армиями. Посоветовавшись, они решили 21 июля организовать контрудар в восточном направлении на Тетиев, навстречу контрудару 26-й армии. Для его проведения предусматривалось из района Россоши снять 8-й стрелковый корпус, который практически без отдыха и переформирования направить на новый участок фронта.

Остальные войска армии, постепенно теснимые противником, продолжали отходить, связанные боем. И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» в дневнике за этот день пишет:

«Дивизия получает приказ командующего 6-й армией на отход. Но нелегко оторваться от противника. Задерживаются подразделения арьергарда, вынуждены принимать бой головные и боковые заставы. Пользуясь разведывательными данными, командир дивизии ведет полки в район Круподеренцы — Погребище (Винницкая область). Идем трудными проселочными дорогами. Части получают в пути приказ... совершить отход на рубеж Круподеренцы — Погребище...

Бездорожье дает себя знать. Машины часто сползают в кювет. Ночную темень пронзают немецкие ракеты. При свете видно, как артиллеристы, надев на себя лямки, выволакивают застрявшие в грязи пушки.

Ездовые, протаскивая одну пушку по трудному месту, возвращаются за другой. Непрерывно хлещет дождь. Уставшие, истощенные люди засыпают на ходу.

На станции Погребище шоферы обнаруживают три цистерны, заправляют машины, наполняют канистры бензином. Оставляя станцию, они со слезами на глазах поджигают цистерны.

21 июля

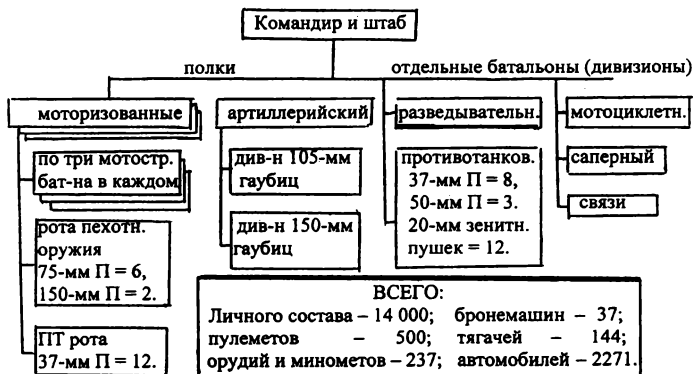
В этот день Ф. Гальдер отмечает: «Главные силы 1-й танковой группы все еще скованы контратаками 26-й армии противника... На Умань наступают лишь части 16-й и 11-й танковых дивизий. Остальные войска группы армий из-за плохой погоды продвигаются вперед крайне медленно». Ниже он делает вывод: «Если соединениям 1-й танковой группы не удастся продвинуться дальше Умани, 11-я армия должна выдвинуть ей навстречу, по крайней мере, сильные передовые отряды. Одной венгерской кавалерии для этого недостаточно».

В конце этого дня Гальдер отмечает, что «вследствие возобновления сильных дождей на фронте группы армий «Юг» отмечены лишь небольшие изменения местного характера. Умань еще не занята нашими войсками. 16-я и 11-я танковые дивизии, действующие севернее Умани, вклинились с севера в отходящий поток войск противника и, видимо, ведут тяжелые бои».

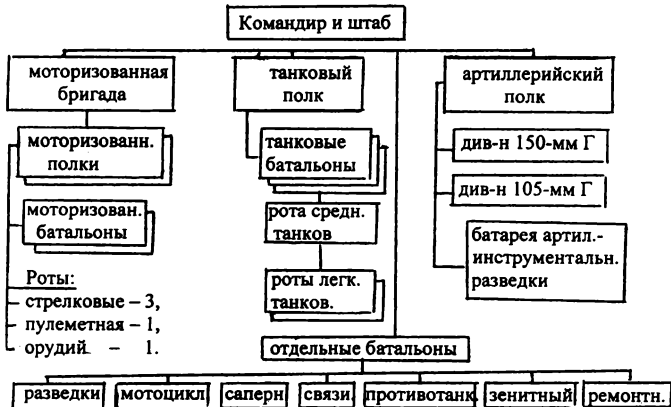
Из донесений командира 49-го горного корпуса, наступающего на Умань с запада и юго-запада, следует, что 1-я горнострелковая дивизия к 15 часам вышла в район Немирова. Там оба моста захвачены германскими частями невредимыми. После этого егеря в уличных боях овладели Немировом и развили дальнейшее наступление на Брацлав, а 97-я легкая пехотная дивизия овладела ст. Счастливая...

Для отражения наступления противника в районе Христиновки наконец-то в помощь 6-й и 12-й армиям из резерва Южного фронта прибыл 2-й механизированный корпус генерал-лейтенанта Ю.Ф. Новосельского. По штату в этом корпусе числилось 358 танков (в том числе 10 KV и 46 Т-34), а также 168 бронемашин. Но, пройдя

МОТОРИЗОВАННАЯ ДИВИЗИЯ

ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ

ВСЕГО: личного состава – 16 000; бронемашин – 25;
пулеметов – 500; танков – 209;
орудий и минометов – 192; бронетранспорт – 160.

200 километров своим ходом, этот корпус растерял значительную часть своих танков, частично от ударов вражеской авиации, частично из-за различных поломок.

Но времени на восстановление боеспособности корпуса не было. В полдень того дня он сосредоточился в районе Христиновка, Краснополье и с ходу вступил в бой с разведкой 1-й танковой группы противника. Завязывается тяжелый бой под Христиновкой, в котором корпус начал постепенно терять танки, не добившись успеха.

Общая обстановка в полосах войск группы Понеделина с 20 июля продолжала ухудшаться. Очень тяжелое положение создалось на левом фланге 12-й армии и на правом фланге 6-й армии, в промежутке между этим объединением и 26-й армией. Положение ухудшалось также и тем, что к тому времени в тылах армий скопилось много раненых, разного вооружения и имущества, а войска 12-й армии окончательно перемешались с войсками 6-й армии.

И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» в дневнике за этот день пишет:

«Комдив (80-й стрелковой дивизии. — *В.Р.*) собрал командиров полков. Он объясняет смысл новой задачи: выбить фашистов из Осычны, расчистить путь для наших войск. В лоб на село идет 153-й стрелковый полк. Дороги, ведущие в Осычну, перекрывают другие части.

К утру полк с боями занимает село, берет богатые трофеи. На улицах и в переулках — десятки автомашин с боеприпасами и продовольствием. В штабе захвачены целые пачки важных документов. Взято в плен более 60 солдат и офицеров...

На соединение с 80-й стрелковой дивизией пробиваются отдельные механизированные части 6-й армии. Мы уже встречали разрозненные отряды пехотинцев. Сегодня в Осычну вошло несколько десятков красноармейцев. Один боец подобрал у машины кусок манной каши и стал с аппетитом есть. Похоже, что дела у тех, с кем мы соединяемся, похуже наших...»

22 июля

В этот день был совершен первый воздушный налет на Москву, в котором участвовало до 200 самолетов и были применены новые 2,5-тонные бомбы. Силы ПВО столицы успешно отразили этот налет. Истребительной авиацией и огнем зенитной артиллерии было сбито 17 немецких самолетов. Видимо, это обстоятельство вызвало недовольство А. Гитлера. Германское командование докладывало, что к тому времени советская авиация фактически уничтожена, а ее потери с начала войны (сбитыми в воздушных боях и уничтоженными на земле) — 7564 русских самолета.

В отношении положения дел на Украине верховное командование вермахта считало, что «главные силы 1-й танковой группы все еще скованы действиями 26-й армии, а характер боев с 26-й армией еще не дает оснований на быстрое достижение успеха». Поэтому ближайшей задачей германское командование ставило перед собой дальнейшим нажимом на внешние фланги 6-й и 12-й армий продолжать охватывать группировку 6-й и 12-й армий. Успех своего маневра на окружение противник ставил в прямую зависимость от успешного действия германских войск против 26-й советской армии. Главная роль в окружении теперь отводилась группировке 17-й армии, наступавшей против 12-й советской армии, так как 11-я и 16-я танковые дивизии, наступавшие с востока, считались слабыми, чтобы сдержать натиск войск отходящих 6-й и 12-й армий.

Фиксируя основные события этого дня в полосе групп армий «Юг», Ф. Гальдер пишет:

«В районе Умани 16-я и 11-я танковые дивизии ведут упорные бои с крупными силами танков противника. По-видимому, противник бросил против нашего танкового клина соединения, отведенные с фронта, чтобы прикрыть отход своих войск, еще действующих западнее, из-под угрозы окружения. Это, конечно, может поставить наши танковые соединения, действующие в райо-

не Умани, в тяжелое положение, тем более что характер боев с 26-й русской армией не дает оснований надеяться на быстрое достижение успеха».

Из донесений командира 49-го горного егерского корпуса следует, что в этот день 1-я горнострелковая дивизия предприняла фронтальные атаки на Брацлав, пытаясь захватить невредимый мост. Однако она потерпела неудачу и потеряла свои тяжелые орудия.

После этого командир корпуса принял решение в 16.00 ввести в бой 125-ю пехотную дивизию на правом крыле 1-й горнострелковой дивизии и повернуть ее из района южнее Немирова на юго-восток через Райгородок в направлении Гайсин.

На северном фланге корпуса 207-й пехотный полк 97-й легкой пехотной дивизии находился в движении от Войтовки (Родниковка) далее на восток. Но, в связи с упорной обороной советских войск, это продвижение осуществлялось очень медленно.

Словацкая бригада проникла в Литин. Но там она была окружена противником и практически разгромлена. Только небольшая часть этой бригады спаслась бегством, прорвавшись в направлении на Счастливую.

В бой с целью прорыва вражеского кольца вступает 218-й стрелковый полк. Но что делается там, куда он прорывается? Впереди только пожарища да вражеские самолеты. Разведчики выясняют, что бомбардировщики наносят удары по частям дивизии 6-й армии, тоже отходящим на восток. Фашисты всеми силами пытаются помешать нам соединиться с этими частями...

23 июля

Утром этого дня Ф. Гальдер записал, что «противник усиленно атакует со всех сторон ударный клин 1-й танковой группы, наступающей на Умань».

В 18.00 часов того же дня он был приглашен для доклада к А. Гитлеру. В этот день фюрер торжественно заявил:

— Я полагаю, что к периоду осенних дождей нашим

подвижным соединениям удастся выйти к Волге и достичь Кавказа.

Сам Ф. Гальдер отнесся к этому заявлению достаточно скептически. Он уже ясно видел, что расчетные темпы наступления немецких войск нередко срываются не только из-за плохих погодных условий, но из-за все усиливающегося сопротивления советских войск. В то же время он верит, что успешное решение задач по разгрому советских войск на юге Украины решит многие задачи. Он просит постоянно сообщать ему о событиях, происходящих в районе Умани, и вечером он делает очередную запись о том, что «положение в районе Умани по-прежнему остается напряженным».

Из донесений командира 49-го горного егерского корпуса следовало, что 23 июля 1-я горнострелковая дивизия возобновила наступление на Брацлав. 99-й горнострелковый полк форсировал реку Буг в районе Остаповцы, но в Монастырске встретил сильное сопротивление пехоты и танков противника. Тем не менее, овладев Монастырском во второй половине дня, он начал наступление на Брацлав с запада и на исходе дня взял не только этот населенный пункт, но и высоту южнее этого города.

125-я пехотная дивизия корпуса рано утром вошла в населенный пункт Шуков, а его передовые подразделения вышли к железнодорожному переезду в районе Гайсина.

В 15 километрах севернее 125-й пехотной дивизии вела бой 97-я легкая пехотная дивизия. Она наступала на Жорнице, но советские войска стойко удерживали этот населенный пункт. Однако частям фашистской дивизии удалось захватить высоту юго-западнее Жорнице, после чего он оказался в руках немецких войск.

Но советское командование не желало мириться с потерей этого населенного пункта. На исходе дня советские части максимально усилили артиллерийский огонь и предприняли контратаку на Жорнице. Они прорвали оборону 97-й легкой пехотной дивизии противника и захва-

тили село Песочин, что в 6 километрах северо-западнее Жорнице. Но вернуть обратно само Жорнице советскому командованию не удалось. Только с наступлением ночи бои на этом участке фронта были прекращены.

Столь же ожесточенными были бои в полосе 80-й стрелковой дивизии в районы Осычны. И.А. Хизенко пишет, что утром немецкая пехота атаковала позиции 77-го и 218-го стрелковых полков, но врагу не удалось продвигнуться на этом направлении ни на один метр. Следующую атаку они предприняли при поддержке танков, за которыми наступала пехота. «Генерал Прохоров отводит полки на окраину села. В рощу вползают танки. И вдруг фашистские самолеты начинают бомбить эту рощу. Бомбовый удар пришелся по своим. Воспользовавшись «поддержкой» вражеской авиации, наши выходят из села, предпринимая решительную контратаку и вновь овладевают рощей».

Противник вводит в бой свои резервы. По приказу комдива 77-й стрелковый полк переходит в контратаку. Гитлеровцы ставят перед ним огневой минометный заслон. Контратака захлебывается. Затем контратака начинается в другом месте.

Атакует и противник. Он захватывает один метр советской территории за другим. Но враг попадает под удар советской артиллерии. «Ошеломленные артиллерийским ураганом фашисты отходят, оставляя десятки трупов своих солдат. В отражении этого удара вновь отличился 153-й полк. Нанеся противнику большие потери в живой силе и технике, он захватил два танка, три миномета, восемь крупнокалиберных пулеметов, восемнадцать автоматов, двенадцать мотоциклов, легковую автомашину».

24 июля

В этот день Ф. Гальдер в своем дневнике отмечает:

«Положение на фронте 11-й и 16-й танковых дивизий обостряется. Эти дивизии слишком слабы, чтобы сдер-

живать натиск крупных сил противника, отходящих перед фронтом группы Шведлера и 17-й армии...

17-я и 11-я армии успешно продвигаются вперед. Однако при этом 11-я армия слишком далеко отклоняется на юго-восток, вместо того, чтобы наступать в восточном направлении. Силы 6-й армии по-прежнему разбросаны на большой территории. Массирование сил на направлении главного удара отсутствует». Далее он пишет, что на данный день «оставленный офицерский резерв в количестве 2 тысяч младших офицеров почти совершенно исчерпан».

Из донесений командира 49-го горноегерского корпуса следовало, что задача корпуса на 24 июля — прорвать расположение вражеских арьергардов — не была выполнена. При этом 125-я пехотная дивизия днем овладела населенным пунктом Куна на реке Соб, где захватила невредимым мост, а затем она заняла Ярмолинцы. 97-я пехотная дивизия в середине дня захватила после ожесточенного боя Жорнице, а затем, повернув на юг, взяла села Красенькое и Иваньки.

К исходу 24 июля, израсходовав последние резервы, войска 6-й и 12-й армий, охваченные с трех сторон войсками 1-й танковой группы и 17-й полевой армии противника, с трудом держались на рубеже Монастырище, Лукашевка, Животов, Медовка, Ильинцы, Лысая Гора, имея слабый боевой контакт на левом фланге с 18-м механизированным корпусом и 18-й армией, на правом — со 2-м механизированным корпусом. Войска армий вели бои на неподготовленных и не оборудованных заранее рубежах, зачастую только используя складки местности и случайные строения. Авиационного прикрытия с воздуха практически не было. Так, в полосе 12-й армии в период с 14 по 24 июля советская авиация не совершила ни одного самолето-вылета.

18-я армия Южного фронта оборонялась на фронте Гайсин, Ладыжин, Тростянец, Ободовка, Чечельник, Ольгополь, имея против себя части шести германских

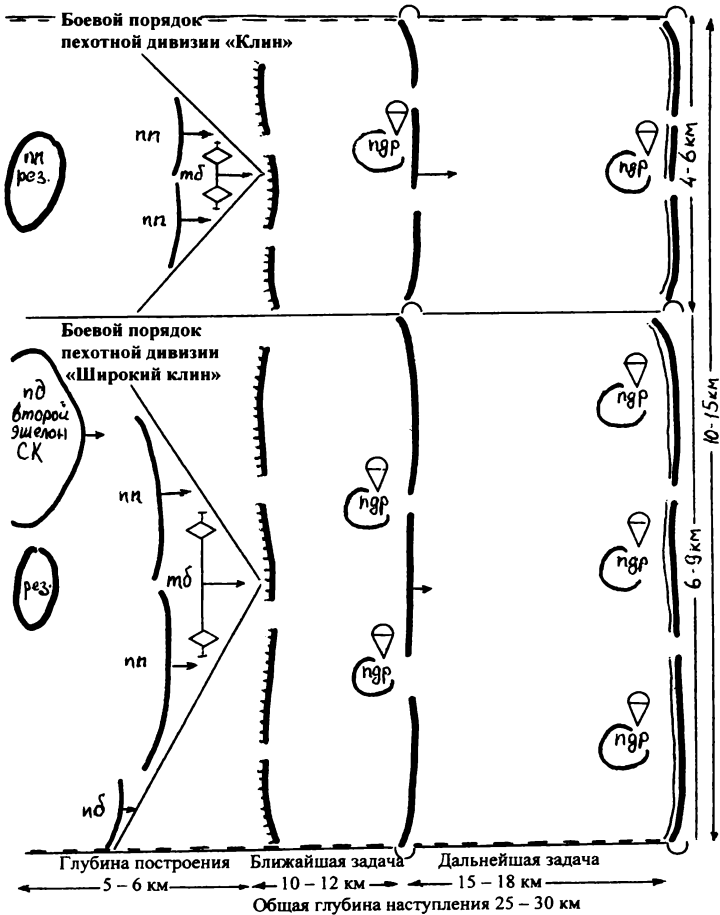
пехотных дивизий, а также венгерский подвижный и румынский горнострелковый корпус.

Вновь перед Ставкой Верховного Главного Командования остро встал вопрос о положении дел на левом крыле Юго-Западного фронта в связи с ухудшением обстановки в районе действий 6-й и 12-й армий. Командующий Юго-Западным фронтом, обеспокоенный этим обстоятельством и увеличением отрыва 6-й и 12-й армий от главных сил фронта, 24 июля возбудил ходатайство перед главкомом Юго-Западного стратегического направления о передаче их в состав Южного фронта. Маршал С.М. Буденный поддержал это ходатайство, а Ставка его одобрила.

В результате передачи управления войскам от одного фронта другому во время, самое трудное для остатков войск 6-й и 12-й армий, на уровне фронтов и Ставки начались мероприятия, связанные с передачей управления этими объединениями с одного командного пункта на другой. На практике это означало временную потерю управления, а главное — уклонение от ответственности за судьбы гибнущих войск командования обоих фронтов и даже Ставки Верховного Главного Командования. Вместо жесткого управления, действенной и неотложной помощи войска получали шифровки размытого содержания, которые нередко перечили друг другу. Видимо, и в Москве, и на местах в то время забыли древнюю народную мудрость о том, что на переправе лошадей менять не следует и что при большой голове ногам всегда горе!

И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» в дневнике за этот день пишет:

«В 4 часа утра наши полки, изменив направление, идут на соединение с другими частями 6-й армии, пробивающимися из окружения. Гитлеровцы, сдерживая напор наших подразделений, непрерывно бьют из минометов и артиллерийских орудий, предпринимают контратаки. Тяжело приходится далеко выдвинувшемуся вперед 153-му стрелковому полку... Фланги пол-

ка по-настоящему не прикрыты. Другие части дивизии, скованные боем, не могут прийти ему на помощь. Полк отступает...»

Таким образом, 24 июля 1941 года стало знаменательным днем для судеб войск 6-й и 12-й армий. Постоянно теснимые противником, отбиваясь от врага из

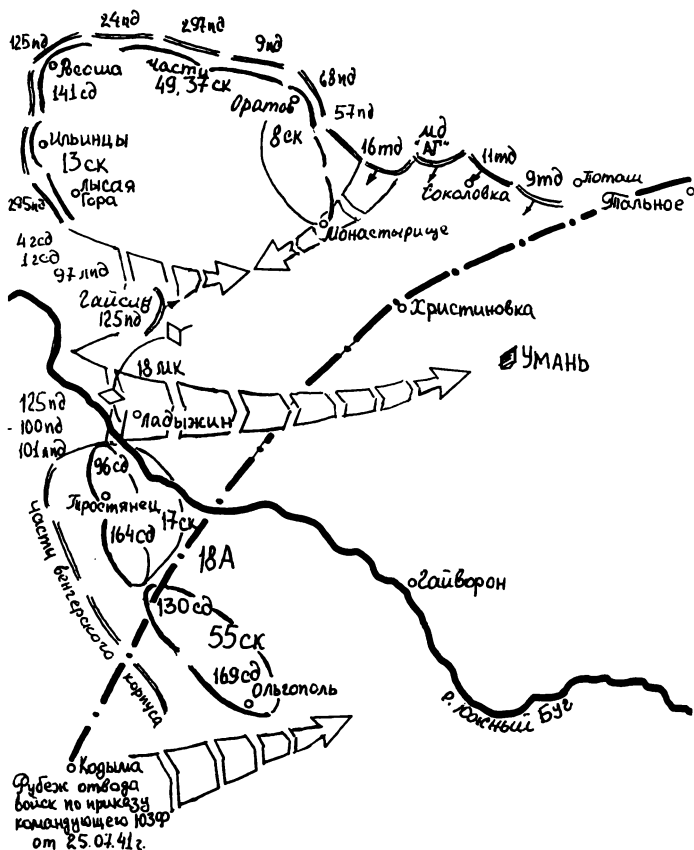
последних сил, они враз лишились фронтового управления: Юго-Западный фронт постарался избавиться от этих армий, Южный фронт физически не мог наладить эффективное управление ими. Такое положение не обуславливалось обстановкой, сложившейся на то время на Украине — именно на войска, оборонявшиеся в районе Умани, ложилась главная тяжесть борьбы за Украину. Но командование Юго-Западного фронта всячески постаралось избавиться от ответственности за судьбу этих армий.

25 июля

Утром состоялось совещание начальников штабов групп армий, на котором присутствовал А. Гитлер. Впервые немцы на столь высоком уровне заговорили о необходимости подготовки войск к действиям зимой. Это означало, что план молниеносной войны против СССР уже дал большую трещину и продолжал разрушаться дальше. И по мере того как звучали доклады главнокомандующих, лицо фюрера становилось все мрачнее.

— Ваши войска, Браухич, слишком заботятся о своем благосостоянии и отдыхе вместо того, чтобы стремительно рваться вперед, от одной победы к другой, — заметил фюрер. — Мои генералы начали забывать основные законы успешной войны — выигрыш во времени и разгром главных группировок противника. Вы увлекаетесь штурмом мелких населенных пунктов и ведете фронтальное преследование врага вместо того, чтобы стремиться выходить на фланги и в тыл его группировкам. Только в таком случае противник откажется от проведения всяких контрударов и обратится в бегство.

— Мы это хорошо помним, — ответил Браухич. — В то же время нужно признать, что перед группой армий «Юг» противник оказался на высоте в вопросах общего руководства и ведения наступательных действий оперативного масштаба, чего не наблюдалось на фронте действий групп армий «Центр» и «Север». Именно поэтому

мы вынуждены наступать, постоянно ощущая воздействие противника.

— Это последние усилия русских хоть как-то стабилизировать обстановку, — заметил Гитлер. — И хорошо, что враг бросает на фронт свои последние силы. Нужно только ускорить разгром этих сил, и дальше наше наступление будет развиваться уже без препятствий.

В этот день в дневнике Ф. Гальдера имеется короткая запись: «На южном фланге 1-й танковой группы поло-

жение продолжает оставаться несколько напряженным. В общем, обстановка начинает проясняться». И ниже: «Положение в районе Умани стабилизируется».

Из донесений командира 49-го горноегерского корпуса.

«Проливной дождь, гроза. Дороги стали непроходимыми, движение всех дивизий корпуса застопорилось. 125-я утром выступила из Куна. Были захвачены высоты у Гайсина. В то же время части дивизии оказались в окружении противника. С двух сторон и тыла их окружили вражеские силы неизвестной численности. В этом положении нашим подразделениям не хватало инициативы младшего и среднего командного состава».

125-я пехотная дивизия захватила Гайсин и переправу через реку Соб. 97-я легкая пехотная дивизия достигла лесной опушки в 3 км юго-западнее Набельная. 295-я пехотная дивизия в 7.30 заняла Ильинцы, достигла рубежа Париевка — Сынарная, передовые подразделения захватили дорогу Ильинцы — Кальник.

Утром этого дня штаб главнокомандующего юго-западным направлением послал начальнику Генерального штаба телеграмму за подписью С.М. Буденного: «Все попытки 6-й и 12-й армий пробиться на восток и северо-восток успеха не имели. Обстановка требует возможно быстрее вывода этих армий в юго-восточном направлении. С этой целью считаю необходимым 6-ю и 12-ю армию переподчинить командующему Южным фронтом и потребовать вывода их в район Тальное, Христиновка, Умань».

Ответ Ставки последовал немедленно: «Передать 6-ю и 12-ю армию в Южный фронт». В тот же день поступило указание о том, что войска 6-й и 12-й армий по приказу Ставки Верховного Главного Командования сливаются в единую группу генерала П.Г. Понеделина, начальником штаба которой был назначен начальник штаба 12-й армии генерал-майор Б.И. Арушанян.

Также было указано о том, что: «Ставка санкциониру-

ет решение об отводе группы П.Г. Понеделина на рубеж Тальное, Христиновка с подчинением командующему Южным фронтом». Командующему 26-й армией Юго-Западного фронта было приказано «развить наступление на Жашков, Тальное с целью установления непосредственной связи между смежными флангами обоих фронтов».

Во исполнение этих указаний главком юго-западного направления, в свою очередь, приказал 6-й и 12-й армиям «с наступлением темноты 25 июля приступить к выводу частей из окружения на рубеж Звенигородка, Тальное, Христиновка для организации прочной обороны». 18-ю армию Южного фронта было решено отвести на рубеж Христиновка, Кодыма, Рашков. При этом не учитывалось, что последние два населенные пункта в то время находились в руках у противника.

Командующий Южным фронтом тут же внес и свою лепту в судьбу группы генерала П.Г. Понеделина, приказав ей отойти на рубеж Звенигородка, Поташ, Христиновка.

Оценивая два последних распоряжения, отданных войскам группы П.Г. Понеделина, мы видим определенное несогласование двух пунктов отхода — Тальное и Поташ. С одной стороны, это может показаться мелочью — между этими населенными пунктами всего 15 километров. С другой — трудно понять, как быть командующему, получившему такое приказание? Ведь это не только маршруты отхода и начертание переднего края обороны. Это вопросы организации огневого поражения, взаимодействия, всестороннего обеспечения войск. Это вопросы жизни и смерти очень многих людей.

К исходу 25 июля конфигурация линии соприкосновения с противником войск группы П.Г. Понеделина и 18-й армии представляла собой изогнутую дугу, местами надломленную, но все же имеющую опору на своих концах. Первый серьезный надлом дуги наметился на стыке 12-й армии с 18-м механизированным корпусом на участке

Лысая Гора, Гайсин. Растянутый на 40-километровом фронте 18-й механизированный корпус не в силах был сдержать наступление трех вражеских дивизий (125, 100 и 101-й) и венгерского подвижного корпуса.

Противник, сковав силы 18-й армии, намеревался ударом по кратчайшему направлению с востока от Монастырище и с запада с направления Лысая Гора расчлнить группировку войск группы П.Г. Понеделина на две части, срезав верхнюю часть дуги обороны советских войск.

26 июля

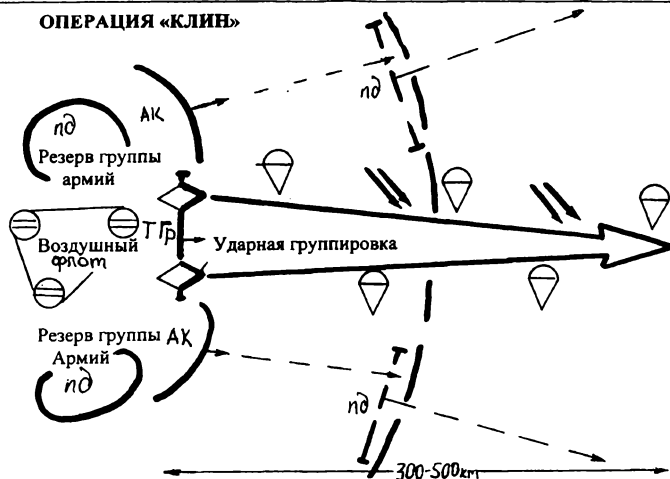
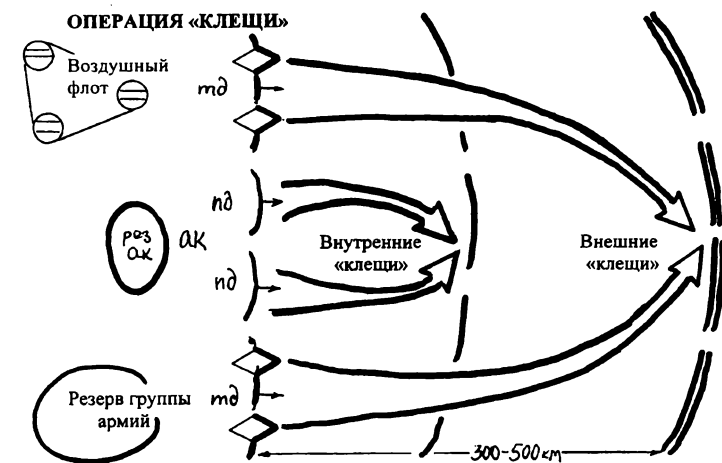
Ф. Гальдер в своем Военном дневнике в отношении группы армий «Юг» в этот день отмечает тот факт, что «противник снова нашел способ вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения. Это, с одной стороны, простые контратаки против наших передовых отрядов 17-й армии, с другой — большое искусство, с каким он выводит свои войска из угрожаемых районов... Наши войска энергично теснят 26-ю армию противника».

Ниже Ф. Гальдер сообщает, что в это время у А. Гитлера появились сомнения в отношении возможности окружения советских войск на юге западнее Днепра. Фюрер предлагает, в случае отказа от реализации идеи окружения, немедленно перебросить подвижные соединения на восточный берег Днепра.

В развитие этой мысли Ф. Гальдер на утреннем совещании у главкома говорит о вреде тактики втягивания в бои местного значения, которые только отнимают время, и настаивает на решительном наступлении на избранных направлениях всеми силами. Иначе, предупреждает он, «мы разбрасаем свои силы по непрерывно растягивающемуся фронту, пренебрегая необходимостью сохранения глубоко эшелонированных боевых порядков, и в конечном итоге придем к позиционной войне».

Из донесений командира 49-го горного егерского корпуса:

1941. Победный парад Гитлера

«Противник продолжает отступать на Умань, оказывая жестокое сопротивление.

1-я горнострелковая дивизия — передовые подразделения Ланга сражались вдоль главной дороги Гайсин — Теплик — Терновка. Сначала победа доставалась

легко, а потом вражеская оборона оказала упорное сопротивление, переходя в контратаки.

На станции Кублич было захвачено три товарных состава с боеприпасами и снаряжением. Воспользовавшись внезапностью, вырвались вперед, форсировали узкое озеро Сасное и заняли Теплик».

Юго-Западный фронт еще продолжал свои попытки силами 26-й армии оказать помощь группе генерала П.Г. Понеделина. Но с утра следующего дня положение в полосе этой армии резко ухудшилось. Растянутые на широком фронте, ослабленные дивизии 6-го стрелкового корпуса не выдержали ударов противника и вечером 26 июля начали отходить.

Южный фронт к тому времени также никак не мог повлиять на судьбу войск группы Понеделина ввиду отсутствия связи с ними. В оперативной сводке за 26 июля записано: «Положение уточняется». В оперативной сводке за 27 июля было сказано: «Установить точное положение частей 5-й и 12-й армий невозможно за отсутствием связи и незнанием обстановки штабами 6-й и 12-й армий. Посланные на самолете делегаты связи не вернулись».

О незнании какой обстановки в условиях полного отсутствия связи могла вестись речь, предположить трудно. Вероятнее всего это была очередная отписка штаба Южного фронта с целью снятия с себя вины за судьбу войск группы генерала П.Г. Понеделина.

И.А. Хизенко в своей книге «Ожившие страницы» за этот день пишет:

«Ночь прошла в тревогах. До 24 часов продолжалась перестрелка. Части, отбивая атаки противника, удерживали прежние рубежи».

27 июля

В этот день Ф. Гальдер пишет: «На фронте группы армий «Юг» разразились сильные грозовые ливни. Всякое движение замерло. Можно лишь попытаться продвинуть танковый клин, направленный на Умань, дальше на юг с

целью перехвата железной дороги и шоссе, идущих через Умань на восток».

Далее Ф. Гальдер упрекает командующего 11-й армией в задержке наступления, а генерала Клейста в том, что вместо того, чтобы «начать охват противника в южном направлении», он стремится наступать на юго-восток. Также он пишет о том, что принято решение о том, что украинцы и уроженцы Прибалтийских государств должны быть отпущены из плена.

Вечером Ф. Гальдер отмечает: «Удерживается неблагоприятная погода. Наши войска навели мост через Днестр в районе Дубоссар. Командование 11-й армии намеревается задержать начало общего наступления еще на три дня (это недопустимо, так как иначе сорвется взаимодействие с 1-й танковой группой). Клейст снова намерен наступать в юго-восточном направлении вместо того, чтобы начать охват противника в южном направлении».

Из донесений командира 49-го горноегерского корпуса следует, что начало ливневых дождей снизило активность боевых действий. С трудом удалось возобновить наступление на южном фланге корпуса в направлении на Терновку. Но в центре и на северном фланге корпус отражал сильные контратаки и преодолевал сопротивление арьергардов противника.

Далее он пишет: «1-я горнострелковая дивизия следовала форсированным маршем. В результате незначительного боя удалось овладеть дорогой в районе Верхний Ташлык, Сербия. В районе Терновки подразделения советских войск, которые жестко удерживали занимаемые рубежи, были обойдены и в итоге пленены противником.

125-я пехотная дивизия штурмовала высоту 260 между Михайловкой и Краснополкой. Михайловка пала, и передовая группа стала развивать наступление на Краснополку. При этом противник удерживал лес в районе Михайловки, оборонял Гранов и Кисляк. 121-й пп вы-

нужден был оставить передовые позиции и отступить на Кученцы (Кочержинцы).

Русские предприняли контратаку из Кисляк на Гайсин. Для обороны Гайсина были привлечены все имеющиеся там силы германских войск. Штаб корпуса на новом командном пункте у въезда в Гайсин был обстрелян артиллерией противника.

Удар 295-й пехотной дивизии не достиг цели. Дивизия не смогла продвинуться через последнее озеро в районе «Китай-Города».

В оперативной сводке Южного фронта за 27 июля было сказано: «Установить точное положение частей 5-й и 12-й армий невозможно за отсутствием связи и незнанием обстановки штабами 6-й и 12-й армий. Посланные на самолете делегаты связи не вернулись.

Контратаки, проведенные войсками 6-го стрелкового корпуса, успеха не имели, армия неудержимо откатывалась на восток».

К.И. Чернявский в книге «Всегда с бойцами» пишет:

«Воспользовавшись разрывом между нашим левым флангом (197-й стрелковый полк 99-й стрелковой дивизии. — *В.Р.*) и соседней частью, гитлеровцы заняли крупный населенный пункт (село, расположенное западнее Умани. — *В.Р.*) Краснополка. В ночь на 27 июля был получен приказ комдива контратаковать и выбить фашистов из Краснополки, тем самым задержав их наступление на Умань. Далее следовала конкретная задача каждому полку в отдельности: нашему, 197-му, наступать вдоль шоссе Ивангород — Краснополка, соседу справа — 1-му стрелковому нанести удар в северо-восточную часть Краснополки. Огневое прикрытие возлагалось на гаубичный полк и противотанковый дивизион.

Приближалось утро. Атаковал врага в Краснополке личный состав нашего полка совместно с пограничниками. Как только разрывы снарядов отодвинулись вглубь, ожили вражеские окопы. Бойцы рванулись вперед и вскоре достигли восточной окраины населенного пун-

кта. Выбитые из передних окопов солдаты противника отошли к колхозной ферме. Продвижению наших бойцов мешал огонь крупнокалиберного пулемета...

Бой за Краснополку нарастал с каждой минутой... В руках противника оставалось единственное шоссе на запад в сторону Гайсина, по которому подходили резервы к осажденному в Краснополке гарнизону. Но и эту дорогу вскоре перехватила рота И. Кужима...

Попав в кольцо, фашисты попытались вырваться из него. Но наши бойцы стояли насмерть и не пропустили врага...»

Советские войска не планировали оборонять Умань. Да и за что было зацепиться? Окраины города — сплошь глиняные мазанки, и между ними — сады и огороды. Укрепиться в таких мазанках невозможно.

Советские войска начали без боя оставлять Умань. Но чекисты предварительно расстреляли в подвалах тюрьмы всех заключенных. Позже расстрелянных обнаружили немцы и провели опознание...

28 июля

Ф. Гальдер отмечает, что в этот день был издан приказ об отмене наступления 1-й танковой группы на юго-восток с требованием ускорить наступление на юг, на Умань.

Тогда же немецкой разведкой было выявлено наличие штаба нового Южного фронта советских войск. Также было отмечено, что перед фронтом группы армий «Юг» наблюдается эвакуация промышленных объектов. Вечером этого дня он делает запись о том, что командование группы армий «Юг» направило 1-ю танковую группу в юго-восточном направлении.

Из донесений командира 49-го горного егерского корпуса следовало, что в этот день соединения корпуса продолжали наступление на Умань с юго-западного направления. На южном фланге корпуса моторизованная группа Кресса выдвинулась на Верхний Ташлык. На ис-

ходе дня ее передовые части заняли село Антоновку и захватили в исправном состоянии мост через речку Синица. 1-я горнострелковая дивизия главными силами в начале дня начала наступление на Терновку, и уже в 10.30 группа Ланга заняла этот населенный пункт. Русские фронтальными контратаками пытались вернуть Терновку, но безуспешно.

4-я горнострелковая дивизия достигла рубежа Кублич, Степановка, что северо-западнее Теплика.

125-я пехотная дивизия ведет тяжелый оборонительный бой в районе Краснополка. Ее 421-й пехотный полк держится из последних сил, отражая превосходящие силы русских. Ивангород пришлось сдать. Возникла кризисная обстановка, паника. Но к исходу дня положение по рубежу Ивангорода было восстановлено.

28 июля в штабы главкома юго-западного направления, Юго-Западного и Южного фронтов поступила директива из Ставки. В ней говорилось: «Главкому Юго-Западного направления Ставка приказывает сосредоточить в районе Черкасы, Кировоград, Кременчуг сильную группу резервов за счет вновь формируемых дивизий (не менее четырех) и отходящих частей 6-й и 12-й армий Южного фронта и подготовить согласованный контрудар в стык фронтов в общем направлении Черкасы, Винница. Южному фронту отвести и прочно закрепиться правофланговыми армиями на рубеже Шпола, Терновка, Балта, Рыбница, не допуская дальнейшего отхода частей».

К этому времени, начиная с 26 июля, войска группы Понеделина, поняв замысел противника, стремившегося всячески расчлнить группировку на две части ударами, отрезав часть войск сходящимися ударами со стороны Монастырища и Лысой горы, прикрывшись сильными заслонами, начали отходить на восток к Христиновке. К сожалению, войска, находившиеся в заслонах, обеспечить свой выход из боя своевременно не смогли, и практически все были уничтожены или пленены противником.

28 июля, по факту случившегося, командующий Южным фронтом издал директиву, в которой разрешил войскам группы Понеделина «занять рубеж для обороны» по линии Звенигородка, Христиновка, Теплик.

Таким образом, рубеж, указанный Ставкой войскам правого крыла Южного фронта, проходил в 7—10 километрах восточнее от рубежа, указанного штабом Южного фронта войскам группы Понеделина. С учетом того, что далее на север до Киева вдоль западного берега Днепра должны были обороняться войска 26-й армии, вырисовывается новый общий рубеж боевых действий для Юго-Западного и Южного фронтов, по отношению к которому войска группы Понеделина должны были играть роль своеобразного арьергарда.

Из книги К.И. Чернявского «Всегда с бойцами»:

«Командир 99-й дивизии в этот день приказал полку майора Хмельницкого с наступлением ночи оторваться от противника, оставив небольшое прикрытие, следовать в авангарде, занять к рассвету 28 июля оборону в районе города Умани фронтом на северо-восток...

Во второй половине ночи наш полк достиг намеченного рубежа. И без всякой передышки бойцы взялись за лопаты...

Еще не совсем рассвело, как гитлеровцы двинулись в атаку без артиллерийской подготовки. Противнику удалось потеснить второй батальон. Все смешалось в грохоте снарядов, завывании мин, свисте пуль, растворилось в пороховом дыму. На нас двигалась лавина танков. Я насчитал более тридцати машин и перестал считать, увидев, что на горизонте появляются все новые и новые танки...

Гитлеровцы настойчиво рвались вперед, стремясь во что бы то ни стало овладеть городом Умань...»

И.А. Хизенко в книге «Ожившие страницы» пишет:

«28 июля идут напряженные бои у Краснополки. 77-й стрелковый полк вместе с соседним полком другой дивизии врывается в село... Расширяя прорыв, наши под-

разделения упорно теснят неприятеля. Его контратаки не имеют успеха...

Артиллеристы рассеяли роту мотоциклистов, многие из них всё побросали и разбежались. Трофейных мотоциклов набралось столько, что командование решило создать еще одну мотоциклетную роту».

29 июля

Ф. Гальдер отмечает: «Незначительное продвижение наших войск вперед. На участках фронта между 1-й танковой группой и 17-й армией намечаются новые районы окружения войск противника».

Вечером того же дня он отмечает «затруднения 11-й армии в связи с недостатком боеприпасов и сильными контратаками противника с юга».

Положение командования и штаба Южного фронта после передачи в его состав группы Понеделина резко изменилось. Прибавилась новая большая забота по руководству войсками, находящимися в очень трудном положении. Теперь к заботе, возникшей на флангах 9-й и 18-й армий, на подступах к Вознесенску, возникла новая — обеспечение стыка 18-й армии с группой Понеделина.

В это время штаб Южного фронта находился в Первомайске. Положения дел в полосе вновь поступивших в состав фронта войск группы Понеделина командующий генерал армии И.В. Тюленев и его новый начальник штаба генерал-майор Ф.Н. Романов, вступивший в эту должность после 17 июля, не знали. Но какое-то решение принимать было необходимо, того настойчиво требовал Генеральный штаб. Поэтому штаб Южного фронта пошел на компромисс.

В Центральном архиве Министерства обороны хранится боевое распоряжение штаба Южного фронта № 029 от 29 июля, адресованное генералу П.Г. Понеделину. В нем подтверждается подчинение ему 6-й армии и 2-го механизированного корпуса и содержится требование, «действуя методом активной обороны, ни

в коем случае без разрешения занимаемых позиций не оставлять».

Как было понято и выполнено это распоряжение генералом Понеделиным, и какое это имело значение для последующих событий, установить не удалось. Но безусловно одно — оно повлияло на задержку отхода остатков войск 6-й и 12-й армий на восток. Обзор документов штаба Южного фронта за 25—29 июля показывает, что в эти дни внимание командования этого объединения было в большей степени приковано к 18-й и 9-й армиям, чем к судьбе 6-й и 12-й армий.

К 29 июля фронт отходивших войск группы Понеделина все еще имел дугообразную форму и проходил по линии Краснополка, Монастырище, Гранов, Ивангород, Комаровка. Однако фронт оборонявшегося на стыке 18-й армии и группы Понеделина 18-го механизированного корпуса оказался совершенно разбросанным, а силы его поделенными на три части. Одна часть отошла к 18-й армии на юг, другая часть примкнула к левому флангу 12-й армии, а остатки в виде резервов подчинил себе командующий 12-й армией.

В довершение всего штабы 6-й и 12-й армий поменялись ролями. Штаб 12-й армии стал руководить восточным участком фронта, а штаб 6-й армии — западным. Объяснялось это перемещение тем, что большая часть войск 12-й армии оказалась на восточном участке, а 6-й армии — на западном.

И.А. Хизенко за этот день в своей книге-дневнике «Ожившие страницы» пишет, что в этот день подразделения 80-й стрелковой дивизии овладели Христиновкой.

Толунов И.В. — командующий Южным фронтом

По его словам, «многие гитлеровцы в поисках спасения забирались на деревья, а некоторые даже залезали в пруд. По-видимому, рассчитывали дождавшись темноты пробраться к своим. Не вышло! Многих выловили наши бойцы, остальных «победителей» помогли отыскать пленные немцы!»

Исходя из этого свидетельства, вырисовывается явная угроза ударом в направлении Христиновка — Краснополка окружения значительных сил группы Понеделина в районе северо-западнее Христиновки.

Вечером этого дня начальник Генерального штаба Г.К. Жуков был вызван на доклад к И.В. Сталину. Захватив с собой карту стратегической обстановки, Георгий Константинович прибыл в Кремль. В приемной А.Н. Поскребышев попросил его подождать, пока придет Л.З. Мехлис, так как Сталин пожелал, чтобы он также присутствовал при докладе.

После прибытия Мехлиса они вместе с Жуковым вошли в кабинет Сталина. Георгий Константинович разложил карту на огромном столе для совещаний и начал подробный доклад. Привел цифры потерь по фронтам, доложил ход формирования новых резервов. Затем начал говорить о вероятном характере действий противника в ближайшее время. Сталин внимательно слушал не перебивая, наклонившись над картой.

Не выдержал Мехлис:

— Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска? — поинтересовался он.

— Мне известны планы противника, исходя из анализа обстановки, — ответил Жуков. — Мы отслеживаем, прежде всего, перемещения соединений танковых войск противника, которые используются на острие его главных ударов. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что на московском и ленинградском направлениях, ввиду понесенных больших потерь, без ввода в сражение свежих резервов немцы наступать не будут. Для создания этих резервов потребуется некоторое время.

На Украине главные сражения могут разыгаться где-то в районе Днепропетровска и Кременчуга, куда рвется главная группировка танковых войск группы армий «Юг».

Наиболее слабым местом нашей обороны является Центральный фронт. Армии, прикрывающие направление на Унечу и Гомель, очень ослаблены. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом, чтобы затем ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта.

— Что вы предлагаете? — поинтересовался Сталин.

— Укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию взять с западного направления, вторую — из состава Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Во главе фронта предлагаю поставить Н.Ф. Ватутина. При этом предлагаю войска Юго-Западного фронта на всех направлениях отвести за Днепр.

— А как же Киев? — спросил Сталин.

— Киев придется оставить, — ответил Жуков. — На западном направлении нужно немедленно сосредоточить дополнительные силы для нанесения мощного контрудара...

— Какой еще там контрудар, что за чепуха? — вспыхнул Сталин. — Как вы смогли додуматься сдать врагу Киев?

— Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молотить, тогда ему здесь делать нечего, — обиделся Жуков. — Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт...

— Вы не горячитесь, — посоветовал Сталин. — А впрочем, если так ставите вопрос, мы без вас можем обойтись...

30 июля

Ф. Гальдер в этот день пишет:

«Постепенно начинают сказываться результаты длительного перемалывания русских войск, действующих

на Украине. Противник отходит. Несмотря на это, ввиду малой активности румын и учитывая наличие нескольких хорошо сохранившихся дивизий в составе русского Южного фронта, следует ожидать попытки противника удержать район Одессы... Единственным средством против этого является прорыв 1-й танковой группы через Первомайск на юг».

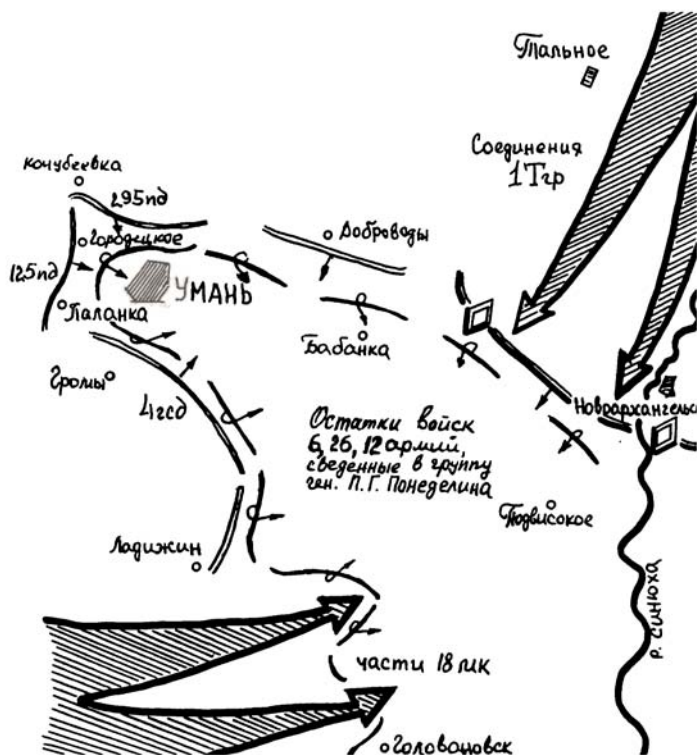
Вечером того дня Ф. Гальдер констатирует: «Очень успешный прорыв 1-й танковой группы на юг в направлении Первомайска. Наконец-то!»

В ночь на 30 июля вместо Г.К. Жукова начальником Генерального штаба РККА назначается Б.М. Шапошников. Со следующего дня начальником Оперативного управления Генерального штаба вместо Н.Ф. Ватутина был назначен А.М. Василевский. Для прикрытия Москвы разворачивается новый Резервный фронт, командующим которого назначается Г.К. Жуков. Генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин направляется начальником штаба Северо-Западного фронта.

Это была очень серьезная перестановка кадров в высшем органе управления РККА. Менее чем за полтора месяца войны И.В. Сталин убедился, что Н.Ф. Ватутин и, особенно, Г.К. Жуков не теоретики, а практики, способные жестко управлять войсками. Как раз такие люди нужны были на фронте. Для планирования крупных стратегических операций нужны были другие люди, вдумчивые, осторожные, о которых говорят: «Семь раз отмерят прежде, чем один раз отрежут». А главное, нужны были люди, не перечашие вождю, способные улавливать и развивать его мысли на лету. Такими людьми были Б.М. Шапошников и А.М. Василевский.

В отечественных источниках находим скудную информацию о том, что в этот день танковые дивизии Клейста прорвались через Шполу к Новоархангельску.

Командный пункт генерала П.Г. Понеделина по-прежнему размещается в парке «Софиевка». Тенистая центральная аллея надежно укрывает многочисленные

штабные машины. Радиоантенны развернуты на возвышенности «Грибка». Павильон «Флоры» заколочен фанерой и превращен в штабное помещение. На большом столе, сколоченном из грубых неструганных досок, развернута карта, над которой склонилось несколько человек.

— Что будем делать? — спрашивает командующий. — Я не вижу в сложившейся ситуации возможности оборонять город.

— Нужно попытаться вырваться из окружения через оставшиеся проходы в северо-восточном направлении, — советует начальник штаба.

— Значит, нужно отводить войска от Умани на восток, — решает Понеделин. — Отводить, пока еще не поздно и не захлопнулась окончательно ловушка. Нужно срочно вывозить раненых и попробовать связаться с соседями. Без их помощи нам не удастся вывести всех и избежать окружения.

Присутствующие на командном пункте напряженно молчат...

И.А. Хизенко за этот день в своей книге-дневнике «Ожившие страницы» пишет, что в этот день, «сбивая вражеские заслоны и мелкие группы, части 80-й дивизии двигаются в южном направлении, на Умань...

Между тем положение со снарядами все хуже и хуже. Артиллеристам установили нормы расхода боеприпасов... На поиски боеприпасов направлены специальные команды. Они днем и ночью разъезжают на повозках, ходят по ближайшим лесам и рощам, заглядывают в овраги. На дальние расстояния «заготовители» выезжают на машинах, но возвращаются с пустыми руками или не возвращаются совсем.

Трудно с продовольствием... Не легче с горючим. Плачут шоферы, когда по приказу командира сливают свои остатки горючего в другие машины, поджигая свои.

С бугорка видна Умань. Командный пункт 80-й дивизии — в ближайшем к городу селе (Войтовка, ныне Родниковка. — *В.Р.*). По слухам, в Умани целые эшелоны боеприпасов. Хорошо если так».

31 июля

Ф. Гальдер в своем военном дневнике в этот день делает следующую запись: «Отсутствие новых сведений о местонахождении свежих сил противника, выявленных нашей разведкой в районе южнее 11-й армии, заставляет думать, что они находятся в прежних районах.

В результате успешных действий наших войск создается мешок в районе западнее и севернее Первомайска. 1-я танковая группа вклинилась в район сосредоточения

соединений 12-й армии противника, которые последний начал отводить с фронта. В ходе наступления 1-я танковая группа, по-видимому, раздавила своим левым флангом еще одну дивизию противника».

Вечером того дня Ф. Гальдер записал: «Противник ведет атаки с юга против фланга 11-й армии. Перед фронтом 17-й армии отмечается упорное сопротивление русских. 1-я танковая группа заходит в тыл противнику, находящемуся перед фронтом 17-й армии. При этом противник атакует правый фланг танковой группы изнутри, а левый фланг — извне. Однако группа имеет настолько глубокий уступ влево, что эти атаки никакой опасности не представляют. Мы впервые ведем бой с перевернутым фронтом, в котором перевернутым фронтом является не фланг, образуемый подвижными соединениями, а фронт самих соединений, совершающих обходной маневр».

Открываем книгу Ганса Штеца «Горные егеря под Уманью». Он пишет: «Огромное напряжение и исключительная нагрузка вынудили командование раздвоить части корпуса. Наступление, предпринятое 31 июля, и дальнейшее течение событий сняли то кошмарное давление на сознание.

Русское командование создало опасное положение на южном крыле горнострелкового корпуса. Но создавшееся положение русским командованием не было обнаружено и разумно использовано. Как выяснилось впоследствии, в ночь на 30 и до 31 июля около 50 тысяч русских находилось менее чем в километре севернее в тылу 1-й горнострелковой дивизии. Только отдельные слабые опорные пункты отделяли нас от противника. Военное счастье было благосклонно — противник в это время ничего серьезного не предпринимал.

На южном фланге корпуса передовые подразделения группы Ланга проникли утром в лес севернее Головановска и приготовились к наступлению на город (село. — *В.Р.*). С 11.00 до 12.00 последовали бомбовые

удары авиации. Русские зенитные орудия молчали. Тот час выступила группа Ланга. Двумя ударными группами ворвались в восточную и западную часть города. Это воспрепятствовало дальнейшему отступлению русских.

В это же время группа Кресса наступала в районе Сенькина Земля и продвинулась к Грушки — железная дорога на Головановск. На железнодорожной насыпи оборонялись русские. Они предприняли свои напрасные контратаки.

На северо-западе, на линии Ольховата — Антоновка, стояла готовая к обеспечению сражения группа Пиккера.

В тылу дивизии осуществлялось строительство сооружений фронтом на север.

Передовые подразделения 4-й горнострелковой дивизии вели боевые действия на перекрестке дорог от Корчевая до Дубовой и заняли там оборону. Еще одна дорога для отступления противника отныне была потеряна...

Как крепость защищают русские арьергарды подступы к Умани.

С двумя полками 4-я горнострелковая дивизия медленно продвигается через Громы и с юго-восточной стороны леса.

Таким же образом идет наступление и 125-й пехотной дивизии тоже с двумя полками в передовой линии Паланка — Городецкое.

295-я пехотная дивизия двумя полками наступает через Кочубеевку на Умань с севера. На севере здесь ближе всех 24-я пехотная дивизия, находящаяся в Войтовке.

Умань подготовлена к окружению. Но русские еще не считают положение потерянным. 31 июля они удерживали Умань в своих руках.

Во второй половине дня был получен приказ командира корпуса. Он гласил: «4-й горнострелковой и 125-й пехотной дивизиям продолжать атаки в прежних направ-

лениях. 125-й пехотной дивизии обеспечить фронтальное наступление на Умань. 4-й горнострелковой дивизии своим левым крылом взять направление на Сушковку. Со взятием Сушковки будет закрыта последняя возможность отступления противника от Умани. 295-я пехотная дивизия — продолжать дальнейшее наступление в районе между северной окраиной Умани и южной окраиной Войтовки».

К вечеру 31 июля драматическое положение горнострелкового корпуса осложнилось. К этому времени 16-я пехотная дивизия (моторизованная) ударом на Новоархангельск, а 1-я горнострелковая дивизия ударом на Головановск должны были закрыть советским войскам путь отступления на восток. Однако те предприняли отчаянные атаки против немецких танковых сил, удержали необходимую свободу движения на юго-восток. К тому же противник держал в своих руках узловой пункт дорог — Умань, обороняя его до последней возможности, даже жертвуя своими арьергардами.

Части немецкой 1-й танковой группы, своим отходом на восток, расположились на участке Синюха, Новоархангельск, Добрянка, считая, что силы противника, стоящие западнее Синюхи, окружены и подлежат уничтожению. На востоке 16-я пехотная (мотопехотная) дивизия в жестких боях препятствовала прорыву наших войск от Умани на восток в полосе Тальное — Новоархангельск. 9-я танковая дивизия через Ольшанку и Карбовку вышла на Тишковку. За 9-й танковой дивизией следовала на Добрянку к Синюхе 16-я танковая, 25-я пехотная дивизия под Хмелевое в 45 километрах юго-восточнее Новоархангельска и в 20 километрах юго-восточнее Тришковки следует на Добровеличковку. 11-я танковая дивизия блокировала с двух сторон Роги с фронтом на юг.

Из этого следовало, что немецкая 1-я горнострелковая дивизия по недоразумению стоит возле Головановска. Это единственное соединение армии, последнее звено, способное закрыть кольцо окружения. В противо-

положность этому командующий армией предписывает в вечерней директиве:

«49-й горнострелковый армейский корпус завершил, во взаимодействии с 1-й танковой группой, окружение и уничтожение противника в районе Умани.

Во взаимодействии с 52-м армейским корпусом и подвижным венгерским корпусом продолжать операцию по окружению противника непосредственно севернее реки Буг. Для этого, прежде всего, достигнуть правым крылом южного края лесного массива возле Головановска, выдвигая сильную разведку в район Буга между Люшковатой и Первомайском».

Командиру корпуса, несмотря на противоположные мнения, пришлось издать приказ:

«49-му горнострелковому армейскому корпусу к 1 августа совместно с 52-м армейским корпусом закрыть путь дальнейшего отступления противника через Головановск и северным флангом продолжать преследование.

1-й горнострелковой дивизии... удерживать район Головановска, а частью сил выдвинуться на Люшковату, в 20 километрах южнее Головановска, атаками сковать и задержать крупные силы противника. Также выдвинуть на северо-восток к Покотилкову ударную группу и предотвратить прорыв противника через переправы на юго-восток.

4-я горнострелковая дивизия должна была продолжать наступление на Дубовое против фанатически и отчаянно сражающегося арьергарда противника. Она должна была вынудить его к переходу за реку Ревуху и прорваться на Небеливку.

125-й пехотной дивизии — продолжать боевые действия в районе Умани, после чего она должна была развить наступление на Новоархангельск.

295-я пехотная дивизия должна была, после достижения района севернее Умани, поступить в резерв командующего группой армий «Юг».

97-я легкая пехотная дивизия была снова подчинена командиру корпуса. Она должна была прибыть 1 августа в Большие Краснополки, а передовыми подразделениями достигнуть Ивангорода».

В то же время командир горнострелкового корпуса опасался, что противник сможет отступить от Умани по дороге через Копеньковатое и через мост возле Покотилова в направлении на Новоселки. Чтобы не допустить этого, он приказал 1-й горнострелковой дивизии 1 августа выдвинуться на участок возле Покотилова. 4-й горнострелковой дивизии рано утром 1 августа совершить переход передовыми подразделениями через реку Ревуху в районе Дубово и прорваться на Подвысокое. В это время группы Кресса и Пиккера должны были продолжать оборону возле и северо-западнее Головановска. Группа Ланга в 8 часов получила приказ следовать в направлении на Головановск, сосредоточиться в районе Вербово и после приведения себя в порядок через Табанову и Орлово прорываться на высоту южнее Покотилово, преградив противнику путь отступления на юг через Копеньковату.

При этом нужно было учитывать, что штаб советского 17-го стрелкового корпуса 31 июля еще находился в Головановске.

К исходу дня фронт группы войск Г.А. Понеделина, охваченных противником почти со всех сторон, оказался вблизи района Умани. Войска этой группы вели бой одновременно на трех расходящихся направлениях: к северо-востоку от Новоархангельска против главных сил 1-й танковой группы (три танковых и две моторизованных дивизии, в том числе моторизованная дивизия «Адольф Гитлер»); на западе на линии Краснополка, Степановка — против четырех пехотных дивизий; на юго-западе на линии Степановка, Перегоновка — против главных сил 17-й армии (1-я и 4-я горнострелковые, 100-я и 101-я легкие пехотные, 257-я и 76-я пехотные дивизии, части венгерского и румынского корпусов).

В этот день командующий Южным фронтом в своем донесении в Генеральный штаб написал: «Группа Понеделина в течение дня 31 июля продолжала выполнять директиву № 0027, активными действиями сдерживала противника с севера, северо-запада, запада и короткими контратаками в восточном направлении обеспечивала выход на рубеж реки Синюха».

В качестве задач группе Понеделина определялось «ударом в направлении Звенигородка очистить от противника район Новоархангельск, Тальное 6-й и 18-й армиям, прочно удерживая занимаемые рубежи, концентрическим ударом в направлении Терновка уничтожить части противника в районе Терновка, Ладижин, Теплик».

Последний самолет связи Южного фронта У-2 приземлился на уманском аэродроме. На нем офицером связи был привезен очередной приказ командующего фронтом — «группе Понеделина ударом в направлении Звенигородка очистить от противника Новоархангельск, Тальное». 6-й и 18-й армиям было приказано, «прочно удерживая занимаемые рубежи, концентрическим ударом в направлении Терновка уничтожить части противника в районе Терновка, Ладыжин, Теплик».

Как видно из этих задач, штабу Южного фронта все еще не было известно истинное положение дел под Уманью.

И.А. Хизенко за этот день в своей книге-дневнике «Ожившие страницы» пишет, что в этот день на участке 80-й стрелковой дивизии противник непрерывно атакует. Истекая кровью, дивизия отступает. «Поздно вечером проезжаем мимо Умани. Горят дома, подожженные бомбардировщиками. Пылает вокзал. В воздухе гарь и копоть. На станции множество вагонов. На входных путях эшелон с боеприпасами. Вагоны охвачены пламенем. Рвутся снаряды. Пытаемся вытащить хоть несколько ящиков. Безуспешно. Погибает несколько человек.

Южной окраиной города выходим к большому шоссе, вернее, к будущему большому шоссе (перед войной его

успели подготовить только под щебенку). Жмемся к проселочным дорогам. На одном из участков смешались в кучу люди, кони, танки, пушки...»

1 августа

Генерал Ф. Гальдер в этот день отмечает, что 17-я армия и 1-я танковая группа успешно ведут бои на окружение войск противника в районе Умани, где наблюдается беспорядочное передвижение войск противника.

Генерал-квартирмейстер генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Вагнер доложил, что передовой отряд 16-й танковой дивизии, действующий в районе 1-й танковой группы, подвергся внезапному удару противника. Эта дивизия с большим трудом, потеряв передовой отряд, смогла пробиться в Бердичев.

В районе Первомайска авиационная разведка немцев отметила беспорядочное передвижение советских войск и грузов, что является следствием угрозы окружения уманской группировки.

Говоря об обстановке на оккупированной немецкими войсками части Украины, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии отмечает: «Население, проживающее в Западной Украине, стремится к самоопределению. В русской части (Украины) среди населения царит тупое равнодушие».

В отношении 1 августа 1941 года Ганс Штеец в своей книге «Горные егеря под Уманью» пишет:

«17 часов. 44-я горнострелковая дивизия, прорвавшись через боевые порядки противника, овладела Новоархангельском...»

Русские делали отчаянные попытки к сохранению своей судьбы. Крупные силы противника еще находились на участке реки Синюхи и в большом районе, прилегающем к Умани. Путь отступления на линии Новоархангельск — Тишковка — Ольшанка перекрыли стоящие там танковые и моторизованные дивизии 1-й танковой группы Клейста.

Единственная возможность ускользнуть через Синюху оставалась еще возле Первомайска. Об этом противник знал и предпринимал отчаянные попытки, чтобы удержать за собой это направление.

В районе Умани отходящие группы противника поворачивали в Теклиевке на юг, двигаясь по тылам сильной обороны по реке Ятрань, обеспечивая сохранность переправ и дорог через Покотилово на Новоселки. Также перед фронтом 52-го армейского корпуса, между рекой Буг и Головановском, отходящий противник удерживал открытой дорогу через Первомайск. Постоянными контратаками удерживалась дорога по линии Грушки — станция Головановск.

В этих условиях командир 49-го горного егерского корпуса приказал силами передовых подразделений 97-й легкой пехотной, 1-й и 4-й горнострелковых дивизий завершить окружение противника восточнее Умани.

В 11 часов группа Ланга выступила из района Вербово, очистила от противника Наливайку и пошла в Ермиловку, достигнув ее прежде, чем там появился враг. Далее она продвинулась на Трояновку и к 21 часу своими передовыми подразделениями вышла на большую дорогу Покотилово — Новоселки. Южная дорога для отступления противника была закрыта. Маневр частью сил группы Ланга на новое направление противник расценил как отступление и устремился к Головановску. Но он был уничтожен в ожесточенном сражении 1-м батальоном 99-го горнострелкового полка.

Группа Пиккера одним ударом расправилась с разрозненными группами противника, достигла Каменной Криницы и оказалась рядом с батальоном, который атаковал в направлении села Большие Трочны. После этого данная группа, в соответствии с приказом, сосредоточилась в лесу севернее Головановска.

4-я горнострелковая дивизия атаковала вражеские войска прикрытия на участке Ятрань — Перегоновка — Ольшанка — Дубово — Заячково. Но ее ударные подраз-

Ярко пылали украинские хаты

деления не смогли перейти через реку Ятрань в районе Дубово. 13-й горнострелковый полк сражался в районе Ольшанка — Корчевая. 91-й горнострелковый полк сражался в районе Пояровка — Собковска. Села Полянецкое и Собковка были захвачены у противника после жесточайших уличных боев.

Между 1-й и 4-й горнострелковыми дивизиями образовался разрыв шириной до 30 километров. Командование корпусом бросило туда ударные подразделения 97-й легкой пехотной дивизии. Они достигли села Семидубы, что в 6 километрах юго-западнее Перегоновки. Затем главные силы этой дивизии были направлены в район села Паланка для прикрытия северного крыла корпуса.

Сам город Умань пал в 8.30 часов утра после штурма 419-го и 420-го пехотных полков. Прорыв через город позволил к вечеру 1 августа занять район Гроздево и Гереженовки».

Из воспоминаний Г. Штеца можно сделать вывод о том, что Умань 1 августа 1941 года была взята штурмом. Это не совсем соответствует действительности. До ночи на 1 августа в районе парка «Софиевка» еще находились

штаб группы П.Г. Понеделина и некоторые подразделения. Но они уже никак не влияли на обстановку, сложившуюся в городе. Накануне поздно вечером поступило распоряжение штаба Южного фронта с требованием отвести войска за реку Синюху, где занять оборону. Только после этого машины, ранее сосредоточенные в парке «Софиевка», в темноте покидают город и направляются на восток. За их спиной ярко пылают несколько очагов пожаров — в железнодорожном тупике горят вагоны с мазутом, в восточной части города пылает асфальтовый заводик, подожженный особистами. На темных улицах города не видно ни души, только надрывно лают собаки...

На рассвете П.Г. Понеделин докладывает командующему Южным фронтом: «Положение стало критическим. Окружение 6-й и 12-й армий завершено. Налицо прямая угроза распада общего боевого порядка 6-й и 12-й армий на два изолированных очага с центрами в Бабанке и Теклиевке. Резервов нет... Боеприпасов нет. Горючее на исходе. Просим очистить вводом новых сил участок Терновка и Новоархангельск».

Сводка по тылу штаба Южного фронта подтверждала тяжелое материальное положение войск, окруженных в районе Умани. В ней указывалось: «Обеспеченность по боеприпасам и горючему близка к нулю, горных и корпусных выстрелов (для горной и корпусной артиллерии. — *В.Р.*) нет совершенно, остальных артиллерийских выстрелов — 5—10 штук на орудие. ГСМ — 0,25 заправки. Для танков и самолетов связи горючего нет. Попытки за последние два дня подать запасы боеприпасов автотранспортом успехов не имели. Не имела успеха и подача по воздуху».

Но в штабе Южного фронта слишком много своих забот. Судьба группы Понеделина генерала И.В. Тюленева уже интересует очень мало, и то только в плане уменьшения нажима на другие советские войска, расположенные южнее. Поэтому в ответ на крик отчаяния, поступивший

Не устояли...

из штаба уманской группировки, командующий Южным фронтом радирует: «Прочно удерживать занимаемые рубежи...»

Данное решение основывается на том, что штаб Южного фронта на то время не располагал достоверными сведениями в отношении положения в районе Умани. Некоторые донесения даже вселяли некоторую надежду в надежном исходе происходящего. В частности, в одной из сводок, поступивших в штаб Южного фронта в этот день, было сказано, что в 13 часов пограничники и войска 10-го укрепленного района овладели Нерубайкой и продолжают наступление на Торговицу. Но уже в 15 часов 45 минут самолетом из группы Понеделина было доставлено совершенно другое донесение. Оно гласило: «Сопrotивление войск армии падает. Для принятия эффективных мер и выбора направления выхода из окружения прошу срочно (лучше самолетом, чем по радио) сообщить, где находятся ваши силы, направление действий противника и ваши планы на ближайшие дни».

Но проходит еще несколько часов, и в штаб Южного фронта поступает новое сообщение о том, что 44-я горнострелковая дивизия, начавшая наступление с целью разрыва кольца окружения противника, овладела Новоархангельском. Появляется надежда, но еще через час становится известно, что, к сожалению, закрепиться в этом городе советским войскам не удалось. И снова слабая искра надежды начинает гаснуть.

И.А. Хизенко в книге «Ожившие страницы» пишет:

«Ночью продолжали отходить на юг. Привал в Оксанино. Ужасный дождь, будто весь мир слезами обрушился на нашу землю, на каждого из нас. КП дивизии — в лесу, что северо-восточнее села Подвысокое. Части стоят плотно: мы держим круговую оборону. Днем укрываемся в лесу, ведем наблюдение за движением на дорогах. По ним часто пробегают немецкие мотоциклисты...

Пленные (немцы. — *В.Р.*) заявляют: «Из этих мест вам не выйти. Наше командование приняло все меры для полного уничтожения окруженных советских войск...»

С наступлением темноты начинается усиленная разведка огневых средств противника, мест сосредоточения его главных сил. Фашисты, открыв минометный огонь с одного направления, мелкими группами просачиваются в наши боевые порядки в другом месте...»

Е.А. Долматовский в книге «Зеленая брама» пишет: «Вечер того дня был тихий и душный. Противник вел редкий артиллерийский обстрел. В поисках ночлега я разыскал землянку штаба 99-й дивизии. Комиссар А.Т. Харитонов с шутливой досадой сказал: «И ты на мою голову!» Во время боя в Ивангороде к нам явились писатели Иван Ле, Леонид Первомайский и Виктор Кондратенко. Они прямо из Киева. Привезли, оказывается, поздравление маршала Буденного с орденом Красного Знамени и песню дивизии, сочиненную Александром Твардовским...»

Но окруженным под Уманью войскам нужны были не писатели, ордена и песни, а людские пополнения, боеприпасы, продовольствие, горючее...

2 августа

Ф. Гальдер пишет, что на фронте армий «Юг» «бои на окружение группировки противника проходят в соответствии с ранее намеченным планом. Однако на этом участке противник бросает в бой все силы, расположенные в непосредственной близости к фронту». При этом он резюмирует: «Уже слишком поздно говорить о том, что противник может предпринять планомерное отступление».

«...В отношении южного фланга 11-й армии следует поразмыслить. Отчетливого представления о противнике на этом участке фронта мы не имеем. Главные силы 11-й армии повернули на юг. Их действия, следовательно, будут скованы атаками противника».

Вечером того дня он отмечает, что с 22 июня группа армий «Юг» потеряла 63 тысячи человек, а получила в качестве пополнений только 10 тысяч. И констатирует: «Наступление с целью окружения группировки противника развивается удовлетворительно. К сожалению, мешает плохая погода».

Г. Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» отмечает:

«2 августа дождь лил сплошными потоками. С трудом выполнялись приказы о продвижении, но, несмотря на это, кольцо вокруг противника все-таки было замкнуто.

Намерением командования 1-й горнострелковой дивизии было установление связи с танковыми подразделениями, находившимися на левом берегу Синюхи. Всего 15 километров разделяли группу Ланга от Добрянки, где должны были находиться подразделения 9-й танковой дивизии. На усиление группы Ланга командир корпуса бросил в 8.00 прибывшие в район Семидубы передовые подразделения 97-й легкой пехотной дивизии. Они двинулись через Полонистое на Ермиловку, но достигли этого района по раскисшим дорогам только в 20 часов вечера.

С ударом группы Ланге кольцо окружения закрылось и с юга.

1-й горнострелковой дивизии было приказано наступать на Пушково, подойти вплотную к юго-восточной стороне леса в 6 километрах юго-восточнее Головановска и приостановить прорыв противника на юг между Синюхой и Ятранью.

Группа Пиккера должна была очистить лесной массив южнее Головановска от находившихся там разрозненных советских частей и установить связь с приближающейся 257-й пехотной дивизией.

В 10.30 полковникам Крессу и Пиккеру было приказано наступать в восточном направлении с районов Духовка — Ермиловка (Пиккер) и Троянка — Головановск (Кресс).

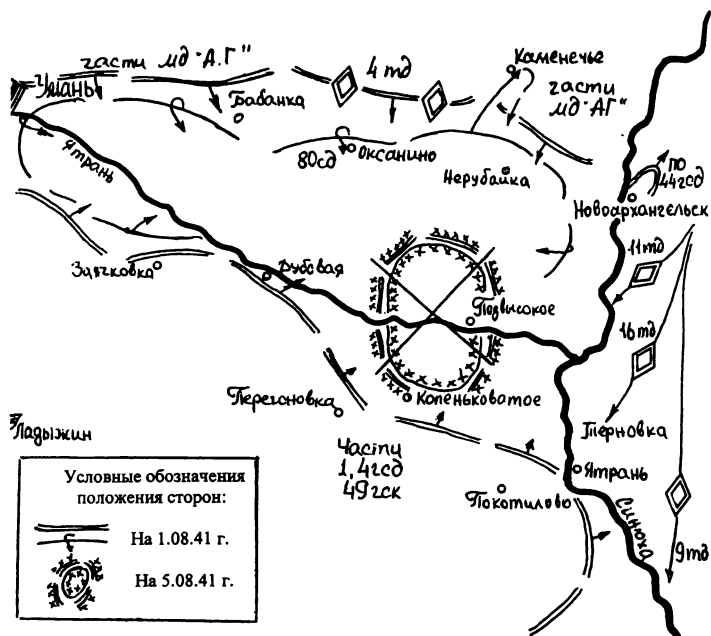
В этот день 4-я горнострелковая дивизия расколола возле Умани зажатые силы врага на две части. 125-я пехотная дивизия захватила дорогу Умань — Новоархангельск, овладела переправой через речку Ревуху, провела атаку в районе Бабанка — Свинарка и начала преследовать противника в сторону Оксанино.

В 30 километрах отсюда, в районе Паланки, продвигалась 97-я легкая пехотная дивизия.

К вечеру 2 августа командование корпуса сделало анализ положения противника и решило, что окруженные советские войска будут пробиваться через Терновку. В районе Новоархангельска — Оксанино — Дубовая — Терновка воздушной разведкой было установлено скопление около 1400 повозок».

Советские источники свидетельствуют, что в этот день фашисты вышли к Первомайску и соединились с войсками 17-й полевой армии. В результате этого вокруг группы П.Г. Понеделина образовалось двойное кольцо окружения.

С севера и востока на Новоархангельск наступали части 16, 11 и 9-й танковых и двух (16-й и «Адольф Гитлер») механизированных дивизий фашистов. С запада надвигались 297, 24, 125 и 97-я пехотные дивизии. На юге дей-

ствовали 1-я и 4-я горнострелковые, 257-я и 96-я пехотные, 110-я и 101-я легкие пехотные дивизии Германии, а также венгерский, румынский корпуса и итальянская дивизия, которая затем оккупировала Первомайск. Всего против войск группы П.Г. Понеделина в районе Первомайск, Умань, Кировоград действовали 22 дивизии противника.

В этот день в штаб генерала Понеделина приходит радиogramма из штаба Южного фронта с приказом занять и прочно удерживать рубеж: Звенигородка, Новоархангельск, Терновка и ликвидировать противника, просочившегося восточнее указанного рубежа. Разрешения самим идти на прорыв нет, но сил на прорыв тоже...

Войска группы П.Г. Понеделина продолжали неуклонно отходить в район Новоархангельска, уже находясь в кольце окружения. Район этот для сосредоточения от-

ходящих войск был выбран, с одной стороны, удачно. Здесь сливались устья рек Ятрани и Синюхи с притоками. Опираясь на этот район, отходящие войска получали возможность сохранять некоторую устойчивость своей обороны. Однако, с другой стороны, наличие этих рек в тылу имело и отрицательное значение, так как усиливало оборону вражеских войск на внутреннем кольце окружения, закрывавших пути отхода на восток.

Остатки войск 6-й и 12-й армий занимают круговую оборону и начинают яростно, почти на грани отчаяния, контратаковать противника. В результате этих контратак советские войска было продвинулись на восточном участке до городка Тальное, но затем отступили обратно. Отчаянные контратаки в районе Кременечье и Новоархангельска также вынудили врага временно оставлять эти населенные пункты. Но дальше развить ни одну из этих контратак не удалось.

Штаб группы Понеделина не знал оперативной обстановки и напрасно распылял последние силы одновременно по нескольким направлениям. Но практически рядом, всего в 15—20 километрах южнее в районе Головановского в то время находился правый фланг 18-й армии. На этом направлении силы противника были достаточно слабые, и войска группы П.Г. Понеделина еще могли прорваться на юг. Но они продолжали ориентироваться совсем в другом направлении, постоянно наталкиваясь на подготовленную оборону противника.

И.А. Хизенко в книге «Ожившие страницы» за 2 августа пишет:

«Утром разгорелись жаркие бои. Противник не жалеет боеприпасов. Кажется, нет такого клочка земли, где бы не рвались его снаряды. Наша артиллерия отвечает слабо: снаряды нужны для решительной схватки... Вражеское кольцо вокруг нас сжимается все туже и туже...

Ночью генерал Прохоров и полковой комиссар Прейс (командир 80-й стрелковой дивизии В.А. Прохоров, комиссар дивизии С.Ш. Прейс. — *В.Р.*) вместе с коман-

Группа арестованных по подозрению в причастности к Красной Армии

диром корпуса вели разведку. Их сопровождала группа красноармейцев разведывательного батальона. В пути произошла стычка с гитлеровцами. Несколько солдат противника взяли в плен. Они показывают, что здесь сосредоточена сильная группировка немецких моторизованных сил: с запада перед нашими войсками действуют части 48-го механизированного и 52-го армейского корпусов 17-й армии, с севера—14-й моторкорпус 1-й танковой группы гитлеровцев».

На помощь извне рассчитывать не приходилось. В это время серьезная опасность возникла на стыке 18-й и 9-й армий, а также 9-й и Приморской армий Южного фронта, где противник начал наступление. На стыке 9-й и Приморской армий к исходу дня прорыв был расширен до 40 километров по фронту и до 15—20 километров в глубину. Это позволило противнику начать наступление на одесском направлении, а внимание штаба Южного фронта вынуждено было переключиться на это направление.

4 августа

Генерал Ф. Гальдер пишет: «На фронте группы армий «Юг» придется смириться с тем, что довольно крупные силы противника сумеют прорваться через кольцо окружения вдоль нижнего течения Днестра... Командование группы армий «Юг» с большой неохотой соглашается на переброску моторизованных соединений через Первомайск на юг. Оно охотнее использовало бы для ликвидации противника западнее Буга венгерские моторизованные части.

Телефонный разговор с генералом Зодерштерном (начальник штаба группы армий «Юг». — *В.Р.*). Он сообщил мне, что по мнению командования противник на фронте наших 11-го и 30-го корпусов отводит свои войска на юго-восток».

Г. Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» пишет:

«Сложившееся положение командование корпусом считало окончанием битвы». Но данный вывод был преждевременным. «Горнострелковый корпус оказался в положении сам по себе. Он должен был своими силами разбить жестоко защищающегося противника, для чего было необходимо задействовать все силы корпуса. 4 августа ни в коей мере не принесло ожидаемого окончания битвы. К вечеру положение горнострелкового корпуса, по сравнению с предыдущим днем, существенно не изменилось.

Фронт упорствовал. Русские сражались отчаянно. Воздушная разведка доносила о сильной концентрации противника в отступающих движениях на Подвысокое. Оттуда предпринимались и ночью, и днем атаки советских войск на юг, а также в районе юго-восточнее Рогово. Ожесточенно бросался враг на 125-ю пехотную дивизию. Вопреки всему отбил Оксанино и высоту, восточнее этого села. Но советским войскам нигде не удалось прорвать кольцо окружения. Не мог он изменить свое положение и танками. Еще крепкие вражеские силы были зажаты в районе Новоархангельск — Теклиевка — Ко-

Военнопленные-женщины

пенковата — Терновка. Русские идут на обеспечение необходимым по воздуху.

Известия из штаба армии и от соседа слева малоутешительные. 44-й армейский корпус сообщил, что 24-я пехотная дивизия 4 августа, вследствие недостатка боеприпасов, вынуждена обороняться. Штаб армии уведомлял, что 1-я танковая группа из-за недостатка боеприпасов выступить на рубеж реки Синюхи не может. Но 9-я танковая дивизия в полдень наступлением на Терновку заперла врагу последний выход из котла».

Вечером этого дня при обсуждении в Ставке обстановки, сложившейся на то время на советско-германском фронте, Сталин приказал начальнику Оперативного управления Генерального штаба генералу А.М. Василевскому вызвать к телефонному аппарату для переговоров командующего войсками Юго-Западного фронта генерала М.П. Кирпоноса и члена Военного совета фронта Н.С. Хрущева. Телефонная переговорная для обслужи-

вания Ставки в Кремле находилась в непосредственной близости от рабочей комнаты А.Н. Поскребышева — личного секретаря И.В. Сталина. На этот раз Сталин пригласил в переговорную некоторых членов Государственного Комитета Оборона, а также Б.М. Шапошникова.

— Государственный Комитет Оборона намерен учредить должность члена Военного совета при Главкоме Юго-Западного направления и назначить на нее Хрущева, — не то советуясь, не то уже объявляя готовое решение, сказал Сталин. — Кого вы считаете возможным назначить в этом случае членом Военного совета Юго-Западного фронта? Как вы смотрите на кандидатуру секретаря ЦК Коммунистической партии Украины товарища Бурмистренко? С учетом решения новых оборонных задач, нам кажется, вполне подходящая кандидатура.

Похоже, на другом конце провода не возражали.

— Ваша главная задача — не допустить выхода немецких войск на восточный берег Днепра, — продолжал Сталин. — Рекомендую немедленно обсудить план совместных действий с командующим Юго-Западным направлением и командующим Южным фронтом. Буденный и Тюленев уже получили соответствующие указания. Нужно создать мощную оборонительную линию, проходящую от Херсона и Каховки через Кривой Рог, Кременчуг и далее на север по Днепру, включая правобережный район Киева. Если эта примерная линия обороны будет всеми нами одобрена, нужно теперь же начать бешеную работу по ее подготовке и удержанию во что бы то ни стало...

Генерал М.П. Кирпонос, как видно, ждал совсем другого разговора и очень боялся его. Он думал, что главным вопросом будет судьба окруженной под Уманью группировки, но вождь уже, как видно, не очень интересовался ее судьбой. И командующий Юго-Западным фронтом сразу же ухватился за новую тему.

— Товарищ Сталин! Нами приняты все меры, чтобы не позволить противнику взять Киев, — доложил Кирпонос. — Но для создания нового оборонительного рубе-

Советские военнопленные роют себе могилу

жа необходимо восполнить в дивизиях людские потери, нужно оружие для новых частей. К выполнению поставленной задачи мы приступаем немедленно.

— Не нужно спешить, — посоветовал генералу И.В. Сталин. — Обстоятельно продумайте все вопросы, посоветуйтесь с заместителями. Свое окончательное мнение по этому вопросу доложите мне завтра в 12 часов.

В завершение разговора М.П. Кирпонос все же решил перестраховаться:

— Но как быть, товарищ Сталин? Главнокомандующий юго-западным направлением приказал фронту с утра 6 августа с района Корсунь нанести контрудар в направлении Звенигородки и Умани с целью оказания помощи находящимся там войскам группы Понеделина. Этот контрудар потребует большого расхода сил и средств...

— Это частная оперативная задача, — ответил Сталин. — Ставка не возражает против выполнения частных наступательных задач, особенно если в результате их выполнения вам удастся восстановить связи с Южным

фронтом и оказать помощь войскам группы Понеделина. Считаю директиву Буденного своевременной и полезной для общего дела. Однако главное — выработка предложений по новой линии обороны, ибо на войне надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое и даже на худшее. Это единственное средство не попасть впросак. Мы примем все средства, чтобы помочь вашему фронту, но рекомендую больше рассчитывать на собственные силы.

Свидетель этого разговора генерал А.М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни» пишет, что в тот день И.В. Сталина больше всего интересовала новая днепровская линия обороны и создание систем для запуска реактивных снарядов.

— К сожалению, мы не знакомы с устройством реактивных снарядов, — оправдывался Кирпонос.

— В том виновата ваша невнимательность к этому серьезному делу, — заметил Сталин. — Чертежи есть у ваших людей, и образцы имеются давно. Но если вы их не видели — я вышлю вам чертежи, инструкторов по производству и батарею для запуска реактивных нарядов. Постарайтесь побыстрее на месте организовать производство.

Таким образом, штаб Юго-Западного фронта, получив от Ставки новую задачу, посчитал себя в какой-то мере свободным от ответственности за судьбу войск, окруженных в районе Умани.

Штаб Южного фронта также не хотел брать на себя ответственность за судьбу войск группы генерала Понеделина. В этот день генерал И.В. Тюленев в Ставку докладывал:

«Группа Понеделина продолжает оставаться в прежнем положении, причем совершенно непонятна медлительность в выполнении неоднократного приказа о выводе его частей на реку Синюха... От Понеделина получена радиограмма панического содержания, что организованный выход из боя без уничтожения своей ма-

териальной части или без немедленной помощи извне якобы невозможен. Эта оценка положения Понеделиным неверна, и сплошного фронта (окружения. — В.Р.) нет. Имеются промежутки до 10 и более километров. Топтание на месте Понеделина другим иначе объяснено быть не может, как только растерянностью, нераспорядительностью, незнергичностью.

Обстановка в районе Ново-Миргород, Ново-Украинка не дает возможности помощи Понеделину войсками, кроме авиации, которая все время на него работает. Понеделину вновь подтверждаем приказ ночными атаками пробить себе путь».

Таким образом, командующий Южным фронтом генерал И.В. Тюленев в очередной раз стремился снять с себя ответственность за судьбу группы генерала П.Г. Понеделина, окруженной под Уманью. При этом он не стеснялся в обвинениях самого командарма в грехах, недопустимых для любого военачальника, и этим оправдывал свое нежелание помочь окруженным. Это был стиль многих советских военачальников периода начала Великой Отечественной войны, который противник в полной мере использовал в своих интересах.

В ночь на 4 августа самолетами Южного фронта в последний раз в расположение группы П.Г. Понеделина было сброшено 60 тонн груза (боеприпасы и бензин). Кольцо вражеского окружения вокруг этой группы сжалось до предела, а фронт 18-й армии удалился к югу от Первомайска. Плацдарм, на котором сгрудились в этот день окруженные войска (около 65 тысяч человек), не превышал размеров 10 на 10 километров.

Непосредственный участник событий И.А. Хизенко в книге «Ожившие страницы» за этот день пишет:

«Весь день — в непрерывных атаках: атакуют немцы — обороняемся и рвемся вперед мы; атакуем мы — переходит к обороне и теснее сжимает кольцо противник.

Фашисты через усилители предлагают сдаваться в плен. Дают время для размышления. Странно, откуда им

известны фамилии командиров и даже имена их детей? Вот они называют фамилию штабного командира, имена его детей. Обсуждаем, высказываем разные предположения. Вспомнили. Ходила минувшей зимой по нашим квартирам в Проскурове какая-то девица с повязкой Красного Креста на рукаве. Предлагала детские аптечки, записывала, кому и сколько надо...»

Е.А. Долматовский вспоминает: «На пшеничном поле между Подвысоким и Копеньковатым стоят без горючего последние 8 танков Т-26 15-й танковой дивизии. Действуют только пулеметы.

И вдруг — Т-34 с десантом на броне устремляется на Копеньковатое и врывается в это село. Поначалу даже трудно понять, что это танк: броня, башня — все облеплено бойцами в нижнем белье. Раненые — все до одного, видимо, покинувшие лазарет, чтобы сражаться...

Только что горные егеря... заняли Копеньковатое. Но беспечность будет стоить им дорого.

Форсируя ход, мчится, как гигантский белый клубок, «тридцатьчетверка». Пушка молчит — снаряды израсходованы. Зато раненые ведут огонь из немецких автоматов, подобранных тут же, швыряют лимонки, кричат — не разберешь что: проклятия, ругательства, ура, за Родину, за Сталина! Половина Копеньковатого отбита этим трагическим десантом».

Акт отчаяния чисто русского характера, один из эпизодов большого тяжелого боя. Почему раненые? Куда подевались остальные? И все же факт танковой контратаки раненых советских бойцов на Копеньковатое 4 августа — героический поступок, достойный огромного уважения. Вот только в тактическом отношении эта контратака не имела никакого значения.

5 августа

Главкомандующий сухопутными войсками Германии генерал-фельдмаршал В. Браухич, вернувшись с совещания у А. Гитлера, начал развивать мысль о том,

что, как и в прошлую мировую войну, существует угроза втягивания наступательных операций немецких войск в позиционный тупик. Эта мысль была не новой, и ее постоянно подсказывали Браухичу ведущие работники генерального штаба сухопутных войск Германии. Было удивительно, почему русские совершенно забыли об этом бесценном опыте, когда оборона стала сильнее наступления, и почему не пытаются закрепиться на рубежах, ранее достаточно хорошо подготовленных в инженерном отношении.

Ф. Гальдер в своем военном дневнике в этот день оставил следующую запись: «В результате упорных боев в основном ликвидирована группировка, окруженная у Первомайска. Но противник еще продолжает сбрасывать с самолетов в район окруженной группировки боеприпасы и продовольствие. Дальнейшее сопротивление противника в этом районе сомнительное.

11-я армия должна разбить противника перед своим фронтом и своими моторизованными частями прорваться к Бугу в районе Вознесенска.

1-я танковая группа должна своими главными силами прорваться через Кировоград, Смелу и овладеть Александрией, а также мостами у Кременчуга и Черкасс. Три моторизованных соединения должны занять исходное положение восточнее Первомайска с тем, чтобы в случае необходимости перейти в наступление вдоль Буга или через Буг навстречу наступающим частям 11-й армии».

И вечером того же дня: «Группа армий «Юг». Операция по окружению противника развивается успешно. Наступление 1-й танковой группы облегчается наличием большого количества горючего...»

Г. Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» за этот день пишет:

«Командир корпуса имел убеждение, что захваченный в котел противник очень силен. Он быстро уплотнил порядки в ограниченном пространстве. С упорством и

фанатическим самообладанием враг еще надеялся на удачу, что сможет прорвать кольцо окруженными силами. Поэтому командир корпуса принял решение 5 августа наступать одновременно всеми силами корпуса и нанести врагу последний удар. С 10 часов утра этого дня район Торговицы — Небеливка — лес западнее Подвысокого подвергнуть бомбардировке.

К тому времени на счету 1-й горнострелковой дивизии уже было захвачено 2500 пленных, 23 орудия всех видов, 3 танка, 200 повозок, много оружия и боеприпасов.

Успех, на который надеялись и который требовал так много выдержки, храбрости и нечеловеческого по силе напряжения войск, 5 августа опять достигнут не был. Враг без перерыва преследовал, всегда и всюду стоял и разбивал. Боролся своей последней героической борьбой, несравненно твердый и фанатически решительный. Он полагал в своем безнадежном положении, подстегиваемый комиссарами, ни в коем случае не сдаваться. Он еще надеялся прорваться на юг и юго-восток. Так 5 августа ни одна дивизия дневной цели не достигла.

Командиру корпуса было ясно, что противник сосредоточит последнее усилие против Южного фронта корпуса и там прорвет котел. А силами для усиления Южного фронта он больше не располагал... При таком расположении войск можно было ожидать любых событий. Предусмотренные ранее мероприятия оказались недостаточными. Все расположенные силы не имели никакого преимущества над врагом.

С наступлением темноты противник возобновил попытки прорыва, но прорваться ему не удалось. Но и все силы 4-й горнострелковой дивизии не шли на преследование русских, оставаясь на своих позициях.

Высоту 196 возле села Копеньковатое и само село противник защищал дольше, пока была возможность прорыва на юг. На северном фланге была потеряна высота 203, но к вечеру опять захвачена.

97-я легкая пехотная дивизия к 16 часам вышла на ли-

Расстрел отставшего от колонны военнопленного

нию Борщева — южная окраина Небелевка и оказалась в окружении обороны противника, в большом лесном массиве севернее Копеньковатого. Дальнейшее продвижение вперед стало невозможным.

Так же развивались события и у 125-й пехотной дивизии, в ее движении широким фронтом в лесу против Подвысокого.

Все же к вечеру был получен значительный выигрыш территории. В лесном фронте достигли линии Небеливка — Торговица. В середине фронта корпуса еще стояли вражеские арьергарды возле Рогово и Осторвца на Ревухе. Северный сосед... проследовал на Торговицу, избегая встреч с врагом, и уже в 10.15 смог развить наступление восточнее Теклиевки, а также на отбитый русскими населенный пункт Каменичье.

Таким образом, горнострелковый корпус окончательно получил надежно прикрытый фланг и освободился от беспокойства. Оценка положения к вечеру 5 августа

показывала, что противник теперь зажат в узком пространстве. Большой лесной массив возле Подвысокого, между Копеньковатое и Торговица, длиной около 12 километров, стал пунктом сосредоточения и укрытия остатков разбитого противника».

Ни Ставка, ни главное командование юго-западного направления, ни командующие Юго-Западного и Южного фронтов в этот день судьбой войск группы Понеделина, окруженных под Уманью, практически не занимались. Всех их заботило совсем другое: завершившие окружение танковые соединения 1-й танковой группы Клейста устремились на восток, стремясь захватить переправы и форсировать реку Ингулец в районе Александрии и Кривого Рога. Встала угроза над районом Днепропетровск, Запорожье, Николаев, находившимся на восточном берегу Днепра.

И.А. Хизенко в книге «Ожившие страницы» пишет, что в ночь на 5 августа на командном пункте 80-й стрелковой дивизии собиралось командование 6-й армии и корпуса. В 2.00 был получен приказ Военного совета армии. В нем было сказано, что войска армии находятся в полном окружении, и была поставлена задача любыми средствами пробиваться к своим. Из-за отсутствия точных данных о противнике и своих войсках прорываться решили одновременно несколькими группами в разных направлениях.

Снарядов для огневого обеспечения прорыва уже не было. Ставшие бесполезными артиллерийские орудия были приведены в негодность. Оставалось несколько исправных тракторов, которые служили артиллерийскими тягачами. Решились на военную хитрость.

Одна из групп решила прорываться в южном направлении. Она заблаговременно сосредоточилась в садах южной окраины Подвысокого, все только ждали сигнала вперед. Но фашисты своевременно обнаружили эту группу, и утром по садам был открыт ураганный огонь минометных батарей противника, который вынудил из-

готовившиеся для прорыва советские подразделения вернуться в село и спрятаться обратно в траншеи и другие укрытия.

Е.А. Долматовский в книге «Зеленая брама» по поводу обеспечения этого прорыва пишет:

«Ночью 5 августа артиллеристы гоняли взад-вперед по Зеленой браме тягачи, рассчитывая, что противник примет их за танки, идущие на прорыв. А тем временем основная колонна прорыва покидала село, двигаясь по улице Богдана Хмельницкого. Отвлекающий маневр артиллеристов был просто вызовом огня на себя. Это — и, к сожалению, только это — удалось Петру Грищенко и его товарищам. Под обстрел себя подставили, но существенной помощи главным силам 6-й и 12-й армий не оказали...

В нескольких километрах от Копеньковатого — маленькая станция Перегоновка. К ней пробился один полк 141-й стрелковой дивизии, возглавляемый бригадным комиссаром Куцевским. Перегоновка вновь в наших руках. Но группа бригадного комиссара не знает, что в трех километрах западнее, в деревне Семидубы, — разведка 18-й армии, а в километре южнее, в селе Вербовое, ведет бой, доходящий до рукопашных схваток, 96-я горнострелковая дивизия, которой командует полковник Иван Шепетов...

Между тем командование 6-й и 12-й армий направляет войска на прорыв несколько восточнее, рассчитывая, что, форсировав Синюху, удастся по левому берегу реки двинуться к Первомайску».

Другая часть войск группы генерала П.Г. Понеделина решила идти на прорыв в северном направлении. Прорыв был назначен на 9 часов утра. В сводном отряде собралось около 500 активных штыков. Танков и необходимого количества артиллерии не было, не было и боеприпасов. С трудом нашлось несколько снарядов, по десятку патронов на человека, дюжина гранат. Разведка противника на направлении готовящегося прорыва не

велась, командиры рассчитывали на «авось», солдаты — на чудо.

В отношении этой попытки прорыва К.И. Чернявский в книге «Всегда с бойцами» пишет: «Начинался рассвет, когда наши батальоны сосредоточились на исходных позициях... Раздались первые залпы орудий. Короткий огневой налет — наши воины устремились к окопам противника. Фашисты открыли сильный огонь из всех видов стрелкового оружия... Вскоре враг был выбит из Каменече и отброшен до двух километров в северо-восточном направлении.

Фашисты предприняли решительные меры, чтобы вернуть утраченные позиции. Кинули в бой свежие резервы пехоты, танков и артиллерии. Солдат не жалели, тем более не скупилась на мины и снаряды. Наши подразделения вынуждены были перейти к обороне...

После боя за Каменече люди настолько устали, что отказывались от еды, где останавливались, там и засыпали. Но задание пробиться из окружения осталось невыполненным. Комдив требовал не задерживаться на достигнутом рубеже и, используя ночь, пробиваться дальше...

В назначенное время подразделения двинулись в путь... Треск автоматов нарушил тишину ночи. Ухнули взрывы гранат. Это боевое охранение обнаружило фашистов и пошло в штыки... Казалось, вражеский заслон будет сейчас уничтожен. Но ему на помощь подошло подкрепление. Походная застава, в которой находились и мы с командиром полка, оказалась внутри вражеской обороны. Командир полка приказал пробиваться к лесу, контуры которого виднелись в юго-западном направлении.

Совсем рассвело, когда мы приблизились к берегу реки, преграждавшей путь к лесу. Над ней белым пухом стелился туман. Вдруг с противоположного берега ударил вражеский пулемет...

Из этого леса была послана радиограмма на имя командующего 12-й армией. В ней говорилось, что 99-я стрелковая дивизия не смогла пробиться к Новоархангельску. В ответ последовал новый приказ о направлении тыловых подразделений и раненых к Подвысокому, а остальным войскам сосредоточиться в лесу Зеленая брама в готовности к прорыву на Первомайск».

В этот день штаб Южного фронта докладывает в Москву, что отдал приказ генералу П.Г. Понеделину «новыми атаками пробить себе путь и выйти из окружения в восточном направлении». Этот приказ в Зеленую браму доставляется самолетом санитарной авиации. Но за спиной войск река Синюха шириной до 80 метров и глубиной три метра. Все переправы уничтожены.

В книге «Через три войны», вышедшей в 1972 году, бывший в 1941 году командующим Южным фронтом И.В. Тюленев констатирует: «В тот день, когда писалось донесение в Ставку, 6-я и 12-я армии, измотанные кровопролитными боями, были уже полностью окружены под Уманью».

И все же в результате тяжелых боев в тот день полк 141-й стрелковой дивизии занял станцию Перегоновка. Совсем рядом, в двух-трех километрах, находятся передовые части 18-й армии. Но в группе Понеделина об этом не знают и поэтому ведут наступление вслепую. В яростном порыве поднимаются в атаку последние оставшиеся в живых подразделения и прекращают ее, зачастую не достигнув желанной цели. Управление постепенно теряется, и бои в районе окружения советских войск все более принимают хаотичный характер.

6 августа

В этот день в штабе группы армий «Юг» состоялось совещание, на котором присутствовал А. Гитлер, а от генерального штаба сухопутных войск — начальник оперативного отдела генерал Паулюс. Фюрер одобрил доклад

о действиях германских войск по разгрому уманской группировки. В то же время он с большим интересом отнесся к сообщению о наступлении германских войск в направлении Кривого Рога, где он надеялся получить доступ к богатым залежам железной руды.

Гитлер поздравил сопровождавшего его И. Антонеску с успешными действиями румынских войск и вручил ему Рыцарский крест. Румынский диктатор как ребенок радовался полученной награде и горячо заверил фюрера, что венгерские дивизии будут сражаться с русскими еще более самоотверженно и настойчиво.

Основания для оптимистических прогнозов были. Ф. Гальдер пишет: «Успешно продвигаются войска на южном участке группы армий «Юг». Войска правого фланга 1-й танковой группы вышли на Буг в районе Вознесенска. Войска левого фланга танковой группы продвигаются на Александрию».

Вечером он отмечает, что на фронте группы армий «Юг» «противник отводит свои войска перед фронтом 11-й армии. Основные силы противника с боями уже вышли из клещей, образованных войсками 11-й и 17-й армий, и с боями пробиваются к Бугу.

Войска 1-й танковой группы достигли Вознесенска и хотят прорваться до устья Буга. Главные же силы танковой группы должны наступать в направлении на Кривой Рог и Александрию».

Г. Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» пишет, что ночью с 5 на 6 августа сражение на фронте корпуса возле Подвысокого достигло своего высшего драматического накала. Попытки русских прорваться продолжались. Как и ожидалось, направлены они были против Южного фронта корпуса, преимущественно против 4-й горнострелковой дивизии.

«Ранним утром, начиная с 3.45, стекаются в штаб корпуса тревожные сообщения 1-й и 4-й горнострелковых дивизий. Вскоре связь прервалась. Русские колонны проходят через полевые кабели связи. Работает толь-

ко радио. До этого момента поступающие сообщения отмечают, что русские с полуночи все в наступлении на южный фронт.

Отступила расчлененная 4-я горнострелковая дивизия с рубежа возле Копеньковатой в леса восточнее. Здесь вражеское наступление имело успех. С грузовиками пехоты, впереди танки, прорвались русские под защитой ночи через разрыв между восточной и западной группировками 4-й горнострелковой дивизии. Массы врагов были разделены на группы. Все они устремились на юг, на участок течения Ятрани. Части, штабы, обозы, войска обеспечения, все обозные ездовые, телеграфисты, штабные офицеры — все стоят в ночной борьбе, отражая противника возле Орлова, Лещевки, Лебединки, Полонистого.

Часть прорвавшихся врагов взяла свой путь на Переоновку. Там они отражались штабом 4-й горнострелковой дивизии, подразделениями 851-й батареи мортир и 525-м танковым подразделением.

Поступают устные доклады. Враг уже в 12 километрах позади фронта корпуса. Враг возле Семидубы. В 4.00 он движется длинными маршевыми колоннами, имея впереди танки. По сторонам — всадники-наблюдатели.

Двигается колонна противника и по дороге Лещевка — Троянка — Ермиловка. В Ермиловке вступили в бой квартирмейстерские подразделения 1-й горнострелковой дивизии. Борется за свою жизнь каждый писарь, каждый человек. Убиты комендант, квартирмейстер обер-лейтенант Рисс, с ним девять унтеров и рядовой состав штаба дивизии. Второй офицер генерального штаба, капитан фон Эймансбергер бросился с ручной гранатой на первый разведывательный броневик русских, въехавший в село.

В сражении выведен из строя шеф Генерального штаба 6-й русской армии полковник Меандаров. Он сообщит позже, что русскому руководству в котле в Подвысоком 5 августа было ясно, что окружение завершено и навис-

ла угроза уничтожения. Поэтому было приказано в ночь с 5 на 6 августа прорываться. 6-й русской армии на юг, а 12-й армии — на восток. Силы 6-й армии, до 4 тысяч человек, должны были собраться в лесном массиве восточнее Копеньковатой. Русские оттуда выступили колонной с десятью танками во главе и колонной грузовиков. Русское руководство верило в прорыв....

Командование корпуса решилось снять часть сил. 44-е танковое подразделение под командованием капитана и кавалера Рыцарского креста Крейзера пришлось перебросить через Покатилово и Троянку в Ермиловку с задачей отбросить врага назад и рассеять. Во время сражения погиб от пули капитан Крейзер.

Снова прорывающиеся толпы врагов расслаиваются. Они устремляются в разные направления. Нападают возле Наливайки и Головановска на войска обеспечения дивизии и спасаются бегством в лес под Дуковкой и Александровкой. Эти остатки будут позже прикончены частями 52-го армейского корпуса.

Перед обедом 6 августа командир корпуса приказал возобновить наступление. У Подвысокого враг имел преимущество в пехоте, атакующей плотными массами. Все атаки были направлены на 3-й батальон 91-го горнострелкового и 477-й пехотный полки. Потери врага существенные. Бесчисленные покойники покрывают поле битвы. Только немногим группам удается удачно пройти на юг, восточнее перекрестка дорог возле Копеньковатого.

Возле Копеньковатого положение врага остается не ясным. Под защитой танкового авангарда, с сотнями грузовиков он прорывался в направлении Перегоновки. В полосе обороны 13-го горнострелкового полка противник не прошел. Сотни расстрелянных и подожженных машин стояли с обеих сторон дороги Копеньковатое — Перегоновка.

Другой удар русских, между 2-м батальоном 91-го горнострелкового полка и 3-м батальоном 13-го горно-

Колонна советских военнопленных

стрелкового полка достиг цели. Первым противник прорвался в район высоты 203 с разведывательными подразделениями, артиллерией и зенитными установками. Это было неожиданным. Как бешеный, поток грузовиков прорвался и исчез. Значительные части противника ушли на юг, используя брешь на дороге и преимущество — темноту.

Командиру корпуса не хватает необходимых сил, чтобы укрепить Южный фронт... Корпусу не остается ничего другого, как 6 августа возобновить наступление. К 9 часам утра дивизии должны были закончить подготовку... В 10.00 наступление началось.

Впереди 4-й горнострелковой дивизии лежал лес возле Подвысокого. Три километра длиной и два километра в глубину. Командир 97-й легкой пехотной дивизии рассчитывал на неожиданное успешное наступление, и расчет его оправдался. Почти без сопротивления прорвались егеря на границу леса. Мортиры вели смертельный огонь. Волнующийся враг спасался бегством. К вечеру лесная зона была преодолена.

Была ближе подтянута артиллерия, которая открыла огонь по Подвысокому. Нельзя недооценить достигнутый успех: котел в двух местах прорван (расчленен на части. — *В.Р.*). Враг, безусловно, держится. 125-я пехотная дивизия вперед не продвинулась. От наступления она вынуждена отказаться. Захвачен важный пленный — третий офицер генерального штаба 6-й русской армии. По его оценке, в котле еще находится от 50 до 60 тысяч человек.

Вечером 6 августа командир корпуса был уверен, что день последнего сбора сил окруженного врага закончился».

Видимо, это понимало и советское командование. Именно в этот день, 6 августа, началась эвакуация приднепровских городов Днепропетровска, Кривого Рога и Днепродзержинска. В спешном порядке на восток направлялись один эшелон за другим, вывозя наиболее ценное имущество. Своим ходом на восток брели многочисленные стада колхозного скота. Взрывались некоторые предприятия, минировались мосты через Днепр.

Штаб Южного фронта докладывал в Ставку: «Понеделину в ночь с 5 на 6 августа вылетели самолеты для выброски грузов. Не получили сигнал с земли, груз не выбросили. Было много костров и пожаров».

В группе П.Г. Понеделина новый прорыв был назначен на 1 час ночи 6 августа. Строится автоколонна, для машин сцеживают последние капли бензина. Впереди артиллерийские тягачи и трактора, за ними грузовики. Тут же два чудом уцелевшие танка и несколько броневиков. Создаются три отряда обеспечения прорыва. У хутора Шевченко разворачивается арьергардный отряд прикрытия тыла с приказом стоять до особой команды.

Шедшие на прорыв некоторое время беспрепятственно двигались в темноте. Но на рассвете противник заметил советские войска. Начала работать вражеская артиллерия, в небе появилась авиация. Вскоре был подбит танк генерала И.Н. Музыченко, а сам он ранен. Ко-

лонна, растянувшаяся на десяток километров, была разбита на несколько частей, каждая из которых жила своей жизнью.

Стремительно расползались слухи о пленении генералов П.Г. Понеделина, И.Н. Музыченко, командиров корпусов М.Г. Снегова и Н.К. Кириллова. Тут же с воздуха посыпались листовки, в которых якобы генерал П.Г. Понеделин предлагал подчиненным бойцам сложить оружие и сдаться в плен. На листовке он сам был изображен в окружении немецких офицеров с бокалом шампанского в руке. Очень немногие верили этим листовкам, но поднимали их, пуская на самокрутки.

Снова начались дожди. Люди покорно мокли, прячась под густыми кронами деревьев. Но укрытия эти были обманчивыми. Промокнув, листва беспрепятственно пропускала сквозь себя дождевые капли, которые падали даже тогда, когда дождь временно прекращался. Несколько чудом сохранившихся палаток были буквально завалены ранеными. В одной из них размещался штаб группы, в котором почти не осталось работников.

Стихийно вспыхивает последний бой в Зеленой броне. У окруженных боеприпасы на исходе, силы тоже. Ночью отдельные группы еще пытаются прорваться из окружения штыковой атакой, но на всех направлениях они натываются на плотный пулеметный огонь противника, несут потери и возвращаются обратно. Ряды активных советских бойцов стремительно редеют...

Берем книгу непосредственного участника описываемых событий И.А. Хизенко «Ожившие страницы», в которой он описывает один из последних боев в районе Подвысокого. Его воспоминания полны трагизма и пафоса:

«6 августа. В пруду моются пожилые, бывалые воины. Одевают чистое белье. Но что это случилось с фашистами? Почему сегодня они не стреляют? Ведь их пули могут долететь до пруда. Совсем недавно гитлеровцы обстреляли там медицинских сестер, хлопотавших над ранеными. А сейчас молчат. Удивлены? Или и они пре-

клоняются перед вековым обычаем русских воинов в решающий бой идти в свежей рубашке, побритым?! Со-мнительно.

Принимаем меры к спасению знамени. Два штабных работника покидают нас, унося завернутое бархатное полотнище. Что их ждет впереди?

По приказу полкового комиссара Прейса сжигаем все документы политотдела. Костры кажутся игрушечными по сравнению с горящими хатами...

В небе появляется немецкий самолет-разведчик. Вслед за ним прилетают бомбардировщики. А пока они бомбят Подвысокое. Там в укрытиях стоят машины 15-й танковой дивизии. Гитлеровцы не стали бы тратить зря бомбы, если бы знали, что у танкистов нет снарядов, вышло горючее.

Вечером на командный пункт прорываются вражеские автоматчики. Это наверняка «сорвиголовы», добровольно взявшиеся уничтожить штаб соединения. Их наглости мы противопоставляем такую отчаянность, что фашистские молодчики действительно теряют головы. Дерутся писари и наборщики типографии, повара и телефони-сты. Фашисты пытаются удрать через дамбу. Не целясь, стреляют по ним даже раненые. Не отступая от костра, где догорают деловые бумаги, палит помощник началь-ника четвертой части штаба дивизии Афанасий Корж (А.Н. Корж. — *В.Р.*). Дерутся все, кто способен держать оружие. Отступить некуда. Кольцо окружения настолько сжалось, что простреливается насквозь. Не ждали гитле-ровцы такого стойкого сопротивления. Бросая раненых, они удирают подальше от командного пункта. Преследуя их, мы выбираемся на окраину села.

Глубокой ночью группы вырываются из этой враже-ской петли. Люди идут пшеничным полем. Во главе ко-лонны — генерал Прохоров и комиссар Прейс...»

Далее автор повествует о том, как после переправы через речку командир и комиссар 80-й стрелковой ди-визии бесследно пропали. По его сведениям, генерал

Прохоров раненым был захвачен в плен противником, комиссар Прейс погиб в бою.

Из книги «Зеленая брама» Е.А. Долматовского следует, что «при полном отсутствии связи командования группы с подчиненными войсками, притом что врагу удалось разбить окружение на несколько колец, сведения все равно каким-то неведомым и невероятным образом становятся достоянием всех. Распространяются слухи, но, увы, они не ложные.

Сражающиеся отряды — на многих участках уже сборные, они включали в себя бойцов и командиров из разных частей и родов войск. (Все стали пехотой, у всех оружие — только штык, и если еще сохранилась — то и граната.)

Связь разрушена, но «солдатский телеграф» работает. Становится известно, что командармы Понеделин и Музыченко попали в засаду, схвачены врагом, пленены...

Штаба группы больше не существует...»

Итак, уманская группировка была официально разгромлена. С этим соглашаются все авторы, с этим согласна и сама военная история. Нет больше силы, способной сковать немецкие силы в их стремлении к Днепру южнее Киева. С этим не согласны только те из советских бойцов и командиров, которые еще с оружием в руках скрывались в лесных массивах Зеленой брамы, в окрестных рощах и оврагах. Днем они скрывались от врагов, а с наступлением ночи с оружием выползали со своих убежищ, и в темноте снова звучали отдельные выстрелы и взрывались последние гранаты...

7 августа

Ф. Гальдер в своем дневнике за этот день пишет, что «1-я танковая группа усилила рубеж вдоль Буга вводом сюда 9-й танковой дивизии. В остальном наши войска продвигаются в соответствии с намеченным планом,

встречая лишь незначительное сопротивление противника...

Окруженная юго-восточнее Умани войсками нашей 17-й армии группировка противника едва ли сможет оказать серьезное сопротивление».

Вечером он отмечает, что «операция развивается успешно. Продолжается ликвидация окруженной группировки противника. Бои на рубеже Буга закончены».

Г. Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» за 7 августа пишет:

«Положение в районе действий 1-й горнострелковой дивизии для командира корпуса долгое время остается неясным. Телефонная связь разбита. Разбитый враг снова создал серьезное положение. Группам Пиккера и Штеттнера полному захвату Подвысокого мешали повторяющиеся волнами атаки врага. В 16.00 полковник Пиккер пошел в контрнаступление на Подвысокое. С востока и юго-востока двинулись егеря по обеим сторонам реки Бондаревска и в ожесточенной уличной схватке захватили восточную окраину Подвысокого.

В 18.30 продвинулся северный фланг группы Ланга и взял высоту 185 и мост в двух километрах от церкви в Подвысоком. К ночи батальоны рассредоточились для обороны, готовые предотвратить ночной прорыв русских.

Цель, поставленная командиром корпуса на 7 августа, — достигнуть успеха с наименьшими потерями. Пусть потрясенный враг понесет потери.

Поэтому 125-я пехотная дивизия на фронте вела себя сдержанно и в большой лес не спешила. Большой лес, по обстоятельствам, должен был пасть сам собой.

7 августа в тяжелой борьбе пришла победа. Ночью была попытка северной армейской группы русских прорваться через северный фланг 1-й горнострелковой дивизии. В несколько волн штурмовали русские с криками «Ура!», подстегиваемые своими комиссарами. Около

часа шла рукопашная схватка. Собственные потери множились. Погибло несколько командиров рот...

Горные егеря стояли на своих позициях, но не могли все-таки помешать прорваться толпам русских. Через возникшие проходы часть из них двинулась на юго-восток на Владимировку, другие пошли на юг, на Россоховатую. Они двигались со штабами, обозами, артиллерией. Писари, ординарцы, телеграфисты и радисты, ездовые обозов, обслуга — все сражались. С восточного берега Синюхи двинулись танки. Возле Владимировки и Россоховатки, уже в 10 километрах от места прорыва, были достигнуты и уничтожены последние остатки прорвавшегося врага. Это в последний раз встал на дыбы разбитый враг. Его сопротивление было окончательно сломлено.

В это время группа Пиккера очищала восточную часть Подвысокого, ликвидируя последние огневые точки в домах.

На фронте 4-й горнострелковой дивизии враг стал толпами складывать оружие. Грузовики с белыми флагами ехали по линии охраны горных егерей. Только в восточной части Копеньковатого и окружающем его лесу продолжали бороться отдельные фанатические войска. Но с началом 13 августа на участке леса восточнее последние комиссарские части были уничтожены.

Около трех часов утра в расположении 1-й горнострелковой дивизии были задержаны два русских перебежчика. Они говорили, что из-за нашего артиллерийского огня, особенно тяжелых мортир, русская армия полностью морально потрясена. Они просили обстрел прекратить и сделать предложение о сдаче в плен. Тогда от 16 до 20 тысяч человек вышли бы из котла. Генерал Фреттчер Пико пошел на это предложение и обеспечил перебежчикам два часа перерыва огня. Успех был необычный. Тысячами, на грани физических сил, русские потекли из Подвысокого сдаваться.

На фронте 125-й пехотной дивизии в районе Небелки 421-й пехотный полк воспрепятствовал нескольким попыткам прорыва. В 8 часов утра 419-й пехотный полк начал движение на Подвысокое. Враг не оказывал сильного сопротивления, толпами выходил из большого леса и слагал оружие.

В этот день в 12 часов командир корпуса объявил по радио о взятии Подвысокого. Генерал-полковник Гальдер во время своего посещения Умани 13 августа сказал: «49-й горнострелковый корпус классической корпусной битвой разбил врага».

Перед победителями предстала ужасная картина. На улицах Подвысокого, возле леса сотни уничтоженных русских. Расстрелянные танки, грузовики стояли вокруг полей. В Копеньковатом стоит много орудий всех видов, танки, повозки. На дороге юго-западнее Копеньковатого стоит около сорока русских грузовиков, расстрелянных, сожженных и изуродованных. Трупы экипажей лежат между обломками. У подъезда к Подвысокому встретил пленных. Колонна по плоской равнине тянулась от горизонта до горизонта. Они идут по шесть-восемь человек рядами в колонне длиной около 10 километров. На поле битвы насчитали около 18,5 тысячи погибших русских. Около 60 тысяч пленных собралось в гигантском лагере горнострелкового корпуса. Более 400 орудий всех видов, 4700 единиц средств передвижения, 3800 лошадей.

Потери горнострелкового корпуса тоже были значительные. С началом наступления от Винницы до образования котла в районе Подвысокого погибли 157 офицеров, 4861 унтер-офицер и рядового состава. 4-я горнострелковая дивизия потеряла 52 офицера и 1726 солдат, в том числе в районе Подвысокого — 47 офицеров и 1516 солдат. 1-я горнострелковая дивизия — 28 офицеров и 731 солдата, в том числе у Подвысокого 22 офицера и 514 солдат».

В этот день контрудар, начатый силами 5-го советского кавалерийского корпуса в направлении на Мед-

вин, вначале развивался успешно. Войска продвинулись на 20 километров и в районе Себлева вышли на речку Рось. Но в полдень 7 августа командир 5-го кавалерийского корпуса вдруг получил приказ от командующего 26-й армией — приостановить наступление и изменить направление его главного удара на север (на Ржищев). До сих пор не удалось установить, чем было вызвано это решение. Но ясно другое — развитие этого контрудара по первоначальному плану могло не только привести к деблокаде остатков войск группы генерала П.Г. Понеделина, но и, вполне возможно, могло задержать выход противника в район Кременчуга. Наступление же 5-го кавалерийского корпуса на Ржищев успеха не имело.

В это же время в районе южнее и восточнее Первомайска действовали соединения 18-й армии Южного фронта генерала А.К. Смирнова. Но так как враг пытался оторвать эти соединения от войск 9-й армии, то основные усилия обеих армий были направлены на сохранение целостности Южного фронта. По этой причине и войска 18-й армии также не могли оказать существенную помощь войскам группы П.Г. Понеделина.

Практически брошенные на произвол судьбы командованием Юго-Западного и Южного фронтов, остатки войск группы генерала П.Г. Понеделина должны были рассчитывать только на собственные силы, которые уже были на исходе. Несмотря на это, попытки прорыва из окружения продолжаются. Но информации об этом сохранилось очень немного.

В книге «История Великой Победы», изданной под эгидой Российской академии наук в 2005 году, записано: «В ночь на 7 августа советские войска предприняли последнюю попытку вырваться из окружения. Частям удалось прорвать оборону 1-й горнострелковой и 24-й пехотной дивизий. На направление прорыва немецкое командование продвинуло 16-ю моторизованную дивизию и полк СС «Вестланд». Днем сопротивление в основном было сломлено.

Начальник штаба 12-й армии генерал Б.И. Арушанян вплоть до этого дня поддерживал со штабом Южного фронта связь по радио. Предпоследняя в тот день его телефонограмма гласила:

«Попытка выхода из окружения не удалась... Боеприпасов и горючего нет. Кольцо сжимается. Окружение огневое. Располагаю 20 000 штыков...»

К.И. Чернявский в книге «Всегда с бойцами» пишет:

«Вечером 7 августа в 99-ю стрелковую дивизию поступил приказ: «В 22 часа начать прорыв».

Юго-восточнее села Подвысокого пробивался на соединение со своими частями небольшой отряд бойцов и командиров 99-й стрелковой дивизии... Уже совсем рассвело, когда мы достигли небольшой рощи близ села Левковка. Здесь вражеская оборона обрушилась на нас...

В ту же минуту правее от нас раздалось многоголосое «Ура!»; как потом стало известно, штурмовал вражеские позиции отряд полковника Романова, в который вошли бойцы разных частей 12-й армии. «Вот если бы атаку предприняли вместе, — с горечью подумалось мне, — возможно, и пробились бы». Но что сделано, то сделано.

Как только поднялось над горизонтом солнце, взоры наши устремились к тому району, где атаковали противника другие отряды. Было видно, как бросались наши воины на врага. Но огонь гитлеровцев прижимал их к земле. В эти минуты выбрался из леса Зеленая брама одинокий танк и на предельной скорости устремился на вражеские точки. Он с ходу раздавил вражеский крупнокалиберный пулемет. Видно было, как пехотинцы пытались бежать за танком в атаку. Но это был последний отчаянный бросок. По танку с близких дистанций ударили пушки противника...

Фашисты перешли в атаку. Автоматчики приблизились и стали забрасывать нас гранатами. А когда солда-

ты противника врываются в наши окопы, завязалась отчаянная штыковая схватка».

В этот же день, 7 августа, после неудачного прорыва, остатки отряда генерала П.Г. Понеделина мелкими группами и по одному человеку возвращались в Зеленую браму, надеясь найти там хоть какое-то спасение.

К вечеру этого дня окруженные в районе Подвысокого советские войска, еще недавно составлявшие группу генерала П.Г. Понеделина, стали неуправляемыми. Солдаты и младшие офицеры инстинктивно сбивались в небольшие группы, каждая из которых принимала самостоятельное решение. В случае несогласия с принятым решением отдельные военнослужащие самостоятельно покидали группу с тем, чтобы примкнуть к другой. Практически всегда ставился один вопрос — что делать дальше? В успех организованного прорыва уже никто не верил. Решались активно действовать единицы, большинство с угрюмым видом уходило в глубь леса, надеясь, что туда не прорвутся немецкие танки. Были и такие, которые добровольно шли к немецким позициям и покорно сдавались в плен. Практически никого из старших командиров видно не было.

В книге Е.А. Долматовского «Зеленая брама», несмотря на желание автора показать мужество и героизм советских войск, тоже содержится очень мало героического. В частности, он пишет: «Весь вчерашний день я провалился среди убитых слева от дороги, на которой, когда я очнулся, громоздились разбитые машины, повозки, орудия, тракторы...

К счастью, я не знал, сколько потерял крови, наверное, именно неведение позволило мне подняться и зашагать. Куда? Раненым положено уходить в тыл. Не было тыла, вокруг бой. Ночью 7 августа опять очнулся в дубраве.

Оказывается, не один я вернулся в Зеленую браму... Бойцы из колонны нашего неудачного прорыва объеди-

нились в отряд и ринулись обратно — на исходные позиции. Они ворвались в горящее село (Подвысокое. — В.Р). Окраина его уже была занята врагом. Егеря располагались на отдых. Под неожиданным натиском они бежали в панике. Но отряд из 80 человек вряд ли мог рассчитывать на серьезный успех...»

Итак, новые очаги сопротивления и новые яростные контратаки. И это уже из сил формально несуществующей группы Понеделина, лишенной боеприпасов, продовольствия, управления... Откуда брались эти силы? Кто вел бойцов на отчаянный прорыв? Ответ напрашивается один — воинский долг и высокая гражданская совесть. Другого ответа дать невозможно.

8 августа

Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер в очередной раз сообщает об удовлетворительном ходе операции по ликвидации окруженной под Уманью группировки советских войск и о пленении командующих 6-й и 12-й армиями. В то же время, оправдываясь, он жалуется на то, что продвижению немецких войск «препятствуют прошедшие вчера ливни». О каком-либо организованном вооруженном сопротивлении советских войск уже речи нет, хотя оно все еще продолжается.

Ниже Ф. Гальдер пишет, что «на стыке между войсками Клейста и Шведлера противник прорвался до Богуслава. Следует обратить внимание на смелость противника при проведении операции на прорыв. Образовавшийся прорыв говорит не только о смелости и дерзости противника, но и создает ряд неудобств для наших войск. Строительный батальон, а также подведенные запасные батальоны безуспешно пытались остановить противника. Этот прорыв противника является следствием недостаточной глубины построения наших наступающих войск...»

В вечерней сводке Ф. Гальдер говорит о полной ликвидации окруженной группировки советских войск, о пленении 100 тысяч и гибели до 200 тысяч советских солдат и офицеров и разгроме 16 пехотных и 6 танковых дивизий из состава бывших 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта.

Об этом дне Е.А. Долматовский пишет в книге «Зеленая брама»: «Тяжелые бои по всей округе. Произошло как раз то, чего мы более всего опасались: на разных участках — отдельные очаги нашего сопротивления, кольца, из которых не выбраться.

Южнее брамы дерутся возле Мартыновки и Терновки, севернее — у Небиловки, Нерубайки, Оксанино, Каме-нечья.

Крупнее других узел сопротивления у Терновки, уже на левом берегу Синюхи...

Наши не сдаются. Ночью штыковым ударом небольшой группе бойцов удалось прорваться в степь.

Генерал С.Я. Огурцов на базе 21-го кавалерийского полка создал сводный конный отряд, который принял последний бой на поле подсолнухов».

9 августа

Генерал Ф. Гальдер впервые в своем дневнике не констатирует развитие событий в полосе группы армий «Юг», отметив только, что ее соединения продолжают преследование противника и ведут бои с советскими войсками в районе Богуслава.

В районе Умани немцы, несмотря на дождь, добивают остатки войск бывшей группы Понеделина, которые все еще упорно сопротивляются. Небольшие группы прорвавшихся из окружения советских бойцов и командиров уходят на восток и на юг.

Е.А. Долматовский пишет, что в этот день остатки советских войск вели бой «уже не за выход из окружения, а за то, чтобы подороже отдать свои жизни.

Ничего не должно достаться врагу: уничтожаются оставшиеся без снарядов орудия, автомашины с сухими баками и рваными скатами, всякая техника, до штабных пишущих машинок включительно.

Бензина — ни капли. Для того чтобы сжечь грузовик, его надо обложить со всех сторон соломой. Кажется, что горит просто стог.

Одна из групп пошла в атаку по свекличному полю в сторону Синюхи. На рубеже атаки застали только двух бойцов-казахов с пулеметом «максимом»...

Ураганный огонь противника.

Атакующие дрогнули, попятнулись...»

Об этом дне И.А. Хизенко в книге «Ожившие страницы» констатирует: «Днем нам стало ясно, что от наших частей остались только мелкие разрозненные группы. Гитлеровцы гонялись за ними.

Кто-то сообщил, что генерал (командир 80-й стрелковой дивизии. — В.Р.) ранен и захвачен в плен. Комиссару удалось дойти до Терновки, где, окопавшись в огородах, по-прежнему стойко сражались остатки дивизиона... Фашисты хотели побыстрее расправиться с непокорными советскими солдатами. Но ни пехота, ни артиллерия не могли сломить их сопротивление. Тогда оккупанты бросили против них танки... Комиссар был тяжело ранен в живот и через несколько часов скончался.

Ночью мы продолжали идти строго на юг. То и дело земля и небо освещались вражескими ракетами. Нас было семеро...»

Немногим чудом вырвавшимся из внутреннего кольца окружения советским бойцам и командирам предстояли новые испытания. За первым кольцом было второе, за вторым — третье. Между районами, контролируемые войсковыми частями, сновала полевая жандармерия, осуществляя их «зачистку». Но враг всеми силами стремился дальше на восток, поэтому плотных колец создавать было некогда да и незачем. Это позволяло не-

которым разрозненным группам из-под Умани дойти до Днепра, но переправиться через эту реку сумели очень немногие.

10 августа

Командование группы армий «Юг» из-за больших потерь и усталости войск, в том числе и в результате боев в районе Умани, отдало приказ о временной приостановке наступления на Киев и о переходе к обороне 6-й армии. Продолжаются тяжелые бои в районе Богуслава.

В районе Подвысокого фашисты все еще ведут бои с отдельными группами красноармейцев, закрепившихся в Зеленой бреме и засевших в рощах и оврагах. Бои внезапно вспыхивают то в одном, то в другом месте, и так же внезапно затихают. Но некоторые наиболее активные все еще рассчитывают на прорыв, и идут в бой, несмотря на ничтожный расчет на его успех.

«Тяжело у бойцов на душе. Обсуждаются детали прорыва, а подтверждается подозрение, что час атаки выдал врагу какой-то презренный перебежчик. Упредив на пять минут, противник накрыл огнем накопившуюся на рубеже пехоту», — пишет Е.А. Долматовский в книге «Зеленая брема». Это первый факт признания коммунистическим писателем случаев добровольной сдачи в плен советских бойцов. Советская цензура таких разговоров не жаловала...

К сожалению, история не терпит политических реверансов. Нужно констатировать тот факт, что к концу первой декады августа 1941 года случаи сдачи в плен советских бойцов и командиров, оказавшихся в ловушке в районе Умани, значительно участились. Люди, оторванные от своих частей, оставшиеся без руководства и боеприпасов, голодные, а зачастую и раненые, бросали оружие и в отчаянии поднимали вверх руки. Ежечасно отовсюду: с сел, зеленых дубрав, необрушенных полей и глубоких оврагов — медленно выходили одиночные

люди или небольшие группы и, уже не скрываясь, брели к проселочным дорогам, по которым двигались немецкие войска.

Уже привыкнув к подобной картине, фашисты, не прекращая движения колонн, равнодушно смотрели на этих несчастных, а нередко и откровенно глумились над ними. Решившие сдаться в плен, сами, как стадо животных, сбивались в группы у обочины дороги и угрюмо смотрели на победителей. Проходило немало времени прежде, чем к ним подходили жандармы или специально выделенные подразделения из состава полевых частей, которые сгоняли пленных в огромные колонны и начинали их конвоирование в намеченные временные лагеря.

По мере движения к колонне присоединялись все новые и новые группы отчаявшихся. Но были случаи, когда в колонну военнопленных фашисты заталкивали людей, захваченных с оружием в руках. В отличие от тех, кто уже покорился судьбе, эти еще были готовы продолжать сопротивление. Вокруг них стихийно формировались группы, которые при первой же возможности вырывались из печальной колонны и снова скрывались в зеленых украинских рощах и глубоких оврагах для того, чтобы продолжить борьбу.

11 августа

Генерал Ф. Гальдер пишет, что в этот день на отдельных участках фронта группы армий «Юг» все еще отмечают передвижения советских войск, которые переправляются через Нижний Буг. Но это уже войска Южного фронта, которые после уманской катастрофы пытаются хоть как-то стабилизировать обстановку отводом своих соединений за линию Днепра. Германское командование направляет высвободившиеся танковые соединения на Николаев и Херсон, стремясь прижать армии Южного фронта к побережью Черного моря для их последующего уничтожения в этом районе.

После разгрома войск группы Понеделина разрыв между Юго-Западным и Южным фронтами еще более увеличился, создалась реальная угроза форсирования врагом Днепра южнее Киева. В это время другая мощная танковая группировка противника уже прорвалась на восток севернее Киева. Действиями этих двух группировок создавалась угроза окружения всей киевской группировки советских войск.

Обеспокоенный этим главком юго-западного направления Маршал Советского Союза С.М. Буденный направил Б.М. Шапошникову телеграмму с просьбой разрешить отвести войска Южного фронта за реку Ингул. Тот доложил эту просьбу верховному.

И.В. Сталин не спешил с ответом. Он вызвал в Кремль Б.М. Шапошникова и А.М. Василевского.

— Что ответим на просьбу Буденного? — спросил Иосиф Виссарионович. — С одной стороны — угроза для Южного фронта очевидная. С другой — поспешный отход за Ингул позволит противнику захватить Одессу и Николаев.

— Я думаю, что Семен Михайлович несколько поддался паническим настроениям Тюленева, — уклончиво ответил Шапошников.

— А вы что думаете? — Сталин в упор посмотрел на Василевского.

Александр Михайлович к тому времени уже хорошо понял, что главное — уметь угадывать мысли Сталина. К тому же Шапошников также не выражал категорично другого мнения.

— Я считаю, товарищ Сталин, Одессу и Николаев мы должны сохранить за собой до последней возможности, — сказал Василевский. — Нужно определить Южно-му фронту промежуточный рубеж отхода.

В тот же день в штаб Южного фронта за подписью И.В. Сталина и Б.М. Шапошникова была направлена телеграмма следующего содержания: «С предложением Маршала Буденного о рубеже отвода войск Южного

фронта на линию реки Ингул Ставка никак не может согласиться. Ставка приказывает:

1. При отводе войск Южного фронта занять линию по восточному берегу Днестровского лимана до Беляевка, от Беляевка на Ротмистровка, Березовка, Вознесенск и далее на Кировоград и Чигирин.

2. Отвод производить в ночное время, этапами, прикрываясь сильными арьергардными боями, и закончить не позднее 10 августа.

3. Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот».

Далее в директиве разъяснялось, что указанную в ней линию отвода никак нельзя смешивать с оборонительной линией по западному берегу Днепра, о которой 4 августа И.В. Сталин говорил с М.П. Кирпоносом и Н.С. Хрущевым. Линия отвода должна проходить на 100—150 километров западнее оборонительной линии.

Перестрелки в районе Умани постепенно стихают. Специально выделенные команды, преимущественно из румын и венгров, планомерно прочесывают местность, выявляя последних скрывающихся там советских бойцов. Пленных очень мало. Фашисты, обнаружив одного или нескольких советских бойцов, как правило, расстреливают их из винтовок или забрасывают гранатами. Они хорошо понимают, что склонить этих людей к сдаче будет очень трудно, да и не стоит такая задача. Гитлеровское командование требует одного — любой ценой навести порядок на территории, уже ставшей для них тылом.

Также тяжелой была и судьба бойцов, оказавшихся в плену. В числе последних был и Евгений Долматовский. В своих воспоминаниях за этот день он пишет: «Захваченные в плен наши товарищи томятся в загонах, в колхозных конюшнях, на скотных дворах во многих окрестных селах. Постепенно свою добычу — раненых и обессиленных бойцов — конвойные команды сгоняют в Умань, в то страшное место, которое останется в истории под именем Уманской ямы.

Жители выходят на дороги, ставят кадучки с водой, оставляют на обочине хлебы, шматы сала и масла, вареный картофель, куски мяса в лопуховых листьях.

Конвойные опрокидывают кадучки, расшвыривают и топчут оставленную для пленных пищу. Беспорядочно стреляют, но все равно на дорогах толпы людей. Прослышав о том, что здесь произошло, сходятся и съезжаются на подводах жители отдаленных районов: ищут своих, надеясь хоть что-нибудь узнать об их судьбе».

12 августа

В полосе группы армий «Юг» передовые отряды 11-й немецкой армии «остановились перед Николаевым, подойдя к нему с запада, и полностью закрыли доступ к этому городу. В то же время с севера, «ломаю все наши замыслы и разрезая боевые порядки соединений и частей, к Николаеву устремились согласно отданному приказу отряды (группы) подвижных войск, в том числе и 16-я танковая дивизия, которые имеют задачу отсечь пути отхода войскам противника у Николаева, — пишет Ф. Гальдер, но, имея в виду сопротивление советских войск, в конце добавляет: — Нам лучше было бы обойтись без такого наступления».

Ранее намеченный Ставкой рубеж войска Южного фронта занять не смогли, и 12 августа Генеральный штаб РККА разрешил отход фронту на рубеж Кривой Рог, река Ингул, Бугский лиман.

На киевском направлении противник в период со 2 по 5 августа начал штурм укреплений на подступах к городу. 4 августа ему удалось прорвать передний край советских войск в районе Вита Почтовая и взорвать несколько расположенных там дотов. 5 августа вражеские войска еще продвинулись несколько в глубину советской обороны и блокировали несколько дотов. 6 августа фашистские войска вышли к западным окраинам Киева. 12 августа советские войска на киевском направлении перешли в

контрнаступление и к 15 числу смогли восстановить оборону по линии укрепленных районов.

12 августа А. Гитлер принял решение приостановить наступление на Киев. Среди высшего фашистского руководства к тому времени все чаще появлялась идея об окружении всей группировки Юго-Западного фронта концентрическими ударами с севера и с юга.

— Это будут вторые Канны, которые по своей грандиозности затмят первые! — заметил фюрер. — Всё, имевшее место раньше, — была проверка наших сил, Умань — генеральная репетиция. Киев будет премьерой германского военного искусства, которое должен будет признать весь мир.

В директиве, направленной Берлином в штаб группы армий «Юг» 12 августа 1941 года, говорилось: «В результате решающего сражения в районе Умани группа армий «Юг» добилась полного превосходства над противником и обеспечила свободу маневрирования для проведения дальнейших операций по ту сторону Днепра с рубежа Кременчуг, Черкассы...»

Так вырисовывались контуры крупнейшей операции на окружение времен Второй мировой войны.

Несмотря на то что в целом сопротивление советских войск в районе Умани к 12 августа было подавлено, непосредственно в Зеленой бреме продолжаются бои.

Е.А. Долматовский пишет: «Брама остается крепостью — без крепостных стен, башен и рвов. После нескольких безнадежных попыток войти в лес враги, видимо, предлагают взять ее осадой, заставить выползти и сдаться голодных и израненных людей. Но, как говорится, не на таких нарвался корпус егерей!

Непонятно, откуда брались у людей силы, но они вставали, вновь брались за оружие, с боем пробивались или погибали в бою».

Группа кавалеристов 21-го кавалерийского полка была оставлена генералом С.Я. Огурцовым в Зеленой

бране как заслон. Это уже заслон заслона, последняя наша позиция. Для этого заслона были выделены четыре последние пулемета и собраны последние патроны. При отражении атак противника вода в «максимах» закипала, и раскаленные стволы пытались остудить охалками росистого сена. Но можно ли было остудить росой пулеметы в бою?

13 августа

Пора подводить итоги боев в районе Умани. Утром в этот город вылетают начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер, начальник оперативного отдела генерал Хайзингер и прибывают начальник штаба группы армий «Юг» генерал Зоденштерн и начальники штабов 6, 11, 17-й армий и 1-й танковой группы. Высокое совещание собирается в здании Педагогического института, одна из аудиторий которого специально подготовлена для этого мероприятия.

Ф. Гальдер констатирует, что поставленные задачи войсками группы армий «Юг» в районе Умани полностью выполнены, и ставит перед войсками новые задачи. Однако при этом он отмечает, что «невозможно предопределить, каким образом можно разрешить киевскую проблему и как скоро удастся захватить Крым. По этому вопросу пока еще только поступают предложения. То же самое касается расчета времени для операции».

Тут же отдельным вопросом заслушивается доклад командира 49-го горноегерского корпуса генерала пехоты Клюблера о действиях его войск в районе Умани. Командир корпуса вынужден признаться, что все еще продолжаются последние бои в районе Зеленой браны, где сражаются последние бойцы и командиры войск 6-й и 12-й армий.

— Фюрер решил наступление на Киев с запада не возобновлять, — сообщает Гальдер. — Этот город предлагается после соответствующей подготовки полностью уничтожить зажигательными бомбами и огнем артилле-

рии. Нам нужны свободные силы для наступления на Москву и на Донбасс. После прорыва на этих направлениях оборона Киева для русских станет бессмысленной. А то, что сопротивление русских в районе Умани еще не подавлено полностью, не делает чести 49-му горноегерскому корпусу. Пора поставить окончательную точку в этом деле и браться за новое.

Возвращаясь на аэродром, Гальдер приказал ехать через парк «Софиевку». Когда машины, миновав тенистую главную аллею, вышли к Нижнему пруду, Гальдер приказал водителю остановиться и вышел из машины. За ним последовала большая группа генералов.

— Вы, Клюблер, правильно сделали, что отказались от огневого штурма Умани, — заметил начальник генерального штаба. — Такое чудо нужно было сохранить в интересах Германии. Теперь вам предстоит навести здесь должный порядок и позаботиться о том, чтобы он поддерживался надлежащим образом.

Пройдя пешком несколько сотен метров по парку, Гальдер снова сел в машину, которая быстро домчала его до аэродрома. В 16 часов самолет начальника генерального штаба сухопутных войск Германии вначале взял курс на Бердичев, а оттуда — прямо на Берлин.

Генерал Клюблер после отъезда Гальдера немедленно запросил о положении в районе Подвысокого. Ему ответили, что бои в районе Зеленой браны все еще продолжаются. Но командир 49-го горноегерского корпуса не стал докладывать об этом непосредственному начальнику, чтобы не огорчить его, а учинил очередной разнос подчиненным. В официальной сводке было указано, что сопротивление советских войск в районе Умани окончательно подавлено.

Е.А. Долматовский пишет: «Эта дата фигурирует в исторических исследованиях и мемуарах как завершение битвы у Подвысокого. Не имею намерения оспаривать дату, хочу только подтвердить, что две недели авгу-

ста остались **нашими**: продвинуться в Киев, захватить Днепропетровск и Запорожье пока врагу не удалось.

И все-таки Зеленая брама не покорилась. В глубине ее держались небольшие группы воинов разных частей, вооруженные трофейным оружием (свои патроны кончились).

Победители углубляться в лес боялись. Орала в мегафоны: «Идите к нам, будем вас кормить!» У крайней хаты Зеленобрамской улицы расставили реквизированные у жителей столы. Их даже застелили украденными скатертями, завалили всякой снедью, собранной у местных жителей.

Окруженные ели траву, слизывали росу с листьев...»

14 августа

Для высшего командования сухопутных войск Германии и группы армий «Юг» события в районе Умани уже были законченной историей. Ф. Гальдер пишет, что в этот день войска 1-й танковой группы Клейста вышли на ближние подступы к Кривому Рогу, а войска, «ведущие бои по уничтожению противника у Канева и Ржищева, достигли некоторых успехов».

Вечером он делает запись о том, что 14-й моторизованный корпус занял Кривой Рог, 16-я танковая дивизия завершила окружение советских войск в районе Николаева и принято решение 16 августа начать наступление на Одессу.

Е.А. Долматовский отмечает, что 14 августа в районе Подвысокого появилось множество немецких грузовиков, в которые солдаты в мышинных мундирах собирали трупы своих солдат и офицеров. В районе Умани было развернуто несколько полевых госпиталей. Тяжелых раненых эшелонами направляли в Винницу, Львов, Ровно.

«Гора трупов» — казалось бы, чисто литературное выражение, превратившееся постепенно в штамп, — пишет он. — Но вокруг Зеленой брамы, на берегах Ятрани и

Синюхи действительно выросли если не горы, то холмы трупов. Они быстро начали разлагаться, солдаты специальных команд натягивали противогазы. В качестве дезинфицирующего средства употреблялся известковый раствор, поэтому в селах у жителей отбирали известь и преследовали за ее утайку...»

И в самом деле, местные жители свидетельствуют, что трупов вокруг Умани было много, но одеты они были не только в немецкую, но и в советскую форму. И вопрос — кого было больше?

Немецкие похоронные команды собирали только трупы своих солдат и офицеров, свозили их в села и торжественно хоронили на центральных площадях в персональных могилах. Над каждой могилой устанавливали крест, а на табличке писали имя павшего. Погибших офицеров нередко отправляли для похорон на родину. Штабные работники в специальной книге фиксировали дату гибели каждого и место его захоронения. Правда, после освобождения Украины советскими войсками немецкие кладбища были разрушены, и только старожилы знают о местах их расположения.

Для сбора трупов советских солдат и офицеров привлекались местные жители. С этой целью с окрестных сел ежедневно новоиспеченные старосты и полицаи выгоняли сотни женщин с грубыми домоткаными ряднами. Печальные цепи расходились по полям и оврагам, собирая в рядна павших. Тут же рылись большие братские могилы, в которые сбрасывались трупы. Павших никто не опознавал, количество захороненных в одной могиле трупов не считали, а над самой могилой не то что не ставили памятника, но нередко даже ровняли ее с землей. Полицаи и немцы зорко следили за тем, чтобы не только тела несчастных, но и всякая память о них исчезали навеки.

Но находились среди крестьянок женщины, которые к памяти относились по-другому. Они обыскивали тела погибших воинов и, найдя личные документы, прятали

1941. Победный парад Гитлера

их в укромном месте. Фиксировали для себя фамилии и места захоронений. Позже их воспоминания стали лучшим памятником для тех, кто нашел свой конец под Уманью в августе 1941 года.

После освобождения Украины многие братские могилы, расположенные в полях, были вскрыты, а останки советских воинов торжественно перезахоронены на центральных площадях окрестных сел и в самой Умани, над их могилами были возведены величественные памятники. После 1991 года новой власти Украины память о победе советского народа в Великой Отечественной войне стала неудобной. Братские могилы советских воинов заросли травой. Навечно погас в Умани «вечный» огонь у гранитного обелиска в центре города, а по его улицам гордо зашагали люди в форме украинских националистов, которые много лет назад вместе с гитлеровцами сражались против Красной Армии и служили в полиции. По приказу политиков в очередной раз переписывалась история многострадального братского народа.

ЭПИЛОГ

Неудачные действия войск юго-западного стратегического направления в июле и августе 1941 года стали причиной глубокого прорыва немецко-фашистских войск группы армий «Юг» на Украине на нескольких оперативно-важных направлениях. На первом этапе этой стратегической операции произошло окружение и разгром советских войск в районе Умани, на втором — крупнейшее в годы Великой Отечественной войны окружение и разгром войск Юго-Западного фронта в районе Киева.

Разгром большей части войск Юго-Западного фронта под Уманью полностью завершился к середине августа 1941 года. В рамках этой операции менее чем за два месяца врагу удалось нанести поражение соединениям 6, 26 (первого формирования), 12-й армий Западного фронта, а также соединениям Южного фронта и фронтовым резервам, брошенным в помощь отступающим армиям. Некоторые источники говорят, что в ходе этой операции было разгромлено более 30 советских дивизий, другие называют совсем другую цифру.

Не вызывает сомнения тот факт, что потери сторон в этой операции были большими.

Гитлеровское командование о своих потерях в полосе Юго-Западного фронта в период с 22 июня по 15 августа 1941 года не сообщало. Правда, Ф. Гальдер в Военном дневнике пишет, что за этот период с 22 июня по 25 августа 1941 года на советско-германском фронте было уби-

то более 80 тысяч, ранено около 275 тысяч и пропало без вести более 20 тысяч человек. Эти цифры вызывают сомнение. Так, по другим данным отмечается, что только 24-й егерский корпус в боях от Винницы до Подвысокого потерял 157 офицеров и 6861 солдата. Но в этом документе не указано число раненых и пропавших без вести. Не указываются потери и в других соединениях.

О потерях советских войск в районе Умани советские источники долгое время не писали вообще. Зато гитлеровская пропаганда раструбила на весь свет известие о победе в этом районе. По ее сводкам, там было взято в плен 103 тысячи человек, в том числе два командующих армиями, 317 танков, 858 орудий.

«Тут уж во многом приходится усомниться, — отмечает Е.А. Долматовский. — Точно соответствует действительности лишь то, что два наших командующих армиями попали в руки врага.

Достоверная ли цифра — 103 тысячи пленных?

Как участник тех событий, могу сказать, что в названном районе и всего-то вряд ли было 103 тысячи советских военнослужащих. Но мои сомнения могут, конечно, не приниматься в расчет».

Далее он ссылается на книгу немецкого писателя Оскара Мюнцеля «Танковая тактика», в которой автор утверждает, что под Уманью в плен было взято 80 тысяч советских солдат и офицеров. Также он говорит, что имеются немецкие источники, которые утверждают, что под Уманью было пленено 30 и 45 тысяч человек. На Нюрнбергском процессе прозвучала еще одна цифра — 74 тысячи человек. Затем Долматовский пишет, что на официальной немецкой фотографии, сделанной в Умани 14 августа, указано, что в районе этого города пленено 50 тысяч человек. Также Долматовский выражает сомнение по поводу количества захваченных под Уманью танков и орудий.

Несмотря на разноречивость цифр и источников, победа германских войск под Уманью была знаменательной для

германского командования. Об этом свидетельствует и тот факт, что после завершения операции вблизи Умани, у села Легезино, был расположен штаб группы армий «Юг».

18 августа в Умань вместе с итальянским диктатором Бенито Муссолини прилетел сам Адольф Гитлер. В месте расположения штаба Гитлер и Муссолини приняли парад итальянского корпуса.

Об этом параде Е.А. Долматовский пишет:

«Не парад готовился, а целый спектакль... Б. Муссолини и А. Гитлер ехали в одном автомобиле и вдруг — какая неожиданность — они встречают колонну дивизии «Торино», во всем блеске и могуществе направляющейся к Днепру... Надо ли говорить, что «неожиданная» встреча специально готовилась...

Сначала встречу подпортил дождь, потом величественным взорам дуче и фюрера представилась отнюдь не величественная картина: колонна реквизированных в Италии для войны грузовиков и автобусов шла зигзагами, колеса машин буксовали в грязи, римским легионерам приходилось спешиваться, толкать и вытаскивать колесницы.

Во многих воспоминаниях воспроизводится одна красочная деталь: автотранспорт был наскоро загримирован под военный, но грим смыло дождем, и на бортах обнаруживались крупными буквами выписанные имена торговых фирм, рекламные рисунки, отнюдь не военные эмблемы.

Муссолини досадовал, Гитлер без восторга наблюдал за унылым маршем своих сателлитов. Фюрер и дуче отбыли, не досмотрев спектакль до конца...»

Очень жаль, что размеры истинных потерь советских войск в сражении под Уманью до сих пор остаются неизвестными. Еще более жаль, что за сухими цифрами военной статистики остались неизвестными имена многих десятков, а то и сотен тысяч людей, погибших в этом районе в июле-августе 1941 года. Поэтому особую цен-

ность имеют памятники, установленные на местах братских могил, которые в последние годы неудержимо разрушаются.

По-разному сложилась судьба солдат, офицеров и генералов, сражавшихся под Уманью.

Командующий 6-й армией И.Н. Музыченко после пленения под Уманью содержался в тюрьме города Ровно, затем в лагерях для военнопленных, находившихся в городах Владимир-Волынский, Хамельбург, Гольштейн, Мосбург. Он был освобожден американскими войсками 29 апреля 1945 года, направлен в советскую миссию по делам репатриации в Париж. С мая по декабрь 1945 года проходил специальную проверку НКВД в Москве. В конце года был восстановлен на действительной службе в звании генерал-лейтенанта и направлен на учебу на Высшие академические курсы в высшую военную академию имени К.Е. Ворошилова. Но после окончания курсов к войскам его не допустили. Он был зачислен в распоряжение Главного управления кадров НКО, а в октябре 1947 года отправлен в отставку. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени. Умер 8 декабря 1970 года в Москве.

Командующий 12-й армией генерал П.Г. Понеделин также был взят в плен, но его судьба сложилась совсем по-другому — по решению Москвы он был назван главным виновником уманской катастрофы.

16 августа 1941 года был издан приказ СВГ № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия». В этом приказе в качестве негативного примера приводилось поведение генерала П.Г. Понеделина. Там было записано: «Генерал-лейтенант (генерал-майор. — *Р. В.*) Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу,

совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги».

Находясь в плену, П.Г. Понеделин содержался в лагерях для военнопленных Канельбург, Нюрнберг, Вейсенберг. В мае 1945 года он был освобожден союзниками и передан для репатриации вначале в Париж, а затем советской стороне. Находился в следственной тюрьме НКВД по обвинению в капитуляции войск 6-й и 12-й армий и предоставлении противнику сведений по этим армиям. Следствие велось пять лет. В августе 1950 года П.Г. Понеделин был осужден, лишен воинского звания, наград и расстрелян.

Реабилитирован в 1956 году, восстановлен в звании генерал-майора, с возвращением наград — орденов Ленина и двух орденов Красного Знамени.

Начальник штаба 6-й армии Н.П. Иванов и начальник штаба 12-й армии Б.И. Арушанян смогли вырваться из окружения. Дальнейшая судьба Н.П. Иванова неизвестна, а Б.А. Арушанян затем воевал, генерал-лейтенант. Правда, штабы обеих армий не смогли вырваться из окружения. Всего же по данным Южного фронта за период с 1 по 8 августа из окружения вышло 11 тысяч человек и 1015 автомашин с военным имуществом.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал Н.К. Кириллов также был пленен под Уманью в августе 1941 года. В апреле 1945 года он был освобожден из плена и с мая по декабрь этого года находился на так называемой государственной проверке. В декабре 1945 года он был арестован и находился в тюрьме до лета 1950 года. 25 августа 1950 года Н.К. Кириллов вместе со своим командармом П.Г. Понеделиным был приговорен к расстрелу и расстрелян. 29 февраля 1956 года приговор был отменен за отсутствием состава преступления.

Командир 173-й стрелковой дивизии генерал-майор С.В. Верзин 9 августа, после неудавшегося прорыва во главе группы бойцов, застрелился. Покончили с собой и некоторые другие командиры.

Командир 44-й горнострелковой дивизии генерал-майор Ткаченко Семен Акимович был пленен под Голованевском. Но вскоре после этого из лагеря, находившегося в Гайсине, он был отпущен домой, как украинец. Он устроился работать в местечке Узин. Но через некоторое время его кто-то опознал и выдал. Ткаченко был арестован фельджандармерией 6-й полевой армии. В последующем содержался в лагерях Хаммельбург, Пладен, Хознштейн, Заксенхаузен. С последнего пытался организовать побег. Был схвачен гестапо и расстрелян в апреле 1945 года.

Но это только отдельные люди. Другие десятки тысяч советских бойцов и командиров, взятых в плен в районе Подвысокого, оказались за колючей проволокой Уманской ямы, где их ждали муки, голод, жажда, унижение и смерть.

Уманская яма — территория бывшей птицефабрики и карьера кирпичного завода на юго-восточной окраине города. По периметру редкие немецкие часовые, млеющие на солнце. И бесконечный поток медленно бредущих туда советских военнопленных, многие из которых обозначены окровавленными бинтами.

К.И. Чернявский в книге «Всегда с бойцами» пишет: «Уманская яма была полуовальной формы. Беспощадно жгло солнце. Ни крова, ни пищи, ни воды. В западном углу карьера находилась небольшая лужа буро-зеленой с мазутом воды. К ней кинулись люди, они черпали эту грязь пилотками, ржавыми консервными банками и просто ладонями, жадно пили.

— Воды! Водички! — стонали те, кто не в силах был подняться.

И тут затрещали автоматы. Потом десятки человеческих тел всплыли на поверхности этой лужи».

Немцы кормили военнопленных очень скудно: один раз в день на территорию лагеря приезжало несколько полевых кухонь, привозивших жидкую похлебку. Раздача пищи каждый раз превращалась в настоящую драму. Ко-

телки и ложки были далеко не у всех, многие подставляли пилотки, с которых выливали прямо в рот дурно пахнущую жижу, называемую пищей.

Но и эту еду получить было непросто. За ней выстраивались огромные очереди, в которых раненым, больным и слабым зачастую не находилось места. В лагере уже через несколько дней всякие законы переставали действовать, и каждый выживал, как мог.

А всего в километре от этого страшного места, за небольшой речушкой, утопающие в зеленых садах глинобитные мазанки городского района «Мещанка». Война еще не коснулась этого района, и там продолжается своя жизнь: бабы готовят обед, босоногие ребятишки бегают по пыльным улочкам, горстями срывают с деревьев спелые вишни...

В то же время свидетели отмечают, что обыватели тихой окраины маленького украинского города Умани, уже изрядно напуганные войной, лишившиеся отцов, братьев и сыновей, мобилизованных в действующую армию, с глубоким участием относились к судьбе советских военнопленных, оказавшихся в Уманской яме. Ежедневно во многих домах для несчастных пленников варили пищу, затем десятки женщин в ведрах доставляли ее к лагерю.

Немцы равнодушно смотрели на сердобольных женщин с ведрами. Но их появление всякий раз вызывало волнения среди военнопленных, каждый из которых страстно желал получить лишний кусок, и стражникам это не нравилось. Поэтому комендант приказал соорудить длинный наклонный деревянный желоб, в который сливалось варево со всех ведер в течение определенного времени и к которому пленные допускались по очереди в строго назначенные часы. Пища в желобе перемешивалась и остывала, но получить ее всегда было много желающих.

Число захвата советских военнопленных в первые месяцы войны значительно превысило ожидания гитле-

Гитлер и Муссолини

ровского руководства. Место гибели 6-й и 12-й армий в районе Подвысокого, массы сгоревшей советской техники, пленные советские генералы — все это было свидетельством крупной одержанной победы. 28 августа 1941 года под Умань прилетел А. Гитлер, который привез туда Муссолини. Подробности этого приезда до конца не известны. Есть информация, что вожди Германии и Италии даже посетили Уманскую яму, где им представили нескольких пленных. Якобы после этого А. Гитлер приказал отпускать из плена жителей уже оккупированных немцами областей Украины и Белоруссии.

Сразу оговорюсь, что мне не удалось найти документальных подтверждений этому, но в Умани я нашел нескольких человек, которые хорошо помнили, как местные жители с разрешения часовых (иногда за небольшую взятку) выводили из Уманской ямы пленных солдат

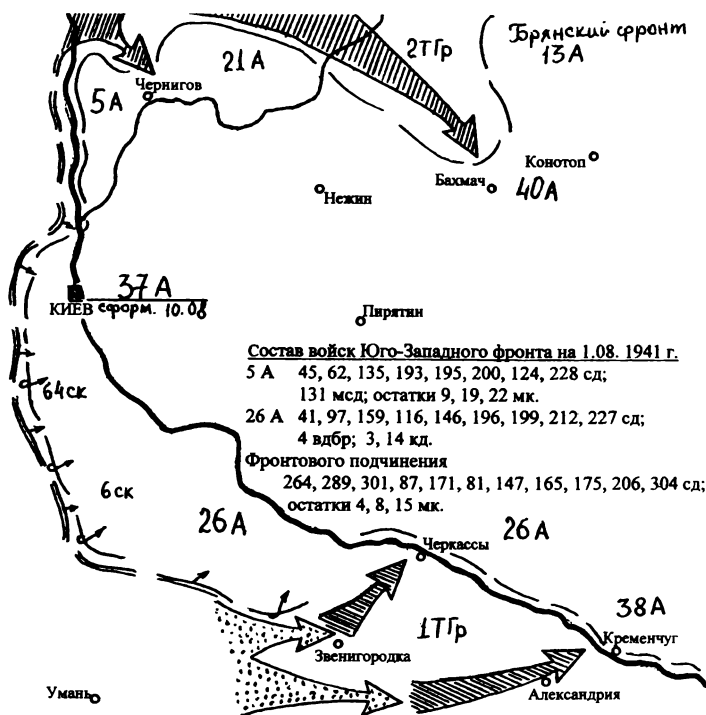
и офицеров. Многие из этих несчастных, несколько отъевшись и переодевшись, уходили на восток, некоторые оставались в городе или в окрестных селах.

Но с конца 1941 года отношение к советским военнопленным у немецкого командования стало совсем другим. Первые неудачи на фронте, рост партизанского движения в тылу заставили гитлеровцев отказаться от всякой игры в добропорядочность. К тому же стремительное наступление немецких войск на восток требовало постоянного перемещения авиации.

Благо, советское командование в западных районах страны еще до войны создало разветвленную сеть полевых аэродромов, которые в летнее время могли быть использованы и фашистской авиацией. Но приближалась осень, пора дождей. Нужны были аэродромы с твердым покрытием взлетно-посадочной полосы, а таких на территории Украины было очень мало. Один из них находился на северной окраине Умани, но емкость и качество его оставляло желать лучшего. Для реконструкции этого аэродрома гитлеровское командование решило использовать советских военнопленных, содержащихся в Уманской яме. Несчастные были направлены на тяжелые изнурительные работы, которые для многих из них стали последними.

Разгром советских войск в первой половине августа в районе Умани — одна из самых печальных страниц отечественной истории периода Великой Отечественной войны. Как войсковая операция (операция «Клеци») он был подготовлен и осуществлен германским командованием, и являлся предметом особой гордости главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала В. фон Браухича, начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера, командующего войсками группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала Г. Рунштедта, его начальника штаба генерала Зоденштерна, командующего 1-й танковой группой генерала Э. фон Клейста...

1941. Победный парад Гитлера

Поражение советских войск в районе Умани практически осталось «незамеченным» для лиц высшего командного состава РККА.

Начальник Генерального штаба РККА Г.К. Жуков за годы Великой Отечественной войны сделал блестящую карьеру, получил звание Маршала Советского Союза, был отмечен двумя орденами «Победа» и возглавил список выдающихся полководцев советского периода отечественной истории. Памятник ему установлен у Красной площади в Москве.

Командующий Юго-Западным направлением Маршал Советского Союза С.М. Буденный в начале Великой Отечественной войны был назначен членом Ставки

Верховного Главного Командования. После неудач под Уманью и киевской катастрофы он был назначен командующим Резервным фронтом, затем стал главнокомандующим войсками Северо-Кавказского направления и командующим войсками Северо-Кавказского фронта. На всех этих постах, по оценке Ставки ВГК, руководство войсками с его стороны осуществлял недостаточно профессионально. Поэтому в январе 1943 года Семену Михайловичу было поручено командование всей кавалерией Красной Армии. На этой почетной должности он и завершил Великую Отечественную войну.

После окончания войны военный талант С.М. Буденного долгое время оставался не востребуемым. С 1947-го по 1953 год он, официально оставаясь в рядах Вооруженных Сил СССР, одновременно являлся заместителем министра сельского хозяйства СССР по коневодству. После увольнения в отставку в 1954 году он был введен в состав Группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

В 1958 году Н.С. Хрущев по случаю 40-летия Красной Армии вручил С.М. Буденному первую Золотую звезду Героя Советского Союза, а через пять лет — вторую. В 1968 году Л.И. Брежнев, продолжая установившуюся традицию, по случаю 50-летия Красной Армии удостоил С.М. Буденного званием трижды Героя Советского Союза.

До конца жизни С.М. Буденный оставался знаменательной фигурой на вершине советской военной элиты. Он постоянно занимал почетные места в президиумах на мероприятиях самого высокого уровня, красовался во время парадов на Мавзолее В.И. Ленина, а в свободное время «писал» мемуары. Он скончался 26 октября 1973 года в Москве и был погребен у Кремлевской стены.

Начальник штаба Юго-Западного фронта М.А. Пуркаев также в последующем сделал хорошую карьеру. Он командовал фронтами, был удостоен звания генерала

армии, награжден многими высшими полководческими орденами. После окончания войны командовал войсками Дальневосточного военного округа, а затем был начальником штаба — первым заместителем главнокомандующего войсками всего Дальнего Востока.

Начальник оперативного отдела Юго-Западного фронта И.Х. Баграмян также сделал головокружительную карьеру, поднявшись за годы войны с полковника до генерала армии. После уманского и киевского разгромов он возглавил оперативное управление вновь сформированного Юго-Западного фронта, в 1942 году стал командующим армией, с 1943 года — командующим фронтом. Был удостоен звания Героя Советского Союза, многих высших полководческих орденов СССР.

В послевоенные годы Иван Христофорович командовал войсками Прибалтийского военного округа, был заместителем министра обороны СССР, начальником Военной академии Генерального штаба, начальником Тыла Вооруженных Сил СССР. В 1955 году ему было присвоено звание «Маршал Советского Союза», а в 1977 году вручена вторая Золотая звезда Героя Советского Союза. С 1946 года депутат Верховного Совета СССР. В послевоенные годы он издал семь книг мемуаров, написал ряда монографий и статей в военных журналах. Скончался И.Х. Баграмян 21 сентября 1982 года в Москве и с большим почетом был похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

В завершение этой книги хочется привести несколько воспоминаний непосредственных участников событий, которые по разным причинам не вошли в книгу Е.А. Долматовского «Зеленая брама».

Лукьянов Аполлинарий Лукьянович, лейтенант, командир разведки 1-го дивизиона 122-го легкого артиллерийского полка 44-й горнострелковой дивизии.

«Последнее сражение с немецкими войсками на реке Синюха, на ее левобережье, было самым тяжелым, про-

тивник наступал на нашу оборону одновременно с севера, востока и юга, сжимая нашу оборону в кольцо. Противник, имея превосходство во всем, к концу последнего дня боев нашу оборону разрушил, дальнейшее сопротивление было парализовано, в этих боях многие командиры и красноармейцы пали смертью храбрых.

С наступлением темноты, в овраге находился командир полка со своим штабом. Прибыл и я к ним с группой солдат около 10 человек. Было принято решение пробиваться по течению реки. В то время немцы прочесывали пехотой и танками наши бывшие боевые порядки, но посевы им частично мешали нас обнаружить, а нам служили маскировкой.

Я со своей группой двигался впереди, за нами штабная группа, двигались медленно, большее время ползком. С рассветом сделали остановку на большом поле с подсолнухами, впереди открывалось чистое поле — пар, — которое способствовало явным обнаружениям нас. Местность освещалась ракетами, день прошел благополучно, нас не обнаружили. Днем мы сделали некоторые наблюдения местности, по направлению нашего движения оказались овраг и деревня. В деревне были немцы с техникой.

В подсолнухах были еще орудия (пушки) недалеко от нашего места стоянки, но огня почему-то не вели, с утра было только два или три выстрела, по которым мы не смогли определить направление стрельбы, так как их не ожидали, а когда подготовились к этому, они перестали стрелять, мы хотели определить более точно направление движения.

С наступлением ночи явился в нашу группу штабной командир, в подсолнухах мы отдельно находились группами, и сказал, что штабная группа идет в направлении оврага первой, наша группа за ними, встреча в овраге. Обе группы до оврага дошли незамеченными. В овраге, к сожалению, встреча не состоялась. С нашей стороны

было предпринято всё по их поиску, но безрезультатно. Их план объединения мне был не известен.

Так как до того и в тот момент не было известно направление движения войск армии и дивизии в частности, решили двигаться на восток. После ночного марша, на котором всё время встречались следы боев, разбитая техника и трупы, — был сделан привал. Днем выяснилось, что мы прошли по территории, где ранее проходили бои других частей.

Было пройдено несколько сотен километров по Украине, занятой немцами, двигались только ночью. Последнее время я не имел топографической карты местности, и воспринимаю местность только глазомерно.

Мне писал однополчанин того времени — Ищенко Захар Павлович, что последний бой проходил на реке Ятрань. Но мне помнится, что это происходило на реке Синюха...

Помнится, у села был мост через реку. Ночью, когда мы двигались, — мост горел. Овраг был с деревьями твердых лиственных пород. Я не помню название села, но в памяти до сих пор сохранилось название «Песчаный Брод».

Из воспоминаний Бойко Виктора Иосифовича, командира взвода 12-го отдельного батальона связи 44-й горнострелковой дивизии.

«4 августа 1941 года мы заняли оборону в районе села Маслоброд, на левом берегу р. Синюхи, в тот день мы отбивали ожесточенные атаки врага, в моей роте осталось всего 5 солдат: два радиста, два шофера и я. Мы занимали оборону на правом фланге возле самой Синюхи. Берег был обрывистый, больше всего гранитный. Впереди был яр, в который прямо спускалась дорога. С обеих сторон дороги стояли беленькие домики, окруженные садами. В каждом дворе строений было три или четыре. Самый крайний, очевидно, был пасечником, потому что

тут были улья. Между этими строениями я замаскировал две машины, радиостанцию и машину с имуществом.

Под вечер бой разгорелся с большей силой, немцы подтянули свежие силы, особенно ожесточенный бой начался на левом фланге, там был какой-то лесок, в котором замаскировались наши обозы. Немецкие автоматчики стали проникать в яр, выше над яром показались минометчики, они установили свои минометы, чтобы своим огнем отрезать нас от Синюхи, я снял двух минометчиков. Среди немцев замешательство, они уже не ждали тут сопротивления. В это время ко мне прибежал кто-то из команды и приказал отходить за Синюху. Переправы через Синюху не было. Прежде чем отойти, я решил уничтожить машины и документы, которые находились на рации. Радистам я приказал отходить, а с шофером Дмитриевым облили машины бензином, кинули в них по гранате и подожгли.

Выйдя из-за строения, меня увидели немцы и стали стрелять из миномета, начали выть мины. Я упал в кукурузу. Мина разорвалась недалеко от меня. Мне опалило левый бок и оглушило, но я по-пластунски выбрался из кукурузы и по камышам спустился вниз к Синюхе. Синюха кипела от разрывов мин и непрерывных очередей пулеметов и автоматов. За Синюхой меня ждал радист Мас. Он помог мне выбраться из воды, и мы по ручью, что впадает в реку, стали пробираться в направлении Подвысокого.

Через какой-то час я услышал голос командира 44-й горнострелковой дивизии генерал-майора Ткаченко. Он собирал остатки дивизии и давал приказы на занятие обороны.

На рассвете 5 августа я был направлен с донесением в Подвысокое, там были штабы 6-й и 12-й армий. С утра началась бомбежка с воздуха, прыгнул в какой-то погреб, после окончания бомбежки пошел в расположение штаба 44-й горнострелковой дивизии, но снова началась бомбежка. Бомба разорвалась рядом с оградой из жер-

дей, меня придавило этими жердями, засыпало землей. Еле выбрался.

Когда пришел в расположение дивизии, начался бой. Я занял место на правом фланге. Людей было мало, немцы все время атаквали нас. Мы переходили в контратаку и отбивали немцев. Бой продолжался целый день. В этом бою многие погибли, среди них батальонный комиссар Ломовцев и батальонный комиссар Джеря. Под вечер бой стих.

Решили в ночь идти на прорыв. Нас четыре человека оставили прикрывать отход. Часов в 11 вечера и мы снялись с позиции и пошли в Подвысокое. Село затаилось. Было тихо, лишь в стороне расположения немцев слышны пулеметные и автоматные очереди да вспышки ракет. В каком-то дворе, когда проходили мимо, слышны стоны наших бойцов и командиров. Тут находился 96-й медсанбат, который не успели эвакуировать.

Дорога, по которой мы шли, вела в лес. Вдоль дороги стояли оставленные машины и подводы. Выйдя из леса, в каком-то селе, на окраине, наткнулись на немецкие танки, свернули вправо, в поле наткнулись на немецкий дозор и ярочком на рассвете вышли на окраину села. Тут мы натолкнулись на немецкую пушку, в коротком рукопашном бою уничтожили прислугу пушек. Из одной из них стали стрелять до флагу со свастикой, у немцев получилась заминка, а потом они поняли, что нас мало, и стали окружать. Завязался бой.

В это время к нам подъехала машина «газик», в кузове стоял пулемет «максим», мы сняли его и заняли оборону в каком-то саду. Мы увидели, что на одной из хат что-то зашевелилось на крыше, и из-под соломы показалось дуло немецкого пулемета. Наша очередь опередила немца, загорелась кровля на хате, через несколько минут пылала вся хата. В этом бою я был ранен, контужен и попал в плен. Это было село Перегоновка».

Из письма Лютова Николая Михайловича, ветерана 213-й мотострелковой дивизии.

«Как вы знаете, в «Зеленой броне» Долматовский (стр.101) утверждает, что «впереди идущих на прорыв был бригадный комиссар в кожаной тужурке. В руках он нес знамя». И, как пишет далее, это был бригадный комиссар Михаил Никифорович Пожидаев — комиссар 58-й, горнострелковой дивизии. При этом он ссылается на воспоминания Александра Верескова из Череповца.

Я участник этого прорыва с первой минуты его зарождения и до трагического конца и хорошо запомнил это утро 7 августа в районе села Копенковатое. И потому, что я был в первой цепи атакующих и недалеко от комиссара, имею право утверждать, что он не нес знамя и был в коричневом кожаном пальто.

И нельзя говорить, что этот человек был бригадным комиссаром по званию. Даже идущий локоть в локоть с ним знаменосец не мог видеть в петлицах знаков различия. И, кстати, данный эпизод достоверно описан в очерке «Стоит в селе памятник» В.К. Воронцового в газете «Красная Звезда» еще в середине шестидесятых годов.

И когда я в «Красной Звезде» от 17 июля 1979 года из очерка Долматовского «Они остались непобедимыми» узнал о нелепом утверждении Верескова о комиссаре, через Череповецкий горвоенкомат установил его адрес и тут же написал Верескову Александру Ивановичу.

Рассказав о себе, попросил Верескова подробно описать эту штыковую атаку по прорыву. Но он мне не ответил. Видимо, стыдно было за изложенную в статье неправду, а точнее, за вранье — другого слова не подберу.

На мое несогласие с утверждением А.И. Верескова Е.А. Долматовский в письме от 18.04.80 года ответил: «Не о цвете кожаного пальто, а о более серьезных вещах идет речь. Мой товарищ, давайте не будем себя считать единственно правыми. Вы и Вересков, в общем-то, видели один подвиг...»

Да, подвиг один. Только кое-кто из участников по каким-то причинам, исказив его, приписывает этот под-

виг совсем другому человеку. И мне понятно, почему Долматовский поверил Верескову.

Видимо, потому, что А.И. Вересков вышел из окружения и его версия в то застойное время для Е.А. Долматовского стала более эффективной, чем правда бывшего военнопленного. В этом весь секрет.

Мы не знаем, но быть может, что комиссар Пожидаев до того, как появился в «Зеленой бреме», считался без вести пропавшим. Кто подтвердит, что впереди атакующих со знаменем в руках шел бригадный комиссар? А может, это был полковой комиссар? Но только утверждаю, как очевидец, что тот комиссар, который запомнился мне, был среднего роста, худощавый брюнет и, как показалось мне, еврей по национальности».

Из воспоминаний Колисниченко.

«Со статьей Арушаняна я знаком, в ней он пишет, что большинство воинов 12-й и 6-й армий вышли из окружения, это не совсем так. А Уманскую яму кто заполнил? Он просто в своей статье старается сгладить события, чтобы хоть как-то оправдать свою деятельность начальника штаба армии. В той же статье он пишет, что в одной из групп участвовал он в прорыве линии фронта, это тоже подлежит сомнению.

Когда мы находились в складе с зерном подсолнечника, готовились на прорыв линии фронта, кто-то из командиров задал вопрос Груленко или Аверину, каковы планы штаба. Ответ поступил о том, что судьба штабных документов решена прошлой ночью. Ночью прилетело два самолета, в которые погрузили штабные документы, и ввиду того, что Понеделин отказался лететь, заявив, что командующий должен свою судьбу разделить с судьбой своей армии, сопровождать документы в самолет посадили Арушаняна. И это похоже на правду.

В 1945 году, возвращаясь из Сухуми на корабле «Украина», я встретился с бывшим начальником топографического отдела штаба 12-й армии капитаном Блиннико-

вым, который рассказал мне, как он вывел из окружения большую группу штабных работников и рядового состава, и тоже подтвердил версию о вылете Арушаняна на самолете. Но, собственно говоря, это теперь никакого значения не имеет.

Хочется вспомнить еще об одном замечательном человеке — полковом комиссаре, начальнике политотдела 58-й горнострелковой дивизии, Кравченко. Он был в возрасте, но как сложилась его судьба, я так и не знаю. В группе Груленко его не было. Надо полагать, он погиб вместе с Пожидаевым.

Вспоминаю разговор со старшим политруком, секретарем парткомиссии политотдела Шевцовым. Где-то нам посчастливилось разжиться куском брынзы килограмма в полтора и ведром чая из походной кухни. После своеобразного ужина, от которого ни чая, ни брынзы не осталось, он мечтательно говорил мне:

— Ты понимаешь, какая жизнь будет после войны? Нет, ты просто представить себе не можешь.

В голосе его чувствовалось, как хотелось ему жить, видеть жизнь после войны, но едва ли он ее увидел.

Командир дивизии генерал-майор Прошкин, кроме всех строевых и боевых качеств, был беспредельно предан Родине. В отличие от большинства генералов армии, сдавшихся в плен, он погиб на поле боя как герой...

...До последней капли крови, до последнего дыхания, сражались, уничтожая врага в рукопашном бою, и умирали в Тишковском сражении политработники политуправления 12-й армии и комиссары ее частей и соединений.

Распоряжение выходить из окружения группами и по одному, это было самое пагубное распоряжение в той обстановке. Оно означало — спасайся кто как может. Оно привело к тому, что рядовой и младший комсостав моментально вышли из подчинения старших военачальников. В таких условиях и создавалась для прорыва кольца группа комиссаров под руководством членов военного

совета 12-й армии бригадных комиссаров Груленко и Любавина.

Имеется еще одно предположение о том, что генерал Арушанян, посылая письмо Подвысоцким следопытам, в связи со своим вылетом не знал о формировании комиссарского отряда, почему же об этом знал генерал Кириллов? Он показал мне правой рукой, в которой держал блестящий дамский пистолет, — вам туда, — там собираются комиссары. Следовательно, если бы Арушанян не вылетел из окружения в ночь с 3 на 4 августа, как об этом сообщил нам Груленко, он бы тоже знал о формировании комиссарского отряда перед вечером 4 августа».

Мищенко Василий Михайлович, командир хозяйственного взвода, лейтенант.

«...В городе Умани стояли два-три дня на окраине города. Запомнилось мне, поблизости были аптека и магазин, сильный пожар — горела нефтебаза.

Под Уманью, вернее за Уманью, мы были окружены и пробивались на Первомайск. Далеко уже уехали от Умани. На опушке леса было сосредоточено много легковых, грузовых, специальных машин с крытыми кузовами — все машины штабные. Была поставлена задача проскочить как можно быстрее участок, где еще не было немцев, не замкнулось кольцо окружения. Но этого нам сделать не удалось. Впереди колонны слышались выстрелы, разрывы снарядов. Колонна остановилась. Впереди колонны появились немецкие танкетки. Колонна с дороги развернулась по сторонам. Мы свернули налево в низину, проехали ручей, был мостик. На пригорке замаскировали машины. Была дана команда: «Все в оборону! Шоферам оставаться у своих машин и не отходить от них ни на шаг». Так штабы оказались на передовой, перед немцами, а полки и дивизии отстали, сдерживая основные силы врага, наступавшего с другого направления...

Вечером командир Павленко вернулся из штаба и доложил нам, что перед утром пойдем на прорыв из окружения. Начался прорыв. Машины пошли к речке. Переправы не было. Шофера, после неудачной попытки переправиться на другую сторону речки, начали взрывать и жечь свои машины. Это же сделал и я со своей машиной.

Наш берег речки был пологий, а противоположный — крутой. Переплыв на ту сторону, мы группами попытались прорваться. Впереди нас было хлебное поле, на котором с нескольких высот немцы нас расстреливали из пулеметов. Мы предприняли несколько попыток прорыва, но все они оказались безрезультатными, очень многие погибли.

Тогда решили собраться с большими силами. С криком «Ура! За Родину! За Сталина!» мы в рукопашном бою разбили немцев. Наша группа вышла на дорогу, по которой шли наши машины. Мне удалось заскочить в кузов одной из машин. Колонна была с войсками, а впереди нее виднелся один танк.

Вдруг нас обстреляли с той стороны дороги, где виднелись снопы пшеницы, в каждом из которых пряталось по два-три немца. Мы их всех уничтожили. Затем проехали через село, оставленное немцами, в огородах дворов оставались дымящиеся костры. Подъехали к реке Синюха, где было большое скопление войск. Царила полная неразбериха, все спешили переправиться на другой берег реки. Справа от переправы с группой офицеров стоял генерал, который пытался руководить переправой.

Наша колонна переправиться не успела и была разбита ударом противника из леса.

Раненым и контуженным я попал в плен. В числе первых оказался в Уманской яме. Сверху я хорошо видел эту яму еще пустой. Видел там лужи с водой, но особенно запомнились мне две лошади, которые были привязаны к столбам. От этих лошадей через пять минут ничего

не осталось. Со вторым или третьим этапом я вышел с Уманской ямы, и нас погнали в Германию...»

Дрожжин Михаил Георгиевич, шофер особой роты связи 37-го стрелкового корпуса.

«В ночь на 7 августа 1941 года, когда последние отряды войск 6-й армии пробивались из окружения большими и малыми группами, уходили из сел Копенковатое, Подвысокое и лесного массива «Зеленая брама», одну из групп численностью до 80 человек возглавил уполномоченный при 218-м стрелковом полку Особого отдела 80-й стрелковой дивизии старший лейтенант Савченко Яков Елисеевич.

Группа Савченко встретила яростное сопротивление немцев и была вынуждена занять круговую оборону. Весь следующий день 7 августа она отбивала атаки противника. Затем, выяснив, что немцы боятся ночных атак, Савченко повел свою группу на прорыв. Но силы были неравными. Отважные воины были встречены морем автоматного огня, затем враг бросился добивать раненых штыками. Старший лейтенант Савченко пал от множества колотых ран.

О последнем бое группы старшего лейтенанта Савченко рассказал его матери в конце 1944 года непосредственный его участник Антоненко, который, будучи раненым, уцелел под грудой тел товарищей, а затем был спасен колхозниками».

О факте гибели командира 80-й стрелковой дивизии генерал-майора В.И. Прохорова поведал В.С. Новиков, командир роты 80-й стрелковой дивизии.

«18 июня дивизию, которая дислоцировалась в Прокурове (Хмельницком), передвинули ближе на запад в район Яворов, Немиров. Отходя на восток, эта дивизия, частично сохраняя свою боеспособность, дошла до Подвысокого. Ее войска были включены в состав группиров-

ки, которая должна была 7 августа прорвать кольцо вражеского окружения. Во время боя в районе реки Синюха танк, в котором находился В.И. Прохоров, был подбит. Он выскочил из боевой машины и, отстреливаясь, побежал по полю. Но через несколько шагов был ранен и оказался в плену.

Но бойцы и командиры 80-й стрелковой дивизии решили освободить своего командира. Ночью, в дождь, группа бойцов пристроилась к колонне военнопленных и проникла в лагерь. Целью операции было вынести командира дивизии и начальника штаба дивизии полковника Гмырю. Но генерала в лагере не оказалось, а полковник находился в таком тяжелом состоянии, что транспортировать его оказалось невозможно. Тогда, проделав брешь в ограждении, отряд вырвался из лагеря, а вместе с ним его пределы покинули сотни бойцов и командиров. Позже на базе этой группы был создан партизанский отряд.

В 1943 году к отряду пристал некий Фомин, который бежал с лагеря Флоссенбург, в котором находился генерал В.И. Проскуров. Он рассказал, что немцы долго старались склонить Василия Ивановича на свою сторону, но тщетно. Сильно избитого генерала фашисты оставили лежать на мостовой лагеря. Ночью несколько смельчаков унесли генерала в барак, а на его место положили тело другого умершего пленного. Несколько дней фашисты искали Прохорова, но его прятали товарищи. Тем не менее так долго продолжаться в условиях лагеря не могло, и вскоре генерал был обнаружен, подвергнут жестоким избиениям и пыткам. Он умер в лагере осенью 1943 года».

Пароденко Владимир Сергеевич, подполковник, начальник штаба 10-й танковой дивизии, затем — начальник штаба группы войск генерала С.Я. Огурцова.

«3 августа 1941 года, во время боев юго-западнее Новоархангельска, в распоряжение группы Фотченкова

поступил дивизион 76-мм пушек из 80-й стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Репина. Полковник Фотченков лично поставил задачу командиру дивизиона переправиться через Синюху южнее села Левковка и перекрыть дорогу, ведущую из Новоархангельска на Терновку. Но эта задача одной артиллерии без пехотного прикрытия была не под силу. В результате дивизион вышел к дороге, увидел колонну танков и мотопехоты немцев,двигающихся на юг, и не решился открыть огонь. Дождавшись, когда фашисты пройдут, советские артиллеристы привели в негодность свои орудия (вынули из орудий замки), оставили орудия и начали в пешем порядке уходить на восток, избегая встречи с противником. Уже после войны полковник Репин хвастал, что смог вывести своих подчиненных из окружения, однако он не говорил о том, что своим поступком в дивизионе способствовал окружению остальной группировки».

Томчук Никита Федорович, лейтенант, командир командантского взвода штаба 16-го механизированного корпуса.

«С Копеньковатого ночью пошли на прорыв. Всю ночь двигались на юго-запад. Утром вброд перешли через Синюху на крутом повороте. Полем двигались красноармейцы, впереди шли танки.

Противник, видимо, ждал нашего прорыва на данном направлении. Вскоре на нас обрушился ливень пулеметного огня из засады. Мы начали отходить в обратном направлении. Около железнодорожного полотна узкоколейки меня легко ранило, но из-за этого я отстал от основной группы товарищей. Утром появились немецкие солдаты, которые прочесывали местность, и вскоре я попал в плен.

Начался сильный дождь. Фашисты загнали нас в какой-то недостроенный дом. Вначале нас привели в Головановск, где соединили с другими группами пленных. Уже в составе большой колонны перегнали в Умань.

Сначала нас разместили в каком-то птичнике, затем перенесли в большой глиняный карьер, который впоследствии получил название «Уманская яма».

Условия содержания пленных в этом месте были ужасными. Не было еды, практически не хватало для питья воды, мы были лишены всякой медицинской помощи. Уже к вечеру первого дня пребывания в яме начали умирать тяжело раненные товарищи.

В то же время охрана лагеря была слабой, а в самом лагере вскоре появились люди, которые начали агитировать за сотрудничество с фашистами. Очень часто у лагеря появлялись местные жители, которые нередко за продукты выкупали пленных родственников, знакомых и просто приглянувшихся им пленных.

Мне надеяться на такое чудо не приходилось. Решили с товарищем действовать самим. Через десять дней нас вывел с ямы переводчик за часы.

После освобождения из лагеря я жил на оккупированной территории в селе Комарово. Работал конюхом, выполнял другие хозяйственные работы.

После освобождения села Красной Армией весной 1944 года был вновь мобилизован. Служил в 3-й танковой армии. После победы вернулся в Комарово».

Из воспоминаний Савина Александра Григорьевича — артиллериста-разведчика бронепоезда 77-го полка 10-й дивизии войск НКВД о боях в составе 58-й горнострелковой дивизии.

«Трудным был путь из окружения под Гусятиным. Километрах в 25—30 от Умани, на полевой дороге мы обнаружили брошенную автомашину с зенитным пулеметом. Я ее обследовал, покопался, и она завелась. Всей группой ехали на ней до Умани. Остановились около воинской части, — оказался особый отдел 58-й стрелковой дивизии. Всю группу направили в роту. Я попал минометчиком ротного миномета, с ходу вступили в бой в

составе 58-й стрелковой дивизии. Я не знаю, какой это полк, батальон или рота. Вели тяжелые бои.

Вскоре меня вызвали в Особый отдел 58-й стрелковой дивизии. Я немного был удивлен, зачем им понадобился. Оказывается, я был включен в группу сопровождения документов Особого отдела и штаба 58-й стрелковой дивизии. Нужно было иметь, на всякий случай, шофера дублера. Так я оказался в этой группе.

Так начался наш долгий и трудный путь из окружения, в которое попали 6-я и 12-я армии. Через какие населенные пункты проезжали, сказать не могу. лейтенант определял нам путь, соблюдая предосторожность. Добрались до Кировограда. Местные жители сказали, — на окраине города немцы. Доехали до узловой станции Пятихатки, остановились на окраине поселка. Ночью немцы подвергли жестокой бомбардировке, все горело. Рано утром вошли немцы. Доехали до Днепра, но переправиться нам удалось только в Запорожье. Прибыли в район Такмака за Днепром, поступили в распоряжение Особого отдела 18-й армии. Меня оставили продолжать службу при Особом отделе 18-й армии, шофером.

Вот так закончился мой первый период, самый трудный этап моей жизни. Это был трагический и в то же время героический период».

Из воспоминаний старожилы города Умани Брыжко Григория Корнеевича, 1926 года рождения.

«Наша семья проживала в Умани на ее юго-восточной окраине. Прямо за нашими домами находился кирпичный завод, а далее карьеры, где добывали глину для производства кирпича. Именно с этой стороны в последние дни июля 1941 года к городу подходил противник.

Боев за Умань не было. Советские войска начали оставлять город уже 28 и 29 июля. Поэтому до появления немецких частей в течение трех дней в городе было полное безвластие. Только изредка появлялись машины

с советскими солдатами, которые на большой скорости проносились по притихшему пустынному городу и уходили на юго-восток. Охранялись только городская тюрьма, здание райкома партии и район железнодорожного вокзала. Но там работали специальные команды, которые работали на уничтожение всего самого ценного, в том числе и следов своей разрушительной «работы».

В эти дни пустующие воинские казармы, магазины города и другие склады подвергались разграблению населением. Местные жители тащили все, что имело хоть какую-то ценность. Более оборотистые мужики и бабы тут же бросились на мельницу и растащили мешками муку, с маслобойни забрали уцелевшее растительное масло, со швейной фабрики — отрезки ткани и готовые изделия. Брали в первую очередь то, что было необходимо для жизни. Но затем в городе появились крестьяне из окрестных сел с телегами и мешками. Разграбление приобрело окончательно стихийный характер. С местной детской музыкальной школы были вынесены инструменты, с библиотек — книги.

Немцы также особой активности не проявляли. 30 и 31 июля их авиация сбросила на город несколько бомб, но практически все они упали в огороды, поэтому больших разрушений не было. Зато в небе над городом часто появлялись их самолеты-разведчики, которые внимательно отслеживали все происходившее в Умани и ее окрестностях.

1 августа в полдень со стороны села Гордецкого по Умани было произведено несколько артиллерийских выстрелов. Один из снарядов попал в здание военторга, другой — в водонапорную башню. Вскоре в город с западной окраины без единого выстрела начала входить немецкая пехота, появились мотоциклисты. Сопrotивление им никто не оказывал.

Мы, подростки, прячась в садах, с опаской издали наблюдали за немцами, которые шли открыто, без всякой для себя опаски. По всему было видно, что обстанов-

ку они знали хорошо и, возможно, даже готовили свое вступление в Умань. В тот день улицы города были абсолютно пустыми, но в центре фашистов встретила группа людей с хлебом-солью.

С первых же дней оккупации в Умани, где до войны проживало очень много евреев, фашисты установили жесткий режим. Те из евреев, кто надеялся увидеть в немцах понимание из-за схожести языка и называли их культурной нацией, жестоко ошиблись. Мне довелось быть свидетелем того, как колонны евреев следовали под конвоем в Сухой яр, где их расстреливали. Там были уничтожены более десяти тысяч евреев.

От нееврейской части населения немцы требовали абсолютного повиновения и работы. Понятно, что о людях фашистская власть никак не заботилась. Но созданные ими местные власти вскоре сделали все, чтобы хоть как-то наладить жизнь города. Первым заработал местный рынок, затем открылось множество мелких кустарных мастерских. Люди спешили убрать урожай со своих садов и огородов...

Советских бойцов, плененных в районе Подвысокого, под конвоем привели и загнали в глиняный карьер, который находился менее, чем в километре от нашего дома. В первое время охрана этого лагеря была очень слабой, а немцы имели приказ отпускать военнопленных из числа украинцев с тем, чтобы не заниматься их кормежкой. Эту заботу взяли на себя местные жители. Ежедневно десятки женщин, в том числе и моя мама, варили в огромных чанах картофель, свеклу и ведрами относили их в лагерь. Позже в ход пошли другие овощи...

Караульные из числа немцев и неизвестно откуда появившихся украинских полицаев быстро поняли свою выгоду от такого положения и начали брать за отпуск пленных взятки — домашнюю птицу, сало, самогон. Помню, за какого-то советского раненого офицера мой отец отдал последнюю ценность — старинные карманные часы. Большую помощь уманчанам в деле кормления и

освобождения пленных оказывали крестьяне из окрестных деревень. Общая беда сплотила народ.

Но понятно, что так долго продолжаться не могло. Освобожденного из плена нужно было переодеть и как-то разместить хотя бы на время. Запасы одежды и продуктов очень скоро кончились, а пополнить их мы не имели возможности. К тому же к осени и немцы, из-за возросшего сопротивления советских войск и развертывания в их тылу партизанского движения, ужесточили режим содержания военнопленных.

Тем не менее мы продолжали оказывать посильную помощь военнопленным, находившимся в Уманской яме. Помню, двоюродный брат одного из моих товарищей был мобилизован возить лошадьми в этот лагерь в бочках воду. Было решено использовать данный шанс. Мы передали через водовоза в лагерь записку, а затем организовали вывоз из него в порожних бочках нескольких человек. Позже отец мне сказал, что один из спасенных был майором, а после войны приезжал в Умань чтобы лично поблагодарить своих спасителей.

К осени 1941 года, после падения Киева, Умань оказалась в глубоком немецком тылу. Немцы решили оборудовать здесь аэродром с твердым покрытием взлетно-посадочной полосы. Для выполнения этих работ были привлечены военнопленные и местное население. Лично я возил вагонетками щебень из местного каменного карьера.

Среди военнопленных, работавших на строительстве аэродрома, вскоре сложилась подпольная боевая группа. Видимо, готовился организованный массовый побег. Деталей, конечно, я не знаю. Но однажды знакомые люди, работавшие в карьере, положили в нашу тележку тяжелый сверток, присыпали его щебнем и приказали отвезти на аэродром. Там нас встретили люди из числа военнопленных и забрали сверток. Думаю, в нем было оружие. Несколько раз мне доводилось передавать на волю записки.

Не знаю по какой причине, но восстание в лагере военнопленных не удалось. Думаю, нашлись предатели или хорошо сработала фашистская служба безопасности. С наступлением зимы в лагере началась повальная смертность, но вместо умерших пригоняли новых, захваченных во время окружения советских войск под Киевом.

Позже, с целью избежать отправки на принудительные работы в Германию, я устроился работать кочегаром на электростанции, которая обслуживала аэродром. Электриком там работал мужчина, которого в конце августа 1941 года местным жителям удалось вывести с Уманской ямы. Я не помню его имени, но он часто рассказывал нам о танках, и чувствовалось, что хорошо разобрался в технике.

Весной 1944 года, когда немцы потерпели поражение под Корсунь-Шевченковым, электрик досрочно отослал нас, кочегаров, домой. В эту ночь электростанция взлетела на воздух, погасли огни на взлетно-посадочной полосе и потерпели аварию два самолета. Задержать виновника этой диверсии фашисты не смогли и решили арестовать кочегаров. Мне с товарищем чудом удалось избежать жестокой расправы. Но это отдельная история.

С приходом советских войск я был мобилизован в Красную Армию и находился в ее рядах до 1950 года, мне довелось даже стоять в оцеплении на Красной площади во время знаменитого Парада Победы.

В советское время память о Великой Отечественной войне на Украине хранилась бережно и приумножалась постоянно. В Умани было оборудовано воинское кладбище, над братской могилой в центре города был возведен величественный обелиск и зажжен вечный огонь, был установлен памятник на месте Уманской ямы. В городе была увековечена память наших земляков генералов армии И.Д. Черняховского и А.И. Радзиевского, других героев Великой Отечественной войны. Ветераны войны постоянно приглашались в школы и на другие массовые

мероприятия. Во многих школах были созданы мемориальные музеи.

После 1991 года интерес украинских властей к истории Великой Отечественной войны заметно ослаб. Заросли травой братские могилы советских воинов, погас «вечный» огонь в центре города. Но по-прежнему жива память в сердцах немногих оставшихся в живых ветеранов той великой войны и людей, равнодушных к истории и судьбе своего края. Отрадно, что среди этих патриотов немало и молодых людей. Именно это обстоятельство внушает мне веру, что кровь и муки тех тысяч советских воинов, бойцов и командиров, которые сражались под Уманью летом 1941 года, были принесены не зря».

Наконечный Иван Федорович, 1928 года рождения, до конца 40-х годов житель села Берестовец Уманского района.

«Наше село расположено в 15 километрах севернее Умани. В конце июля 1941 года фашисты пытались подойти к городу и с этого направления, а советские войска неоднократно контратаковали противника, стремясь пробить брешь и выйти из окружения в направлении на Киев.

Наша семья жила на северо-восточной окраине села, на хуторе «Пятихатки». За хутором располагалось кукурузное поле, а далее начиналось большое поле уже соседнего колхоза (село Ивановка), засаженное сахарной свеклой. Еще далее проходила узкоколейная железнодорожная ветка, которая, видимо, представляла собой некоторый тактический интерес для обеих сторон. На свекличном поле фашисты подготовили к обороне несколько курганов, организовав там пулеметные огневые точки. Но советское командование, видимо, не знало об этом.

Одна из контратак советских войск в северном направлении мне особенно запомнилась. Для ее проведе-

ния с ночи в районе нашего села был сосредоточен большой отряд красноармейцев, вооруженных винтовками. Я видел несколько ручных пулеметов, более тяжелого вооружения не было. Контратакующие были разбиты на несколько отрядов, во главе каждого стоял офицер, а общее руководство всеми силами осуществлял генерал с двумя звездочками на петлицах.

Атака началась ранним утром. Советские войска бесшумно преодолели кукурузное поле и вышли на поле, засаженное свеклой. Фашисты некоторое время тоже не стреляли, но когда атакующие полностью раскрыли себя, их встретил плотный шквал перекрестного пулеметного огня.

Несмотря на упорное сопротивление противника, атака продолжалась, и к вечеру советские войска продвинулись на несколько километров на север и достигли насыпи железной дороги, на которой закрепились.

Когда бой стих, любопытные мальчишки пошли посмотреть на курганы. На каждом из них была оборудована пулеметная позиция. На каждой позиции лежали трупы двух-трех немецких солдат, горы стреляных гильз и по несколько сменных пулеметных стволов. А на свекловичном поле и в кукурузе — десятки трупов советских солдат. Утром мобилизованные крестьяне их свезли в село и похоронили в одной большой братской могиле. Запомнилось, что все погибшие были раздеты до нательного белья и без обуви...

Контратака, стоившая стольких жертв, больших результатов не дала. На следующий день немцы подтянули свежие силы, мотопехоту и танки и отбросили советские части почти на десяток километров на юг. Советские солдаты со своими винтовками были бессильными противостоять бронетранспортерам и танкам.

В село и на хутор боевые части фашистов не заходили, обойдя их стороной. Но к вечеру там появились солдаты полевой жандармерии с железными бляхами на груди. Крестьяне прятались от них в домах и в погребках.

Жандармов крестьяне не интересовали, они искали раненых и прячущихся красноармейцев. Таких оказалось не так уж и мало. Но, к нашему удивлению, в плен начали сдаваться и совершенно здоровые люди. Всех пленных собрали в овраге на окраине села, продержали там более суток, а вечером под конвоем погнали в Умань.

После разгрома контратакующие советские части уходили на Умань. Среди крестьян шли разговоры о том, будут ли они оборонять этот город? Почему-то верилось, что будут. Особенно переживали те, у кого в уманской тюрьме находились родные и близкие. Боялись, что в случае оставления города все они будут уничтожены. Так оно и случилось на самом деле.

В целом же бои в районе Умани мне запомнились мужеством советских воинов, упорным стремлением их вырваться из вражеского окружения и монотонным жестоким противодействием фашистов, которые на то время имели превосходство в танках, артиллерии, авиации. Наверное, это превосходство и решило судьбу сражения».

ПРИЛОЖЕНИЯ

1914

Приложение 1

ИЗ ЗАПИСЕЙ, СДЕЛАННЫХ НАЧАЛЬНИКОМ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ВЕРМАХТА Ф. ГАЛЬДЕРОМ НА СОВЕЩАНИИ У ГИТЛЕРА В БЕРГХОФЕ 31 ИЮЛЯ 1940 ГОДА

«...если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан тогда станет Германия.

Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено весной 41-го. Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьем это государство одним ударом. Одного лишь захвата оперативного пространства недостаточно. Остановка зимой чревата опасностью. Поэтому лучше выждать, но принять твердое решение разделаться с Россией. ...Итак, май 1941-го, на проведение операции — 5 месяцев...

Цель: уничтожение жизненной силы России. Подразделяется на:

3. Удар на Киев с примыканием фланга к Днепру. Люфтваффе разрушает переправы у Одессы.

4. Удар по окраинным государствам в направлении Москвы.

В заключение — массированные удары с севера и юга. Позднее — частная операция по захвату нефтяного района Баку».

Приложение 2

ИЗ ДИРЕКТИВЫ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА № 21 ОТ 18 ДЕКАБРЯ 1940 ГОДА — ПЛАН «БАРБАРОССА»

«Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадает задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей...

Адольф Гитлер».

СТРУКТУРА ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ГЕРМАНИИ В КАМПАНИИ 1941 ГОДА

Верховный главнокомандующий
вермахта А. Гитлер

Главнокомандующий
сухопутными войсками
генерал-фельдмаршал
В. Браухич (до 19.12.41)

Начальник гене-
рального штаба
сухопутных войск
генерал-полковник
Ф. Гальдер

1-й обер-квартир-
мейстер генерал
Ф. Паулюс

Начальник опе-
ративного отдела
генерал Хайзингер

Начальник отдела
боевой подготовки
полк. Бернут

Начальник военно-
транспортной служ-
бы генерал Герке

Начальник управ-
ления вооружений
и командующий
армией резерва
генерал-полковник
Фромм

Начальник меди-
цинской службы
генерал-лейтенант
Хандлозер

Начальник управ-
ления общих дел
генерал Ольбрихт

Начальник управ-
ления вооружений
генерал Е. Лееб

начальник админи-
стративно-хозяйст-
венного управления
генерал Остеркамл

Генерал-
инспекторы родов
войск:

пехоты — генерал
Отт

артиллерии —
генерал Бранд

инженерно-сапер-
ных войск — гене-
рал Якоб

химических войск —
генерал Окснер

подвижных (танко-
вых, моторизован.
войск) — полковник
Брейт

Восточный фронт

Группа армий «Север»	Группа армий «Центр»	Группа армий «Юг»
командующий генерал-фельд- маршал В. Лееб	командующий генерал-фельд- маршал Ф. Бок	командующий генерал-фельдмар- шал Г. Рунштедт
начальник штаба генерал Г. Бреннеке	начальник штаба генерал Г. Грейфен- берг	начальник штаба генерал К. Зоден- штерн
18-я армия — Г. Клюхнер	4-я армия — Г. Клю- ге	17-я армия — К. Штюльпнагель
4-я танковая группа генерал Э. Гёпнер	2-я танковая группа генерал Г. Гудериан	4-й корпус — В. Шведлер
16-я армия Э. Буш	9-я армия — А. Штраус	6-я армия — В. Рей- хенау
	3-я танковая группа генерал — Г. Гот	1-я танковая группа — генерал Э. Клейст

С началом кампании против Советского Союза полномочия главнокомандующего сухопутными силами генерал-фельдмаршала В. фон Браухича были ограничены рамками этой кампании, точнее, он отвечал за войска, действовавшие в полосе между Черным и Балтийским морями. На всех прочих театрах военных действий: в Финляндии, Норвегии, Дании, на Западе, в Северной Африке, на Балканах и в Греции — находившиеся там сухопутные силы во главе с их командующими были подчинены в оперативном отношении непосредственно А. Гитлеру, при котором находился штаб оперативного руководства, входящий в состав верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОВК). При этом командующие военно-воздушными силами на театрах военных действий подчинялись главнокомандующему ВВС.

Кейтель Вильгельм (1882—1946). На военной службе с 1901 года. Участник Первой мировой войны. С 1932 года командир дивизии, с 1935 года — начальник управления военного министерства. С 1938 года — начальник штаба верховного главнокомандующего. С конца 1938 года — генерал-полковник,

1941. Победный парад Гитлера

с 19 июля 1940 года — генерал-фельдмаршал. В мае 1945 года подписал акт о капитуляции фашистской Германии. Международным трибуналом приговорен к смертной казни и повешен.

Браухич Вальтер, фон (1881—1948). На военной службе с 1898 года. В 1900 году окончил военное училище. Участник Первой мировой войны. В период с 1919 по 1933 год на командных и штабных должностях в рейхсвере. С 1933 года командующий войсками 1-го военного округа (Восточная Пруссия), 1-м армейским корпусом. С начала 1938 года — командующий 4-й армейской группой, генерал артиллерии. С конца 1938 года главнокомандующий сухопутными войсками, с 1940 года — генерал-фельдмаршал. Руководил оккупацией Австрии, захватом Чехословакии и военными действиями против Польши. Активный участник разработки и осуществления плана войны против СССР. В декабре 1941 года за поражение немецких войск под Москвой смещен с должности главнокомандующего сухопутными войсками. В 1945 году сдался в плен американским войскам. Умер в госпитале для военнопленных.

Гальдер Франц (1884—1972). Вырос в семье потомственных военных, которая на протяжении 300 лет поставляла солдат для немецких князей, королей и кайзеров. На военной службе с 1902 года, поступив в баварский артиллерийский полк «Мать королева». В 1914 году окончил Баварскую военную академию. Был направлен на штабную работу. Участник Первой мировой войны. За это время прошел все звенья штабной службы — от дивизии до группы армий. После войны остался на службе в рейхсвере. Занимал должности преподавателя тактики при штабе 7-го военного округа (Мюнхен), сотрудника отдела боевой подготовки министерства рейхсвер. С приходом к власти фашистов начал активно сотрудничать с этим режимом. В последующем службу проходил в должностях начальника штаба 6-го военного округа (Мюнстер), командира 7-й баварской дивизии, 2-й, затем 1-й обер-квартирмейстер Генерального штаба, руководивший боевой подготовкой сухопутных войск. 27 августа 1938 года назначен на должность начальника генерального штаба сухопутных войск вместо уволенного в отставку генерала Л. Бека. (В этот день А. Гитлер стал Верховным главнокомандующим вооруженными силами Германии.) Гене-

рал-полковник. После смещения с поста главнокомандующего сухопутными войсками Браухича в декабре 1941 года стал подчиняться непосредственно А. Гитлеру. После провала плана блицкрига в войне с СССР 24 сентября 1942 года уволен в отставку. В начале 1943 года переехал из Берлина в Ашу, прихватив с собой все тетради дневника. В конце 1943 года фашистская верхушка задумала устроить публичный процесс над Гальдером, обвинив его в поражениях немецких войск в 1941—1942 годах. 23 июля он был арестован. Но судебный процесс из-за отсутствия прямых доказательств вины генерала явно затягивался. 28 апреля 1945 года был захвачен в одном из концлагерей в Южном Тироле американскими войсками, в июне 1945 года Гальдер передал свой дневник американцам, которые направили его в центральный архив документов Нюрнбергского суда. По заданию исторического отдела армии США в Европе вместе с генералами Цейцлером, Гудерианом, Хойзингером, Шпейделем, Крейпе и другими работал над обобщением опыта войны против СССР. Одновременно решал вопросы создания вооруженных сил Западной Германии. В 1949 году издал брошюру «Гитлер как полководец», в которой всю вину за поражение Германии сваливает на А. Гитлера. В 1950 году создается «Рабочий штаб Гальдера», и в том же году боннскому правительству был представлен «План Гальдера» по воссозданию вооруженных сил Германии. Под его руководством был составлен первый послевоенный стратегический план войны против СССР. Параллельно работает консультантом при военном министерстве правительства ФРГ и при командовании НАТО. В 1962—1964 годах в ФРГ был издан Военный дневник Гальдера в трех томах. В 1961 году был награжден американским орденом «За доблесть».

Паулюс Фридрих (1890—1957). На военной службе с 1909 года, кадет. В 1911 году окончил военное училище. Участник Первой мировой войны, он затем прошел ряд ответственных должностей в рейхсвере. В 1935 году был назначен начальником штаба танковых войск и на этом посту сделал достаточно много для развития бронесил вермахта. Во Вторую мировую войну он вступил в должности начальника штаба армии. И лишь получив столь большой практический опыт в 1940 году, был назначен 1-м обер-квартирмейстером генерального штаба сухопутных войск Германии. С января 1942 года — командую-

1941. Победный парад Гитлера

щий 6-й армией, войска которой в конце осени 1942 года были окружены под Сталинградом, генерал-фельдмаршал (январь 1943). 31 января 1943 года сдался в плен советским войскам. В 1944 году вошел в состав Комитета «Свободная Германия». После окончания войны был освобожден из плена. С 1953 года жил в Дрездене.

Гудериан Хайнц (1888—1954). Родился в Восточной Пруссии. На военной службе с 1907 года, кадет. Участник Первой мировой войны, капитан. После войны становится большим поборником в деле использования танковых войск. С 1933 года полковник. Назначен командующим моторизованными подразделениями вермахта. С 1935 года командир 2-й танковой дивизии, генерал-майор. С апреля 1938 года — командир XVI моторизованного армейского корпуса, генерал-лейтенант. С началом Второй мировой войны — командующий 2-й танковой группой, генерал-полковник. 25 декабря 1941 года за отступление без приказа Гитлер отстранил Гудериана от командования 2-й танковой группой. 20 февраля 1943 года он был вызван в ставку фюрера, находившуюся в то время под Винницей, и возвращен в строй. Генеральный инспектор бронетанковых войск, а с июля 1944 года также и начальник генерального штаба сухопутных войск. В конце марта 1945 года был снова отстранен от должности. Был взят в плен американцами и освобожден в 1948 году. В 1951 году опубликовал книгу «Воспоминания солдата». Награжден Рыцарским крестом (1939) и «Дубовыми листьями» (1941).

ГРУППА АРМИЙ «ЮГ»

Сформирована в августе 1939 года. Действовала против Польши и СССР. Перед началом войны против СССР с целью маскировки получила кодовое название «штаб участка Силезии». Состояла из 6-й, 17-й и 11-й германских армий, 1-й танковой группы, а также 3-й и 4-й румынских армий. Командующий генерал-фельдмаршал К. Рунштедт, начальник штаба генерал Зоденштерн.

Рунштедт Карл Рудольф Герд, фон (1875—1953). Родился в Ашерслебене. В армии с 1892 года. Во время Первой мировой войны — офицер Генерального штаба. С 1927 года — генерал-майор, с 1929 года — генерал-лейтенант, с 1932 года — генерал от инфантерии, с 1938 года — генерал-полковник. В ноябре 1938 года был отправлен в отставку, однако летом 1939 года снова восстановлен на военной службе. При вторжении в Польшу — главнокомандующий группой армий «Юг». При вторжении во Францию — главнокомандующий группой армий «А». При вторжении в СССР — главнокомандующий группой армий «Юг». В ноябре 1941 года снова был уволен со службы. В марте 1942 года назначен главнокомандующим группой армий «Запад». С лета 1944 года — председатель суда чести вермахта. После окончания войны находился в американском и в английском плену. В начале мая 1949 года освобожден из плена по состоянию здоровья. Умер 24 февраля 1953 года в Ганновере.

6-я армия

Штаб армии сформирован в октябре 1939 года на базе штаба 10-й армии. К 22 июня 1941 года состояла: 17-й, 44-й армейские корпуса (9, 44, 56, 57, 62, 75, 111, 168, 262, 297, 298, 299-й пехотных, 99-й легкой пехотной и 213-й охранной дивизий).

1941. Победный парад Гитлера

Штаб армии уничтожен в Сталинграде 2 февраля 1943 года. Командующий В. Рейхенау.

Рейхенау Вальтер, фон (1884—1942). Из семьи генерала. В армии с 1903 года. Участник Первой мировой войны, офицер Генерального штаба. Затем был личным советником министра рейхсвера, сотрудничал с нацистами, содействовал военному обучению войск СС. С 1940 года генерал-фельдмаршал. На советско-германском фронте командовал 6-й армией, с декабря 1941 года — группой армий «Юг». Погиб в январе 1942 года в авиационной катастрофе.

11-я армия

Штаб армии сформирован в октябре 1940 года. С мая 1941 года армия находилась на территории Румынии. С июня 1941 года — в составе группы армий «Юг». К 22 июня 1941 года состояла: 30-й, 54-й армейские корпуса (22, 50, 72, 76, 170, 198-я пехотные дивизии).

17-я армия

Штаб армии сформирован в декабре 1940 года. В период с июля именовался штабом армейской группы «Роуф». К 22 июня 1941 года состояла: 4-й, 52-й армейские корпуса (9-я танковая, механизированная «Викинг», 24, 25, 257, 295-я пехотные, 97, 100, 101-я легкие пехотные, 1-я, 4-я горнострелковые, 444, 454-я охранные дивизии). Командующий Г.-К. Штюльпнагель.

Штюльпнагель Карл-Генрих, фон. Был казнен за участие в заговоре против А. Гитлера 20 июля 1944 года.

1-Я ТАНКОВАЯ ГРУППА ОРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ

К началу Второй мировой войны (сентябрь 1939 года) танковые дивизии вермахта состояли из танковой бригады (два танковых полка по два батальона каждый), стрелковой бригады (стрелковый полк двухбатальонного состава и мотоциклетный батальон), артиллерийского полка (два дивизиона), разведывательного батальона, противотанкового дивизиона, саперного батальона, батальона связи, части дивизионной поддержки.

Польская кампания показала, что танковая бригада слишком громоздкая. После кампании во Франции количество танковых полков в дивизиях было сокращено с двух до одного. Общее количество танков в дивизии было доведено до 150 единиц. Из числа этих танков почти половина приходилась на машины типа PZ-III с пушками калибра 37-мм и 50-мм. До 30% составляли танки PZ-II, оснащенные пушками 20-мм. Кроме того, на вооружении каждого танкового полка было по 20 танков PZ-IV и по 8—10 танков PZ. Bef.

1-я танковая группа была сформирована 16 ноября 1940 года на основе XII моторизованного армейского корпуса, которым командовал Э. фон Кляйст. Впервые была задействована в балканской кампании в апреле 1941 года. Затем в составе группы армий «Юг» участвовала в агрессии против СССР, в операциях на киевском направлении, в окружении советских войск в районе Умани, в окружении войск Юго-Западного фронта в районе Киева. 5 октября 1941 года была переформирована в 1-ю танковую армию. Командующий генерал кавалерии (генерал-полковник) Эвальд фон Кляйст (1.09.1939 — 21.10.1942). С 22 июня 1941 года во всех подразделениях, включенных в

1-ю танковую группу, на машинах белой краской рисовалась буква «К» — первая буква фамилии командующего.

Кляйст Эвальд, фон (1881—1954). В 1900 году кадетом поступил на службу в прусский артиллерийский полк, в 1902 году получил звание лейтенанта. В 1912 году окончил Берлинскую военную академию. Командир эскадрона, участник Первой мировой войны, начальник оперативного отдела штаба дивизии и корпуса. После окончания войны преподавал тактику в кавалерийском училище в Ганновере. С 1929 года — начальник штаба кавалерийской дивизии. С 1931 года — командир пехотного полка, с 1932 года — командир кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант. С сентября 1939 года — командир XXII моторизованного армейского корпуса, который участвовал в польской кампании, генерал кавалерии. С ноября 1940 года командующий 1-й танковой группой (позднее — армией) и группами армий «А» и «Южная Украина», генерал-полковник. С 1 февраля 1943 года — генерал-фельдмаршал. Смещен Гитлером 31 марта 1944 года, больше никаких видных должностей не занимал. После окончания войны передан властям Югославии, затем СССР. Умер в советском лагере для военнопленных. Награжден Рыцарским крестом (1940), «Дубовыми ветвями» (1942), «Скрещенными мечами» (1944).

Состав 1-й танковой группы:

III танковый корпус. Сформирован на основе III армейского корпуса 21 марта 1941 года (командир генерал кавалерии Эберхард фон Макенсен (15.01.1941 — 31.03.1942)).

Макенсен Эберхард, фон (1889—1969). Сын генерал-фельдмаршала. На военной службе с 1908 года, кадет. С 1910 года лейтенант. Участник Первой мировой войны, капитан. После окончания войны служил в кавалерии. С 1922 года командир кавалерийского эскадрона. С 1934 года — начальник штаба кавалерийского корпуса. С 1937 года — командир кавалерийской бригады, генерал-майор. В последующем — начальник штаба армии, генерал-лейтенант. С января 1941 года — командир III армейского корпуса, переформированного в марте 1941 года в III танковый корпус. С ноября 1942 года — командующий 1-й танковой армией, с ноября 1943 года — командующий 14-й армией, генерал-полковник. С июля 1944 года в резерве главного командования. В мае 1945 года был взят в плен

советскими войсками, освобожден в 1952 году. Автор истории III танкового корпуса. Награжден Рыцарским крестом (1941) и «Дубовыми листьями» (1945).

XXXXVIII моторизованный армейский корпус. Сформирован 15 декабря 1940 года. Первоначально корпус входил в состав 6-й армии (июнь 1941 года), затем (июль — сентябрь 1941 года) — в состав 1-й танковой группы. Командир генерал-лейтенант Вернер Кемпф (6.01.1941 — 31.01.1942).

Кемпф Вернер (1886—1964). Родился в Кенигсберге. На военной службе с 1906 года, кадет. Первую мировую войну закончил штабным офицером, капитан. С 1934 года — начальник штаба инспекции моторизованных частей. С 1936 года — инспектор моторизованных частей. С 1937 года — командир танковой бригады, генерал-майор. С января 1939 года командир танковой дивизии, генерал-лейтенант. С января 1941 года — командир XXXXVIII моторизованного армейского корпуса, генерал танковых войск. С сентября 1942 года командовал 8-й армией. С августа 1943 года — командующий войсками вермахта в восточноевропейских странах (в подчинении группы армий «Север»). В августе 1944 года отправлен в отставку. Награжден Рыцарским крестом (1940) и «Дубовыми листьями» (1942).

9-я танковая дивизия. Была создана 3 января 1940 года на базе 4-й легкой дивизии. В ее состав вошли 9-я мотопехотная бригада (12-й и 131-й моторизованные полки, 59-й мотоциклетный батальон), 33-й танковый батальон, 102-й моторизованный артиллерийский полк, 9-й батальон самоходной артиллерии, 9-й моторизованный разведывательный батальон, а также подразделения боевого и тылового обеспечения. Участвовала в войне в Польше. В 1940 году дивизия воевала на Западе, отличилась под Антверпеном, Брюсселем. Входила в состав танковой группы фон Клейста, которая вышла к окраинам Парижа. Весной 1941 года была переправлена в Румынию, где воевала на Балканах. В начале Великой Отечественной войны действовала в составе 1-й танковой группы фон Клейста. Участвовала в окружении советских войск под Уманью, затем — под Киевом. Командир дивизии генерал-лейтенант доктор Альфред фон Хубики (1.08.1940—14.04.1942).

Хубики Альфред, фон (1887—1971). На военной службе с 1905 года, кадет. Служил в австро-венгерской армии. Участник

Первой мировой войны. С 1935 года генерал-майор австрийской армии. Затем с 1938 года в армии Германии. Командовал легкой дивизией, которая была преобразована в 9-ю танковую дивизию. С августа 1942 года командир корпуса, генерал-лейтенант. С ноября 1942 года — в ставке верховного командования. С июля 1944 года — глава германской миссии в Словакии. Уволился из армии в марте 1945 года. Награжден Рыцарским крестом (1941) и Золотым немецким крестом (1942).

11-я танковая дивизия. Сформирована 1 августа 1940 года на полигоне Нойхаммер. В ее состав вошли 11-я моторизованная бригада (110-й и 111-й мотопехотные полки, 61-й мотоциклетный батальон), 15-й танковый полк, 119-й танковый артиллерийский полк, 61-й батальон самоходной артиллерии, 231-й танковый разведывательный батальон, подразделения боевого обеспечения. Боевое крещение дивизия получила на Балканах в апреле 1941 года, где участвовала в боях и взятии Белграда. С началом Великой Отечественной войны в составе 1-й танковой группы армий «Юг». В составе 15-го танкового полка насчитывалось 143 танка, в том числе 71 PZ-III и 44 PZ-II. В июле-августе воевала под Житомиром, Уманью, Киевом. Командир дивизии генерал-майор Людвиг Крувелл (август 1940—14 августа 1941 года).

Крувелл Людвиг (1892—1958). Кадровый военный. Военную карьеру начал юнкером в 1911 году. Участник Первой мировой войны. Командир 6-го танкового полка (1937—1938), начальник отдела ОКХ (1939), начальник отдела штаба 16-й армии (1939—1940). С 1940 года — командир 11-й танковой дивизии, которая в составе 1-й танковой группы в начале войны наступала на Киев, а затем осуществляла окружение и разгром советских войск под Уманью. С сентября 1941 года генерал-лейтенант, затем генерал танковых войск. Воевал в составе корпуса Роммеля в Северной Африке. 29 мая 1942 года самолет, в котором он летел, был сбит англичанами, и Крувелл попал в плен. В Германию вернулся в 1948 году.

13-я танковая дивизия. Сформирована 11 октября 1940 года на основе 13-й мотопехотной дивизии. В ее состав вошли 13-я мотопехотная бригада (66-й и 93-й мотопехотные полки, 43-й мотоциклетный батальон), 4-й танковый полк, 3-й

танковый артиллерийский полк, 13-й батальон самоходной артиллерии, 13-й танковый разведывательный батальон, 13-й танковый батальон связи, 4-й инженерно-саперный батальон, подразделения боевого и тылового обеспечения. Боевого опыта не имела, с началом Второй мировой войны находилась в Румынии. В июне 1941 года приняла участие в войне против СССР в составе XXXVIII моторизованного армейского корпуса. В составе 4-го танкового полка насчитывалось 149 танков, в том числе 74 PZ-III и 44 PZ-II. Дивизия вела бои под Уманью и сыграла важную роль в окружении советских войск под Киевом. Командир дивизии генерал-майор Вальтер Дюверт (14.06—13.09.1941).

Дюверт Вальтер (1893—1972). На военной службе с 1911 года, кадет. Участник Первой мировой войны, лейтенант. В 1937 году командир артиллерийского полка, полковник. С 1 сентября 1939 года начальник штаба армейского корпуса, генерал-майор. С 14 июня по 13 сентября 1941 года — командир 13-й танковой дивизии. В последующем командовал другими дивизиями, генерал-лейтенант. С июля 1944 года в резерве главного командования, в ноябре 1944 года уволился из армии. Награжден Рыцарским крестом (1941).

14-я танковая дивизия. Сформирована 15 августа 1940 года на базе 4-й пехотной дивизии. Состав: 14-я мотопехотная бригада (103-й и 108-й мотопехотные полки, 64-й мотоциклетный батальон), 36-й танковый полк, 4-й танковый артиллерийский полк, 40-й танковый разведывательный батальон, 4-й батальон самоходной артиллерии, танковый батальон связи, инженерно-саперный батальон, подразделения боевого и тылового обеспечения. Участвовала в боевых действиях на Балканах. С июня 1941 года в составе III моторизованного армейского корпуса 1-й танковой группы. В составе 36-го танкового полка насчитывалось 147 танков, в том числе 71 PZ-III и 45 PZ-II. Дивизия форсировала Буг, наступала на Житомир, затем, повернув на юг, дошла вдоль Днепра до Кременгуча. Командир генерал-майор Фридрих Кюн (15.03.1941 — 30.06.1942).

Кюн Фридрих (1889—1944). На военной службе с 1909 года, кадет. Участник Первой мировой войны. С 1936 года полковник. В начале Второй мировой войны командовал танковой брига-

дой, генерал-майор. С марта 1941 года — танковой дивизией. С марта 1941 года — командир 14-й танковой дивизии. С июля 1942 года занимал должности в штабе по техническому оснащению войск. Погиб во время бомбежки Берлина. Награжден Рыцарским крестом (1940).

16-я танковая дивизия. Была сформирована 1 ноября 1940 года на базе 16-й мотопехотной дивизии. Состав: 16-я мотопехотная бригада (64-й и 79-й мотопехотные полки, 16-й мотоциклетный батальон), 2-й танковый полк, 16-й танковый артиллерийский полк, 15-й танковый разведывательный батальон, 16-й батальон самоходной артиллерии, танковый батальон связи, инженерно-саперный батальон, подразделения боевого и тылового обеспечения. С началом Второй мировой войны находилась в Румынии. С июня 1941 года в составе XXXVIII моторизованного армейского корпуса 1-й танковой группы. В составе 2-го танкового полка насчитывалось 146 танков, в том числе 71 PZ-III и 44 PZ-II. Дивизия участвовала в сражениях на киевском направлении и в окружении советских войск под Уманью и под Киевом. Командир дивизии генерал-майор Ганс-Валентин Хубе (01.06.1940—14.09.1942).

Хубе Ганс-Валентин (1890—1944). На военной службе с 1909 года, кадет. Во время Первой мировой войны служил офицером в пехоте, был тяжело ранен, потерял левую руку, но продолжал служить. С 1936 года полковник. Командовал полком, затем с июля 1940 года 16-й танковой дивизией, генерал-майор. С сентября 1942 года — командир танкового корпуса, с октября 1943 года — командующий 1-й танковой армией. Погиб в авиационной катастрофе. Награжден Рыцарским крестом (1941), «Дубовыми листьями» (1942), «Скрещенными мечами» (1942), Крестом с бриллиантами (1944).

Моторизованная дивизия СС «Адольф Гитлер»

Сформирована 17 марта 1933 года Й. Дитрихом как штабная стража СС «Берлин» в качестве части личной охраны А. Гитлера. Вскоре переименована в зондеркоманду СС «Берлин». В сентябре 1933 года несколько зондеркоманд были объединены в «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». В 1940 году эта часть была развернута в бригаду, в 1941 году — в моторизованную дивизию. Командир бригаденфюрер СС Й. Дитрих.

Дитрих Йозеф (1892—1966). Родился в Баварии. Сын упаковщика. В 1911 году призван в армию. Участник Первой мировой войны. В конце войны служил в танковых войсках, вице-вахмистр, награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. В 1919 году был демобилизован и поступил в Баварскую земельную полицию. Участник «Пивного путча» 1923 года, за что был уволен из полиции. Работал продавцом, официантом. С 1928 года член НСДАП, начальник личной охраны А. Гитлера. С 1929 года — командир 1-го штандарта СС (Мюнхен). С марта 1933 года командир специальной команды «Берлин» для охраны имперской канцелярии, обергруппенфюрер СС. Затем — командир моторизованной бригады СС «Адольф Гитлер» и с середины 1941 года — командир моторизованной дивизии СС «Адольф Гитлер», генерал войск СС. С июля 1943 года — командир 1-го танкового корпуса СС, с августа 1944 года — командующий танковой армией, генерал-полковник войск СС. Армия была разгромлена советскими войсками в районе озера Балатон. В апреле 1945 года был назначен командующим обороной Вены. Несмотря на категорическое запрещение А. Гитлера, вывел остатки войск из Вены и сдался командованию США. В 1946 году по суду был приговорен к 25 годам тюремного заключения. Освобожден в 1956 году. Награжден Рыцарским железным крестом (1940), «Дубовыми листьями» (1941), «Мечами» (1943), Крестом с бриллиантами (1944).

Дивизия СС «Викинг»

Сформирована на базе мотопехотной дивизии СС «Германия» в январе 1941 года. Командир — бригаденфюрер СС Ф. Штейнер.

Штейнер Феликс Мартин Юлиус (1896—1966). Родился в Восточной Пруссии. На военной службе с марта 1914 года. Участник Первой мировой войны, обер-лейтенант. Награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. С 1920 года в рейхсвере: командир роты, адъютант пехотного полка. В декабре 1933 года вышел в отставку и поступил в Прусскую земельную полицию. В январе 1934 года вступил в НСДАП. С 1935 года — оберштурмбаннфюрер военизированного отряда СС. Затем занимался подготовкой штурмовых частей. С 1936 года — командир штандарта «Дойчланд». Участвовал в оккупации Судетской области, в польской и французской кампаниях. В декабре 1940 года назначен командиром формирующейся дивизии

1941. Победный парад Гитлера

СС «Германия» (в марте 1941 года переименована в дивизию СС «Викинг»), бригаденфюрер СС и генерал-майор войск СС. Участвовал в агрессии против СССР. С января 1943 года — командир III корпуса СС, группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС. С февраля 1945 года — командующий 11-й танковой армией СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Не проявил таланта. 5 марта 1945 года был отстранен от командования армией, сформировал армейскую группу «Шнейдер». 22 апреля 1945 года А. Гитлер приказал Штейнеру, объединив под своим командованием все имеющиеся силы, нанести контрудар по советским войскам в южном пригороде Берлина. Штейнер проигнорировал этот приказ и вывел войска на Запад, где сдался англичанам. Содержался в лагере для военнопленных. Освобожден в апреле 1948 года. Умер в Мюнхене. Награжден Рыцарским крестом (1940), «Дубовыми листьями» (1942), Золотым Германским крестом (1942), «Мечами» (1944).

**БОЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТАНКОВ, НАХОДИВШИХСЯ
НА ВООРУЖЕНИИ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ГЕРМАНИИ
НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА**

Марка, страна- произво- дитель	Год выпуска	Вес (т)	Броня (мм) (башня/ корпус)	Калибр пушки (мм)	Количество, калибр пуле- метов	Запас хода (км)
Легкий танк Pz. II (Германия)	1938	10	30	20	1 — 7,92	125
Легкий танк Pz. 35(t) (Чехословакия)	1934	11,8	25/15	37	2 — 7,92	115
Легкий танк Pz. 38(t). (Чехословакия)	1939	9,5	50/30	37	2 — 7,92	160
Средний танк T — III G	1937	20,3	12/30	50	2 — 7,92	100
Средний танк T — IV	1939	24	10/40	75	2 — 7,92	100
Штурмовое орудие СУ-75		22	12/50	75	2 — 7,92	95
Штурмовое орудие СУ-105		25	10/60	105	1 — 7,92	95

Всего в войсках фашистской Германии на советско-германском фронте на 22 июня 1941 года имелось 2972 средних, 1278 легких танков и 250 штурмовых орудий.

1941. Победный парад Гитлера

После захвата Чехословакии немцы конфисковали 219 легких танков марки Pz. 35(t). Эти танки поступили на вооружение 1-й немецкой легкой дивизии, своеобразного механизированного соединения, основной задачей которого было ведение разведки и прикрытие флангов. В июне 1941 года в составе немецких войск, вторгшихся в Советский Союз, находилось 189 танков Pz. 35(t) в составе 6-й танковой дивизии, которая действовала на территории Прибалтики. В начале декабря 1941 года части этой дивизии были переброшены на московское направление в район города Клин, где понесли тяжелые потери. Кроме того, на вооружение войск союзников: Румынии (50 шт.), Венгрии (102 шт.), Словакии (90 шт.) и Болгарии (10 шт.) — поступали более качественные чехословацкие танки Pz. 35(t).

«Председателю
Совета Народных Комиссаров
От 15 мая 1941 г.

СООБРАЖЕНИЯ ПО ПЛАНУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
РАЗВЕРТЫВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест — Демблин, и выход к 30-му дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц.

Последующей стратегической целью — наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача — разбить германскую армию восточнее р. Висла и на краковском направлении выйти на рубеж р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

1941. Победный парад Гитлера

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезать Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении на Варшаву, Дембоин с целью сковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии и быть готовым к нанесению ударов против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чижев, Людовлено силами 152 дивизий против 100 германских, на других участках государственной границы предусматривается активная оборона...

(Автор В.Н. Киселев указывает, что документ написан от руки А.М. Василевским, но не подписан ни Г.К. Жуковым, ни С.К. Тимошенко.)

(Военно-исторический журнал, 1992, № 2. — С.17—19.)

СОСТАВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос, член Военного совета корпусной комиссар Н.Н. Вашугин, начальник штаба генерал-лейтенант М.А. Пуркаев, начальник оперативного отдела полковник И.Х. Баграмян, заместитель командующего по укрепленным районам генерал И.Г. Советников.

5-я армия

командующий — генерал-майор танковых войск М.И. Потапов, член Военного совета дивизионный комиссар М.С. Никишев, начальник штаба генерал-майор Д.С. Писаревский

15-й ск (полковник И.И. Федюнинский)

- 45-я сд (командир — генерал-майор Г.И. Шерстюк)
- 62-я сд (командир — полковник М.П. Тимошенко)
- 87-я сд (командир — генерал-майор Ф.Ф. Алябушев)

27-й ск (командир — генерал-майор П.Д. Артеменко)

- 124-я сд (командир — генерал-майор Ф.Г. Суцкий)
- 135-я сд (командир — генерал-майор Ф.И. Смехотворов)

22-й мк (командир — генерал-майор С.М. Кондрусев)

- 19-я тд (командир — генерал-майор К.А. Семенченко)
- 41-я тд (командир — полковник П.П. Павлов)
- 215-я мд (командир — полковник П.А. Барабанов)

9-й мк (командир — генерал-майор К.К. Рокоссовский)

- 20-я тд (командир — полковник М.Е. Катуков)

1941. Победный парад Гитлера

- 35-я тд (командир — генерал-майор Н.А. Новиков)
- 131-я мд (командир — полковник Н.В. Калинин)

6-я армия (командующий — генерал-лейтенант И.Н. Музыченко, член Военного совета дивизионный комиссар Н.К. Попов, начальник штаба комбриг Н.П. Иванов). Штаб — Львов.

3-я кд (командир — генерал-майор Малеев, начальник штаба майор Шмуйло)

6-й ск (командир — генерал-майор И.И. Алексеев, нач. штаба генерал-майор Рихтер)

- 41-я сд (командир — генерал-майор Г.Н. Микушев, начальник штаба полковник Еремин)
- 159-я сд (командир — полковник И.А. Мащенко)
- 97-я сд (командир — полковник Н.М. Захаров, с 27.06 — полковник Ф.В. Мальцев)

4-й мк (командир — генерал-майор А.А. Власов, начальник штаба генерал-майор А.А. Мартьянов)

- 8-я тд (командир — полковник П.С. Фетченко)
- 32-я тд (командир — полковник Е.Г. Пушкин)
- 81-я мд (командир — полковник А.П. Николаев)

15-й мк (командир — генерал-майор И.И. Карпезо, с начала июля — генерал-майор С.Я. Огурцов)

- 10-я тд (командир — генерал-майор С.Я. Огурцов)
- 37-я тд (командир — полковник Ф.Г. Аникушкин)
- 212-я мд (командир — генерал-майор С.В. Баранов)

37-й ск (командир — комбриг С.П. Зыбин, комиссар — бригадный комиссар Поляков, начальник штаба — полковник Рогаческий, нач. опер — полковник И.Я. Карпенков, нач. разведки — майор А.И. Бодинский, нач. связи — п/п-к П.И. Карпов). Штаб — Проскуров

- 80-я сд (командир — генерал-майор В.И. Прохоров)
  - 139-я сд (командир — генерал-майор Н.Л. Логинов).
- В мирное время дислоцировалась в районе Черткова. 18 июня

получила задачу начать выдвижение в район г. Перемышляны. 22 июня — в районе Н. Галич получила приказ на выдвижение в район Золочева, куда вышла утром 24.06. Получила приказ выйти в район Топорув и сменить части 4-го механизированного корпуса, которые уже вели там бой.

— 141-я сд (командир — генерал-майор Я.И. Тонконогов)

26-я армия (командующий — генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, член Военного совета бригадный комиссар Д.Е. Колесников, начальник штаба полковник И.С. Варенников)

8-й мк (командир — генерал-лейтенант Д.И. Рябышев)

— 19-я тд (командир — генерал-майор К.А. Семченко)

— 41-я тд (командир — полковник П.П. Павлов)

— 215-я мд (полковник П.А. Баранов)

— 12-я тд (командир — генерал-майор Т.А. Мишанин)

— 34-я тд (командир — полковник И.В. Васильев)

— 7-я мд (командир — полковник А.В. Герасимов)

12-я армия (генерал-майор П.Г. Понеделин, член Военного совета бригадный комиссар И.П. Куликов, начальник штаба генерал-майор Б.И. Арушанян)

49-й ск (командир — генерал-майор И.А. Корнилов)

— 190-я сд (командир — полковник Г.А. Зверев)

— 198-я сд (командир — генерал-майор В.В. Крюков)

— 199-я сд (командир — полковник А.Н. Алексеев)

17-й ск (командир — генерал-майор А.М. Баранов)

— 96-я гсд (командир — генерал-майор П.А. Белов)

— 60-я сд (командир — генерал-майор М.Б. Салихов, после 15.07.41 — полковник Б.А. Сорокин)

— 164-я сд (командир — полковник А.И. Червинский)

16-й механизированный корпус (командир — комдив А.Д. Соколов)

— 15-я тд (командир — полковник В.И. Полосков)

— 32-я тд (командир — полковник Е.Г. Пушкин)

— 240 мд (командир — полковник И.В. Горбенко)

1941. Победный парад Гитлера

16-я авиационная дивизия

Резервы КОВО:

19-й мк (командир — генерал-майор Н.В. Фекленко) — участвовал в контрударе под Ровно 26.06.

— 40-я тд (командир — полковник М.В. Широбоков)

— 43-я тд (командир — полковник И.Г. Цибин)

— 213-я мд (командир — полковник В.М. Осьминский)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСКИ

по плану обороны на период отмобилизования,
сосредоточения и развертывания войск
Киевского Особого военного округа на 1941 год

I. Задачи обороны

Не допустить вторжение как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск округа. Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам и мостам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника. При благоприятных условиях всем обороняющимся и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей.

Первый перелет и переход государственной границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного Командования.

II. Соседи и границы с ними

Правее — Западный Особый военный округ.

Штаб округа с 3-го дня мобилизации — Барановичи.

Его левофланговая 4-я армия организует оборону на фронте Дрогочин, иск. оз. Свитязское. Штаб 4-й армии — Кобрин. Граница с ЗапОВО — р. Припять, Пинск, Влодава, Демблин, Радом, все пункты для ЗапОВО включительно.

Левее — Одесский военный округ. Штаб с 3-го дня мобилизации — Тирасполь. Его правофланговый 35-й стрелковый корпус обороняет фронт Коржеуцы, иск. Леоново, граница с ОдВО — Худяки, Умань, Вапнярка, иск. Джурын, Калюс, иск. Коржеуцы, Пашкани.

III. Задачи армий (районов прикрытия) и планы их выполнения

Общая группировка войск прикрытия резерва командования округа дана на карте (1: 500 000) в приложении № 1.

1. 5-я армия (РП № 1)

Начальник — командующий 5-й армией. Штаб 5-й армии — Ковель.

а) Состав сил: управление 5-й армии, 15 ск (45, 62 сд), 27 ск (87, 124 и 135 сд), 22 мк (19, 41 тд, 215 мд), части Ковельского, Владимир-Волынского и северной части Струмиловского укрепленных районов; 39-я истребительная, 14-я смешанная и 62-я бомбардировочная авиационные дивизии; пограничные войска НКВД.

б) Задача: оборонять государственную границу на фронте иск. Влодава, Устилуг, Крыстинополь, не допустив вторжения противника на нашу территорию...

в) Левая граница — Кременец, Холоев, Крыстинополь, Рахне. Все пункты для 5-й армии включительно.

2. 6-я армия (РП № 2)

Начальник — командующий 6-й армией. Штаб 6-й армии — Львов.

а) Состав сил: управление 6-й армии, 6 ск (41 и 97 сд), 159 сд, 3 кд, 4 мк (8 и 32 тд, 81 мд), гарнизоны Рава-Русского и западной части Струмиловского укрепленных районов; 15 и 16-я смешанные авиационные дивизии; пограничные войска НКВД.

б) Задача: оборонять государственную границу на фронте иск. Крыстынополь, Махнов, Сенява, Радымно, не допустив прорыва противника на нашу территорию. В основу обороны положить упорную оборону Рава-Русского и западной части Струмиловского УР и полевых укреплений, возведенных в приграничной полосе, с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего и всестороннего их развития. Всякие попытки противника прорвать оборону немедленно ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов.

Особо ответственные направления: Томашув, Львов; Ярослав, Львов.

Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск в полосе армии. Не допустить сбрасывания, высадки воздушных десантов и диверсионных групп противника на территорию армии.

Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и ударами по основным группировкам нарушить и задержать сосредоточение противника. Глубина действий боевой авиации армии до линии Сандомир, Мелец, Дембица. Воздушную разведку вести до линии Опатув, Сташув, Домбровка.

в) Левая граница — Тернополь, Бобрка, Городок, Радымно, Жешув. Все пункты включительно для 6-й армии.

г) Группировка сил на оборону:

3-я кавалерийская дивизия с 345 ап, 1409 и 44 опб Струмиловского УР, 2-й ротой 21 опб Рава-Русского УР, 1-й и 2-й комендатурами 91 ПО обороняет фронт иск. Крыстынополь, Угнов, Поддемце до утра 3-го дня действий. Штаб — Бутыны. Левая граница — Жулькев, иск. Заборзе, Поддемце, иск. Дыниска.

159-я стрелковая дивизия с частями Струмиловского УР обороняет фронт Крыстынополь, Поддемце, приняв его от 3-й кавалерийской дивизии с 5 часов 3-го дня действий.

6-й стрелковый корпус. Штаб — Яворов.

41-я стрелковая дивизия с 209 кап, 135 пап РГК, 21, 36, 141 опб Рава-Русского УР, 2-й и 3-й комендатурами 91 ПО обороняет фронт Вулька Вежбица, иск. Нове Село. Штаб — 0,5 км юго-восточнее Седлиска. Левая граница — иск. курники, иск. Райхау, Жукув.

97-я стрелковая дивизия с 324 гап РГК, 209 кап, 4-й комендатурой 91 ПО и 1-й и 2-й комендатурами 92 ПО обороняет

фронт Новое Село, Сенявка, Грабовец. Штаб — Тухля. Левая граница Городок, Радымно.

4-й механизированный корпус. Штаб — Якоблики (10 км северо-восточнее Янова).

32-я танковая дивизия в районе Мокротин, Якоблики, иск. Зашкув. Штаб — Поляны.

8-я танковая дивизия в районе Якоблики, фл. Булава, Лозина. Штаб — Травнице.

81-я мотострелковая дивизия в районе иск. Лозина, иск. Янов, Ясниска. Штаб — Жорниска.

...Мотополк 32-й тд с одним батальоном средних танков как резерв командира 6 ск в лесу южнее Немирова.

3. 26-я армия (РП № 3)

Начальник — командующий 26-й армией. Штаб — штаб 26-й армии — Самбор.

а) Состав сил: управление 26-й армии, 8 ск (99 и 173 сд, 72 гсд), 8 мк (12 и 34 тд, 7 мд), 376 гап РГК, части Перемышльского УР, 92 и 93 ПО, 63-я истребительная и 46-я смешанная авиационные дивизии...

4. 12-я армия (РП № 4)

Начальник — командующий 12-й армией. Штаб — штаб 12-й армии — Станислав...

IV. Резервы командования округа

1. Состав резервов: 9 мк (20 и 35 тд, 131 мд), 19 мк (40 и 43 тд, 213 мд), 15 мк (10 и 37 тд, 212 мд), 24 мк (45 и 49 тд, 216 мд), 31 ск (193, 195, 200 сд), 36 ск (140, 146, 228 сд), 7 ск (147, 196, 206 сд), 55 ск (130, 169, 189 сд), 5 кк (14 кд) и 1, 2, 3, 4, 5-я противотанковые бригады.

2. Задачи резервов:

а) подготовить противотанковые районы и тыловые оборонительные рубежи:

31 ск — на фронте Нв. Выжва, Турийск, Туличев;

36 ск — по р. Стырь на фронте Луцк, Станиславчик, Топоров;

37 ск — на фронте Каменка, Магерув, Яворов;

7 ск — на фронте Мостиска, Старый Самбор, Турка и по р. Стрий на фронте Турка, Болехов для прикрытия отдельных направлений;

55 ск — по р. Днестр на фронте Калюс, Жванец.

б) в случае прорыва крупных мехсоединений противника на подготовленных рубежах обороны и в противотанковых районах задержать и дезорганизовать его дальнейшее продвижение и концентрическими ударами мехкорпусов совместно с авиацией разгромить противника и ликвидировать прорывы;

в) при благоприятных условиях быть готовым по указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей...

V. План использования ВВС КОВО (Юго-Западного фронта)

1. Состав ВВС КОВО (Юго-Западного фронта)

5-я армия — 39-я истребительная ад, 14-я смешанная ад, 62-я бомбардировочная ад;

6-я армия—15-я и 16-я смешанные ад;

26-я армия — 63-я истребительная и 46-я смешанная ад;

12-я армия — 44-я и 64-я истребительные ад.

Резерв КОВО (фронта)

а) из состава КОВО — 36-я истребительная ад, 17, 18, 19-я бомбардировочные ад;

б) прибывающие в первые 3 дня мобилизации из других округов — 2, 47, 49, 68, 75, 76, 77-я смешанные и 23-я бомбардировочная ад.

Кроме того, на территории КОВО базируется авиация Главного Командования в составе:

1-й авиакорпус (40, 50 дбад, 56 иад);

2-й авиакорпус (35, 48 дбад, 67 иад).

Всего:

а) ВВС армий — 9 дивизий:

23 иап—1380 самолетов,

5 шап — 300 самолетов,

8 бап — 480 самолетов.

Итого — 2160 самолетов.

б) ВВС фронта—12 дивизий:

15 иап — 900 самолетов,

37 ббп и сбп — 2220 самолетов.

Итого — 3120 самолетов.

1941. Победный парад Гитлера

в) разведчиков — 400 самолетов.

г) резерв Главного Командования — 6 дивизий ориентировочно:

6 иап — 360 самолетов,

12 дбп — 720 самолетов.

Всего авиации фронта и резерва Главного Командования — 6760 самолетов...

VI. План противовоздушной обороны КОВО

Вся территория КОВО разбита на два дивизионных и пять бригадных районов ПВО...

VII. Противодесантная оборона КОВО

1. В армейских районах в пределах границ армий борьба осуществляется силами войск армий, имея с первого дня подвижные отряды.

Кроме того, силами резервов КОВО в районах их расположения и выделенными из них специальными отрядами...

VIII. Инженерная подготовка театра военных действий КОВО.

а) Помимо основной приграничной оборонительной полосы, возведенной в мирное время и усиленной с 1-го дня мобилизации, на территории КОВО до р. Днепр с 1-го дня мобилизации создаются: с запада на восток пять тыловых оборонительных рубежей, с юго-запада на северо-восток три тыловых оборонительных рубежа...

Командующий войсками КОВО
Член Военного совета КОВО
генерал-полковник корпусной комиссар
Кирпонос Вашугин

Начальник штаба КОВО
генерал-лейтенант
Пуркаев

«УТВЕРЖДАЮ»

командующий войсками КОВО Член Военсовета КОВО
генерал-лейтенант корпусной комиссар
(Кирпонос) (Вашугин)

**ПЛАН ПРИКРЫТИЯ ГОСГРАНИЦЫ НА УЧАСТКЕ (ИСК)
М. КРИСТЫНОПОЛЬ, ГРАБОВЕЦ ЧАСТЯМИ
6 АРМИИ РП-2**

(карта 1:100 000)

План прикрытия переработан на основании директивы Военного Совета КОВО

№ А1/0017 от 18 апреля 41 г. Условное название плана «КОВО-41».

План вводится в действие:

а) с получением телеграммы о мобилизации;

б) в случае необходимости ввести его в действие до объявления мобилизации, по получении условной шифр-телеграммы за подписью Военного совета КОВО следующего содержания: «Приступите к выполнению КВО-41».

Начальник района прикрытия — командующий 6-й армией.
Штаб РП — 2 (Штарм 6) с началом действий ЯНУВ.

1. ОЦЕНКА ПРОТИВНИКА

(по данным агентуры, УПВ НКВД УССР и войскового наблюдения)

а) наземный противник.

В пограничной полосе против участка госграницы 2-го района прикрытия немцы имеют значительные силы своих войск, дислоцировав их в следующих районах:

а). ГРУБЕШОВ, ЗАМОСТЬЕ, ТОМАШУВ. Две пд, одна мд, кавполк и танковый полк.

б). САНДОМИР, КЕЛЬЦЕ, РАДОМ. Две пд, одна мд, авиачасть.

в). ЯРОСЛАВ, ЖЕШУВ, ПШЕМЫСЛЬ. Два пд, одна тд.

Всего шесть пд, две мд и более одной тд.

Во второй половине марта и в начале апреля отмечены значительные переброски германских войск в погран. полосу — общей численностью 2—3 пд.

Одновременно увеличился подвоз боеприпасов и горючего, основная масса которых завозится в район ГРУБЕШОВ, ЗАМОСТЬЕ, ТОМАШУВ.

Таким образом, основные группировки немецких войск мирного времени сосредоточены:

первая — в районе ГРУБЕШОВ, ЗАМОСТЬЕ, ТОМАШУВ;

вторая — ЯРОСЛАВ, ЖЕШУВ, ПШЕМЫСЛЬ.

Силы этих группировок могут быть выброшены в первый же день на границу на участок 2-го района прикрытия.

При развертывании эти две группировки могут составить две армии с границей между ними р. САН (от САНДОМИР до СЕНЯВА) и вероятными действиями главными силами:

первой — с фронта БЕЛЗ, ЦЕШАНУВ на ЗЛОЧУВ, ЛЬВОВ;

второй — с фронта ЧРОСЛАВ, ПШЕМЫСЛЬ на ЛЬВОВ.

б) воздушный противник.

Точных исчерпывающих данных нет о боевом составе ВВС, дислоцируемых в приграничной полосе или вблизи нее.

По данным разведки и агентуры устанавливается следующая дислокация ВВС противника:

а) ЛЮБЛИН — авиачасть численностью до 210 самолетов и ЗАД;

б) ДЕМБЛИН — авиачасть, базирующаяся на трех аэродромах и зенитный артиллерийский полк;

в) РАДОМ — авиачасть (численность не установлена);

г) ЗАМОСТЬЕ — авиасоединение (бомбардировщики) количество самолетов не установлено;

- д) БЕЛОГРАЙ — авиачасть (численность не установлена);
- е) КЕЛЬЦЕ — авиачасть (численность не установлена);
- ж) КРАСНО — до 50 самолетов;
- з) КРАКОВ — штаб авиасоединения, эскадра самолетов, 11 и 77 зенартполки;
- и) ТАРНУВ — авиачасть (численность и типы самолетов не установлены).

Идет усиленная боевая подготовка по сколачиванию экипажей, подразделений и частей для действий днем, ночью и в непогоду.

По этим недостаточным данным можно определить, что основные силы авиации находятся в районе ЛЮБЛИН, РАДОМ, ЗАМОСТЬЕ.

Инженерная подготовка театра немцами

1. Укрепления.

Продолжаются усиленные оборонительные работы на границе. Наряду с отрывкой окопов полевого типа установлено строительство УР в районах БЕЛЖЕЦ, ЛЕЖАЙСК, ЯРОСЛАВ, ПШЕЧЫСЛЬ. В этих районах отмечается строительство железобетонных ДОТ, ДЗОТ, противотанковых и противопехотных заграждений, а также минирование участков.

Продолжаются работы по отрывке сплошного противотанкового рва от КРИСТЫНОПОЛЬ до устья р. ВИСЛОК вдоль границы шириной 8 м и глубиной 4 м. По дну рва и его скатам поставлены проволочные заграждения, через которые пропущен электроток. На участке ЖИЛКА, ЛИПСКО ров закончен.

Отрывка такого же рва отмечается по рубежу ЛАЩУВ, ТОМАШУВ.

Девять ДОТов установлено: у сев. окр. ЗАСТАВЕ, 1 км зап. МЫСЬЯНИН, на вост. окр. ХОДОВАНЬЦЕ, у южн. окр. м. ЯРЧУВ, зап. КРУПЕЦ, южн. ПЛАЗУВ, отм. 318 (сев. ПЛАЗУВ 5 км) и на южн. окр. ЕЗЕРНЯ.

Окопные работы ведутся по рубежам:

- а). ТЫШОВИЦЕ, ЛАЩУВ, ТАРНОВАТКА;
- б). КОМАРОВ, ГУТНУВ, ЮЗЕФОВ;
- в). ЛАБУНЕ, ЛИПСКО.

Большая активность работ наблюдается по зап. берегу р. САН, ВИСЛОК и ВИСЛОКА.

2. Дорожное строительство.

Существовавшие шоссе отремонтированы. Мосты усилены.

Строятся новые шоссе: дороги:

- а). ГРУБЕШОВ, БЕЛЗ;
- б). ЯНОВ НИСКО;
- в). КРЖЕШУВ, ТАРНОГРОД, ЦЕШАНУВ.

Параллельно этому шоссе строится узкоколейная железная дорога.

Кроме этого, строятся узкоколейные железные дороги:

- а) ЯНУВ, БЕЛГОРАЙ;
- б) ЛАЩУВ, ВАРЕЖ.

3. Строительство аэродромов.

Строятся новые аэродромы в районах: ЗАМОСТЬЕ (работы отмечены на семи аэродромах в радиусе 15 — 20 км от ЗАМОСТЬЕ, ТАРНУВ и ЖЕШУВ).

Старые аэродромы приводятся в порядок и расширяются.

4. Строительство складов.

В районе ТОМАШУВ построено до двухсот барачных, которые заполняются боеприпасами.

Таким образом, немцами ведется интенсивное оборонное строительство, которое наиболее развито по зап. берегу р. САН. Долговременные сооружения на участке м. КРИСТЫНОПОЛЬ, СЕНЯВА возводятся на направлениях оперативно-целесообразных и благоприятных для наступления крупных войсковых масс.

II. ЗАДАЧА ПРИКРЫТИЯ

Войскам второго района прикрытия поставлены задачи:

а) Прикрыть сосредоточение и развертывание войск армии;

б) Прочно опираясь на предполье и оборонительные сооружения 3, 1 и 5-го УО (узлов обороны) СТРУМИЛОВСКОГО УР и РАВА-РУССКОГО УР, не допустить прорыва противника на территории СССР на участке (иск) м. КРЫСТЫНОПОЛЬ, ГРАБОВЕЦ (3434) протяженностью 165 км, а прорвавшихся уничтожить.

в) Прочно удерживать направления:

1. ТОМАШУВ, РАВА-РУССКАЯ, ЖУЛЬКЕВ;

- 2. ДАХНУВ, м. НЕМИРУВ;
- 3. ПШЕВОРСК, ЯРОСЛАВ, ЯВОРУВ.

г) Не допустить прорыва авиации противника на нашу территорию.

д) Обеспечить охрану объектов и сооружений военного и государственного значения.

III. БОЕВОЙ СОСТАВ СТАРОГО РАЙОНА ПРИКРЫТИЯ

Управление 6-й армии.

Управление и корпусные части 6 ск.

41, 97, 159 сд, 3 кд.

Управление 4-го мехкорпуса.

10, 37, тд и 212 мд.

324 гап РГК, 135 пап РГК, 4 дивизия ПВО, 19 батальон ВНОС.

Управление Тарнопольского бригадного района ПВО (вновь формируемого у 1.6. 41).

Струмиловский УР — 44, 149 ОПБ и 345 арт. полк.

Рава-Русский УР — 21, 36 и 141 ОПБ.

91-й погранотряд, 1-й и 2-й комендатуры 92-го погранотряда.

15-я авиадивизия — 23, 28 ИАП, 66 ШАП и 20 ИАП (последний ИАП переподчиняется из состава 17-й авиадивизии).

Голубиная станция № 7.

IV. СОСЕДИ И ГРАНИЦА С НИМИ

Справа части района прикрытия № 1 (5А).

Штаб РП (5А) КОВЕЛЬ.

Граница с ними (все иск.) КРЕМЕНЕЦ, м. КРИСТЫНОПОЛЬ.

Слева части района прикрытия № 3. Штаб РП — САМБОР.

Граница с ними — ТАРНОПОЛЬ, БУБРКА, ГРУДЕК ЯГОЛЬСКИЙ, БУНОВ, ст. РОДЫМНО.

Тыловая граница — (иск) КРЕМЕНЕЦ, ТАРНОПОЛЬ.

V. ОЦЕНКА РАЙОНА ДЕЙСТВИЙ ЧАСТЕЙ ПРИКРЫТИЯ

а). Общая характеристика пограничной полосы

Полоса местности, прилегающая к госгранице от КРИСТЫНОПОЛЬ до СЕНЯВА, покрыта смешанными лесами. Перерывы этих лесов, идущие с севера на юг, имеются на направлениях:

1. ЯРЧУВ, МАХНУВ, РАВА-РУСКА;
2. ТОМАШУВ, м. НЕМИРОВ;
3. ТАРНОГРАД, ЛЮБАЧУВ.

В каждом из этих направлений возможны действия крупных соединений всех родов войск.

Южнее СЕНЯВА вдоль р. САН на юг тянется открытая полоса местности шириной от 3 до 8 км...

Общий вывод: По условиям местности пограничной полосы и оценки направлений, является необходимым основные усилия района прикрытия иметь на РАВА-РУССКОМ направлении.

VI. ИНЖЕНЕРНАЯ ПОДГОТОВКА РАЙОНА ПРИКРЫТИЯ

По линии госграницы (иск.) м. КРИСТЫНОПОЛЬ до НЕЛЕП-КОВИЦЕ построено предполье, состоящее из восемнадцати батрайонов и трех отдельных РОПов.

За предполем производится строительство Струмиловского и Рава-Русского укрепрайонов с передним краем железо-бетонного пояса по линии — 2 км сев. ПАХРАЧ, с. 3, опушка ГРУШЕВИЦ ЛЯС, КОПАНЬ (7000), ЗАВОРЗЕ, ЖИЧКИ, выс. 260, 238, южн. окр. м. ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА, ГУТЬ СТАРА, БРУСНО СТ., БРУСНО НОВЭ, РУДКА-ДОМБРОВА.

Вывод: инженерная подготовка приграничной полосы района прикрытия дает возможность прочно оборонять границу и не допустить прорывов ее противником на важнейших направлениях.

VII. ЗАМЫСЕЛ ПРИКРЫТИЯ

Район прикрытия разбивается на два участка:

Участок прикрытия № 1 (иск.) КРИСТЫНОПОЛЬ, УРНУВ.

Начальник — командир 3 кд. Штаб участка — БУТЫНЫ (7012).

Состав сил: 3 кд, 44, 140 отдельные пулеметные батальоны и 345 арт. полк Струмиловского УР, 1-й и 2-й комендатуры (без 8-й заставы) 91 ПО.

Занимают для обороны госграницу через 6 часов — 9 часов 30 минут летом и через 7 часов—10 часов 30 минут зимой после объявления тревоги.

Участок прикрытия № 2 (иск.) УГНУВ, ГРАБОВЕЦ (3434)

Начальник — командир 6 ск. Штаб участка — ЯВОРУВ.

Состав сил: управление и корпусные части 6 ск, 41 и 97 сд, 135 РГК, пап 21, 36 и 141-й пулеметные батальоны Рава-Русского укрепрайона, 8 застава 3 комендатуры, 3 и 4 комендатуры 91 ПО, 1-я и 2-я комендатуры 92 ПО.

Занимают для обороны госграницу через 6 часов — 9 часов летом и через 7 часов — 10 часов зимой после объявления боевой тревоги.

Резервы района прикрытия:

а) 15-й мехкорпус сосредотачивается в районе ВОЛДУРИ, м. СОКОЛУВКА (иск.) БРОДЫ летом через 5—18 часов, зимой — через 6—10 часов после объявления тревоги.

б) 4-й мехкорпус сосредотачивается в районе КРЕХУВ, (иск) ЯНУВ, БЖУХОВИЦЕ летом через 9 часов, зимой — через 10 часов после объявления боевой тревоги.

в) 159 сд сосредотачивается в районе м. НЕМИРУВ, ЗАВИДУВ, БОРОВЫ летом через 7 часов, зимой — через 8 часов после объявления боевой тревоги.

Части, выдвинутые на госграницу, прочно обороняют ее, опираясь на предполье и 3, 4 и 5-й узлы обороны СТРУМИЛОВСКОГО УР и РАВА-РУССКОГО УР, не допуская прорыва обороны противника на нашу территорию.

Основные усилия обороны на направлениях:

- 1) м. КРИСТЫНОПОЛЬ, м. МОСТЫ ВЕЛЬКЕ.
- 2) ТОМАШУВ, РАВА-РУССКАЯ.
- 3) ЦЕШАНУВ, ДАХНУВ, ЛЮБАЧУВ, м. НЕМИРУВ.
- 4) ЯРОСЛАВ, РАДЫМНО, КРАКОВЕЦ.

В случае прорыва противника на нашу территорию уничтожение его производится резервами во взаимодействии с авиацией, опираясь на передний край УР, занятый пультами, выполняя следующий план:

1. При прорыве противника в направлении БЕЛЗ, МОСТЫ ВЕЛЬКЕ или БЕЛЗ, ВУЛЬКА МАЗОВЕЦКА уничтожают его:

а) 15-й мехкорпус, действуя из района своего расположения на с.з. и 4-й мехкорпус, действуя на с.в. или север совместно с 3 кд и частями Струмиловского УР.

2. При прорыве противника на направлении ТОМАШУВ, РАВА-РУССКАЯ уничтожают его:

а) 15-й мехкорпус — действуя на запад.

б) 4-й мехкорпус — действуя из своего района сосредоточения на северо-запад.

в) 159 сд — действуя на с.в. или север, совместно с частями 41 сд и частями Рава-Русского УР.

3. В случае форсирования противником р. САН, уничтожение его производится частями 4 мк, 159 сд совместно с частями 97 сд во взаимодействии с авиацией.

VIII. РЕШЕНИЕ НА ПРИКРЫТИЕ И ЗАДАЧИ ЧАСТЯМ

Участок прикрытия № 1 (3 кд, 44, 140 отдельные пулеметные батальоны и 345-й арт. полк Струмиловского УР, 1-й и 2-й комедатуры (без 8 заставы) 91 ПО).

Задачи частей участка:

1. Прочно удерживать госграницу на участке (иск.) КРИСТЫНОПОЛЬ, УРНОВ (протяжением 40 км), опираясь на подготовленные в мирное время 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й батрайоны, 3, 4 и 5-й узлы обороны Струмиловского УР и ОП № 3 узла обороны № 1 Рава-Русского УР в районе выс. 222, ДИНЫСЫ (7000).

2. Не допустить прорыва противника на нашу территорию, уничтожая прорвавшихся.

3. Прочно обеспечить направление БЕЛЗ, КАМИОНКА СТРУМИЛОВА.

Готовность обороны летом через 9 часов 30 минут, зимой — через 10 часов 30 минут после объявления боевой тревоги.

Группировка сил участка:

158 кп с 1 и 3/345 ап.

1). Прочно удерживать участок госграницы выс. 195 (1 км южн. м. КРИСТЫНОПОЛЬ), (иск.) ВОЛЯ ГЛУХОВСКАЯ (8491), ГРУШОВЕЦ ЛЯС, опираясь на подготовленный в мирное время к обороне 1 батрайон предполья (8 км).

2). Не допустить форсирования противником р. СОЛОКИЯ и прорыва его в направлении ПАРХАЧ, фл. ГРУШУВ.

Главные усилия на направлении м. КРИСТЫНОПОЛЬ, ПАРХАЧ.

Готовность обороны летом через 6 часов, зимой — через 7 часов после объявления тревоги.

Граница слева — фл. АДАМУВКА (7894), (иск.) ВОЛЯ ГЛУХОВСКАЯ, ЖАБЧЕ.

60 кп с 2/345 ап

1). Прочно удерживать участок госграницы ВОЛЯ ГЛУХОВСКА, ВОРОНУВ (8206), сев. окр. КЛЕВЧАНЫ, (иск.) фл. ОСМО-

ЛИЦА, опираясь на подготовленные к обороне в мирное время 2-й и 3-й батрайоны предполья (16 км).

2). Не допустить форсирования противником р. СОЛОКИЯ и прорыва его в район ВАНЮВ и в направлении БЕЛЗ, ПРУСНИВ.

Готовность обороны летом через 9 часов 30 минут, зимой через 10 часов 30 минут после объявления боевой тревоги.

34 кп с 27 конад

1). Прочно удерживать участок госграницы (иск.) ВОРОНУВ, ПОДЛЕМБЦЕ, сев. опушка лесов южн. и ю.в. КАРУВ (16 км), опираясь на подготовленные к обороне 5-й и 6-й батрайоны предполья.

2). Не допустить форсирования противником р. СОЛОКИЯ и прорыва его в направлении КОРЧУВ, ДОМАШУВ и в районе УГНУВ.

Главные усилия в районах КАРУВ, УГНУВ и ПОДДЕМБИЦЕ.

Готовность обороны летом через 9 часов 30 минут, зимой через 10 часов 30 минут после объявления боевой тревоги.

99 кп и 44-й танк. полк сосредотачиваются в районе выс. 205,0, ВЕЧОРКИ (7490), ур. ЛЯС ВОЛИЦА летом через 6 часов, зимой через 7 часов после объявления боевой тревоги, где составляют ударную группу дивизии.

Подготавливают действия для контрудара в направлениях:

1). м. КРИСТЫНОПОЛЬ; 2). БЕЛЗ; 3). УГНУВ.

Зенитный дивизион прикрывает ударную группу дивизии. Готовность к открытию огня летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги.

Штадив — БУТЫНЫ (7012) переходит в указанный пункт летом через 6 часов, зимой через 7 часов.

Участок прикрытия № 2. (Управление и корпусные части 6 ск, 41 и 97 сд, 135 пап РГК, 21, 36 и 141-й пулеметные батальоны РАВА-РУССКОГО укрепрайона, 8-я застава 3-й комендатуры, 3-й и 4-й комендатуры 91 ПО, 1-й и 2-й комендатуры 92 ПО).

Задача частей участка:

1. Прочно оборонять госграницу на участке (иск.) УГНОВ, СЕНЯВА, ГРАБОВЕЦ (3434), опираясь на подготовленные в

мирное время 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18-й батрайоны предполья и ротные опорные пункты в районах ДЫХНУВ, МАСЛЯНКУВ, НЕЛЕПКОВИЦЕ и РАВА-РУССКИЙ (протяжением 125 км).

2. Не допустить прорыва противника на нашу территорию, уничтожая прорвавшихся.

3. Прочно удерживать направления:

- а) ТОМАШУВ, РАВА-РУССКА, ЖУЛЬКЕВ;
- б) ДЫХНУВ, м. НЕМИРУВ;
- в) ПШЕВОРСК, ЯРОСЛАВ, ЯВОРУВ.

Группировка сил участка:

41 сд с 209 кап, 135 пап РГК, 21, 36 и 141-й пулеметными батальонами РАВА-РУССКОГО УР, 8-й заставой 2-й комендатуры и 3-й комендатурой 91 ПО — прочно оборонять госграницу на участке (иск.) УГНУВ, (иск.) НОВЭ СЕЛО (6654) (протяжением 42 км), опираясь на подготовленные в мирное время 7, 8, 9 и 10-й батрайоны предполья и оборонительные сооружения 2, 3, 4 и 5-го узлов обороны РАВА-РУССКОГО УР.

Не допустить прорыва противника на нашу территорию, уничтожая прорвавшихся.

Прочно обеспечить направление — ТОМАШУВ, РАВА-РУССКА, ЖУЛЬКЕВ.

Главные усилия на направлении ТОМАШУВ, РАВА-РУССКА. Граница слева (иск.) КУРНИКИ, (иск.) РАЙХАУ, ЖУКУВ.

Оборону дивизии организовать:

2/102 сп с 1/132 ап, 1-й и 2-й взв. полк. 45-мм батареи, 1 взв. ПА, 1 взв. полк. мин. батареи и сапротой полка — оборонять район госграницы ВУЛКА ВЕБЖИЦКА, НОВОСЮЛКИ КАРДЫНАЛЬСКОЕ, МАХНУВ (6 км), опираясь на подготовленный к обороне в мирное время 7-й батрайон предполья и не допустить прорыва госграницы противником.

Главные усилия на левом фланге.

Готовность обороны летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги.

Граница справа КОРНЕ, МАХНУВ, ЮРУЗ.

244 сп с 249 гап, 1 бтр 117 ПТД, 1 р. 111 сапб.

1) Прочно оборонять участок госграницы выс. 263 (3 км сев. МАХНУВ), ПИЗУНЫ (7868) (20 км), опираясь на подготовленные в мирное время 8-й и 9-й батрайоны предполья.

Главные усилия на направлении БЕЛЖЕЦ, м. ЛЮБАЧА КРУЛЕВСКА.

2) Не допустить прорыва противником госграницы в направлении ЖУРАВЦЕ, БРЕБЕННЕ и БЕЛЖЕЦ, м. ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА.

3) Для обеспечения стыка с 139 сп выдвинуть два стрелковых и один пулеметный взводы в район ЛУКАВИЦЕ, БЫВЭЛЬЦЭ.

Поддерживают 209 кап с огневых позиций в районе КАМЕРАЛЬНА, СОЛТЫСИ, ЛУЖКИ и 1/135 пап РГК с огневых позиций в районе ВЭРЭСИЦА, РУДКИ.

Готовность обороны летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги.

Граница слева (иск.) ЭЙНЗИНГЕН, (иск.) ГУТА СТАРА, ЛИПСКО.

139 сп с 135 пап РГК (без 1-го д-на), 132 ап (без 1-го д-на), 2 бтр 117 ПТД и 2 р. 116 сапб.

1). Прочно оборонять участок госграницы ДЭБИНА, ХОТЫЛУБ, ПОДЭМШЫЗНА, ЗЛОМЫ (7466) протяжением 16 км, опираясь на подготовленные РОПы предполья и опорные пункты РАВА-РУССКОГО УР.

Основные усилия на своем левом фланге.

2). Не допустить прорыва противника на нашу территорию.

Готовность обороны полка летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги.

102 сп (без 2-го б-на, 1-й и 2-й взв. Полк. 45-мм батареи, 1 взв. ПА, 1-й взв. полк. мин. батареи и сапроты полка) с 3 бтр ПТД составляет ударную группу дивизии, сосредоточившись в лесу в районе СЕДЛИСКА, (иск.) ПРУСИЕ, выс. 286, 305.

Приготавливает действия для контрудара в направлении:

1). УГНУВ; 2). ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА; 3). БЕРХАРТА, ЛУБЧА.

Разведбатальон дивизии до выдвижения 2/102 сп оборонять район ВУЛКИ ВЕЖБИЦКА, НОВОСЮЛКИ КАРДИНАЛЬ-

1941. Победный парад Гитлера

СКОЕ, МАХНУВ. С прибытием в этот район 2/102 сп, разведбатальон сосредотачивается в районе ударной группы дивизии и дальнейшие задачи получает от командира дивизии.

65-му зенитному дивизиону выдвинуться в район СЕДЛИСКА и прикрыть с воздуха ударную группу и штаб дивизии.

Готовность к открытию огня летом через 6 часов, зимой через 7 часов 30 минут после объявления тревоги.

Штадив 41-й в районе леса (1/2 км ю. в. СЕДЛИСКА).

97 сд с 324 гап РГК...

РЕЗЕРВЫ РАЙОНА ПРИКРЫТИЯ:

а) 15-й мех. корпус сосредотачивается в районе БОЛДУРЫ, м. СОКУЛОВКА, (иск.) БРОДЫ летом через 5—18 часов, зимой через 16—40 часов после объявления боевой тревоги и подготавливает действия для контрудара в направлениях:

1. м. СТОЯНУВ, м. ГОРОХУВ;
2. РАДЗЕХУВ, СОКАЛЬ;
3. КОМИОНКА СТРУМИЛОВА, РАВА-РУССКАЯ.

б) 4 мех. корпус сосредотачивается в районе КРЕХУВ, (иск.) ЯНУВ, БУХОВИЦЕ летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги и подготавливает действия для контрудара в направлениях:

1. КАМИОНКА СТРУМИЛОВА, РАДЗЕХУВ и ЖУЛЬКЕВ, КРИСТЫНОПОЛЬ;
2. КРЕХУВ, РАВА-РУССКАЯ, ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА;
3. КРЕХУВ, НЕМИРУВ, РАДЫМНО и ЯНУВ, ПШЕМЫСЛЬ.

в) 159 сд сосредотачивается в районе м. НЕМИРУВ, ЗАВАДУВ, БОРОВЦЫ летом через 7 часов, зимой через 8 часов после объявления боевой тревоги и подготавливает действия для контрудара в направлениях:

1. НЕМИРОВ, РАВА-РУССКАЯ, УГНУВ;
2. м. НЕМИРОВ, ГОРИНЕЦ, ЛУВЧА;
3. м. НЕМИРОВ, ЛУБАЧУВ;
4. м. НЕМИРОВ, КРАКОВЕЦ.

Порядок выдвижения частей в районы прикрытия согласно прилагаемого плана (приложение № 1).

IX. ПОГРАНИЧНЫЕ ОТРЯДЫ

(91-й погранотряд 1-й и 2-й комендатуры 92-го погранотряда)

а) С началом враждебных действий организуют усиленную охрану госграницы и не допускают перехода и прорыва на нашу территорию отдельных вооруженных групп и отрядов с сопредельной стороны.

б) Организуют усиленное наблюдение за сопредельной стороной с задачей:

— установить подход к госгранице войск противника;

— какие и где оборонительные работы будут производиться противником у госграницы;

— кем будут заняты оборонительные постройки, возведенные противником у госграницы.

в) Поддерживают прочную связь с отрядами поддержки, выделенными от полевых войск, а в случае прорыва границы вооруженными группами и отрядами немедленно вызывают отряды поддержки и уничтожают прорвавшихся.

Отряды поддержки с момента их вызова входят в оперативное подчинение начальников погранотрядов до прибытия в район действий старшего общевойскового начальника.

Перечень выделенных отрядов поддержки ПО согласно приложению 3.

г) С прибытием на госграницу частей прикрытия, продолжают охрану госграницы, усилив связь:

— штаб 91-го погранотряда — со штабом 41 сд;

— комендатуры 91-го и 92-го погранотрядов — со штабами полков, на участках коих они будут находиться.

д) С началом боевых действий комендатуры и заставы подчиняются командирам полков, на участках коих они будут находиться.

X. УКРЕПЛЕННЫЕ РАЙОНЫ

1. Задачи частей СТРУМИЛОВСКОГО УР (без 345 ап, 35 и 42 ОПБ):

а). Занять боевые сооружения 3, 4 и 5-го узлов обороны, приведя их в боевую готовность, оборонять:

1 р. 140 пульбата — ОП № 1 третьего узла обороны;

2 р. 140 пульбата — ОП № 2 тоже;

3 р. 140 пульбата — ОП № 3 тоже;

(на полевых позициях)

1 р. 44 пульбата — ОП № 2 четвертого узла обороны;

2 р. 44 пульбата — ОП № 2 пятого узла обороны;

3 р. 44 пульбата — ОП № 3 тоже.

Готовность обороны через 2 часа после объявления боевой тревоги.

б). Прочно прикрыть направление КАМИОНКА СТРУМИЛОВА и на ЖУЛЬКЕВ.

в). В случае прорыва противником предполья на одном из направлений, задача частей УР не допустить его дальнейшего прорыва и, во взаимодействии с полевыми частями, уничтожить его прорвавшиеся части.

г). Приступить немедленно к инженерным работам по усилению оборонительного рубежа. В первую очередь дополнить противотанковые и противопехотные препятствия.

д). Силами строительного участка и местного населения возвести тыловой оборонительный рубеж по линии РАДЗЕХУВ, КАМИОНКА СТРУМИЛОВА, ЖУЛЬКЕВ.

2. Задачи частей РАВА-РУССКОГО УР:

а). Занять боевые сооружения 3, 4 и 5-го узлов обороны, приведя их в боевую готовность, оборонять:

2 р. 21 пульбата — ОП № 3 первого узла обороны;

1 р. 21 пульбата — ОП № 1 второго узла обороны;

3 р. 21 пульбата — ОП № 2 второго узла обороны;

1 р. 36 пульбата — ОП № 2 третьего узла обороны;

2 р. 36 пульбата — ОП № 2 третьего узла обороны;

3 р. 36 пульбата — ОП № 1 четвертого узла обороны;

1 р. 141 пульбата — ОП № 2 четвертого узла обороны;

3 р. 141 пульбата — ОП № 1 пятого узла обороны;

2 р. 141 пульбата — ОП № 2 пятого узла обороны.

Готовность обороны через 2 часа после объявления боевой тревоги.

б). Прочно удерживать полосу обороны, не допустить прорыва ее противником.

в). В случае прорыва противником предполья на одном из направлений, задача частей УР не допустить его дальнейшего прорыва и во взаимодействии с полевыми частями уничтожить его прорвавшиеся части.

г). Приступить немедленно к инженерным работам по усилению оборонительного рубежа. В первую очередь дополнить противотанковые и противопехотные препятствия.

д). Силами строительного участка и местного населения возвести тыловой оборонительный рубеж по линии (иск.) ЖУЛЬКЕВ, м. НЕМИРУВ, КРАКОВЕЦ.

XI. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВИАЦИИ (карта 500.000)

Для прикрытия действий частей района прикрытия и взаимодействия с ними приданы:

Наименование	Базирование	Базирование с началом прикрытия
15 АД		
20 ИАП (переподчиняется из состава 17 АД)	ПРОСКУРОВ	КУРОВИЦЕ, АДАМЫ
23 ИАП	ЛЬВОВ	ЧЕРЛЯНЫ
28 ИАП	ЛЬВОВ	ЧЮНЮВ
66 ШАП	ХЛОПЫ	ОЛЬШАНИЦА

а). Характеристика аэродромной сети

Аэродромная сеть района прикрытия, как эксплуатируемая в настоящее время, так и подготавливаемая, характеризуется следующими данными:

Наименование и дислокация	Размеры летн. поля	Емкость	Степень готовности
КУРОВИЦЕ (28 км в. ЛЬВОВА)	132 га 1000x1000	до двух ИАП	Хорошо дренажирован. Центр летного поля в хор. состоянии. Выходит из строя весной на небольшой период.
АДАМЫ (28 км в. ЛЬВОВА)	132 га 1000x1000	один ИАП	Спланирован, в работе не был. Состояние хорошее. Весной быстро просыхает.

1941. Победный парад Гитлера

Наименование и дислокация	Размеры летн. поля	Емкость	Степень готовности
ЧЮНЮВ (22 км зап.)	132 га 1100x1000	до двух ИАП	Находится в эксплуатации. В хорошем состоянии, весной быстро просыхает. Грунт песчаный.
ЧЕРЛЯНЫ (20 км ю.з.)	131 га 1000x1000	один ИАП	Только что спланирован. Находится в низине. Большой застой воды. Весной надолго выходит из строя.

Задача 15 АД.

а). Не допустить проникновения авиации противника на нашу территорию в полосе — справа БРОДЫ, КРЫСТЫНОПОЛЬ; слева ЛЬВОВ, ЛЮБЕНЬ ВЕЛКИ, ПШЕМЫСЛЬ.

б). Прикрывать наземные части района прикрытия и район г. ЛЬВОВ, уничтожая авиацию противника в зонах истребления.

1. Зона истребления 20 ИАП — КРЫСТЫНОПОЛЬ, ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА, РАВА-РУССКАЯ, ЖУЛКЕВ, КРАСНЕ, БРОДЫ.

2. Зона истребления 28 ИАП — ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА, ЛЮБАЧУВ, ЯВОРУВ, ЧУНЮВ, ЛЬВОВ, ст. БОРЦОВИЦЕ.

.....

XII. ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА

1. Служба ВНОС.

Для оповещения войск о появлении авиации противника через 4 часа поднимается полная система 19-го б-на ВНОС территории страны. (Дислокация постов ВНОС согласно прилагаемой при сем схеме на карте 500.000 — приложение № 13.)

Передача донесения «ВОЗДУХ» производится по постоянным телеграфным проводам.

Войсковая служба ВНОС организуется по схеме — НП ВНОС частей, ГП ВНОС дивизии, Штакор, штарм.

2. Зенитные части.

а) 4-я дивизия ПВО прикрывает район г. ЛЬВОВ.

б) 126 ЗАД прикрывает район ТАРНОПОЛЬ.

в) 101 ЗАД (97 сд) прикрывает ОП 324 гап РГК и штаб 97 сд в районе ЛАШКИ, ЗАЛЕСКА ВОЛЯ, ТУХЛЯ.

г) Активные средства ПВО соединений и частей прикрытия используются распоряжением своих командиров для ПВО войск.

Взаимодействие истребительной авиации и зен. частей по прилагаемой таблице взаимодействия (приложение № 7).

XIII. РАЗВЕДКА

Наблюдение за госграницей в мирное время производится погранотрядами. С развертыванием частей прикрытия выставляются последними НП, которые выполняют задачи:

1. Устанавливают подход к госгранице войск противника.
2. Какие и где оборонительные работы будут производиться у госграницы противником.
3. Кем будут заняты оборонительные постройки, возведенные у госграницы.

С получением разрешения на перелет госграницы авиаразведка выполняет задачи:

.....

в) Задачи агентурной разведки...

1. Установить силу, состав и принадлежность частей прикрытия, развернутых у госграницы.
2. Районы расположения резервов прикрытия и их состав.
3. Районы выгрузки частей, их направление после выгрузки, состав и № частей и соединений.
4. Место выгрузки и сосредоточения мотомехчастей.
5. Районы развертывания противника и пункты расположения штабов и их наименование.
6. Какая авиация и количество базируется на аэродромах в районе ЗАМОСТЬЕ, ЩЕБРЕШИН, ЛЮБЛИН, РАДОМ, КЕЛЬЦЕ, ТАРНУВ, ЖЕШУВ.

XIV. ИНЖЕНЕРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

С введением в действие плана прикрытия немедленно организовать работы по инженерному усилению рубежей:

а) Предполья — силами войск, занимавшими его для обороны.

б) Главной полосы обороны укрепрайонов — силами частей УР и местного населения. В первую очередь дополняются противотанковые и противопехотные препятствия.

1941. Победный парад Гитлера

в) Организуются работы на второй оборонительной полосе СТРУМИЛОВСКОГО и РАВА-РУССКОГО УР силами строительных участков и местного населения.

г) Исправляются дороги и усиливаются мосты распоряжением начальников участков, имея под особым наблюдением следующие участки дорог:

.....

XV. МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

1. Задача тыла — обеспечить войска района прикрытия с первого до десятого дня действий положенными нормами расхода:

а) Огнеприпасов 2,5 б.к.;

б) Горючего для боевых машин 3 запр., для остальных 4 запр.;

в) Продфуража 10 сутдач.

2. Наличие и потребность огнеприпасов, горючего и продфуража. К одиннадцатому дню, израсходовав положенные нормы, должны иметь для дальнейшего действия полностью возимые и носимые запасы.

Исходя из этого и учитывая состояние запасов частей — обеспеченность и потребность выражается согласно прилагаемой при сем ведомости.

.....

5. Нормы расхода для частей прикрытия.

Нормы расхода для всех частей, кроме авиации, указываются в пункте первом.

Нормы расхода для авиации (с первого по десятый день действий) — огнеприпасов для истребительной авиации — 18 бк и штурмовой авиации — 8 бк. Горючего для истребительной авиации — 18 запр. и штурмовой авиации — 8 запр.

Продовольствие расходовать в размере нормы.

Командующий 6 А Член ВС 6А
Генерал-лейтенант МУЗЫЧЕНКО
дивизионный комиссар ПОПОВ
и.д. начальника штаба
полковник ВЕЯЛКО

**БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ ШТАБА ЮЗФ
ОТ 1.07.41**

Переданная в состав 6-й армии 14-я кавалерийская дивизия, оборонявшая Кременец, по данным командира 37-го стрелкового корпуса, оставила этот пункт и этим оголила правый фланг корпуса. В результате этого в 11.00 1.7.41 г. фланг 37-го стрелкового корпуса обходится пехотой и танками противника, выдвигавшимися из Новый Почаюв, Заложце.

Приказываю командующему 6-й армией немедленно взять в свои руки управление частями 36-го стрелкового корпуса, принять решительные меры к восстановлению положения на фронте Кременец, Новый Почаюв.

(ЦАМО, ф. 334, оп. 3949сс, д. 5, л. 67.)

**ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ЮЗФ
ОТ 10.00 3 ИЮЛЯ 1941 ГОДА**

Части 6-й армии после неудачных боев на фронте Новый Почаюв, Золочев, неся большие потери, не организовали отхода и без связи между собой отходили на восток.

Части 37-го ск отмечались 2.7.41 г.:

141-я стрелковая дивизия — Колодно;

80-я стрелковая дивизия — Красносельце;

139-я стрелковая дивизия — Шишковце, Макрополь;

2-я птбатр — рубеж Вежбовец, Лопушно.

Данных о положении частей 37-го стрелкового корпуса в течение ночи не поступало.

(ЦАМО, ф. 229, оп. 9776сс, д. 63, л. 68—69.)

ИЗ БОЕВОГО ПРИКАЗА ШТАБА 6-Й АРМИИ
ОТ 6 ИЮЛЯ 1941 Г.

Крупные мотомехсоединения противника, овладев районом Славута, Изьяславль, Шепетовка, обозначили наступление от Полонное на Мориамполь.

37-й стрелковый корпус — в целях обеспечения фланга и тыла армии от возможных ударов противника с севера, к исходу 7.7.41 г. занять и подготовить к обороне противотанковый рубеж на фронте Москалевка, Шноровка, Драчи фронтом на север, с задачей не допустить прорыва на Староконстантинов.

Штаб армии — Староконстантинов.

(ЦАМО, ф. 337, оп. 5307, д. 7, л. 97.)

ИЗ БОЕВОГО ДОНЕСЕНИЯ ШТАБА
37-ГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА

10 июля 1941 г., 15.10

Уточнив задачу корпуса, командир задает ряд вопросов и просит сообщить:

1. Будет ли у штаба корпуса прямой провод со Староконстантиновым (штаб армии)?
2. Кто соседи корпуса, их задачи и ответственные за стыки?
3. Кто из частей армии действует впереди?
4. Будет ли работать разведывательная авиация перед фронтом корпуса?
5. Разрешено ли будет взрывать (поджигать) мосты в случае наступления через реку Случь?
6. Остается ли в силе приказ об удержании рубежа Бульки, Коротки?
7. Где находятся склады с боеприпасами и где, в частности, получать снаряды?

(ЦАМО, ф. 334, оп. 5307, д. 11, л. 276.)

**ИЗ ПРИКАЗА ШТАБА 6-Й АРМИИ КОМАНДИРУ
37-ГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА**

10 июля 1941 года, 17.00.

Немедленно остановите самостоятельный отход, приняв самые суровые меры. Занять и прочно оборонять рубеж Тетериновка, Степановка, Острополь. Без приказа не отступать! Приказ выполнить, не считаясь с трудностями. За выполнение отвечаете вы, комбриг Зыбин, лично! Ваш отход оголил правый фланг 8-го стрелкового корпуса, что привело к обострению.

(ЦАМО, ф. 334, оп. 5307, д.7, л. 125.)

**ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ
ОТ 18 ИЮЛЯ 1941 ГОДА, 6.00.**

37-й стрелковый корпус (80-я, 139-я сд) к 21.00 17.07. 41 г. вышли на линию:

80-я сд — юго-западная окраина Журбинцы.

1 км севернее Малышевка, фронтом на север. КП — Малышевка.

139-я сд — Кадышевка, Кулюновцы.

141-я сд — Писаревка, Голяки.

Части 80-й и 139-й сд вели бои с мелкими группами противника в районе Прушинке, Кордышевка.

(ЦАМО, ф. 334, оп. 5307, д. 11, л. 467.)

ПРИГОВОР ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

21 июля 1941 года.

Именем Союза Советских Социалистических республик, 1941 года, 21 июля, Военный трибунал Южного фронта в закрытом судебном заседании в составе председательствующего военного юриста 1-го ранга Доценко и военных юристов 3-го ранга Турецкого и Кислова, при секретаре Логвинове, рассмотрев дело № 102 по обвинению бывшего командира 60-й горнострелковой дивизии генерал-майора

Салихова Маркиса Бикмуловича, 1896 года рождения, гражданина СССР, татарина, уроженца деревни Тавлино Нурдандского района Татарской АССР, происходящего из крестьян середняков, бывший член ВКП(б), исключенный в связи с настоящим делом, с незаконченным средним образованием, женатого, ранее не судимого, в Красной Армии с 1920 года, дважды награжденного орденами Красной Звезды и медалью «XX-лет РККА», по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 206-17 п. — «б» УК УССР, и бывшего заместителя по политической части командира 60-й горнострелковой дивизии

Курочкина Ивана Григорьевича, 1901 года рождения, уроженца города Харькова, из рабочих, бывшего члена ВКП(б), исключенного в связи с настоящим делом, с высшим политическим образованием, женатого, ранее не судимого, в Красной Армии с 1917 года, имеющего награду медаль «XX-лет РККА», по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 206-17 п. — «б» УК УССР.

Данными предварительного следствия нашел установленным виновность Салихова и Курочкина в том, что они, первый, являясь командиром 60-й горнострелковой дивизии, а второй его замом по политчасти, во время боев 60-й горнострелковой

1941. Победный парад Гитлера

дивизии и отхода дивизии на новый рубеж в районе м. Хотин и во время переправы через р. Днестр не осуществляли надлежащего руководства частями дивизии, допустили панику во вверенных им войсках. Потеряв управление частями во время отхода дивизии к р. Днестр, во время переправы частей через нее в районе м. Хотин, превратили дивизию в малоспособное соединение. Надлежащей политико-воспитательной работы в период отхода частей на новый рубеж не велось, в результате чего имело место массовое дезертирство с оружием ... стрелковая дивизия, возглавляемая Салиховым и Курочкиным, до 7 июля находилась на фронте, неплохо показала себя в боях с фашистами, военный трибунал нашел возможным применить к подсудимым Салихову и Курочкину статью 46 УК УССР, руководствуясь статьей 206 и 297 УПК УССР,

ПРИГОВОРИЛ:

Салихова Маркиса Бикмуловича на основании статьи 206-17 п. — «б» УК УССР с применением статьи 46 УК УССР подвергнуть лишению свободы сроком на 10 лет.

Курочкина Ивана Григорьевича на основании той же статьи 206-17 п. — «б» УК УССР с применением статьи 46 УК УССР подвергнуть лишению свободы сроком на 8 лет.

На основании примечания «2» статьи 27 УК УССР, исполнение приговора в части отбывания наказания осужденным отсрочить до окончания военных действий. Салихова и Курочкина направить на фронт, понизив в воинском звании Салихова до полковника и Курочкина до батальонного комиссара. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председатель Военного трибунала

Доценко.

Члены Военного трибунала

Турецкий. Кислов.

**МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА ВОЕННОЙ
КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ОТ ФЕВРАЛЯ
1956 ГОДА О ПЕРЕСМОТРЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ НА КИРИЛЛОВА НИКОЛАЯ КУЗЬМИЧА,
ВЫНЕСЕННОГО ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР 25 АВГУСТА 1950 ГОДА**

По приговору суда, Кириллов Н.К. признан виновным в том, что, являясь командиром 13-го стрелкового корпуса и попав в окружение противника, изменил Родине, сдавшись 7 августа 1941 г. без сопротивления в плен немцам, и что при допросе сообщил немцам секретные сведения о составе частей корпуса.

На предварительном следствии и в суде Кириллов Н.К. виновным себя в измене Родине не признал.

На следствии он показал, что с тяжелыми боями 13-й стрелковый корпус вышел 2 августа 1941 г. в район г. Умань, где и был окружен немецкими войсками. В результате длительных боев с превосходящими силами противника, к 7 августу 1941 г. части корпуса имели 90% потерь в личном составе и материальной части.

Под сильным пулеметным и минометным огнем он, Кириллов, в числе других офицеров, залег в канаву на опушке леса. Когда немецкие войска стали прочесывать лес и обнаружили их, он, Кириллов, растерялся, потерял силу воли, не оказал немцам сопротивления и сдался в плен. Чем и совершил преступление перед Родиной.

В последнем слове Кириллов заявил, что врагом Советской власти он не был и никогда им не будет.

В качестве доказательств вины Кириллова, к делу были приобщены показания Потапова, Герасимова, Сиваева, Абрамидзе, Добросердова, Скучарева, Артеминко, Зыбина, Кудрявце-

ва, Меандрова, Опякина и Арушаняна. За исключением Опякина и Арушаняна, никто из названных лиц компрометирующих Кириллова показаний не дал.

Опякин же показал на предварительном следствии следующее: «Командующий армией Понеделин и командир 13-го стрелкового корпуса Кириллов 1 августа 1941 года приняли неправильное решение о переходе к обороне, вместо того, чтобы отвести войска за реку. Не зная положения обстановки на фронте и на флангах, Понеделин и Кириллов якобы допустили окружение войск и не организовали выхода из окружения». Далее Опякин показал, что хотя он очевидцем пленения не был, но со слов других лиц ему известно, что Понеделин и Кириллов без боя сдались в плен немцам. После этого ему, Опякину, стало ясно, что указанные выше действия командования 12-й армией явились вредительскими.

Бывший начальник штаба 12-й армии Арушанян, в 1942 г. показал, что приказ Понеделина от 1 августа 1941 г. о переходе к обороне он считал неправильным, а когда узнал о сдаче Понеделина в плен, сделал вывод о предательском характере этого приказа.

Таким образом, обвинение Кириллова в измене Родине было основано на показаниях Опякина и Арушаняна, данных ими на предварительном следствии.

Вновь допрошенные в 1955 году Опякин и Арушанян изменили свои показания, а ряд других свидетелей, допрошенных в процессе проверки, не подтвердили показаний Опякина и Арушаняна, данных ими в 1941—1942 годах.

Так Опякин на допросе 13 декабря 1955 г. показал, что Понеделин и Кириллов меры к выводу своих войск из окружения принимали, но на его, Опякина, взгляд распоряжения, которые они давали в августе, имели ряд недостатков. Далее Опякин показал, что когда его спросили в 1941 году, являются ли действия Понеделина и Кириллова вредительскими, он ответил положительно и сделал этот вывод под впечатлением разговоров офицеров его, Опякина, дивизии (фамилии офицеров не помнит) о том, что Понеделин и Кириллов якобы оставили свои войска на произвол судьбы, а сами сдались в плен.

Арушанян на допросе 16 декабря 1955 года показал, что квалификация и оценка действий Понеделина в 1942 году дана была не им, а следователем. Что Кириллов считался лучшим командиром корпуса в армии, и до самого последнего момен-

та, когда Кириллов подготавливал лично последний прорыв из окружения, он, Арушанян, о Кириллове оставался самого лучшего мнения.

В процессе проверки были допрошены: бывший начальник штаба 6-й армии генерал-майор Н.П.Иванов, бывший командующий 6-й армией генерал-лейтенант в отставке Музыченко И.Н., бывший член Военного совета 6-й армии генерал-майор запаса Попов Н.К., бывший член Военного совета 12-й армии полковник в отставке Куликов И.П., бывший начальник артиллерии 12-й армии генерал-лейтенант Гавриленко Н.В., бывший начальник штаба 99-й стрелковой дивизии генерал-майор запаса Горохов С.Ф. и бывший командир полка 72-й стрелковой дивизии генерал-майор запаса Хватов М. Е. Все названные лица показали, что к моменту пленения Кириллова войска, которыми он командовал, находились в тяжелой боевой обстановке, и что командование армией (Понеделин) и корпуса (Кириллов) приняли все необходимые меры к выводу войск из окружения.

Очевидец пленения Кириллова, бывший начальник Особого отдела 13-го стрелкового корпуса полковник запаса Шишацкий Т.К. на допросе 30 декабря 1955 года показал, что он лично видел, как во время боя при выходе из окружения на Кириллова, находившегося с адъютантом, комиссаром корпуса и несколькими другими офицерами, на опушке леса неожиданно набросилось около тридцати немецких солдат, которые и схватили Кириллова и других офицеров. Обстановка боя была такова, что выручить группу Кириллова не было возможности. Лично он, Шишацкий, ничего определенного за Кирилловым не замечал, и такими данными Особый отдел не располагал.

Таким образом, в деле нет никаких доказательств того, что Кириллов сдался в плен немцам добровольно и преднамеренно. Обвинение Кириллова в выдаче немецкому командованию военной тайны основано только на его показаниях о том, что когда его немцы спрашивали о частях, входивших в состав 13-го стрелкового корпуса, их номера и дислокации в мирное время, он долго молчал, а когда допрашивавший его офицер-немец вынул карту и назвал все части корпуса, их номера и дислокацию мирного времени, он, Кириллов, подтвердил правильность этих сведений.

На вопрос, куда девалась материальная часть войск корпуса, он ответил, что она уничтожена по его, Кириллова, приказу

1941. Победный парад Гитлера

перед боем на выход из окружения. Эти показания Кириллова не дают основания для признания его вины в измене Родине.

Из партийного и служебного личных дел на Кириллова видно, что он по службе и по партийной деятельности характеризуется положительно. В служебной характеристике от 27 июля 1941 года указано, что в боях с германским фашизмом Кириллов проявил себя волевым, решительным командиром корпуса, что боевые задачи Военного совета 12-й армии 13-й стрелковый корпус выполняет честно и в установленные сроки.

23 февраля 1956 года приговор в отношении Кириллова Николая Кузьмича, вынесенный Военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1950 года, — отменен.

**КОМАНДНЫЙ СОСТАВ 44-Й КРАСНОЗНАМЕННОЙ
ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОРНОСТРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ ИМ. Н.И. ЩОРСА**

1. Командир — генерал-майор Ткаченко Семен Акимович.
2. Комиссар — полковой комиссар Тищенко Иван Васильевич.
3. Начальник штаба — капитан Матвеев Иван Михайлович.
4. Заместитель командира — полковник Дубровский.
5. Начальник артиллерии — полковник Самборский.
6. НШ артиллерии — майор Башта Федор Владимирович.
7. Начальник инженерной службы — майор Корытов Георгий Яковлевич.
8. Начальник оперативного отдела — капитан Банников.
9. Начальник химической службы — капитан Каримов Мухамет Физмахметович.
10. Начальник санитарной службы — в/врач 2-го ранга Новиков Иван Константинович.
11. Начальник строевой части — капитан Якоби Семен Моисеевич.
12. Начальник политотдела — батальонный комиссар Домовцев Александр Петрович.
13. Помощник начальника политотдела — батальонный комиссар Корнилов Евгений Николаевич.
14. Секретарь партийной комиссии — старший политрук Шалимов Сидор Игнатьевич.
15. Инструктор отдела политической пропаганды — Джеря Григорий Дементьевич.
16. Адьютант командира дивизии — старший лейтенант Устинов Николай Павлович.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Арушанян Баграт Исаакович. С конца Гражданской войны — начальник полковой школы 1-го стрелкового полка Армянской стрелковой дивизии, в которой Ленинанканским кавалерийским полком командовал И.Х. Баграмян. В 1936 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. После академии командовал полком, дивизией, отличился в боях на Карельском перешейке во время советско-финляндской войны. С 1940 года — начальник штаба 12-й армии Киевского Особого военного округа.

Астахов Федор Алексеевич. Родился 27 января (8 февраля) 1892 года в деревне Дедовские Выселки Московской губернии в семье крестьян. Трудовую деятельность начал после окончания сельской школы на одном из заводов Москвы учеником слесаря, затем слесарем в одном из московских депо. На военной службе с 1915 года. В следующем году окончил Севастопольскую школу летчиков. Прапорщик в воздухоплавательной роте на Западном фронте. Дважды ранен, награжден двумя орденами. В РККА с марта 1918 года. В годы Гражданской войны командир авиационного отряда тульской и калужской авиационных групп 5-й армии, затем начальник авиации 1-й Сибирской авиационной группы Восточного фронта. С 1920 года начальник авиации Сибири. После окончания в 1923 году Курсов высшего командного состава РККА Федор Алесеевич был назначен начальником авиации Кавказской Краснознаменной армии. Спустя три года — начальником авиационных школ в Серпухове, позже — в Оренбург. С 1930 года командир авиационной бригады. В 1931 году вступил в ряды ВКП(б). В 1935—1936 годах помощник начальника управления ВВС РККА. В 1937 году командир 1-го авиационного корпуса, через год —

командующий ВВС Киевского военного округа. С 1940 года заместитель начальника штаба Главного управления ВВС РККА, генерал-майор авиации. С началом Великой Отечественной войны Ф.А. Астахов — командующий Военно-воздушными силами Юго-Западного фронта, генерал-лейтенант авиации. Умело руководил подчиненными соединениями и частями в оборонительных боях на киевском направлении, под Харьковом, в контрнаступлении под Ростовом-на-Дону и под Москвой, в Барвенковско-Лозовской наступательной операции. С мая 1942 года Федор Алексеевич начальник Главного управления Гражданского воздушного флота, заместитель командующего ВВС РККА, генерал-полковник авиации. Под его руководством решались задачи использования гражданской авиации в интересах обеспечения Действующей армии, партизанских формирований, действовавших в тылу противника, доставки грузов и обслуживающего персонала, сопровождавшего товары и материальные ценности по ленд-лизу. С августа 1943 года по декабрь 1944 года — заместитель командующего авиацией дальнего действия. С 1944 года маршал авиации. В послевоенные годы Ф.А. Астахов занимал должность начальника Главного управления гражданского воздушного флота. С 1947 года в распоряжении Главного управления кадров. Выполнял задания командующего Военно-воздушными силами Советской Армии, в основном связанные с инспектированием авиационных соединений и частей. С 1950 года в отставке. Кавалер восьми орденов СССР, в том числе ордена Суворова 2-й степени. Скончался 9 октября 1966 года, похоронен в Москве.

Баграмян Иван Христофорович. Родился 20 ноября (2 декабря) 1897 года в городе Елисаветполь (Азербайджан) в семье железнодорожного рабочего. Образование получил в Тифлисском железнодорожном техническом училище, которое окончил в феврале 1915 года. Вскоре был призван в армию, направлен рядовым во 2-й Кавказский пограничный полк. В июле 1917 года окончил Тифлисскую школу прапорщиков, назначен младшим офицером 3-го армянского стрелкового полка, с осени — командиром эскадрона 1-го армянского конного полка, поручик. В 1918—1920 годах служил в войсках дашнакской Армянской республики. В РККА с декабря 1920 года. С 1923 года командир кавалерийского полка Армянской стрелковой дивизии. В 1925 и в 1931 годах окончил курсы усовер-

шенствования начальствующего состава, в 1934 году Военную академию имени М.В. Фрунзе. В следующем году назначен начальником штаба кавалерийской дивизии на Украину. Во время массовых чисток в РККА на Ивана Христофоровича как служившего в «буржуазной армянской армии», был собран материал для ареста, от чего его спасло вмешательство А.И.Микояна. После окончания в 1938 году Военной академии Генерального штаба службу проходил начальником штаба кавалерийской дивизии, затем старшим преподавателем Военной академии Генерального штаба. С 1940 года начальник оперативного отдела штаба армии, затем Киевского Особого военного округа. Прodelал большую работу по претворению в жизнь плана прикрытия государственной границы, организуя рекогносцировки в соединениях армий первого оперативного эшелона. В мае 1941 года вступил в ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны заместитель начальника штаба Юго-Западного фронта, начальник штаба Юго-Западного направления, с июля 1942 года командующий 16-й армией Западного фронта, с ноября 1943 года командующий войсками 1-го Прибалтийского фронта, затем Земляндской оперативной группой, войсками 3-го Белорусского фронта. Участвовал в обороне Киева, контрнаступлении под Ростовом, Орловской, Городокской, Витебско-Оршанской, Рижской, Мемельской, Восточно-Прусской операциях, генерал армии. Особо ярко проявился военный талант военачальника в Белорусской стратегической наступательной операции. При организации и ведении военных действий умело применял принципы достижения внезапности, массирования сил и средств на направлении главного удара, маневра на поле боя. В послевоенные годы Иван Христофорович командующий войсками Прибалтийского военного округа, заместитель министра обороны, начальник Военной академии Генерального штаба, начальник Тыла Вооруженных Сил СССР, с 1955 года Маршал Советского Союза. С 1946 года депутат Верховного Совета СССР. С 1961 года член ЦК КПСС. Особый вклад сделал в совершенствование вопросов тылового обеспечения войск. Руководитель ряда учений и инспекционных поездок в войска. С 1968 года в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Дважды Герой Советского Союза (удостоен званий в 1944 и в 1977 годах), кавалер шестнадцати отечественных и десяти иностранных орденов, в том числе двух орденов Суворова 1-й степени и ордена Кутузо-

ва 1-й степени. Автор семи книг мемуаров, ряда монографий и статей в военных журналах. Скончался 21 сентября 1982 года в Москве, похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Басенец Лука Герасимович. Родился в 1898 году в селе Куршин, Нежинского района, Черниговской области, в семье крестьянина-бедняка. В 1912 году окончил земскую сельскую школу. В начале 1917 года был призван в армию и до октября находился на фронте. В октябре 1917 года в городе Киеве с рабочими Арсенала участвовал в Октябрьском перевороте. В январе 1918 года вернулся в родное село, где организовал повстанческую группу, с которой участвовал в Нежинском восстании в июле-августе 1918 года. После подавления восстания в сентябре 1918 года добровольно вступил в 1-ю Украинскую дивизию рядовым бойцом. В 1919 году вступил в ВКП(б), будучи курсантом школы средних командиров дивизии Щорса. После окончания 1-х Московских курсов, с июля до конца 1920 года был командиром роты 71-й бригады 24-й Самаро-Ульяновской Железной дивизии. В течение 1922 года — слушатель объединенной Киевской военной школы. С января 1923 по 1932 год службу проходил в должностях: командир роты, начальник полковой школы, командир батальона. С мая 1932 года по май 1936 года — слушатель Военной академии имени М.В. Фрунзе. После окончания академии был направлен в распоряжение Разведывательного управления РККА, где проработал в информационном отделе до июня 1937 года. С июля 1937 года до апреля 1938 года был в Испании в качестве военного советника дивизии и корпуса. По возвращении из Испании был назначен заместителем командира 51-й Перекопской стрелковой дивизии в город Тирасполь. В мае 1939 года назначен командиром вновь формируемой 140-й стрелковой дивизии. В 1939 году дивизия участвовала в походе в Западную Украину и Бессарабию, полковник. С 24 июня 1941 года дивизия участвовала в боях против фашистской Германии. Вела бои у города Дубно в сложной обстановке окружения до середины июля 1941 года. Затем дивизия (остатки) организованно прошла 130 км в сторону Киева. Последний бой остатков дивизии в сжимающемся кольце был 7 июля в районе Грицев. Решительной атакой Л.Г. Басенец вывел дивизию из окружения. Изпод Умани дивизия выходила из окружения мелкими группами.

С августа 1941 года по январь 1943 года Басанец находился на временно оккупированной немецко-фашистской территории. Л.Г. Басанец вышел один в полосу советских войск в январе 1943 года в районе станции Касторное Курской области. После перехода фронта явился в Особый отдел 167-й стрелковой дивизии, затем был направлен в спецлагерь НКВД № 173 в гор. Рязань, где проходил проверку по 10 апреля 1943 года. 12 апреля 1943 года был возвращен в армию, где находился на разных должностях. В январе 1956 года генерал-майор Л.Г. Басанец был уволен в отставку с должности заместителя командира 24-го гвардейского стрелкового корпуса Одесского военного округа. Награжден: орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями. (Личное дело на Басанец Луку Герасимовича. № 0100-37742, ЦГАСА.)

Батюня Александр Григорьевич. Родился 2 июня 1898 года в деревне Курганы в Белоруссии. На военной службе с 1916 года, в 1917 году окончил Псковскую школу прапорщиков. В Красной Армии с 1918 года. В Гражданскую войну командовал взводом, ротой, батальоном. После войны в 1921 году окончил Псковские курсы комсостава — командир роты, батальона, помощник начальника штаба стрелкового полка. В 1934 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, назначен на должность начальника штаба дивизии. С марта 1941 года — начальник штаба 48-го стрелкового корпуса Одесского военного округа. С конца августа 1941 года — врио командира 48-го стрелкового корпуса, затем — начальник штаба сформированной на базе этого корпуса 6-й армии. С апреля 1942 года — заместитель командующего 6-й армией Юго-Западного фронта, удалось выйти из окружения под Харьковом. С июня 1942 года — начальник штаба 9-й армии. С декабря 1942 по 1943 год — на учебе в Высшей Военной академии имени К.Е. Ворошилова. С апреля 1943 года — начальник штаба 40-й армии Воронежского (1-го Украинского) фронта. С апреля 1944 года — начальник штаба 1-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. После войны: начальник штаба Одесского военного округа (1945—1946), начальник штаба Западно-Сибирского военного округа (1946—1950). С 1951 года — начальник 10-го управления Генерального штаба. С ноября 1951 года — начальник штаба Донского военного округа.

С 1953 года — заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом. С 1961 года — в запасе. Генерал-полковник. Награжден 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени. Умер 21 марта 1976 года в Ростове-на-Дону.

Белов Павел Александрович. Родился 6 февраля 1897 года в городе Шуя Ивановской области. На военной службе с 1916 года, в 1917 году окончил Киевскую школу прапорщиков. Участвовал в Первой мировой войне в качестве рядового гусарского полка. В РККА с 1918 года. В Гражданскую войну бы инструктором районного отделения Всеобуча, командовал кавалерийским взводом, эскадронам, был помощником командира полка. После войны — командир кавалерийского полка (1922—1926). Окончил кавалерийские курсы усовершенствования старшего командного состава (1927). Назначен командиром отдельного кавалерийского эскадрона, с 1930 года — помощник начальника отдела Московского военного округа. В 1933 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1931 года — для особых поручений при С.М. Буденном, с 1932 года — помощник инспектора кавалерии РККА. С 1934 года — помощник командира, затем командир кавалерийской дивизии. С июля 1937 года — начальник штаба кавалерийского корпуса. С октября 1940 года — командир горнострелковой дивизии. Участвовал в походе Красной Армии в Западную Украину. С марта 1941 года — командир 2-го кавалерийского корпуса в составе Одесского военного округа (Южного фронта). В июне 1942 года назначен командующим 61-й армией. После форсирования Днепра присвоено звание Героя Советского Союза. В 1945 году дошел во главе 1-й армии до Эльбы. После войны — командующий войсками Донского военного округа (1945—1946), Северо-Кавказского военного округа (1946—1948). В 1949 году окончил ВАК при Высшей Военной академии имени К.Е. Ворошилова. Командующий войсками Южно-Уральского военного округа (1949—1955). С 1955 года — председатель ЦИК ДОСААФ. С 1960 года — в отставке. Генерал-полковник. Герой Советского Союза. Награжден 5 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени. Умер 3 декабря 1962 года в Москве.

Буденный Семен Михайлович. Родился 13 (25) апреля 1883 года на хуторе Козюрин Ставропольской губернии. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, старший унтер-офицер, награжден четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя медалями. С февраля 1918 года командир конного революционного отряда, затем помощник командира кавалерийского полка, кавалерийской бригады, сводной кавалерийской дивизии. С марта 1919 года начальник 4-й кавалерийской дивизии, с июня командир 1-го Конного корпуса. Участник Воронежской операции, ряда сражений на Кавказе и Дону. С ноября 1919 года по октябрь 1923 года командующий 1-й Конной армией. В последующие годы помощник Главкома РККА по кавалерии, член РВС Советской Республики, инспектор кавалерии РККА. В 1932 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1935 года Маршал Советского Союза, с 1937 года командующий войсками Московского военного округа, член Главного военного совета НКО СССР. В 1939 году назначен заместителем, в августе 1940 года — первым заместителем Народного комиссара обороны. С начала Великой Отечественной войны член Ставки ВГК, командующий группой войск армий резерва, затем главнокомандующий войск Юго-Западного направления, командующий Резервным фронтом, главнокомандующий войск Северо-Кавказского направления, командующий войсками Северо-Кавказского фронта. По оценке Ставки ВГК, руководство войсками осуществлял недостаточно профессионально. С января 1943 года командующий кавалерией Красной Армии. В 1947—1953 годах одновременно заместитель министра сельского хозяйства по коневодству. С мая 1953 года инспектор кавалерии, с 1954 года в распоряжении министра обороны СССР. В том же году уволен в почетную отставку — назначен в состав Группы генеральных инспекторов Министерства обороны. Трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968), кавалер пятнадцати орденов СССР, десяти иностранных орденов. Автор работы «Основы тактики конных соединений» (1938), ряда произведений мемуарного характера. Депутат Верховного Совета СССР восьми созывов. С 1938 года член Президиума Верховного Совета. Скончался 26 октября 1973 года в Москве. Прах погребен у Кремлевской стены.

Ватутин Николай Федорович. Родился 3 (16) декабря 1901 года в селе Чепухино Воронежской губернии. Отец Федор Григорьевич и мать Вера Ефимовна имели двенадцать детей, занимались сельским хозяйством. Николай окончил сельскую школу и земское двухклассное училище с отличием, а также четыре класса коммерческого училища. С апреля 1920 года красноармеец 113-го запасного батальона, в составе которого участвовал в боях против банд Махно. В 1922 году окончил Полтавскую пехотную школу, в 1924 году — Киевскую высшую военную школу, в 1929 году — Военную академию имени М.В.Фрунзе, в 1937 году — Военную академию Генерального штаба. Командир взвода, роты, помощник начальника штаба дивизии, командир полка, заместитель начальника штаба Сибирского военного округа, начальник штаба Киевского военного округа. С 1939 года начальник Оперативного управления, заместитель начальника Генерального штаба, генерал-лейтенант. С началом Великой Отечественной войны Н.Ф. Ватутин начальник штаба Северо-Западного фронта, прикрывавшего подступы к Ленинграду. Руководил обороной Новгорода, проведением ряда контрударов. В мае-июле 1942 года заместитель начальника Генерального штаба, представитель Ставки ВГК. 14 июля назначен командующим войсками Воронежского, а 25 октября — Юго-Западного фронтов, генерал-полковник. Под его руководством осуществлялись подготовка и проведение наступления войск фронта в контрнаступлении под Сталинградом. Затем последовали интересные по замыслу и весьма эффективные по реализации наступательные операции на Среднем Дону и в Донбассе. Характеризовался высоким профессионализмом, ответственностью за порученное дело, проявлением заботы о подчиненных, самостоятельностью и решительностью в руководстве боевыми действиями войск. В марте 1943 года назначается командующим войсками Воронежского (с октября — 1-го Украинского) фронта, присваивается звание генерала армии. Летом 1943 года руководил войсками при проведении Курской оборонительной операции, Белгородско-Харьковской наступательной операции, форсирования Днепра, Киевской наступательной операции, Корсунь-Шевченковской и Ровно-Луцкой наступательных операций. Перед началом Проскурово-Черновицкой операции 29 февраля 1944 года во время одной из поездок в армии у деревни Милятин наткнулся на бандеровскую засаду. В ходе перестрелки был тяжело ранен и 15 апреля

скончался. Похоронен в Киеве, где ему был поставлен памятник. Герой Советского Союза (звание присвоено в 1965 году, посмертно), кавалер пяти орденов, в том числе Суворова и Кутузова 1-й степени.

Вашугин Николай Николаевич. В Красной Армии с 1919 года. С 1930 года — командир и комиссар стрелкового полка. С 1933 года — в Политуправлении РККА. В 1937 году окончил Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел», назначен командиром стрелкового полка. В том же году назначен членом Военного совета Ленинградского военного округа. Во время советско-финляндской войны член Военного совета 7-й армии. С 1940 года — член Военного совета Ленинградского военного округа. С осени 1940 года — член Военного совета Киевского Особого военного округа.

Бласов Андрей Андреевич. Родился 1 сентября 1901 года в селе Ломакино Нижегородской области. В Красной Армии с 1920 года. Окончил Нижегородские пехотные курсы (1920). В гражданскую войну командовал взводом, ротой, батальоном. С 1922 года командир роты, батальона. В 1929 году окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коминтерна. С 1930 года — преподаватель тактики в Ленинградской школе тактики. С 1933 года в штабе Ленинградского военного округа, помощник начальника отдела боевой подготовки. В 1935 году окончил первый курс Военной академии имени М.В. Фрунзе (заочно), но учебу прервал. С августа 1937 года командир стрелкового полка, с апреля 1938 года — помощник командира дивизии. Осенью 1938 года направляется в Китай. Был начальником штаба группы советских военных специалистов, с мая 1939 года и.о. главного военного советника. Награжден орденом Золотого Дракона и золотыми часами. В ноябре 1939 года вернулся в СССР. С января 1940 года — командир стрелковой дивизии, которую в октябре того же года признали лучшей дивизией РККА, наградив ее командира орденом Ленина и золотыми часами. С января 1941 года — командир 4-го механизированного корпуса. С 23 июля 1941 года — командующий 37-й армией Юго-Западного фронта, затем — командующий 20-й армией Западного фронта. В январе 1942 года награжден орденом

Красного Знамени, присвоено звание генерал-лейтенанта. С марта 1942 года — заместитель командующего Волховского фронта, с апреля — командующий 2-й ударной армией. 12 июля 1942 года при выходе из окружения сдался в плен. Формировал Русскую освободительную армию. В конце апреля 1945 года отверг предложение эмигрировать в Испанию. 11 мая сдался американцам. В окрестностях Праги был захвачен сотрудниками «СМЕРШ». По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен в августе 1946 года.

Голиков Филипп Иванович. Родился 16 (29) июля 1900 года в деревне Борисово Тобольской губернии, в семье сельского фельдшера. Образование получил в гимназии в городе Камышлове. В РККА с 1918 года. С того же года член РКП(б). В 1919 году окончил военно-агитаторские курсы в Петрограде, в 1929 году курсы усовершенствования начсостава, в 1931 году военную школу, в 1933 году Военную академию имени М.В. Фрунзе (заочно). Участник Гражданской войны в составе добровольческого коммунистического стрелкового полка «Красные орлы», 10-го стрелкового полка. С августа 1919 года инструктор-организатор политотдела 51-й стрелковой дивизии. В последующем до 1931 года на партийно-политической работе, затем командир 95-го стрелкового полка, 61-й стрелковой дивизии, 8-й отдельной механизированной бригады, 45-го механизированного корпуса. С 1938 года член Военного совета Белорусского военного округа, в следующем году — командующий Винницкой группой войск, командующий 6-й армией, во главе которой решал задачи в Западной Украине. С июля 1940 года заместитель начальника Генерального штаба — начальник Главного разведывательного управления, генерал-лейтенант. Внес определенный вклад в организацию получения и анализа сведений о подготовке Германии к войне против СССР. В начале Великой Отечественной войны глава советской военной делегации в Англии и США по вопросам военных поставок. С октября 1941 года командующий 10-й армией, с февраля 1942 года — 4-й ударной армией, с апреля — командующий войсками Брянского, с июля — Воронежского фронтов. В августе-сентябре командующий 1-й гвардейской армией, с октября 1942 года командующий войсками Воронежского фронта. Участник битв под Москвой и Сталинградом. Успешно руководил войсками в Острогожско-Россошанской операции

на окружение и уничтожение крупной группировки противника. С апреля 1943 года генерал-полковник, заместитель наркома обороны по кадрам, с мая — начальник Главного управления кадров, с октября 1944 года одновременно уполномоченный Совета народных комиссаров по делам репатриации граждан СССР. Пытался организовать вывоз в СССР всех перемещенных во время войны лиц. В подавляющем большинстве вернувшиеся были обвинены в сотрудничестве с врагом и направлены в концентрационные лагеря. В послевоенные годы командующий отдельной механизированной армией, начальник Военной академии бронетанковых войск, в 1958—1962 годах начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Под его руководством проведен был ряд мероприятий по улучшению политико-морального состояния войск. С 1961 года Маршал Советского Союза. Кавалер четырнадцати отечественных и одиннадцати иностранных орденов, в том числе Суворова и Кутузова 1-х степеней. Автор ряда мемуарных произведений. Скончался 29 июля 1980 года, похоронен в Москве.

Жуков Георгий Константинович. Родился 19 ноября (1 декабря) 1896 года в деревне Стрелковка Калужской губернии в семье сапожника. На военной службе с 1915 года. Участник Первой мировой войны, младший унтер-офицер, кавалер двух Георгиевских крестов. С лета 1918 года в РККА. Командир сабельного взвода и кавалерийского эскадрона. За боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени. В 1920 году окончил кавалерийские курсы. Затем командовал кавалерийским эскадроном. Участвовал в подавлении крестьянского восстания под руководством А.С. Антонова в Тамбовской губернии. С марта 1923 года помощник командира 40-го кавалерийского полка, с июня того же года — командир 39-го кавалерийского полка. В 1925 году он оканчивает Ленинградские курсы усовершенствования командного состава кавалерии, а в 1930 году — курсы высшего командного состава, после окончания которых был назначен командиром 2-й бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии. В феврале 1933 года назначается помощником инспектора кавалерии РККА, через несколько месяцев — командиром 4-й кавалерийской дивизии, которая находилась в крайне плохом состоянии. Награжден орденом Ленина. С июля 1937 года Г.К. Жуков — ко-

мандир 3-го кавалерийского корпуса, а с февраля следующего года — 6-го казачьего корпуса. В июле 1938 года он назначается заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, воинское звание — комкор. С лета 1939 года командующий 1-й армейской группой, дислоцировавшейся в Монголии. Упредив противника, с меньшими силами советские войска перешли в наступление, окружили и разгромили врага. Японцы потеряли около 61 тысячи человек убитыми, ранеными и пленными. Потери советских войск составили 8 тысяч человек убитыми и умершими от ран и столько же ранеными. После этого по просьбе японской стороны 16 сентября боевые действия были прекращены. За одержанную победу 29 августа 1938 года Г.К. Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза. Командарм 2-го ранга. С июня 1940 года командующий войсками Киевского особого военного округа. Под его руководством войска округа провели наступательную операцию на принадлежавшие Румынии территории Бессарабии и Северной Буковины. С января 1941 года начальник Генерального штаба, кандидат в члены ЦК ВКП(б), командарм 1-го ранга, затем генерал армии. С 22 июня 1941 года был направлен для координации действий на Юго-Западный фронт, а на следующий день назначен членом Ставки ВГК. 26 июля он был отозван в Москву. 9 сентября был направлен командующим Ленинградским фронтом на смену К.Е. Ворошилову. Организовал оборону города, который уже находился в кольце блокады. 6 октября отозван в Москву для организации обороны столицы. Назначен командующим западным фронтом. Официально в оборонительных сражениях Сталинградской битвы 27 августа 1942 года, Сталин вызвал Жукова в Москву и объявил о назначении его заместителем Верховного главнокомандующего. В последующем принимал самое активное участие в разработке операции по деблокаде Ленинграда, получившей кодовое название «Искра». 18 января 1943 года присвоено звание Маршала Советского Союза. На наступательном этапе Курской битвы Жуков координировал действия Западного, Брянского, Воронежского и Степного фронтов. В результате контрнаступления этих фронтов, советские войска вышли на рубеж, позволявший готовиться к стратегическому наступлению в сторону Днепра. В битве за Днепр Жуков координировал действия Воронежского и Степного фронтов. Их войска не только вышли к реке, но и форсировали ее, захватив плацдармы. «Восточный

вал» не помог гитлеровцам создать стратегическую оборону. 6 ноября танки 38-й армии генерал-полковника Москаленко ворвались в Киев. 11 января 1944 г. Жуков доложил Сталину план отсечения, окружения и ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки противника, который уже на следующий день был утвержден Верховным. Георгию Константиновичу предстояло координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, осуществлявших эту операцию. Замысел Жукова был реализован полностью. После ранения Ватутина, 29 февраля был назначен командующим 1-м Украинским фронтом. 29 марта его войска, форсировав Прут, овладели Черновцами. В целом же в ходе Проскурово-Черновицкой операции 1-й Украинский фронт нанес поражение противостоявшему ему противнику, продвинулся на 360 километров и вышел к Карпатам. Задача, поставленная Ставкой, была полностью выполнена. После завершения этой операции был награжден орденом «Победа» за № 1. Затем, в период с 23 июня по 29 августа 1944 года, была проведена Белорусская стратегическая операция, во время которой Г.К. Жуков координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Наградой за Белорусскую операцию стала вторая звезда Героя Советского Союза. С 15 ноября 1944 года сменил К.К. Рокоссовского на посту командующего 1-м Белорусским фронтом. За Висло-Одерскую операцию 3 марта 1945 года удостоивается второго ордена «Победа». Командующий 1-м Белорусским фронтом в Берлинской операции. 8 мая в Берлине подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. После завершения разгрома фашистской Германии Г.К. Жуков назначается Главноначальствующим по управлению Германией от Советского Союза; получает третью звезду Героя Советского Союза (1 июня 1945 года); принимает Парад Победы в Москве на Красной площади. Весной 1946 года за должностные преступления был снят с занимаемого поста. В марте 1946 года Сталин отзывает Жукова из Германии. Он назначается Главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных Сил СССР. Под конец своей жизни И.В. Сталин вспомнил об опальном маршале. По его распоряжению в октябре 1952 года Жуков делегируется на XIX съезд партии, где вновь избирается кандидатом в члены ЦК КПСС. За несколько дней до смерти Сталина был неожиданно для себя вызван военным министром Булганиным в Москву. Сразу же после смерти «вождя народов» он назначается его первым за-

местителем, а затем становится активным участником ареста Л.П. Берии 25 июня 1953 года. 9 сентября 1954 года по решению Президиума ЦК КПСС и по приказу министра обороны маршала Булганина провел секретные учения с реальным взрывом атомной бомбы на Тоцком учебном центре под Оренбургом. 9 февраля 1955 года назначается министром обороны СССР. Он активно участвует в создании 14 мая того же года Варшавского договора. В конце октября 1956 года начинается антисоветское выступление в Будапеште, которое 4 ноября было решительно подавлено советскими войсками. Был награжден четвертой звездой Героя Советского Союза. Во второй половине 1957 года поддерживает Н.С. Хрущева в борьбе за власть с группой В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича и фактически спасает Никиту Сергеевича от снятия с должности Первого секретаря ЦК КПСС. Избран членом Президиума ЦК КПСС. 26 октября 1957 года совершенно неожиданно для себя был снят с поста министра обороны, выведен из состава Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС с формулировкой «за грубые нарушения ленинских партийных принципов в руководстве вооруженными силами страны», а 15 марта следующего года уволен в отставку. Годы жизни в отставке посвятил работе над книгой «Воспоминания и размышления». Она увидела свет только в 1969 году. Умер 18 июня 1974 года после продолжительной болезни. Прах его покоится в Кремлевской стене.

Запорожец Александр Иванович. Родился 3 (15) августа 1899 года в деревне Царевка Екатеринославской губернии в крестьянской семье. С мая 1918 года в РККА. Член РКП (б) с марта 1919 года. В годы Гражданской войны красноармеец, политрук стрелковой роты на Южном фронте, участник боев против войск генералов Краснова и Деникина. Отличился при отражении удара белогвардейцев под Балашовым. Летом 1920 года окончил политические Курсы, назначен комиссаром стрелкового полка. В последующие годы комиссар артиллерийской школы, научно-исследовательского института по разработке новых систем артиллерийского оружия, 12-й стрелковой дивизии. После окончания в 1935 году курсов высшего политического состава при Военно-политической академии назначен военным комиссаром Генерального штаба. С марта 1938 года член Военного Совета Московского военного округа, армейский комиссар 1-го ранга. С 7 октября 1940 года по

23 июня 1941 года начальник Главного управления политической пропаганды РККА, с марта 1941 года одновременно и заместитель народного комиссара обороны СССР. Провел ряд инспекторских поездок, в том числе в Ленинградский, Западный и Киевский Особые военные округа. С началом Великой Отечественной войны член Военного совета Южного фронта, уполномоченный Ставки ВГК и член Военного совета Волховского и Ленинградского фронтов. В результате неудачных действий 2-й ударной армии снижен в звании до корпусного комиссара. С осени 1942 года член военного совета 60-й армии, затем 3-й ударной и 63-й армий Воронежского, Центрального и Брянского фронтов, генерал-лейтенант. Участник обороны Одессы, Ленинграда, Воронежа, наступательных операций на Центральном и Брянском направлениях. С февраля 1944 года член Военного Совета Северо-Кавказского и Донского военных округов, вместе с командованием которых решал в качестве главной задачу формирования и подготовки пополнения для Действующей армии. В послевоенные годы начальник политического отдела, член Военного совета Таврического военного округа, затем начальник политического отдела Военно-инженерной академии. С 1956 года в запасе. Кавалер восьми орденов СССР, в том числе ордена Отечественной войны 1-й степени. Скончался 19 февраля 1959 года в Москве, где и похоронен.

Зыбин Семен Петрович. Родился в 1894 году в станице Белореченская Краснодарского края в семье крестьянина. Русский. В 1906 году окончил четыре класса земской школы. На военной службе с ноября 1914 года по август 1917 года — старший унтер-офицер. Член ВКП(б) с 1917 года. В 1919 году окончил Орловские кавалерийские курсы. В 1917—1918 году участвовал в боях против чехов, восставших против советской власти в Кубанской области в составе Ханско-Белореченского революционного отряда, — командир отряда, затем — против генерала Л.Г. Корнилова в составе 1-го кавалерийского полка 11-й армии, в должности командира полка. В 1918—1921 году сражался против меньшевиков Закавказья, против Шкуро и Деникина в должности командира полка 26-й кавалерийской дивизии. В 1921—1922 году воевал против Врангеля и банд Махно в должности командира кавалерийского полка 6-й кавалерийской дивизии. В 1926 году окончил Новочеркасские

кавалерийские курсы, в 1932 году — Военную академию им. М.В. Фрунзе по 1-му разряду. В 1936—1937 году — командир 26-й кавалерийской дивизии в городе Пскове, комбриг. С июля 1937 года находится под следствием по обвинению в причастности к военному заговору, в апреле 1940 года освобожден в связи с прекращением дела, восстановлен в кадрах РККА. В октябре 1940 года назначается командиром 87-й стрелковой дивизии 5-й армии Киевского Особого военного округа. В марте 1941 года комбриг С.П. Зыбин назначается командиром 37-го стрелкового корпуса. С первых дней Великой Отечественной войны 37-й стрелковый корпус в боях в Западной Украине, участвовал в Уманском оборонительном сражении. Убит в районе села Подвысокое в начале августа 1941 года. Награжден: орденом Красного Знамени (1922), грамотой ЦИК СССР (1934), медалью «XX лет РККА».

Кириллов Николай Кузьмич. Родился в 1897 году в селе Котивино, Сердобского района Пензенской области в семье сапожника. Окончил три класса городской школы и ремесленное училище в 1914 году. В начале Первой мировой войны призван на военную службу, окончил школу прапорщиков, командир батальона. В Красную Армию вступил в 1920 году. Участник Гражданской войны: командир роты. После окончания войны учился на командных курсах «Выстрел». Член ВКП(б) с 1931 года. В 1932 году окончил два курса заочной Академии имени Фрунзе. Командовал полком, дивизией. Приказом НКО 13 февраля 1938 года был назначен командиром 13-го стрелкового корпуса, который с образованием 12-й армии в 1939 году вошел в состав Киевского Особого Военного округа. Н.К. Кириллов участвовал в освободительном походе в Западную Украину. За многолетнюю службу в армии и успехи в боевой и политической подготовке был награжден орденом Красного Знамени, а 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. В первые месяцы войны корпус Кириллова отступал с тяжелыми боями от реки Стрый через Галич, Винницу на Умань, где и закончился его боевой путь. Захвачен раненым в плен 7 августа 1941 года. Содержался в лагерях, включая печально известный Дахау. В апреле 1945 года он был освобожден из плена и с мая по декабрь 1945 года находился на так называемой государственной проверке, а в декабре был арестован. 25 августа 1950 года вместе со своим командармом П.Г. Понеделиным

был осужден к расстрелу, расстрелян. 29 февраля 1956 года приговор был отменен за отсутствием состава преступления. Приказом министра обороны 9 мая 1956 года Н.К. Кириллов был исключен из списков ввиду смерти.

Кирпонос Михаил Петрович. Родился 9 (21) января 1892 года в местечке Вертиевка Нежинского уезда Черниговской губернии в крестьянской семье. Образование получил в сельской школе. На военную службу призван весной 1915 года рядовым в 126-й запасный пехотный полк. Там он вначале закончил инструкторские курсы по обращению с иностранными винтовками, а затем — военно-фельдшерскую школу. В 1916 году был направлен на Румынский фронт в качестве ротного фельдшера. В 1917 году он избирается председателем солдатского полкового, затем — дивизионного и корпусного комитета. В мае того же года он вступает в ряды РСДРП (б) и по заданию партии начинает формирование повстанческих отрядов на Украине, сражавшихся с германскими оккупантами, гайдамаками и белогвардейцами. В сентябре 1918 года во главе одного из отрядов вливается в состав 1-й Советской Украинской повстанческой дивизии. Вскоре после этого он назначается комендантом города Стародуба и получает задачу сформировать полк, который затем вошел в состав 44-й стрелковой дивизии. В июне 1919 года М.П. Кирпонос назначается помощником начальника дивизионной школы Красных командиров. В последующем командовал батальоном, был начальником штаба стрелкового полка, помощником командира стрелкового полка, командиром стрелкового полка в боях с войсками Колчака и Деникина. За боевые заслуги в годы Гражданской войны был награжден именованным маузером. С ноября 1921 года помощник начальника и комиссар военной школы Червонных старшин. После окончания в 1927 году Военной академии имени М.В. Фрунзе был назначен начальником штаба 41-й Перекопской стрелковой дивизии. С 1934 года он начальник Казанского пехотного училища имени Верховного Совета Татарской АССР. В 1939 году, с началом советско-финляндской войны, Михаил Петрович назначается командиром 70-й стрелковой дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года эта дивизия была награждена орденом Ленина, а ее командир был удостоен звания Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды. После этого карьера

М.П. Кирпоноса развивается с головокружительной быстротой. В апреле 1940 года он назначается командиром стрелкового корпуса в Белорусском военном округе, через два месяца становится командующим войсками Ленинградского военного округа с присвоением звания генерал-лейтенант. В феврале 1941 года переводится на должность командующего войсками Киевского особого военного округа с присвоением звания генерал-полковник. С началом Великой Отечественной войны на базе войск Киевского особого военного округа был развернут Юго-Западный фронт, командующим которым стал М.П. Кирпонос. Войска под его командованием вели тяжелые оборонительные бои в приграничной полосе и на Правобережной Украине. 14 сентября противник замкнул кольцо окружения вокруг киевской группировки советских войск. Погиб при выходе из окружения восточнее Киева в районе станции Сенча Сумской области. Позже останки М.П. Кирпоноса были перевезены в Киев и торжественно захоронены в парке Вечной Славы.

Костенко Федор Яковлевич. Родился 22 февраля 1896 года в слободе Большая Мартыновка Ростовской области. В армии с 1915 года. Участник Первой мировой войны, командир взвода. В 1918 году вступил в Красную Армию. В Гражданскую войну был старшиной роты, помощником командира кавалерийского эскадрона в 1-й Конной армии. С 1922 года — командир кавалерийского эскадрона. В 1924 году окончил Ленинградские курсы среднего комсостава. Назначен начальником полковой кавалерийской школы, затем — помощником командира полка по хозяйственной части. С 1932 года — командир кавалерийского полка, командир кавалерийской дивизии. С 1939 года — командир кавалерийского корпуса, командир армейской кавалерийской группы. С октября 1940 года — командующий 26-й армии Киевского Особого военного округа. По плану прикрытия государственной границы армия оборонялась в районе Самбор, прикрывая железную дорогу на Тернополь. Первая оборонительная операция армии не сложилась, и она начала отход в восточном направлении. Во второй половине июля войска армии были сосредоточены южнее Киева, где пытались вести оборонительные бои в районе Золотоноши, но были отведены на левый берег Днепра. С сентября — заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта. Отли-

чился, командуя подвижной группой в ходе контрнаступления под Москвой, в Елецкой операции. С 18 декабря 1941 года — командующий войсками Юго-Западного фронта, войска которого отличились в Барвенково-Лозовской операции. С апреля 1942 года — заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта. Участвовал в Харьковском сражении. Сражение было проиграно, советские войска понесли большие потери, их значительная часть попала в окружение. 26 мая 1942 года Ф.Я. Костенко погиб в бою. Генерал-лейтенант (1940). Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды.

Музыченко Иван Николаевич. Родился 10 сентября 1901 года в Ростове-на-Дону. В 1917 году был призван в русскую армию, рядовой. В 1918 году поступил на службу в Красную Армию. В годы Гражданской войны воевал против повстанческих отрядов С.Н. Булак-Булаховича, А.С. Антонова, в Чечне и Дагестане в должности военкома снабжения бригады, комиссара кавалерийского полка. Пять раз был ранен. В 1927 году прошел обучение на Курсах усовершенствования командного состава, после чего командовал кавалерийским эскадроном и был помощником командира кавалерийского полка по хозяйственной части. С 1932 года — командир и комиссар кавалерийского полка, с 1937 года — командир кавалерийской дивизии. С 1938 года — преподаватель тактики Курсов усовершенствования командного состава РККА. С 1940 года — командир 4-й стрелковой дивизии. Участник советско-финляндской войны. С июня 1940 года — командир 6-го стрелкового корпуса, с июля 1940 года — командующий войсками 6-й армии Киевского Особого военного округа. В начале Великой Отечественной войны армия встретила противника северо-западнее Львова. Боевые действия в полосе 6-й армии начались для ее командования, командиров подчиненных соединений и частей внезапно. Ввод в сражение войск армии начался с утра 22 июня и происходил по частям. Попытки удержания отдельных спешно занятых оборонительных рубежей не увенчались успехом, после чего был начат отход войск в юго-восточном направлении. Армейские контрудары не проводились, а попытки организовать оборону на рубежах отхода также не дали существенных результатов. В июле 1-я танковая группа Клейста, вклинившись в советскую оборону, начала теснить войска 6-й армии в юж-

ном направлении. В конце месяца уцелевшие войска 6-й и 12-й армий были сведены в одну боевую группу под командованием генерала П.Г. Понеделина, которую командование Юго-Западного фронта передало Южному фронту, но тот уже не мог принять управление. 3 августа части боевой группы были окружены в районе Умани и разгромлены противником. И.Н. Музыченко был пленен. Содержался в тюрьме г. Ровно, затем в лагерях для военнопленных в гг. Владимир-Волынский, Хамельсбург, Гольштейн, Мосбург. Освобожден американскими войсками 29 апреля 1945 года, направлен в советскую миссию по делам репатриации в Париж. С мая по декабрь 1945 года проходил спецпроверку НКВД в Москве. В конце года восстановлен на действительной службе и направлен на учебу на Высшие академические курсы в высшую военную академию имени К.Е. Ворошилова. После окончания курсов был зачислен в распоряжение Главного управления кадров НКО, а в октябре 1947 года отправлен в отставку. Генерал-лейтенант. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени. Умер 8 декабря 1970 года в Москве.

Огурцов Сергей Яковлевич. Родился в 1898 году. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. С 1940 года — генерал-майор, командир 10-й танковой дивизии (начальник штаба полковник Породенко). В начале августа 1941 года в бессознательном состоянии был пленен в районе Умани. Был доставлен в лагерь для военнопленных в Замостье. Когда из Замостья пленных перевозили в лагерь Хаммельсбург, на ходу поезда смог выпрыгнуть из вагона. Вскоре он примкнул к партизанскому отряду под командой Менжевидзе, действовавшему на территории Польши. Погиб в бою под Томашувом в октябре 1942 года. Похоронен у села Зелено Томашувского района Люблинской области (Польша).

Понеделин Павел Григорьевич. Родился 16 марта 1893 года в деревне Парниково Ивановской области. В русской армии с 1914 года. В 1916 году окончил 4-ю Московскую школу прапорщиков. Прапорщик. В Красной Армии с 1918 года. Воювал на Восточном, Южном и Западном фронтах в должности командира полка и бригады. Был награжден двумя орденами Красного Знамени. После окончания Гражданской войны по-

ступил на учебу в Военную академию РККА (Военную академию имени М.В. Фрунзе), которую окончил в 1926 году. Был назначен командиром дивизии, но в октябре 1927 года переведен преподавателем в Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1933 года — командир и комиссар стрелковой дивизии. С февраля 1934 года — начальник и военком Ленинградского пехотного училища. В советско-финляндскую войну командовал стрелковой дивизией. С июня 1940 года — начальник штаба Ленинградского военного округа. С марта 1941 года — командующий 12-й армией Киевского Особого военного округа. С началом Великой Отечественной войны войска армии прикрывали государственную границу в районе Станислава. В течение первых трех дней войны противник особой активности перед фронтом 12-й армии не проявлял. Это позволило войскам армии выдвинуться в свои полосы и перейти к их обороне. Однако управление с соединениями штабом армии было утеряно. 24 июня на ровенском направлении противник прорвал фронт обороны 5-й и 6-й армий, ввел для развития успеха подвижные войска, которые стали стремительно наступать в направлении Бердичев, Первомайск. В результате чего ряд армий южного крыла советско-германского фронта были окружены. Остатки войск 12-й и 26-й армий были сведены в оперативную группу под командой П.Г. Понеделина, которую Юго-Западный фронт постарался передать Южному фронту, но Южный фронт не смог организовать боевые действия этих войск. В конце июня 1941 года группа Понеделина была окружена под Уманью, а в начале августа уничтожена. Сам генерал-майор П.Г. Понеделин был взят в плен. 16 августа 1941 года был издан приказ СВГ № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия». В этом приказе в качестве негативного примера приводилось поведение Понеделина. Там было записано: «Генерал-лейтенант (генерал-майор. — *Р. В.*) Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддавшись панике, трусился и сдался в плен врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги». Содержался в лагерях для военнопленных Канельбург, Нюрнберг, Вейсенберг. В мае 1945 года был освобожден союзниками, передан для репатриации в

Париж. Находился в следственной тюрьме НКВД по обвинению в капитуляции войск 6-й и 12-й армий и предоставлении противнику сведений по этим армиям. Следствие велось пять лет. В августе 1950 года осужден, лишен воинского звания, наград и расстрелян. Реабилитирован в 1956 году, восстановлен в звании генерал-майора. Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

Потапов Михаил Иванович. Родился 3 октября 1902 года в селе Мочалово Смоленской области. В Красную Армию вступил в 1920 году. Затем он поступил на командные кавалерийские курсы, которые окончил в 1922 году. Командовал взводом, эскадронам. С 1925 года, после окончания химических курсов, начальник химической службы полка, затем — начальник полковой школы. С 1930 года — временно исполняющий обязанности начальника штаба полка. После окончания Военной академии механизации и моторизации РККА в 1936 году назначен командиром механизированного полка. С 1939 года — командир танковой бригады, с июня — заместитель командующего 1-й армейской группой, которая участвовала в боях на реке Халхин-Гол. С июня 1940 года — командир 4-го механизированного корпуса, где близко познакомился с Г.К. Жуковым. 17 января 1941 года назначен командующим 5-й армией Киевского Особого военного округа. В начале Великой Отечественной войны войска 5-й армии участвовали в приграничных сражениях южнее Бреста. Затем они отступали до Киева, участвовали в Киевской оборонительной операции, попали в окружение. При выходе из окружения М.И. Потапов в сентябре 1941 г. в 15 километрах юго-восточнее Лохвицы был взят в плен. По результатам допроса бывшего командующего 5-й армией офицер специального отдела абвера при командовании 2-й германской армией Б. Федриготти 28 сентября 1941 года в своем донесении писал: «Командующий русской 5-й армией генерал-майор Потопов представляет собой личность, которой нельзя отказать в почти солдатской выправке». Далее генерал М.И. Потапов честно и довольно смело отвечал на вопросы, связанные с ролью в армии комиссаров, о своем отношении к репрессиям государства к семьям пленных офицеров. Он подтвердил высокую популярность среди советских военнослужащих высших военачальников РККА, заявив, что

«даже в случае неудач Тимошенко, Ворошилов и Буденный пользуются столь большим авторитетом, что их смещение было бы невозможно уже только в силу их популярности». В отношении М.Н. Тухачевского М.И. Потапов заявил, что тот «был хорошим военачальником, но никогда не был популярным. Все же правильно, что западные страны придерживаются мнения, что расстрел Тухачевского и его приверженцев пробил огромную брешь в русском военном руководстве. Правда, эту брешь снова удалось ликвидировать». В конце допроса М.И. Потапов заявил, что Германия ведет «империалистическую войну против друга». М.И. Потапов был освобожден из плена 29 апреля 1945 года советскими войсками. После войны в 1946 году он был направлен на высшие академические курсы Высшей военной академии (ныне — Военная академия Генерального штаба). С 1947 года — помощник командующего войсками 6-й гвардейской механизированной армии. С 1953 года — командующий бронетанковыми и механизированными войсками армии. С 1954 года — командующий 5-й армией. С 1958 года — первый заместитель командующего войсками Одесского военного округа. Генерал-полковник. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, иностранными орденами. Скончался 26 января 1965 года в Москве.

Прохоров Василий Иванович. Родился в 1898 году. В Красной Армии с 1919 года. Окончил Нижегородские курсы красных командиров. В Гражданскую войну командовал взводом, ротой. После окончания войны окончил курсы «Выстрел», в 1937 году — Военную академию имени М.В. Фрунзе. Назначен командиром 135-й стрелковой дивизии, во главе которой участвует в походе в Западную Украину. С 1940 года — командир 80-й ордена Ленина стрелковой дивизии. Участник советско-финляндской войны, награжден орденом Красного Знамени. С июня 1940 года генерал-майор. Был захвачен в плен в районе Умани в начале августа 1941 года. Умер в лагере осенью 1943 года.

Пуркаев Максим Алексеевич. Родился 14 (26) августа 1894 года в селе Налитово в Мордовии в семье военного врача. Окончил классическую гимназию. В 1915 году призван на во-

енную службу. После завершения учебы в школе прапорщиков направлен командиром взвода в 164-й запасный стрелковый полк в город Сарапул. В марте 1917 года избран в полковой комитет. С мая 1918 года в РККА. Командир стрелковой роты, затем батальона на Восточном фронте. Участвовал в боях за Симбирск, Самару, Бугуруслан, Орск. С августа 1919 года помощник командира, спустя месяц — командир полка 24-й Самарской Железной дивизии на Южном и Западном фронтах. Аттестован как «грамотный, инициативный, решительный в действиях, волевой начальник, пользующийся деловым авторитетом среди подчиненных». В 1923 году окончил курсы «Выстрел», в 1936 году — Военную академию имени М.В. Фрунзе. Командир и комиссар полка, помощник начальника и начальник штаба дивизии, начальник отдела и заместитель начальника штаба военного округа. С 1938 года командир стрелковой дивизии. Спустя год назначен начальником штаба Белорусского военного округа, генерал-майор. В 1939 году военный атташе в Германии. С июля 1940 года начальник штаба Киевского Особого военного округа. По отзыву И.Х. Баграмяна (тогда начальника оперативного отдела штаба), «сослуживцы считали его суховатым, но уважали за ровность характера и высокую эрудированность. Он по праву считался крупным знатоком штабной работы, особенно хорошо знал службу войск и организационно-мобилизационную работу». И далее — «прекрасно знающий свое дело, очень организованный, пунктуальный, весьма выдержанный, трудолюбивый и отзывчивый военачальник». С января 1941 года генерал-лейтенант. В годы Великой Отечественной войны начальник штаба Юго-Западного фронта (июнь-июль 1941 года), командующий 60-й (3-й ударной) армией, действовавшей в составе Северо-Западного и Калининского фронтов, командующий войсками Калининского фронта. Под его руководством войска успешно решали задачи в Торопецко-Холмской и Великолукской операциях, за что удостоен звания генерал-полковника. С апреля 1943 года командующий войсками Дальневосточного, со 2 августа 1945 года — 2-го Дальневосточного фронтов. С 26 октября 1944 года генерал армии. Прodelал большую работу по подготовке и проведению операции по разгрому японских войск в Маньчжурии, а также по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов. В послевоенные годы Максим Алексеевич командующий войсками Дальневосточного военного окру-

га (сентябрь 1945 — январь 1947 года), начальник штаба — первый заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока. С июля 1952 года начальник Управления высших военно-учебных заведений Военного министерства СССР. Под его руководством проводилась реформа военных академий и училищ с учетом сокращения численности советских Вооруженных Сил и их перевооружения. Кавалер восьми орденов СССР, в том числе Суворова 1-й степени и Кутузова 1-й степени. Умер 1 января 1953 г. в Москве.

Тимошенко Семен Константинович. Родился 6 (18) февраля 1895 года в селе Фурманка Бессарабской губернии. С декабря 1914 года на военной службе. Закончил полковую и пулеметную школу. Участник боевых действий на Юго-Западном и Западном фронтах в составе 4-й кавалерийской дивизии, кавалер трех георгиевских медалей. С марта 1918 года в РККА, командир сабельного взвода, кавалерийского эскадрона, отдельного кавалерийского отряда, 1-го Крымского революционного полка, кавалерийской бригады. С октября 1919 года возглавил 6-ю, затем 4-ю кавалерийские дивизии 1-й Конной армии. В декабре 1921 — марте 1922 года слушатель Высших курсов Военной академии РККА. С 1925 года командир 3-го кавалерийского корпуса. В последующие годы командир армейской группы, помощник командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии, дважды (в 1927 и 1930 годах) слушатель курсов высшего командного состава. С лета 1937 года командующий Северо-Кавказского, затем Харьковского, Киевского военных округов, с 1935 года комкор, с 1937 года командарм 2-го ранга, с 1939 года — командарм 1-го ранга. В сентябре—ноябре 1939 года командующий войсками Украинского, в январе—марте 1940 года — Северо-Западного фронтов. С 7 мая 1940 года председатель Главного военного совета Красной Армии. С начала Великой Отечественной войны Председатель Ставки Главного командования. С июля 1941 года командующий войсками Западного фронта, затем главнокомандующий Западного, с сентября — Юго-Западного направлений. В июне 1942 — марте 1943 годов командующий войсками Юго-Западного, Сталинградского, Северо-Западного фронтов. С марта 1943 года представитель Ставки ВГК на фронтах Южного и Прибалтийского направлений. После окончания войны командующий военными округами, предсе-

датель Советского комитета ветеранов войны. Большой вклад внес в решение задач при переходе советских Вооруженных Сил с организации военного времени. Председатель комиссии по демобилизации армии и флота. Дважды Герой Советского Союза (1940, 1965), кавалер трех Георгиевских крестов, шестнадцати советских и иностранных орденов, в том числе ордена «Победа». Скончался 31 марта 1970 года. Его прах покоится в Кремлевской стене на Красной площади в Москве.

Ткаченко Семен Акимович. Родился 24 мая 1898 года в деревне Плахтиевка, Таращанского района Днепропетровской обл. В 1919 году добровольно вступил в Красную Армию. Всю Гражданскую войну служил в 51-й Перекопской дивизии: рядовой, командир взвода, командир роты, командир батальона. В 1927 году окончил Высшую военную школу командиров в городе Киеве. В 1934 году окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. По окончании был направлен в Белорусский Военный округ. Был командиром 79-го стрелкового полка, 27-й стрелковой дивизии, полковник. В январе 1940 года назначен командиром 44-й Краснознаменной дивизии. Вместе с дивизией принимал участие в финской кампании. Член ВКП(б) с 1920 года. В 1920 году награжден орденом Красного Знамени. В 1921 году награжден вторым орденом Красного Знамени, в 1938 году награжден медалью «XX лет РККА». С 7 мая 1940 года — генерал-майор, командир 44-й горнострелковой дивизии. В начале Великой Отечественной войны дивизия отходила в направлении Станислав, Бучат, Чертков, Гусятин, Христиновка, Умань к Подвысокому. За бой под городом Липовец был представлен к ордену Ленина. 7 августа осколками снаряда был ранен в правую руку и голову, но командовал дивизией до того момента, когда поступил приказ группами и в одиночку выходить из окружения. Попал в плен под Голованевском. Из лагеря в Гайсине был отпущен, как украинец. Начал пробираться к Киеву. Устроился работать в Местечке Узин, в совхозе. Кто-то его выдал, и он был арестован фельдшандармерией 6-й полевой армии. Там его «рассекретили», опознав в нем генерала Красной Армии. Был в разных лагерях: Хаммельбург, Пладен, Хоэнштейн, Заксенхаузен, откуда пытался организовать побег. Был схвачен гестапо и расстрелян в апреле 1945 года. По данным дочери — был в подполье в Малине, потом партизанил.

Тюленев Иван Владимирович. Родился 16 (28) января 1892 года в селе Шатрошаны Симбирской губернии. В мае 1913 года был призван в армию, в 5-й драгунский Каргопольский полк. Участник Первой мировой войны. Награжден четырьмя Георгиевскими крестами. В 1916 году окончил школу прапорщиков. В марте 1917 года член Петроградского совета, с ноября — красногвардеец, командир отряда на Восточном фронте. В декабре 1918 года направлен на учебу в Академию Генерального штаба РККА. В 1919 году начальник разведки 1-й Конной армии, затем командир кавалерийской бригады. Трижды ранен. За бои на Польском фронте и в Северной Таврии награжден двумя орденами Красного Знамени. В послевоенные годы окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава и Курсы командиров-единоначальников. В 1922—1936 годах командир кавалерийской дивизии, инспектор кавалерии Закавказского военного округа, заместитель главного инспектора кавалерии РККА. С 1938 года командующий войсками Закавказского военного округа, командарм 1 ранга. В августе 1940 года назначен командующим войсками Московского военного округа с присвоением звания генерала армии. Внес существенный вклад в подготовку резервных формирований и совершенствование системы противовоздушной обороны столицы. С началом Великой Отечественной войны командующий войсками Южного фронта. Руководил оборонительными действиями и отходом войск на рубеж реки Днестр, затем — реки Ингулец, проведением ряда контрударов. 29 августа, находясь в боевых порядках, атакующих противника, был тяжело ранен и эвакуирован в Москву. С 20 октября по приказу Верховного главнокомандующего занимался формированием и подготовкой резервных соединений в Поволжье и на Урале. С января 1942 года заместитель главнокомандующего войсками Юго-Западного направления. Участвовал в проведении Барвенково-Лозовской наступательной операции. Награжден орденом Красного Знамени. С 4 марта командующий войсками Закавказского военного округа. С мая и до конца войны командующий войсками Закавказского фронта, остановившего противника на реке Терек, в последующем освободившего от противника предгорье Кавказа и часть Кубани. После войны командующий войсками Харьковского военного округа. С июля 1946 года в центральном аппарате Министерства обороны. С мая 1958 года военный инспектор-советник. Герой Со-

ветского Союза, кавалер семнадцати советских и иностранных орденов, в том числе ордена Кутузова 1-й степени. Награжден почетным оружием. Скончался 15 августа 1978 года, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Фалалеев Федор Яковлевич. Родился 19 (31) мая 1899 года в деревне Полянская Вятской губернии в крестьянской семье. Образование получил в сельской школе. В 1917—1918 годах работал на Ижевском оружейном заводе. С осени 1918 года член РКП (б). С лета 1919 года в РККА. Красноармеец, политрук роты, секретарь политического отдела стрелковой дивизии, инспектор пехоты 13-й армии на Южном фронте, помощник командира кавалерийской группы Восточного фронта по политической части. Дважды ранен в боях с колчаковцами. С 1922 года помощник комиссара 4-й Киевской артиллерийской школы, затем военный комиссар Полтавской пехотной школы, комиссар стрелкового полка. В 1928 году окончил курсы «Выстрел», в 1931 году — Курсы командиров при Военно-политической академии, в 1933 году — Качинскую военную школу летчиков, в 1934 году — командный факультет Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. В 1928—1930 годах командир стрелкового батальона, командир стрелкового полка. С 1935 года командир авиационной эскадрильи, командир 116-й авиационной бригады. В 1938 году назначен командующим военно-воздушными силами 3-й армии, спустя год — командующим Витебской авиационной группой. С 1940 года командующий военно-воздушными силами 1-й Отдельной Краснознаменной армии. С января 1941 года главный инспектор авиации, генерал-майор авиации. С апреля того же года первый заместитель начальника Главного управления ВВС РККА. В годы Великой Отечественной войны командующий ВВС 6-й армии, командующий ВВС Юго-Западного фронта, командующий ВВС Юго-Западного направления, генерал-лейтенант авиации. Осенью 1942 года назначен начальником штаба — заместителем командующего ВВС Красной Армии, генерал-полковник авиации. С весны 1943 года представитель Ставки ВГК по авиации при подготовке и проведении операций под Курском, по освобождению Украины, Белорусской, Прибалтийской и Восточно-Прусской операций. С 1944 года маршал авиации. По оценке Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, «внес немалый вклад в совершенствование способов при-

менения авиации на поле боя». В послевоенные годы Федор Яковлевич главный инспектор по авиации Министерства обороны СССР, начальник Военно-воздушной академии. Под его руководством был осуществлен переход к подготовке командных кадров Военно-воздушных сил страны на базе новой авиационной техники и вооружения. С мая 1950 года в отставке по болезни. Кавалер десяти орденов СССР, в том числе двух орденов Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени. Автор мемуаров, значительного количества статей по вопросам применения авиации в новых условиях ведения вооруженной борьбы, а также подготовки командных и инженерных кадров для Военно-воздушных сил. Скончался 12 августа 1955 года, похоронен в Москве.

Федюнинский Иван Иванович. Родился 17 (30) июля 1900 года в деревне Гилево Екатеринославской губернии в крестьянской семье. В РККА с 1919 года, красноармеец, участник Гражданской войны на Южном и Западном фронтах. В 1924 году окончил Владивостокскую пехотную школу, в 1931 году — курсы «Выстрел», в 1941 году — Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии Генерального штаба. Командир стрелкового взвода, во время конфликта на КВЖД в 1929 году командир стрелковой роты 106-го Сахалинского стрелкового полка 36-й стрелковой дивизии, затем командир стрелкового батальона этого полка. С лета 1938 года заместитель командира 108-го Белореченского полка, спустя три месяца командир 24-го мотострелкового полка в боях у реки Халхин-Гол. Был тяжело ранен. За умелое руководство войсками и личное мужество присвоено звание Героя Советского Союза, награжден орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики. С осени 1939 года командир 82-й мотострелковой дивизии. В апреле 1941 года назначен командиром 15-го стрелкового корпуса 5-й армии Киевского Особого военного округа, генерал-майор. Во время Великой Отечественной войны командир стрелкового корпуса, командующий 32, 42, 54, 5, 11-й и 2-й ударной армиями, заместитель командующего войсками Волховского и Брянского фронтов, командующий войсками Ленинградского фронта, генерал-лейтенант. Участник приграничных сражений, битв за Ленинград и под Москвой, сражений под Курском, Прибалтийской, Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Бер-

линской наступательных операций. По оценке Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, «способный организатор, хорошо знающий военное дело, решительный и инициативный военачальник, умеющий быстро и всесторонне оценивать обстановку, проявляющий большую заботу о подчиненных». В послевоенные годы Иван Иванович заместитель, затем первый заместитель командующего Группой советских войск в Германии, генерал-полковник. После окончания Высших академических курсов при Военной академии Генерального штаба командующий войсками Архангельского, Закавказского и Туркестанского военных округов. С 1955 года генерал армии. Внес значительный вклад в перевооружение соединений и частей техникой и оружием, в разработку теории и практическое применение сил и средств в условиях применения оружия массового поражения. С 1965 года инспектор-советник Группы генеральных инспекторов. Кавалер пятнадцати орденов СССР, в том числе двух орденов Суворова 1-й степени и двух орденов Кутузова 1-й степени. Герой Монгольской Народной Республики. Скончался 17 октября 1977 года. Похоронен в Москве.

Черевиченко Яков Тимофеевич. Родился 30 сентября (12 октября) 1894 года в крестьянской семье в селе Новоселовка ныне Ростовской области. В 1914 году призван на военную службу. Участвовал в сражениях Первой мировой войны на Северном и Северо-Западном фронтах рядовым, затем старшим унтер-офицером. Награжден Георгиевскими крестами трех степеней. С ноября 1917 года в Красной Гвардии, с весны следующего года в РККА. Окончил кавалерийские курсы, Высшую кавалерийскую школу, Военно-политические курсы, Военную академию имени М.В. Фрунзе. В годы Гражданской войны командир взвода, эскадрона, помощник командира и командир кавалерийского полка на Южном и Юго-Западном фронтах. С 1927 года помощник командира, спустя год — командир 31-й кавалерийской дивизии. С марта 1938 года командир 3-го кавалерийского корпуса, с июня 1940 года — командующий армейской кавалерийской группой в Киевском военном округе. Спустя месяц назначен командующим войсками Одесского военного округа, генерал-полковник. Инициатор ряда мероприятий по подготовке подчиненных соединений и частей к отражению вторжения германских и румынских войск, в результате чего большинство приграничных формирований

1941. Победный парад Гитлера

своевременно вышли в назначенные районы по плану прикрытия государственной границы. Во время Великой Отечественной войны руководил оборонительными сражениями на южном крыле советско-германского фронта, будучи командующим 9-й и 24-й армиями, войсками Южного и Брянского фронтов, Черноморской группой войск, заместителем командующего войсками Крымского, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов. В сентябре — декабре 1943 года командующий Харьковским военным округом. С января 1944 года в распоряжении Ставки ВГК, затем — Военного совета 1-го Белорусского фронта. Принял активное участие в подготовке и проведении Берлинской операции. В последующем помощник командующего войсками Таврического военного округа. С 1950 года в запасе. Награжден десятью орденами СССР, в том числе орденами Кутузова 1-й степени и Суворова 2-й степени. Скончался 4 июля 1976 года в Москве, где и похоронен.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфилов В.А.* Незабываемый сорок первый. — М.: Советская Россия, 1989. — 368 с.
- Арушанян Б.И.* Боевые действия 12-й армии в начальный период войны. // Военно-исторический журнал, 1973, № 6. С. 60 — 65.
- Баграмян И.Х.* Страницы мужества. // Военно-исторический журнал, 1971, № 4. С. 12—16.
- Баграмян И.Х.* Так начиналась война. — М.: Воениздат, 1971. С. 49 — 50.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни. — М.: Воениздат, 1984. — 496 с.
- Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. — Москва-Жуковский, издательство «Кучково поле», 2005. — 408 с.
- Великая Отечественная. Сборник документов. Под общей редакцией В.А. Золотарева. В 25 томах. — М.: Русский архив, Изд. «ТЕРРА», 1997—1998.
- Владимирский А.В.* На киевском направлении. По опыту боевых действий 5-й армии Юго-Западного фронта в июне — сентябре 1941 г. — М.: Воениздат, 1989. — 304 с.
- Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. — М.: Воениздат, 1971. С. 113—241.
- Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. — М., 1995. — 384 с.
- Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении (июнь — ноябрь 1941 г.). Под общей редакцией А.П. Покровского. В 2-х томах. — М., 1965. — 398 с.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. — М.: АПН, 1969. — 734 с.
- Залесский К.А.* Войска СС. Военная элита Третьего рейха. — М.: Яуза-пресс, 2009. — 336 с.

1941. Победный парад Гитлера

- Захаров М.В.** Генеральный штаб в предвоенные годы. — М.: Воениздат, 1989. — 320 с.
- История Великой Победы 1941—1945 /** Под редакцией В.А. Золотаврева. — М., 2005. — 736 с.
- История Второй мировой войны 1939—1945 (в 12 томах). Т. 4.** Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «Молниеносной войны». — М., 1975.
- Кисилев В. Н., Романичев Н.М.** Последствия оценок (действия Южного фронта в начальном периоде Великой Отечественной войны) // Военно-исторический журнал, 1989, № 7. — С. 14—21.
- Кудряшов О.Н., Романичев Н.М.** Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны (по опыту 5-й армии и 8-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта). — М.: ВАФ, 1989. — 61 с.
- Ланнуа Ф., Шарита Ж.** Немецкие танковые войска 1935—1945. — М.: АСТ, 2005. — 265 с.
- Маковский В.Б.** Прикрытие государственной границы накануне войны // Военно-исторический журнал, 1993, № 5. — С. 51—58.
- Мартиросян А.Б.** Трагедия 1941 года. — М.: Вече, 2008. — 512 с.
- Мерецков К.А.** На службе народу. — М.: Воениздат, 1983. — 432 с.
- Митчем С.** Танковые легионы Гитлера. — М.: Яуза-пресс, 2009. — 416 с.
- Мюллер-Гиллебрандт Б.** Сухопутная армия Германии 1933—1955. Т. 2, 3. — М., Иностранная литература, 1958.
- Начальный период войны (По опыту первых кампаний и операций Второй мировой войны) /** Под общей редакцией генерала армии С.П. Иванова. — М.: Воениздат, 1974. — 354 с.
- Рябышев Д.И.** Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — 256 с.
- Танковые дивизии вермахта 1939—1945. Справочник.** — М.: Эксмо, 2006. — 184 с.
- Федюнинский И.И.** Поднятые по тревоге. — М., Воениздат, 1961. — 268 с.
- Хизенко И.А.** Ожившие страницы. — М.: Воениздат, 1963. — 104 с.
- Хорьков А.Г.** Грозовой июнь. — М.: Воениздат, 1991. — 240 с.
- Чернявский К.И.** Всегда с бойцами. — М.: Воениздат, 1979. — 152 с.

Содержание

Введение	5
Подготовка Германии к войне против СССР	14
Перевооружение РККА	27
Оборудование театра военных действий	37
Планирование военных действий	51
Киевский Особый	72
Армии прикрытия государственной границы	90
День «М»	108
Рухнувшие границы	120
Отход	133
Уманский котел	169
Эпилог	284

Научно-популярное издание

ВОЙНА И МЫ

Рунов Валентин Александрович

1941. ПОБЕДНЫЙ ПАРАД ГИТЛЕРА

Правда об Уманском побоище

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *С. Кузнецов*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *Н. Хотинский*

ООО «Издательство «Яуза».

109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.

Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 18.05.2010.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Прагматика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 5000 экз. Зак. № 22582.

Отпечатано по технологии CtP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ISBN 978-5-699-42582-2

9 785699 425822 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

В августе 1941 года Гитлер вместе с Муссолини прилетел на Восточный фронт, чтобы лично принять победный парад Вермахта и его итальянских союзников – настолько высоко фюрер оценивал их успех на Украине, в районе Умани.

У нас эта трагедия фактически предана забвению. Об этом разгроме молчали его главные виновники – Жуков, Буденный, Василевский, Баграмян. Это побоище стало прологом Киевской катастрофы. Сокрушительное поражение Красной Армии под Уманью (июль–август 1941 г.) и гибель в Уманском «котле» трех наших армий (более 30 дивизий) не имеет оправданий – в отличие от катастрофы Западного фронта, этот разгром невозможно объяснить ни внезапностью вражеского удара, ни превосходством противника в силах. После войны всю вину за Уманскую трагедию попытались переложить на командующего 12-й армией генерала Понеделина, который был осужден и расстрелян (в 1950 году, через пять лет после возвращения из плена!) по обвинению в паникерстве, трусости и нарушении присяги.

Новая книга ведущего военного историка впервые анализирует Уманскую катастрофу на современном уровне, с привлечением архивных источников – как советских, так и немецких, – не замалчивая ни страшные подробности трагедии, ни имена ее главных виновников. Это – долг памяти всех бойцов и командиров Красной Армии, павших смертью храбрых в Уманском «котле», но задержавших врага на несколько недель. Именно этих недель немцам потом не хватило под Москвой.

ISBN 978-5-699-42582-2

